

СТАНИСЛАВ КУНЬЯЕВ

ЖРЕЦЫ
И ЖЕРТВЫ
ХОЛОКОСТА

КРОВАВЫЕ
ЯЗВЫ МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

СТАНИСЛАВ КУНЬЯЕВ ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

**ЖРЕЦЫ
И ЖЕРТВЫ
ХОЛОКОСТА**

**КРОВАВЫЕ
ЯЗВЫ МИРОВОЙ
ИСТОРИИ**

Москва
алгоритм
2011

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)
К 91

Куняев С.Ю.

К 91 Жрецы и жертвы холокоста. Кровавые язвы мировой истории. – М.: Алгоритм, 2011. – 384 с.

ISBN 978-5-9265-0736-9

Понятие «холокост» (всесожжение) родилось несколько тысячелетий тому назад на Ближнем Востоке во времена человеческих жертвоприношений, а новую жизнь оно обрело в 60-х годах прошлого века для укрепления идеологии сионизма и государства Израиль... С той поры о холокосте сочинено бесконечное количество мифов, написаны сотни книг, созданы десятки кинофильмов и даже мюзиклов, организовано по всему миру множество музеев и фондов. Трагедия европейского еврейства легла не только в основу циничной и мощной индустрии холокоста, но и его расистской антихристианской религии, без которой ее жрецы не мыслят строительства зловещего «нового мирового порядка».

История холокоста неразрывно связана с мощнейшими политическими движениями нового времени – марксизмом, сионизмом, национал-социализмом и современной демократией. Обо всей этой апокалиптической драме рассказывает новая книга Станислава Куняева.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

© Куняев С.Ю., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

ISBN 978-5-9265-0736-9

К ЧИТАТЕЛЮ

Увенчается ли наше стремление к новому мировому порядку успехом, зависит от того, выучим ли мы уроки Холокоста.

Я. Дж. Кадеган

Эта работа была задумана несколько лет тому назад и складывалась по частям долго и трудно.

Тема оказалась чрезвычайно сложной и «горячей», если не раскаленной. Да и мировая жизнь все время добавляла топлива в этот мистический костер — вспомним хотя бы поистине библейскую судьбу несчастной Газы или поединок между Ватиканом и раввинами по поводу Холокоста.

В полной мере своего собственного взгляда на предмет исследования мне выработать так и не удалось, и книга, выросшая из поначалу задуманной небольшой статьи, получилась весьма компилятивной.

Но я об этом и не сожалею: пусть читатели сами освоят избранные мною выдержки из разных книг, порой прямо враждебных друг другу, порой дополняющих или повторяющих одна другую.

Только при таком проходе «по лезвию ножа» мне удалось в меру своих сил склеить более или менее цельную картину исторического явления, именуемого Холокостом.

Несколько книг, откуда я брал оценки и факты для моей работы, образовали ее каркас. В первую очередь, это были два отчета с двух конференций — Стокгольмской (2000 год) и Тегеранской (2006 год). Немало пищи для размышлений дала мне совсем свежая книга «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем», созданная двумя авторами-составителями и незаурядными профессионалами А. Кохом и П. Поляном.

Чрезвычайно много фактов и сведений я почерпнул из книги американского историка Нормана Финкельштейна, которую несколько раз перечитал и всю испещрил своими заметками, восхищаясь правильным чувством меры и гражданской отвагой автора. Весьма помогла мне фундаментальная и предельно объективная работа российского историка Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», а удивительную по лиризму и печальной правде книгу Израэля Шамира «Сосна и олива» я проглотил взахлеб, как художественное произведение. Словно зловещий, но увлекательный детектив я прочитал «Протоколы допросов Эйхмана».

Пришлось изучить и некоторые книги, наполненные черной яростью, истерической клеветой и клиническими картинками жизни, рожденными большим воображением авторов, — некогда сенсационную повесть забытого ныне писателя Валентина Ерашова «Коридоры смерти», книгу женской прозы начала перестройки «Новые амазонки» и сборник «Уроки Холокоста и современная Россия», подготовленный российским фондом «Холокост», а также книгу Лунгиной «Подстрочник».

Поистине неоценимую помощь в работе оказали мне исследования знаменитого историка Холокоста французского еврея Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики». Его работа настолько аргументированна и объективна, что даже П. Полян, с саркастическим пристрастием оценивший в книге «Отрицание отрицания» труды ревизионистских историков, предпочел воздержаться от комментариев по поводу этой образцовой работы знаменитого француза.

Поскольку почти все прочитанные и использованные книги были изданы крохотными тиражами и неизвестны массовому читателю, то я цитирую их довольно щедро. Может быть, что и чересчур щедро, за что прошу заранее читателей простить меня. Но лучше пересолить с аргументами на такую взрывоопасную тему, нежели не договорить чего-то.

На свои комментарии к прочитанному я тоже не скупился и не раз ощущал, что испытываю почти эстетическое удовлетворение от состояния творчества, довольно часто посещавшего меня.

Все другие источники, на которые я ссылался и которыми эпизодически и скупно пользовался, перечислены мною в заключении этой истерзавшей меня работы.

I

БРЫЗГИ ШАМΠΑНСКОГО

Начался совершенно дикий шабаш.

Л. Коваль

Мягкой прибалтийской зимой 1962 или 1963 года я жил на Рижском взморье, в Дубултах, и переводил стихи литовского поэта Малдониса.

В это время в литературной среде еще не было мировоззренческого раскола, и в Доме творчества я радушно компанействовал с Василием Аксеновым, с Анатолием Гладилиным, с Григорием Поженяном и сотрудником журнала «Знамя» Самуилом Дмитриевым, которого все звали попросту «Мулей». Никто тогда и не мог себе представить, что через несколько лет после арабо-израильской войны 1967 года воздух в мире неожиданно изменится и многие мои друзья вдруг почувствуют себя евреями.

Помню, как добродушный Муля вдруг с восторгом заявил: «Ну и дали мы этим арабам!» — как будто он воевал на Голанских высотах и отрывал окопы в песках Синая.

А я несколько позже, осмысливая эти перемены, написал стихотворенье, вспомнив о мягкой прибалтийской зиме 1962 года:

Пятнадцать лет тому назад
Три друга жили здесь беспечно.
Ну что ж! Никто не виноват,
Что это не продлилось вечно.

Ужель predeterminedена
Судьбой вся наша доля свыше?
Как развела друзей она:
Один в гробу, другой в Париже.

А третий зимний воздух ртом
Хватает весело и жадно

И снова думает о том,
Что жизнь, как совесть, беспощадна.

Что вздохи матери земли,
Ее озноб, ее тревога
Затем, чтоб в мировой пыли
Не сгнула твоя дорога.

«В гробу» к тому времени был Муля Дмитриев, так радовавшийся победе евреев над арабами, «другой» — это Аксенов с Гладилиным в одном флаконе, а третий — это я. Рядом с нами постоянно возникала журналистка Алла Гербер, неумело изображавшая из себя еврейскую красавицу, что вызывало у меня искреннюю жалость к ней.

На дворе стоял сырой прибалтийский январь, ветер с моря раскачивал под моими окнами старые сосны, с которых обрушивались тяжелые, влажные хлопья снега.

В Дубултах было ветрено и неуютно, все забегаловки в округе нам надоели, и мы решили отпраздновать Старый Новый год в Риге, тем более что наши старшие собутыльники — моряк Гриша Поженян и бывший разведчик Овидий Горчаков — имели доступ в рижский Дом кино и соблазнили нас провести новогоднюю ночь среди киношной богемы.

Столик для известных столичных писателей нашелся чуть ли не в центре низкого зала. Мы уселись, заказали традиционный латышский «Кристалл», шампанское, миноги и начали потихоньку провожать Старый Новый год.

Поскольку среди нас была единственная женщина — Алла Гербер, то вскоре то ли Гладилин, то ли Аксенов предложил выпить за нее. Мы подняли бокалы шампанского, стали чокаяться с нашей Эсфирью, но тут, встав из-за соседнего стола, к нам выдвинулся грузный, крепко выпивший великан-латыш и, обращаясь к Гербер на ломаном русском языке, громко и отчетливо сказал фразу, смысл которой заключался в том, что он пьет за то, чтобы древняя латышская столица как можно скорее освободилась от таких жиждовок, как наша Алла.

Зал в Доме кино был небольшой, потолки низкие, голос у латыша зычный... Наступила тягостная тишина, которая тут же разрешилась взрывом, потому что я, умевший в молодые годы (хлебом не корми!) попадать в любые скверные истории, свободной рукою резко ударил снизу лапу латышского медве-

ды-антисемита, да так удачно, что его бокал с шампанским вырвался из толстых пальцев, ударился в низкий потолок, и мы все тут же оказались осыпанными осколками хрусталя и янтарными брызгами божественного напитка.

Что было дальше в эту хрустальную ночь, помню смутно. Меня вырвали из медвежьих объятий латыша, нас растащили, его вывели из зала, празднество продолжалось, латышские киношники (не только евреи!) бросились поздравлять меня с благородным поступком, все восторгались моей спортивной реакцией. Словом, ночь пролетела как нельзя лучше... К утру мы вернулись на такси в Дом творчества. Напомню, что это все случилось сорок с лишним лет тому назад...

А осенью 2007 года в жизни нашей Общественной палаты произошло знаменательное событие. В результате ротации, предусмотренной положением о палате, туда вошли два крупных еврейских функционера — председатель фонда «Холокост» Алла Ефремовна Гербер и руководитель организации со странным названием МБПЧ — «Московское бюро по правам человека» некий Александр Брод, которые заменили собою в Общественной палате двух известных русских писателей Валерия Ганичева и Леонида Бородина... Радиостанция «Свобода», естественно, поздравила новых членов палаты и устроила с Аллой Гербер пространную беседу. Гербер сразу же сказала, что понятие «Холокост» должно войти в российские школьные учебники, что страна больна ксенофобией и не знать этой страницы истории ей нельзя, что ее, Гербер, усилиями в Ростовской области в Змиевской балке, где во время войны было расстреляно несколько тысяч евреев, поставлен памятник жертвам Холокоста — за счет областного бюджета — на 59 млн. руб. (надо было бы с немцев взять, как с правопреемников гитлеровской Германии); что в Общественной палате, кроме нее и Брода, есть «много порядочных и достойных людей» (она вспомнила Тишкова, Сванидзе, Резника); что Холокост — это не еврейская тема, а общечеловеческая; что все цивилизованные государства поощряют изучение Холокоста; что она хотела бы видеть в Общественной палате Егора Гайдара и Михаила Ходорковского (ну, тогда уж и Невзлина с Березовским!), что евреям плохо было жить в «фашистской стране СССР», «им жить здесь не давали»; что у нас в стране «был фашизм»... Вот такими кадрами пополнилась в 2007 году наша Общественная палата.

А вспоминая историю с «брызгами шампанского», можно только добавить, что скандал, разразившийся в новогоднюю ночь в рижском Доме кино, был не случаен, поскольку латышское «гражданское общество» перед началом Второй мировой войны было насквозь пропитано сочным антисемитизмом, о чем рассказала подруга Ахматовой, известная литературоведка Эмма Герштейн в своих воспоминаниях, опубликованных в конце 90-х годов в «Новом мире». Герштейн так вспоминала о встрече с другом Есенина поэтом Иваном Приблудным:

«С собой он привел писателя, сына известного экономиста М. И. Туган-Барановского. Он жил в буржуазной Латвии... рассказывал о своей жизни в Риге. Он был женат на еврейке. На взморье были разные пляжи — для евреев и христиан. Он шокировал родню своей жены, показываясь на еврейском участке, а она выглядела белой вороной на христианском. Туган рассказывал об этом, смеясь, а мне казалось, что я слушаю какие-то сказки о доисторических временах».

В России — царской ли, советской — такое средневековое разделение по разным пляжам — иудейским и христианским — было немислимо...

Недели через две после новогодней ночи в Риге я зашел в пивной бар возле нашего Дома творчества в Дубултах, сел за столик — и в шумной атмосфере мужского полупьяного веселья выпил пару кружек холодного рижского пива. Перед уходом огляделся. Грузный высокий человек, сидевший за соседним столиком, показался мне знакомым. Более того, несколько раз я уловил на себе его внимательные взгляды. Не придав этому значения, я вскоре встал, оделся и вышел на пустынную заснеженную улочку. Сделал несколько шагов и почувствовал: меня кто-то догоняет. Я прибавил шагу, но меня окликнули со спины, я обернулся и тут же получил удар кулаком в лицо — прямо в переносицу. Очки разлетелись вдребезги, а неизвестный, пользуясь моим замешательством, бросился бежать в безлюдный переулок.

Взрыв ярости, столь знакомый мне по юношеским уличным дракам, сорвал меня с места, я рванулся за ним и, поскольку в те годы еще был в приличной спортивной форме, через несколько мгновений догнал его и беспрерывно, как боксер на ринге, стал молотить бегущего от меня широкими изломанными шагами двухметрового пьяного, грузного человека ударами — в затылок, в ухо, в бычью шею. Мне приходи-

лось чуть ли не подпрыгивать, чтобы достать до его лица, которое он старался закрыть на бегу обеими ладонями. А он еще и кричал при этом что-то латышское или фашистское.

Моя справедливая ярость после нескольких достигших цели ударов сразу же и схлынула... Удовлетворенный исходом короткой схватки, я набрал жменю свежего снега, умыл свое разгоряченное и окровавленное лицо, вернулся на перекресток, пошарил руками в снегу, нашел разбитые очки... «Сволочь! По очкам ударил!» — я посмотрел вслед своему подлому сопернику, который по инерции еще бежал от меня, уже успокоившегося и утолившего жажду мести...

Печально вздохнув, я пошел к Дому творчества, прищуривая близорукие глаза. Но, прокрутив по дороге, словно кинокадры, все происшедшее, понял, что этот латыш и есть обидчик нашей Аллы Гербер.

Жалко, что я не знал тогда ничего о том, кто зверствовал в Хатыни и в Саласпилсе, о латышском Холокосте, о фашистских карательных отрядах айзсаргов — я бы еще добавил этому лесному брату...

Ореол защитника оскорбленной Аллы довольно долго светился над моей головой и не раз, как я теперь понимаю, помогал мне в моей литературной жизни. Но как я его мгновенно заработал, так быстро и промотал в течение одного вечера — 21 декабря 1977 года во время знаменитой дискуссии «Классика и мы».

Гербер же, рассказывая в 2008 году на «Свободе» о музее Освенцима, выразила озабоченность тем, что наши музеи чересчур приукрашивают историю Отечественной войны, что на нее нужно взглянуть по-новому. А тут как раз «по-новому» и взглянули: «бронзового солдата» эстонские неофашисты упрятали с глаз долой, старики-эсэсовцы из батальонов латышских карателей потянулись шеренгами по улицам Риги... Наверняка в их рядах марширует, если он жив, и обидчик Аллы Ефремовны из рижского Дома кино. Вот кого ей надо просвещать и перевоспитывать, вот из какой почвы ей, вместе со Сванидзе и Александром Бродом, надо вырывать корни антисемитизма.

II

КЛИНИКА ИМЕНИ МАТВИЕНКО

Молчит Лондон, молчит Нью-Йорк. И только где-то за много тысяч километров ревет советская артиллерия на далеком волжском берегу, упрямо возвещая великую волю русского народа.

В. Гроссман

В январе 2000 года, в день освобождения Освенцима советскими войсками, в Стокгольме состоялась международная конференция по Холокосту, в которой участвовали главы многих правительств, эксперты, оставшиеся в живых жертвы Холокоста. Делегацию России возглавляла тогдашняя заместительница председателя правительства Российской Федерации В. И. Матвиенко; по итогам конференции шведы издали книгу «Передайте об этом детям Вашим. История Холокоста в Европе, 1933—1945»¹, написанную шведскими евреями С. Брухфельдом и П. Левиным. Первый из них, как сказано в аннотации, «член Шведского Комитета противодействия антисемитизму», второй — «эксперт правительственной комиссии по вопросам имущества евреев». Серьезные люди. Профессионалы своего дела.

В предисловии к книге, подписанном шведским премьер-министром Йорганом Персоном, сообщается, что *«тираж книги в Швеции уже превысил миллион экземпляров»* (видимо, по одной книге в каждую семью) и что *«основными заказчиками книги стали родители школьников, а также школы, библиотеки и другие гуманитарные организации»*. В том же году книга была срочно переведена на русский язык и отпечатана тиражом 20 тыс. экземпляров. Под предисловием к русскому изданию стоит подпись В. И. Матвиенко. Послесловие сочинил бывший замминистра образования, один из крупных чиновников ельцинской эпохи Александр Асмолов.

---

¹ В дальнейшем для краткости я буду называть ее «шведская книга».

В сущности, эта книга есть предъявление счета к европейским народам, которые, соблазнившись фашизмом, объединились (кто вольно, кто невольно) в фашистскую Европу и совершили множество преступлений против человечества, одно из которых было названо «Холокостом».

* * *

«Сразу же после поражения в июне 1940 г. режим Виши сам, без давления со стороны немцев, принял ряд антиеврейских законов. Французская полиция с июля 1942-го принимала активное участие в массовых арестах местных евреев». «Депортировали более 80 тысяч» (шведская книга, стр. 34).

Да что говорить, мы и без этой статистики знали, что в нашем плену после 1945 года остались на несколько лет около 50 тысяч французских фашистов, воевавших в войсках вермахта, и молчали об этом, вспоминая лишь про эскадрилью «Нормандия—Неман», про французское Сопротивление, потерявшее в борьбе с оккупантами за 6 лет оккупации не более 20 тысяч человек. Много это или мало? Для сравнения скажу, что народы Югославии из 16 миллионов населения потеряли в партизанской борьбе 300 тысяч человек, и даже албанцы из одномиллионного населения — пожертвовали в борьбе за свободу 29-ю тысячами своих сыновей!

Понимая, что его родина была послушной коллаборационистской соратницей Германии, де Голль был вынужден после победы союзников объявить амнистию всем гражданам «прекрасной Франции», служившим немцам, амнистировал сотни тысяч публичных француженок, обслуживавших гестаповцев и оккупационные части вермахта. Одним словом, то, что Франция была объявлена одной из стран-победительниц, — является политическим спектаклем, который поставили Сталин, Черчилль и Рузвельт, чтобы показать всему миру монолитность и величие антигитлеровской коалиции и кое-как замазать грехопадение объединенной коричневой Европы.

Из книги «Протоколы Эйхмана»:

«Только после того, как во Франции утвердилось свое влияние СС, уполномоченный по еврейскому вопросу Даннекер и его руководитель Эйхман смогли послать французских полицейских на «охоту за евреями», а когда гестаповские полицейские команды привлекли к этому еще французских антисемитов и

фашистов, число депортируемых стало расти. В 1940 г. ушли на Восток только три состава с евреями, в 1941 г. их было девятнадцать, в 1942 г. — сто четыре и в 1943 г. — двести пятьдесят эшелонов» (с. 120).

Из допроса Эйхмана: «Эта телеграмма в отдел IV В4, мне в Берлин. Гауптштурмфюрер Даннекер сообщает, что переговоры, введущиеся с французским правительством в Виши, дали следующие результаты: «Выдать для выдворения из Франции всех евреев без гражданства, проживающих в оккупированной зоне. Премьер-министр Лаваль предложил, чтобы при выдворении еврейских семей из неоккупированной зоны брали и детей моложе 16 лет. Вопрос об остающихся в оккупированной зоне детях его не интересует. Поэтому я прошу о срочном решении — можно ли, начиная примерно с 15-го эшелона с евреями из Франции, отправлять и детей моложе 16 лет?» (с. 126).

Так что, если положить на весы истории деяния французских фашистов и подвиги эскадрильи «Нормандия—Неман» вместе с сопротивлением «маки», то антифашистская чаша легко взлетит вверх.

* * *

В 1944 году «в течение 42 дней, начиная с середины мая, более чем четыреста тридцать семь тысяч венгерских евреев были отправлены в Освенцим—Биркенау... в конце 1944-го еще около тридцати тысяч евреев погибли во время так называемых «маршей смерти» к австрийской границе или от рук венгерских нацистов»... (шведская книга, стр. 35).

Да, вклад Венгрии в Холокост был, пожалуй, самым впечатляющим из всех стран фашистской Европы — почти полмиллиона евреев!

Правда, в Польше их погибло гораздо больше, в том числе благодаря польскому «классическому антисемитизму», но Польши как государства во время работы Освенцима и Треблинки не существовало, она была оккупирована, и потому венгерский вклад в Холокост, сделанный, что ни говори, во время существования Венгрии как государства, куда более отвратителен и подсуден. Хотя, если разматывать весь клубок польской и венгерской распри с евреями, то очень не просто понять, чей антисемитизм круче — и почему.

Разбирая недавно свой архив, я нашел газетную вырезку из «Советской России» за ноябрь 1991 года, 35 лет со дня Будапештского восстания 1956 года. В статье свидетеля венгерских событий журналиста Евгения Попова «По Будапешту на танке» были подчеркнуты моей рукой строки: *«Демонстрация молодежи устремилась к венгерскому радио... при попытке демонстрантов захватить здание пролилась первая кровь. На стенах домов появились антисемитские и антикоммунистические надписи. События приняли неуправляемый характер. Были осквернены памятники советским воинам».*

«Антисемитские надписи» — редкая проговорка для подцензурной советской прессы.

Венгерское восстание 1956 года — самое темное пятно в советской историографии. Что случилось той осенью в Будапеште? Какие силы (помимо американо-советских) столкнулись в этой короткой, но отчаянной и кровопролитной схватке? Историки советской эпохи, как черти от ладана, отворачивались от этого выброса почти inferнальной ненависти.

А на деле в Венгрии произошла необыкновенно жестокая вспышка гражданской войны венгерских националистов с еврейской и проеврейской коммунистической и чекистской властью.

Националистическая венгерская прослойка попыталась повторить то, что уже происходило в Венгрии в 1919 году, когда было потоплено в крови правительство Бела Куна — еврейский спецназ, представлявший элиту европейского и мирового интернационала, когда сам вождь вместе со своими соратниками-соплеменниками Матиасом Ракоши, Эдвардом Гере, Тиббором Самуэли — были вышвырнуты озверевшим народом в центр мировой революции — в Москву, в советскую Россию.

Вот что сообщает американо-еврейская газета «Форум» (от 3 августа 2007 г.) о режиме Бела Куна:

«Среди 48 народных комиссаров (министров) его правительства 30 были евреями, а среди 202 высших должностных лиц евреев было 161».

Честно говоря, даже при тотальном засилье евреев в ленинскую и раннюю сталинскую эпоху в Советском Союзе их пропорциональное представительство в высших эшелонах власти было все-таки поскромнее. Может быть, именно потому венгерское восстание 1956 года против Бела Куна и его клики было столь яростным и кровопролитным. И не по

этой ли причине дальнейшее «холокостное» отмщение венгров-националистов в эпоху фашистского союзничества Венгрии и Германии в 1944 году по отношению к венгерским евреям была столь ужасающим. Венгры — народ куда более страстный и вспыльчивый, нежели славяне.

В 1956 году произошло нечто похожее: для еврейской властной структуры, возглавляемой уже не Бела Куном, расстрелянным в 1937 году, а его постаревшим сподвижником Матиасом Ракоши, и воцарившейся в послевоенной Венгрии с помощью наших штыков еврейской партийно-чекистской бюрократии наступил своеобразный 1937 (или 1919-й?) год. Историк Г. Костырченко в книге «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» так характеризует венгерскую послевоенную высшую элиту:

«М. Ракоши, будучи сам евреем (как М. Фаркаш, Й. Реван, Э. Гере, Г. Петер и другие его ближайшие соратники)... еще в мае 1945 года проинформировал Москву о массовом вступлении евреев в ряды компартии Венгрии, назвав это серьезной угрозой для ее будущего. Свои опасения Ракоши мотивировал пропагандой враждебных буржуазных сил, которые распространяли слухи о том, что венгерская компартия — это «еврейская фашистская партия» и что повторяется 1919 год. Когда руководство состояло исключительно из евреев во главе с Б. Куном»...

После окончания войны прошло всего лишь одиннадцать лет. Прослойка бывших венгерских фашистов, в числе которых было почти полмиллиона возвратившихся из советского плена 35—40-летних крепких мужчин, обученных воевать, поддерживаемая националистической молодежью — венгерским «гитлерюгендом», — в течение нескольких дней смела венгеро-советскую власть. Восставшие понимали, что в разгаре холодная война, Америка во имя высшей цели — борьбы с СССР — поддержит их, закроет глаза на вспышку венгерского антисемитизма, — и это развязало им руки. Трупы сотен евреев из госбезопасности и ЦК венгерской компартии валялись на улицах и площадях Будапешта, висели вниз головами, подвешенные за ноги на венгерских липах... Из воспоминаний генерал-лейтенанта А. Малащенко «Особый корпус в огне Будапешта»:

«В толпе раздавались свист и выкрики: «Нам не нужны гимнастерки», «Долой Красную звезду!», «Долой коммуни-

стов!», «Долой евреев!» (Военно-исторический журнал, № 10, 1993 г.).

Из статьи венгерского историка Йозефа Форижа, написанной в 1989 г., но поскольку в переходящей на демократические рельсы Венгрии она не могла быть напечатана, то автор опубликовал ее в «ВИЖе» № 8 за 1990 г.:

«Проявлением этого национализма был немедленно всплывший антисемитизм... старшего лейтенанта Яноша Бачи, попавшего в плен при осаде здания радио, повесили во дворе, потому, что его посчитали евреем».

«Не мешало бы репортерам и сотрудникам еврейского происхождения телевидения и радио, регулярно направляющим на существующую народную власть, питающим надежду на какое-то буржуазное преобразование, вспомнить о выше-сказанном. Их судьба была бы очень сомнительна после преобразования такого рода»

Из книги В. А. Крючкова «Личное дело» (М., Эксмо, 2003, с. 45):

«Лозунги произносились самые разные — от социалистических до откровенно фашистских <...> тотчас же после ухода наших войск начался дикий разгул грабежей и насилия. Самосуды вершились один за другим. В Будапеште на фонарных столбах вешали коммунистов, «агентов Москвы»; «О контрреволюционном характере событий свидетельствуют идеи, провозглашенные участниками: антикоммунизм, национализм, антисоветизм, антисемитизм» (с. 51).

Поэтому, видимо, весьма недвусмысленно и твердо прозвучали слова из приказа Главкомандующего объединенными вооруженными силами Варшавского пакта маршала И. С. Конева, повелевающие раздавить венгерских мятежников:

«События показали, что активное участие в этой авантюре бывших хортистов ведет к возрождению в Венгрии фашизма и создает прямую угрозу нашему Отечеству... нельзя забывать, что в минувшей войне хортистская Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией» (ВИЖ, № 12, 1993 г.).

А мы забыли об этом на 12 лет, и лишь ноябрь 1956 года в Будапеште вернул нам память...

В августе 2008 года я получил письмо из белорусской Орши от Сергея Лысковского, служившего в нашей армии осенью 1956 г. в Венгрии и видевшего путч своими глазами.

Вот несколько отрывков из его письма:

«С 26-го по 30.Х в пригороде Дебрецена банды уничтожили семьи наших офицеров и тех, кто их приютил <...> Утром вижу у казармы — листовок полно! На фото — наши солдатики без голов, за ноги привязаны на вагонах-телятниках <...> на дорогах оставляли младенцев. Вылезет сердобольный наш танкист убрать с пути — и гибнет <...> Один танк, сбив перила моста, слетел в реку — и все погибли: не мог водитель задуть дитя».

На такого рода садистскую жестокость едва ли были способны венгерские студенты — по официальной версии, якобы главная сила венгерского путча. Это дела и опыт бывших оккупантов — солдат рейха. И еще из письма Лысковского: *«ЕБН (Ельцин. — Ст. К.) покался перед хортистской Венгрией».*

Вчерашние венгерские военнопленные подтвердили в эти дни свою репутацию жесточайших карателей, которую они заработали на оккупированной советской земле... И у Москвы, конечно, независимо от решения «еврейского вопроса» в Венгрии, независимо от того, какой национальности был посол Советского Союза в Будапеште Андропов (у русских образовались свои счеты с венграми), был единственный выход: раздавить эту попытку фашистского реванша танками и посадить во власть вместо ненавидимых венграми евреев коренных, но умеренных венгров, вроде Яноша Кадара, у которого, кстати, в тайных застенках при Матиасе Ракоши на руках были вырваны ногти.

Конечно же, в дни лихорадочной политической чехарды, неудавшейся попытки опереться на Имре Надя Москве было выгодно объявить все происходящее происками американского империализма (что отчасти соответствовало истине) и ни в коем случае не выявлять «антисемитскую составляющую» бунта. Не забудем, что на дворе стоял 1956 год с недавним XX съездом КПСС, с осуждением сталинского «антисемитского» 1937-го, да и 1949 года. А тут, как на грех — венгерский «антисемитский реванш»...

Но одно меня озадачивает до сих пор: почему наши еврейские либералы всю последующую историю восхваляли венгерский 1956 год как восстание против советского тоталитаризма, как борьбу под лозунгом «За нашу и вашу свободу»? Или их ненависть к социализму настолько мутила разум, что они в упор не видели антисемитской закваски венгерского взрыва

и, проклиная сталинский 1937 год, одновременно оплакивали поражение венгерского термидора?

Полвека прошло с тех пор, и все равно у нашей либеральной образованщины в душе еще чадит это антисоветское пламя (с антисемитским отблеском!). Свидетельство тому — шабаш на радиостанции «Свобода», где в ноябре 2006 года собравшиеся на этот кровавый юбилей восстания кадили ему славу и читали стихи своих кумиров, прославлявших в 1956 году антисоветский и антисемитский путч. Конечно, вспомнили стихи Манделя-Коржавина:

Я живу от нужды без надежды,
Я лишен и судьбы и души,
Я однажды восстал в Будапеште
Против фальши, насилья и лжи.

(Цитирую, как запомнилось со слов кого-то из выступавших, кажется, Натальи Ивановой.)

Своим хриловатым тенорком делился воспоминаниями о пятьдесят шестом годе Юз Алешковский: *«Свет промелькнул! Мы ненавидели советский режим и с радостью сообщали друг другу, что Венгрия восстала»*. Хорошо бы спросить Юза Алешковского вместе с Наумом Коржавиным, а от кого, по-ихнему, бежало в ноябре 1956 года во Францию семейство Саркози — от советских танков или от венгерских антисемитов?

Прозвучали на «Свободе» и песенные строки Владимира Высоцкого, проклинаящего наше усмирение Будапешта, а заодно и Праги:

Мне сердце разрывает Будапешт,
Мне сердце разрывает Злата Прага.

Как же надо было страстно и слепо ненавидеть свою родину, свой народ, свою трагическую историю, чтобы забыть о том, сколько горя принесли нам венгерские оккупанты во время войны, чтобы не понимать антисемитскую подкладку будапештского бунта, чтобы забыть, как чешские легионеры дважды прошли с огнем и мечом по нашим землям — в 1919 году в составе чехословацкого корпуса и в 1941–45 годах в составе коричневого рейха (их, этих добродушных швейков, в нашем плену было, конечно, меньше, чем венгров, но все-таки около

50 тысяч человек!). В основном это были водители немецких «тигров» и «фердинандов».

Жаль, что в роковые ноябрьские дни 1956 года ни Коржавин-Мандель, ни Юз Алешковский, ни Владимир Высоцкий не были в Будапеште. Если остались бы живы и все повидали бы собственными глазами, то, думаю, никогда не писали бы таких глупых и подлых по отношению к своей родине стихов и песен. Да и как можно было забыть — разве что в припадке антисоветского вдохновения — этим двум евреям, Коржавину и Алешковскому (да и Высоцкий полукровка), о том, что рекордное количество евреев в 1944 году (около полумиллиона и всего за 42 дня!) было собрано при помощи венгерского населения и отправлено благодаря чрезвычайным усилиям венгерской администрации, жандармерии и прочих силовых структур в Освенцим на возведение оборонительных рубежей перед наступающей Советской армией. Конечно, в Венгрии еврейским вопросом занимался Эйхман, но страна была в известной степени самостоятельной и управлялась диктаторами, сначала Хорти, а потом Салаши, — коренными венграми. Без помощи венгров на разных уровнях такую грандиозную акцию было провести невозможно. Из протоколов допроса Эйхмана:

«В непринужденной беседе за стаканом венгерского вина я сообщил им (Ласло Эндре и Ласло Бать — статс-секретари венгерского министерства внутренних дел. — Ст. К.), что Гитлер отдал приказ немецкой полиции, что он будет рад, если венгерских евреев <...> отправят в Освенцим. Затем я объяснил им, что хочет рейхсфюрер: предельный возраст 60 лет, не надо нетрудоспособных мужчин, нетрудоспособных женщин и детей; питание на два дня, жесткого обращения по возможности избегать (значит, везли не в газовые камеры, не для «окончательного решения еврейского вопроса», а на принудительные работы. — Ст. К.). Венгерская полиция провела в Будапеште эти мероприятия с евреями... Доктору Эндре пришлось договариваться с венгерской жандармерией, потому что там возникли разногласия — они хотели брать всех подряд, без ограничений возраста» (с. 187).

А совсем недавно, в сентябре 2008 года, я участвовал в телевизионной передаче, посвященной «оттепели». И критик Наталья Иванова вспоминала стихи своего покойного мужа Александра Рыбакова. Я не запомнил их полностью, но строки

«Ах, романтика, синий дым, в Будапеште советские танки» — остались в памяти, тем более что в конце с пафосом были прочитаны: *«Сколько крови в подвалах Лубянки»*... А сколько еврейской крови было на улицах Будапешта? Об этом, конечно, не желали думать ни Наталья Иванова, ни ее покойный муж, сын писателя Анатолия Рыбакова, автора известных в свое время романов *«Дети Арбата»* и *«Тяжелый песок»*, романов о еврейских судьбах. Традиции венгерского антисемитизма неискоренимы. Не случайно во время нынешнего тотального кризиса, приведшего Венгрию на грань банкротства, они ожили в стране, которая совсем недавно бурно торжествовала свое вступление в Европейское сообщество. А в апреле 2009 года капитан мадыарской гвардии Андраш Драшкевич уже заявил в своей речи на Венгерском государственном телевидении: *«Евреи управляют миром. Для их фокусов нужно лишь два миллиарда человек, а остальная часть человечества будет уничтожена»* (*«Еврейская газета»*, № 5, 2009 г., статья Д. Спритца *«Чем подогревают себя ультраправые»*).

Если синедрион верховных жрецов выносит какие-то решения, то мелкие жрецы-шестерки должны проглотить язык, склонить головы и в упор не видеть, не вспоминать, как терзали венгерские фашисты венгерских евреев в 1956 году. Дуглас Рид в книге *«Спор о Сионе»* почти понимал сущность происходящего, когда писал, что *«советская военная машина подавила народное восстание в Венгрии, восстановив в этой стране еврейско-коммунистический режим...»*. Но мелким жрецам было приказано закрыть глаза на еврейскую кровь 1956 года: на кону лежало нечто большее. Надо быть осудить ввод советских танков в Будапешт и получить козырную карту для шельмования Советского Союза вплоть до окончательной победы над ним. *«Ведущие еврейские организации Америки, — пишет Н. Финкельштейн в книге «Индустрия Холокоста», — даже вступление советских войск в Венгрию в 1956 году заклеямили как «лишь первую станцию на пути в русский Освенцим»* (с. 15). Какая абсурдная логика! Наоборот, нечто подобное гитлеровской Хрустальной ночи, то есть еврейский погром бушевал на улицах Будапешта. И если не всех евреев в те дни истребило венгерское «народное восстание» (по словам Дугласа Рида), то лишь потому, что в город вошли советские танки. Точно так же в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века шестеркам Холокоста было приказано не вспоминать о вкладе

в Холокост украинских палачей Романа Шухевича, оуновцев и бандеровцев, организовавших резню евреев на Львовщине, о латышских лагерях смерти, куда евреев сгоняли местные националисты, об эстонских карателях, спаливших вместе с жителями белорусскую Хатынь... Им, этим шестеркам, был дан приказ поддерживать все «народные фронты», все «Саюдисы» и «Рухи», чтобы те завершили главное дело по развалу Союза. И лишь потом, когда «поезд ушел», когда бывшие республики благодаря своим националистам стали «незалежными государствами», Синедрион развернулся на 180 градусов и прикрикнул на своих лакеев, чтобы они утихомирили антисемитскую прыть.

Когда у мировых владык есть высшие цели, более значительные, нежели лицемерная защита овец израилевых, то они с легким сердцем «сдают» свое послушное стадо. Точно так же, как сдавали его вожди сионизма во время торговли с гитлеровской элитой.

* * *

Вопреки расхожему мнению о том, что итальянцы были всего лишь навсего особыми апеннинскими фашистами и отнюдь не расистами и антисемитами, они все-таки внесли, как утверждает шведская книга, скромный вклад в общеевропейское дело «Холокоста»: *«В июле 1943 года немецким войскам при поддержке итальянских нацистов удалось захватить восемь из тридцати пяти тысяч местных евреев и депортировать их в Освенцим»* (шведская книга, с. 35).

Особую жестокость в геноциде и сербов и евреев проявило небольшое, но кроважидное хорватское государство — вернейший союзник гитлеровской Германии, руководимое усташами Анте Павелича: *«Хорватских евреев обязали носить «Звезду Давида», а их собственность была конфискована. Только в концлагере Ясеново были убиты десятки тысяч сербов и двадцать из тридцати тысяч хорватских евреев. К концу октября 1941 года почти все евреи Хорватии были уничтожены. Около семи тысяч уцелевших чуть позже отправили в Освенцим. Всего же за время войны лишились жизни более шестидесяти тысяч югославских евреев»* (шведская книга, с. 35). Но как изменилось за полвека время! Как либеральный Запад в наши дни

поддержал гитлеровскую антисемитскую союзницу Хорватию и сокрушал антифашистскую, непокорную Сербию!

...Ну и, конечно, румыны... Когда-то знаменитый немец фон Бисмарк произнес опрометчивую фразу, что *«румыны — это не нация, это профессия»*. Может быть, поэтому, став верными сателлитами фашистской Германии, румыны сделали все, чтобы доказать немцам, что они — нация, и отправили несколько сот тысяч своих солдат на Восточный фронт, и с евреями, как утверждает шведская книга, поступили, как потомки римских легионеров: *«К началу войны в Румынии проживали свыше семисот пятидесяти тысяч евреев. Около ста шестидесяти тысяч из них были доведены до голодной смерти или расстреляны румынскими и немецкими войсками в Бессарабии и Буковине, а еще сто пятьдесят тысяч отправили в Транснистрию, где в большинстве своем они были уничтожены вместе с местными евреями»* (шведская книга, с. 35).

О голландцах и норвежцах сказать почти нечего, их вклад в общеевропейское дело ничтожен: при помощи соратников Квислинга всего лишь пятьсот тридцать два норвежских еврея были в 1942 году насильно посажены на немецкое судно «СС Донау» — и с тех пор их никто не видел в Норвегии. А голландцы за все годы войны собрали по всей стране один-единственный эшелон евреев — чуть больше трех тысяч — и отправили их в концлагерь Собибор, за что доселе они обязаны соблюдать культ новой святой Холокоста Анны Франк. Дело дошло до того, что недавно чиновники местного самоуправления в Амстердаме обнаружили, что старый, чуть ли не столетнего возраста каштан возле ее дома почти сгнил, вот-вот рухнет на соседний дом, и решили его спилить. Но еврейская община запротестовала (оказывается, Анна Франк, умершая в 1945 г., упоминала об этом каштане в своем дневнике, часть которого, кстати, записана шариковой ручкой послевоенного производства), подала на чиновников в суд, который принял решение сохранить каштан, и сейчас специалисты ломают головы, как омолодить сгнившее дерево. Об этой мелодраме пишет московский ежемесячник «Холокост» в № 1 за 2008 г.

Культ несчастной и ничем не примечательной еврейской девочки в послевоенные годы усилиями жрецов Холокоста приобрел невиданные и даже уродливые масштабы и формы. Как сообщает энциклопедия «Холокост» (изд. «Роспэн», М., 2005 г.), *«улицы, школы, деревни и леса были названы в ее*

честь. Картины и статуи увековечили ее образ. В память о ней сочинялись стихи и песни... В 1957 году отец Ф. увековечил память о дочери тем, что помог основать фонд Анны Франк в Амстердаме» (с. 647).

Даже известная исследовательница истории Холокоста Ханна Арендт была настолько обескуражена этой коммерческой кампанией, что в 1962 году с горечью заметила: *«Поклонение Анне Франк стало формой дешевой сентиментальности за счет великой катастрофы»* (там же).

Более того, энциклопедия «Холокост» утверждает, что *«выжившие узники лагерей и др. люди выражают негодование и сожаление по поводу того, что считают эксплуатацией культуры Франк».*

Сказано хотя и косноязычно, но по существу дела.

* * *

А вот еще любопытные сведения из шведской книги.

В 1944 году видные деятели международного еврейства обратились к англичанам, чья авиация уже владела воздушным пространством над всей Европой, с просьбой подвергнуть бомбардировкам железные дороги, ведущие из Венгрии к Освенциму, чтобы прекратить депортацию евреев через Словакию в лагерь смерти. *«Шел последний год войны, союзные войска контролировали воздушное пространство Европы. Американские бомбардировщики почти ежедневно пролетали над лагерем, однако в силу ряда причин американское и британское командование отказывалось отдать приказ о бомбардировке... Некоторые официальные объяснения, сделанные во время войны, звучат цинично. Вот какой ответ дал член британского кабинета Ричард Лоу известному еврейскому общественному деятелю Хаиму Вейцману: «Довожу до Вашего сведения, что после детального изучения данного вопроса командование наших ВВС вынуждено отклонить ваше предложение в связи с большими техническими сложностями...» Одни историки видели причину отказа от бомбардировок в антисемитизме <...>, но как бы то ни было, факт остается фактом: реальная возможность спасти тысячи людей от газовых камер так и не была использована...»* (шведская книга, с. 80).

Правда, на Тегеранской «ахмадинежадовской» конференции по Холокосту была высказана еще одна точка зрения —

почему западные союзники не бомбили подъездные пути к Освенциму: сохранилось множество фотоснимков лагеря с самолетов, на которых не видно было ни действующих газовых печей, ни дымящих труб, ни исполинских костров, на которых якобы постоянно сжигались десятки тысяч трупов. Если это так, то отказ британцев бомбить железнодорожные пути, ведущие к газовым печам, — вполне логичен. Если тегеранские историки не правы и англичане виноваты, то Алле Гербер необходимо удвоить свои усилия, чтобы английские школьники узнали о подлом поведении английской элиты по отношению к несчастному европейскому еврейству.

Конечно, у Англии с Америкой рыльца в пушку!

«13 мая 1939 г. около тысячи еврейских беженцев, спасаясь от нацистов, покинули Гамбург на борту немецкого парохода «Сент-Луис» и отправились на Кубу. Однако Куба отказалась их принять. Попытки получить убежище в США тоже ни к чему не привели. 17 июня после месяца странствий пассажирам пришлось сойти на берег в Антверпене. Большинство, в конце концов, оказались в руках нацистов и погибли в лагерях уничтожения» (шведская книга, с. 79).

Бедные евреи! Ну то, что их не любили венгры за белаянуновскую революцию 1919 года, — это хоть можно понять и объяснить. Были причины нелюбви и у поляков к евреям — за века жестокого взаимного конкурентного существования, когда они накопили друг против друга немало взаимных обид; даже французов понять можно, если вспомнить то унижение, которое испытала Франция в эпоху «дела Дрейфуса»...

Но за что кубинцы и американцы отказались помочь евреям? Разве что только из расчетливого эгоизма, замешенного на протестантской этике и католическом антисемитизме...

Жаль, что евреи до сих пор не решились выставить денежный счет высокомерным янки за тысячу своих мучеников Холокоста, попавших в Освенцим по их вине. Ведь сумели же они слупить хорошие деньги со швейцарцев, которые во время войны подобно американцам не впускали евреев, искавших спасения, в нейтральную Швейцарию! А если те и проникали нелегально, то бдительные швейцарцы сразу же выдавали их обратно немцам на расправу.

К слову говоря, после 17 сентября 1939 года, когда под напором вермахта рухнуло Польское государство и еще не установилась окончательно граница между Германией и СССР,

рассекшая Польшу «по линии Керзона», и когда волна Польских евреев, не желавших оставаться под властью Гитлера, хлынула на советскую сторону, мы, в отличие от американцев, приняли их всех и тем самым спасли от неизбежной гибели в Освенциме или в Трешлинке. Они автоматически стали советскими гражданами, поскольку проживали в местечках Западной Украины и Западной Белоруссии. А их было около 2 миллионов. Так что «мировая общественность» (в том числе, конечно, и еврейская) должна быть благодарна Советскому Союзу за то, что пакт Молотова—Риббентропа значительно уменьшил цифру реальных потерь еврейства во время Холокоста. И Сталина следовало бы поблагодарить за присоединение прибалтийских государств и Бессарабии с Буковиной к Советскому Союзу. Все-таки евреям из этих земель было куда бежать в начале войны — на Восток, чем многие из них и воспользовались. А если бы война застала их в польском государстве, в независимых прибалтийских странах, то их ждало бы *«окончательное и стопроцентное решение вопроса»*. Немало я встречал в своей жизни евреев, ставших в 1939—1940 году гражданами СССР, убежавших в 1941 году в тыл страны, что их и спасло. Так почему же нынешнее еврейство прокликает пакт Молотова—Риббентропа, аннексию Западной Украины и Западной Белоруссии, «оккупацию Прибалтики»? Не понимаю... Хотя эта психологическая ситуация, в общем, та же, что и с оценкой «прогрессивной общественностью» венгерского 1956 года...

Из шведской книги:

«К началу 1942 г. айнзацгруппы с помощью войск СС, полиции, вермахта и местных коллаборационистов уничтожили на советской территории более миллиона человек» (с. 85). Это тех евреев, которые, к сожалению, не успели убежать на Восток. *«При проведении карательных операций в Прибалтике айнзацгруппы получали значительную помощь от местной полиции»*. *«Айнзацгруппы, действовавшие в Восточной Европе и на территории бывшего СССР, при поддержке полицейских батальонов и других подразделений уничтожили около двух миллионов человек»* (с. 53).

В каждом из «лагерей смерти» — Бельжец, Собибор, Трешлинка — *«работали примерно тридцать немецких солдат и около сотни наемников из Украины и стран Прибалтики»* (с. 56).

Вот куда надо отправляться «миссионерствовать» и внедрять новую мировую религию Холокоста нашей Алле Гербер с ее верными помощниками. А заодно посетить Польшу, селение Едвабне, где поляки-антисемиты сожгли в закрытых конюшнях около 2 тысяч своих едвабненских евреев, где несколько еврейских погромов было в 1946 году, уже «после Освенцима», что случилось, впрочем, и в Венгрии, где произошли еврейские погромы в Кунмодарше (май 1945 г.) и в Мишкольце (июнь 1945 г.!). Сведения взяты из энциклопедии «Холокост», стр. 138.

Из шведской книги о поляках:

«Многие доносили немецким властям о побегах евреев из гетто или, взяв у беглецов деньги за предоставление им убежища, затем выдавали их нацистам» (с. 77).

А что происходило в Польше после войны, в 1946 году, «после Освенцима»?

«Когда около трехсот тысяч уцелевших евреев — из трех миллионов, живших в Польше до войны, — вернулись домой, они были встречены в лучшем случае холодно, а в худшем — откровенно враждебно. Случались погромы, из-за которых многим евреям пришлось эмигрировать» (с. 77).

Так что памятники убитым евреям во время погромов 1946 года надо ставить в польских городах — в Кельцах, в Парчеве, в Люблине. Это последние настоящие погромы в Европе, ставшие добавлением к уже прошедшему Холокосту... И о двух венгерских погромах надо вспомнить.

В общем, шведская книга о Холокосте составлена не без пропагандистского красноречия — но с цифрами, с фактами, с фамилиями. Главная ее ценность заключается в том, что она убедительно доказывает: родина Холокоста не только Германия, но вся коричневая Европа, которую надо до сих пор перевоспитывать.

А что же наша страна? Боролась она с «катастрофой» или способствовала ей? В этой книге много чего сказано о Советском Союзе, но в основном, к сожалению, глупого, лживого и даже смешного.

«Советский Союз вел борьбу за выживание и, хотя почти ничего не сделал, чтобы помочь евреям, нельзя не признать, что во время войны это государство евреев не дискриминировало» (с. 74).

Ну, спасибо, признали, похвалили... Неужели госпожа Матвиенко, написавшая предисловие к этой книге и благословившая ее издание в России, не знает, что именно советские войска, неся громадные потери, освободили оставшихся в живых евреев из главных лагерей смерти: из Освенцима, из Трехлинка, из Майданека, из Собибора, из Бельжеца, из Хелмно, из Равенсбрюка, из Саласпилса, из Вильнюсского, Минского, Каунасского, Винницкого и прочих многочисленных гетто... Зная, что Советский Союз, освобождая Европу от коричневой чумы, пожертвовал более чем двадцатью миллионами своих сыновей и дочерей, зная, что только прямые военные потери составляют девять миллионов самых сильных и самых молодых мужчин нашего народа, зная, что только в ленинградской блокаде погибло около миллиона ее земляков, — тогдашний вице-премьер правительства России, нынешний губернатор Санкт-Петербурга Валентина Ивановна Матвиенко благословляет унижительную клевету на державу-победительницу и ее героический народ:

«В западных исследованиях Холокоста до недавних пор в категорию «наблюдателей» попадали, прежде всего, нейтральные страны, например Швеция и Швейцария, а также страны, участвовавшие в войне на стороне союзников (Советский Союз, США, Великобритания). Можно сказать, что все они стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей» (шведская книга, стр. 94). Да вы, Валентина Ивановна, рекомендуя эту книгу к изданию, просто вытерли ноги нашим Знаменем Победы.

Вы, госпожа Матвиенко, вместе с составителями и авторами шведской книги, чтобы оболгать итоги Великой Отечественной войны и нашей Победы, чтобы изобразить Советский Союз антисемитским государством, умолчали о знаменитой книге Василия Гроссмана «Трехлинский ад», в которой будущий кумир либеральной еврейской интеллигенции писал в 1944 году после посещения Трехлинка честную правду о том, что спасение евреев, томящихся в гитлеровских концлагерях, зависело только от Советской армии:

«Весь мир молчит, подавленный, поработанный шайкой захвативших власть бандитов. Молчит Лондон, молчит Нью-Йорк. И только где-то за много тысяч километров ревет советская артиллерия на далеком волжском берегу, упрямо возвещающая великую волю русского народа к смертной борьбе за свободу, будоража, сзывая на борьбу народы мира».

Если вам, госпожа Матвиенко, этого гроссмановского свидетельства мало — приведем еще одно: **«Видно, ужасна была сила русского удара на Волге, если сам Гиммлер прилетел самолетом в Треблинку и приказал срочно замести следы преступления, совершенного в 60 километрах от Варшавы. Такое эхо вызвал могучий удар русских, нанесенный немцам на Волге <...> и разве не удивительный символ, что в Треблинку под Варшаву пришла одна из победоносных сталинградских армий».**

А вот еще одно свидетельство честного летописца войны Василия Гроссмана о «Треблинском аде» и еврейском мальчике: **«Рассказывали о мальчике, кричавшем у входа в «газовню»: «Русские отомстят, мама, не плачь».**

Обратите внимание, Валентина Ивановна, на одну особенность гроссмановского повествования: **«воля русского народа», «сила русского удара», «русские отомстят»...**

В 2008 г. в одной из передач на радиостанции «Свобода» Алла Гербер заявила, что фашизм и сталинизм это одно и то же, что это ей стало ясно после того, как она прочитала книги Василия Гроссмана. Я не знаю, из каких книг председательница фонда «Холокост» это вычитала, но очень советую ей перечитать «Треблинский ад» и выучить наизусть хотя бы такие нетленные скрижали гроссмановского текста: **«Невольно еще раз хочется преклониться перед теми, кто осенью 1942 года при молчании всего ныне столь шумного и победоносного мира вел бой в Сталинграде против немецкой армии, за спиной которой дымились и клокотали реки невинной крови. Красная Армия — вот кто помешал Гитлеру сохранить тайну Треблинки».**

Алле Гербер и Валентине Матвиенко по их статусу должно знать, что писал выдающийся антифашист Василий Гроссман об уничтожении узников Треблинки 23 июля 1944 года: **«Удалось спастись варшавскому столяру Максу Левиту <...> он рассказал, как, лежа в яме, слушал пение тридцати мальчиков, перед расстрелом затянувших песнь «Широка страна моя родная», и слышал, как один из мальчиков крикнул: «Сталин отомстит».**

Так что Вы, Валентина Ивановна и Алла Ефремовна, вольно или невольно глумитесь над убеждениями Василия Гроссмана, который своим честным пером свидетеля, очевидца и участника Священной Войны написал на скрижалях ис-

тории, что все свои надежды на спасение оставшиеся в живых евреи возлагали на Советскую Армию, на русский народ и на Иосифа Сталина...

Помимо размышлений В. Гроссмана о Треблинке я рекомендую Алле Гербер, поставившей на одну доску фашизм и сталинизм, прочитать толстый роман ее кумира «За правое дело», посвященный Отечественной войне и Сталинградской эпопее. В художественном отношении это весьма посредственная книга, но тем не менее ясно выразившая мировоззрение и убеждения автора. Не могу не привести несколько отрывков из нее.

О советской истории 20—30-х годов:

«Рабочий и крестьянин стали управителями жизни <...> родилось невиданное в России народное просвещение, которое можно сравнить лишь со взрывом солнечного света астрономической силы <...> Простые люди, «четвертое сословие», рабочие и крестьяне внесли свой простой, сильный и своеобразный характер в мир высших государственных отношений — стали маршалами, генералами, областными и районными руководителями, отцами гигантских городов, управителями рудников, заводов и земельных угодий» (с. 43).

О Сталинградской битве: *«В роковые часы гибели огромного города свершалось нечто поистине великое — в крови и в раскаленном каменном тумане рождалось не рабство России, не гибель ее; среди горячего пепла и дыма неистребимо жила и упрямо пробивалась сила советского человека, его любви, верности свободе, и эта неистребимая сила торжествовала над ужасным, но тщетным насилием работодателей» (с. 393).*

О легендарном параде 7 ноября 1941 г.: *«Красная площадь казалась Крымову широкой дышащей грудью России — выпуклая, живая грудь, над которой поднимался теплый пар дыхания. И то широкое небо, что видел он в осенних брянских лесах, русское небо, впитавшее в себя холод военного ненастья, низко опустилось над Кремлем.*

В шинелях, в мятых шапках-ушанках, в больших кирзовых сапогах стояли в строю красноармейцы <...> То стояло войско народной войны. Красноармейцы украдкой утирали лица от тающего снега, кто брезентовой потемневшей от влаги варежкой, кто платочком, кто ладонью <...> Сталин

приблизился к микрофону, заговорил. Крымов не мог разглядеть его лицо — туман и утренняя мгла мешали смотреть. Но слова Сталина отлично доходили до Крымова.

— **Смерть немецким оккупантам! — сказал он и поднял руку. — Вперед к победе!**» (с. 193).

Все, что потом через несколько десятилетий сочинил Гроссман в повести «Все течет» о «русском рабстве» и «советском антисемитизме», выглядит убогой конъюнктурой или в лучшем случае побуждает вспомнить строки Заболоцкого: «Нет на свете печальней измены, чем измена себе самому».

И поэтому вполне закономерно, что на кремлевском торжестве в июне 1945 года Генералиссимус произнес знаменитую здравицу в честь русского народа. В это историческое мгновение слово вождя совпало с чувствами и мыслями еврея Василия Семеновича Гроссмана. Мой отец Юрий Аркадьевич Куняев, преподаватель института имени Ф. Лесгафта, невоеннообязанный по здоровью, умер в окруженном Ленинграде 11 января 1942 г. в стенах своего родного института, куда он переехал, как и многие другие одинокие сотрудники, чтобы рядом друг с другом пережить самые тяжелые дни блокады. Но не пережил.

Подробности того, как он умирал, мы узнали лишь в 1943 году, когда моя мать получила в эвакуации от его выжившей сослуживицы М. Лейкиной письмо с рассказом о последних днях жизни отца:

«Ваш муж умер в институте. Вы, вероятно, слышали, какую тяжелую зиму мы пережили. Мы все голодали так, как никто не может себе представить. Многие — даже преподаватели нашего института — проявляли себя, как голодные люди. Юрий Аркадьевич относился к той немногочисленной группе людей, которая выдержанно переносила ужас голода, холода, невзгоды блокады. Он так же, как и другие, бывал ежедневно в столовой института и ждал тарелку супа без суеты и нетерпения, совсем не так, как многие другие. Его молчаливая скромность осталась с ним до конца его дней.

Он много работал, как все мы. Женщины-преподавательницы и студентки шли в госпитали, сверх учебной работы в институте, а мужской состав был брошен для обучения рукопашному бою резервов Красной Армии. Юрий Аркадьевич проводил по несколько часов на морозном воздухе, вся работа на

голосе (команды). Сколько людей им обучено, не знаю. Вероятно, много. Достаточно сказать, что в списке представленных к награде медалью «За оборону Ленинграда» есть его имя и указано: «...Был ответственным за подготовку свыше 300 человек Октябрьского района»¹.

В главном здании института (ныне университета) имени Ф. Лесгафта над старинной парадной лестницей висит мемориальная доска со скорбным списком преподавателей и сотрудников университета, погибших во время блокады. Список этот открывается словами: «Юрий Аркадьевич Куняев». Похоронен он в общей могиле на Пискаревском кладбище. Письмо моей матушке написала еврейка М. Лейкина.

Она, как и многие другие ленинградские евреи, осталась жива только потому, что советские солдаты на Пулковских высотах, на Невском пятачке, на Карельском перешейке, по всему периметру ленинградской обороны, два с лишним года держали оборону против миллионной армии европейских фашистов, возглавляемой генерал-фельмаршалом Леебом... И как только у Матвиенко язык повернулся одобрить книгу, где сказано, что мы **«стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей»**. Да бывшая известная комсомолка Ленинграда — нынешняя мэра невестской столицы, совершив это деяние, просто плюнула в сторону Пискаревского мемориала, где вместе с сотнями тысяч ленинградцев лежит мой отец...

Подумать только, если бы немцы захватили Ленинград, у нас не было бы ни Даниила Гранина, ни Иосифа Бродского, ни Александра Кушнера!

Вот ведь как получается: с каждым километром пространства, отвоеванного у немцев и обогрванного кровью наших солдат во время движения на Запад, мы спасали какую-то долю восточноевропейского еврейства... А теперь, по истечении более шестидесяти лет, потомки этих спасенных евреев глумливо пишут, что мы **«стояли в стороне»**, что **«уничтожение советских евреев проходило открыто, на глазах у местного населения, которое в большинстве своем пассивно наблюдало за событиями»** (с. 95), что **«Кремль не делал попыток спасти евреев»**.

---

¹ Отцовская медаль «За оборону Ленинграда», присужденная ему по-смертно, была передана мне в июне 2010-го, юбилейного, победного года.

По логике жрецов Холокоста, коль уж мы виноваты, что **«стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей»**, то нас (не французов, не венгров, не прибалтов, не поляков, а русских!) в первую очередь нужно учить урокам Холокоста. Тут Матвиенко и Асмолов стараются во-всю, почему-то излагая свои мысли одинаковыми словами.

Из В. Матвиенко: **«Многолетняя стена умолчания Холокоста в России разрушена...»** Из А. Асмолова: **«Особая стена молчания возведена вокруг Холокоста в России...»** (с. 94).

А теперь обратим внимание еще на два отрывка. Из предисловия Матвиенко: **«Политический и исторический смысл запоздалого признания со стороны России места Холокоста в истории цивилизации означает, что отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых эта катастрофа воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия»** (с. 5).

Читаю и глазам своим не верю: да я же где-то все это читал! Ну конечно, в послесловии Асмолова: **«Политический и исторический смысл запоздалого признания Россией места Холокоста в истории цивилизации будет означать, что наша страна после многолетнего молчания сделала свой выбор и входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых катастрофа Холокоста воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия»** (с. 102). Все выделенные слова из текста Матвиенко одновременно являются словами Асмолова. Слово в слово. Кто у кого «сочинение списал»?

Неужели господин Асмолов, бывший в свое время замминистра образования России и находившийся в подчинении у Матвиенко, сочинял за нее это предисловие и по рассеянности или по слабоумию вставил в предисловие Валентины Ивановны целый абзац из своего послесловия?

Я не могу заподозрить саму Валентину Ивановну в примитивном плагиате, такого быть не может. Но так подставить свою начальницу, благодетельницу, вице-премьершу! А может, кто-то третий сочиняет эти «слоганы» и потом снабжает ими и Асмолова и Матвиенко? А может быть, они оба, как два попугая, вызубрили один и тот же текст?

Но, возможно, есть и особая точка зрения на все происходящее. Если явление Холокоста народу непознаваемо, иррационально и не принадлежит ни истории, ни науке, а вере и стоит в ряду чудес, то все, что связано с Холокостом, объяс-

нить невозможно. А потому не надо и пытаться понять, как и зачем появились у Матвиенко и Асмолова одинаковые тексты о Холокосте. Ведь есть же почти одинаковые тексты у всех четырех евангелистов. А Матвиенко и Асмолов — тоже своеобразные «евангелисты» новой религии, и разобраться, почему они излагают одни и те же мысли одними и теми же словами, — эта попытка похожа на кощунство, на ревизию Священного писания. А если они оба, подобно апостолу Павлу, были удостоены откровения свыше и Высшая Сила продиктовала им одни и те же заповеди?.. Все, что исходит из области чуда, неподвластно никакой критике, и никакому людскому суду, и никакому разбирательству насчет того, кому из них принадлежит интеллектуальная собственность — то есть вышеприведенные «священные», словно вырезанные на Синайских скрижалях, заповеди. Они принадлежат Холокосту.

III

ПЕРЧАТКА АХМАДИНЕЖАДА

Только ссылки на так называемый исторический «холокост» делают возможным продолжение Холокоста палестинцев и всего арабо-исламского мира.

Мойше Арье Фридман, австрийский раввин

А теперь мы предлагаем нашему читателю отрывки из выступлений участников уже ставшей всемирно знаменитой Международной конференции, которая прошла в Тегеране в конце 2006-го, где президент Ирана Ахмадинежад бросил перчатку жрецам Холокоста.

Никаких особенных комментариев к этим текстам мы давать не будем — они говорят сами за себя.

Выдержки из выступлений мы публикуем по книге «Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы Международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2006 года» (Москва, Алгоритм, 2007).

Израэль ШАМИР, израильский публицист:

«Тегеранская конференция вызвала бурю в мировой печати.

Казалось бы, что тут особенного? Проводят такие конференции повсюду, и в большинстве крупных городов мира от Владивостока до Сан-Франциско через Варшаву, Париж и Нью-Йорк есть центры по изучению Холокоста. В прошлом году русский еврейский олигарх Вячеслав Кантор тоже создал конференцию по Холокосту, и ее почтили присутствием все главы правительств Восточной Европы и немало лидеров Запада. Почему же конференция, проводимая в Тегеране, вызвала тысячи протестов и осуждений, почему Белый дом, канцлер Меркель, Ватикан и Европейское сообщество не поленились отреагировать на небольшую встречу в далеком Тегеране?

Дело в том, что все прочие конференции почитали официальную версию, выработанную еврейскими организациями, как божественную догму, данную на горе Синай вместе со скрижа-

лями Завета. Можно отрицать непорочность Богородицы и Воскресение Христово, можно хулить Магомета — но стоит усомниться в том, что именно шесть миллионов евреев были по предварительному плану убиты немцами в газовых камерах промышленным образом — и вас могут в тюрьму посадить в Австрии, Германии, Франции, Швейцарии и других «цивилизованных» странах. Тегеранская конференция — первая, готовая отнестись к этому вопросу как к историческому событию, подлежащему критическому изучению».

Манучехр МОТТАКИ, министр иностранных дел Исламской Республики Иран:

«Я открыто заявляю, что антисемитизм является западным феноменом, типичным для западных стран. Этот феномен никогда не существовал на землях Ислама. Тем не менее мы видим сегодня, что Исламская Республика Иран и все те, которые думают, что научное исследование исторических событий необходимо, подвергаются необоснованным обвинениям.

Президент Исламской Республики Иран спрашивал: если Холокост был историческим явлением, то почему нельзя позволить проводить исследования в контексте истории? Волна необоснованных обвинений была запущена против Ирана. Те, которые стоят за кулисами этой грязной кампании, даже не беспокоятся о том, чтобы дать разумный ответ на этот рациональный вопрос.

Даже если нашлись бы доказательства того, что Холокост — это исторический факт, они должны ответить, не бросают ли они вызов собственным требованиям на обеспечение свободы выражения мыслей, арестовывая ученых и исследователей, которые придерживаются взглядов, отличных от их собственных в вопросе о Холокосте, а также почему мусульмане этого региона, особенно палестинцы, являющиеся коренным населением Палестины, должны платить дорогой ценой за преступления, совершенные нацистами.

Необоснованная философия земли без людей и людей без земли, которая постулировалась во времена президента Джона Ф. Кеннеди для оправдания существования сионистской реальности, неправильна с обеих сторон, так как эта земля никогда не пустовала, а уцелевшие от преступлений нацистов не были без земли, они были гражданами европейских государств.

Эта конференция не собирается отрицать или доказывать факт Холокоста. Она предоставляет возможность свободно выражать свои мысли ученым и просто думающим людям, которые лишены возможности высказать свой взгляд на исторические события в Европе, которая призывает к свободе и где любая научная критика надуманной интерпретации Холокоста может дорого обойтись. Против этих свободно мыслящих людей и исследователей выдвигаются обвинения в защите нацизма и фашизма. Эти обвинения не имеют научной основы, так как многие критики Холокоста стали сами жертвами расизма».

Мойше Арье ФРИДМАН, главный раввин ортодоксальной еврейской общины Австрии:

«Будучи потомком очень уважаемой семьи европейских раввинов и главным раввином ортодоксальной антиссионистской общины Австрии, я всю мою жизнь занимался сионизмом и так называемым Холокостом и его последствиями в чисто историческом, политическом и религиозном плане. Кроме того, мне очень хорошо известны последствия стратегического злоупотребления этими историческими событиями. Я с ужасом вижу, как нашей иудейской религией и самобытностью и именем моих предков злоупотребляют, фальсифицируя исторические факты и превращая их в политическое орудие. Только ссылки на так называемый исторический «Холокост» делают возможным продолжение Холокоста палестинцев и всего арабо-исламского мира. Эти жестокости, в отличие от исторического Холокоста, происходят на глазах у всей мировой общественности, но палестинцы не имеют ни малейшей надежды на защиту и ни малейшей возможности защищаться».

...«Основатель сионизма Теодор Герцль уже в первых записях своих «Дневников» удивительным образом называет цифру шесть миллионов евреев, которым в Европе якобы угрожает опасность, и единственный шанс создания так называемого еврейского государства появится лишь в том случае, если эти шесть миллионов европейских евреев постигнет катастрофа».

«После прихода к власти национал-социалистов в 1933 году сионистские организации Палестины в совместном письменном послании поздравили Гитлера, указали на сходные черты идеологий и выразили надежду на сотрудничество.

Вскоре после этого национал-социалистические чиновники по приглашению сионистского Еврейского агентства приехали в Палестину, где их ждал очень дружественный прием.

Во время состоявшейся в 1934 году беседы между Адольфом Эйхманом и будущим израильским президентом Хаимом Вейцманом, чему предшествовали настоятельные просьбы Вейцмана изгнать евреев из Германии, Эйхман спросил: «Можете ли вы, господин Вейцман, вообще принять так много евреев?» Ответ: «Мы охотно примем здесь силы, способные сражаться за нас в Палестине, а остальных надо ликвидировать, как бесполезный мусор».

Из доклада Фридриха БРУКНЕРА (псевдоним западного историка, приведшего свидетельства того, что в последние годы войны и вплоть до 1947-го года существовали такие основные версии умерщвления евреев в немецких концлагерях: электрическим током, горячим паром, откачкой воздуха из камер и даже при помощи негашеной извести):

«В то время торговцы подобными жуткими рассказами, очевидно, еще не были уверены, которой из трех версий в дальнейшем дать ход. В 1945 году советский пропагандист-еврей Василий Гроссман опубликовал брошюру под названием «Ад Трешлинки». По его описанию, все три метода — пар, газ и откачка воздуха из камер — использовались одновременно. На Нюрнбергском процессе правительство Польши предпочло паровую версию <...> Версия, которая содержится в официальной литературе, восторжествовала только в 1947 году».

«В течение последних десятилетий количество жертв нескольких предполагаемых «лагерей уничтожения» резко уменьшается, благодаря самим стражам чиновничьей «истины». В 1945 г. польско-советская комиссия заявила, что не меньше четырех миллионов человек погибло в Освенциме. Хотя ни один западный историк не принимал всерьез эту нелепую цифру, она упоминалась на мемориальных таблицах Освенцима, пока не была удалена в 1990 г. Полякам понадобилось два года, прежде чем они приняли решение по новой цифре, которая впоследствии и была записана на новых табличках: 1,5 миллиона. Но через год, в 1992 г., главный историк музея Освенцим Франтишек Пипер опубликовал книгу, в которой он утверждает, что 1,1 миллиона людей, из них около миллиона евреев, погибли в лагере. Таким образом, теперь существуют уже две официальные

цифры, отличающиеся на 400 000, — одна на таблицах и другая в книге Пипера!

Еще более резким было сокращение первоначальных цифр для концентрационного лагеря Майданек. Сколько же людей погибло в Майданеке?

— 1,5 миллиона, согласно сообщению польско-советской комиссии, представленному на Нюрнбергском трибунале в 1946 г. в Документе USSR-29;

— 360 тысяч, согласно польскому судье Здиславу Лукашкевичу в официальном «Бюллетене Комиссии по исследованию немецких преступлений в Польше», в 1948 г.

— 235 тысяч, согласно польскому историку Чеславу Райке в официальном журнале музея Майданека, в 1992 г.;

— 78 тысяч, согласно польскому историку Томашу Кранцу, директору научно-исследовательской секции музея Майданека, в 2005 г.

В 1998 г. Карло Маттоньо в книге, написанной совместно с Ю. Графом, установил на основе документов, что реальное число смертей в Майданеке составило примерно 42 200. Таким образом, новая официальная цифра все еще на 35 800 выше, чем ревизионистская, но на 1 422 000 ниже, чем было установлено и записано на Нюрнбергском процессе.

Тем не менее, эти грандиозные уступки ортодоксальных историков отнюдь не влияют на священную цифру 6 миллионов «жертв Холокоста». Из этих 6 миллионов можно вычесть несколько миллионов, и все равно остается 6 миллионов! Это — арифметика «Холокоста»!

Но нелепая история «Холокоста» имела и все еще имеет страшные политические последствия. Если бы не эта мистификация, мир никогда бы не позволил сионистам предпринять свою колониальную авантюру в Палестине в 1948 году. Если бы не эта мистификация, не существовало бы расистского государства Израиль, представляющего собой основную причину конфронтации на Ближнем Востоке и готового в любой день спровоцировать ядерную войну; у палестинцев не украли бы их родину, а мир был бы лучшим и более защищенным.

Пока что палестинцы — это наиболее очевидные жертвы аферы «Холокоста», но они ни в коем случае не единственные. В действительности эта мистификация чрезвычайно опасна для всех народов мира, включая еврейский, который рано или поздно должен будет заплатить высокую цену за глупость своих лидеров».

Серж ТИОН, французский историк:

«Закон Гессо», принятый 13 июля 1990 года, убил во Франции свободу выражения мнений. Этот закон обязывал судей осуждать любого, кто будет оспаривать совершение преступлений, осужденных в Нюрнберге.

Последствия закона Гессо были ужасны. Свобода выражения мнений зачахла, написанные книги невозможно было опубликовать, и их перестали писать. Дебаты прекратились вообще. Повсюду распространился благоговейный страх, прежде всего в школах, где учителя вынуждены были преподавать официальную историю в форме катехизиса, который никого ни в чем не убеждал. СМИ закутались, словно от холода. Повисло тягостное молчание.

Бывший член руководства французской компартии, гуманист, обратившийся в ислам, Роже Гароди, взял на вооружение аргументацию ревизионистов в своей книге, в которой он критиковал израильские мифы («Основопологающие мифы израильской политики»¹). Никто не хотел издавать эту книгу, и группа «Ла Вьей Топ» напечатала первый тираж. Разразился грандиозный скандал. Вся пресса в унисон осуждала того, кто нарушил закон молчания, заткнувший рты ревизионистам. Скандал принял общенациональные масштабы, когда Гароди получил поддержку от своего старого друга, аббата Пьера, человека, бесспорно, самого популярного во Франции благодаря его гуманитарной кампании в пользу жилищ для бедняков. Скандал, добродетельное возмущение прессы, лишенное аргументов, обеспечили этой книге широчайшее распространение, несмотря на препятствия на пути ее продажи. Пришлось дополнительно напечатать десятки тысяч экземпляров. Ревизионизм стал предметом повседневных бесед. Один большой журнал вышел с заголовком «Победа ревизионизма».

Сразу же взялись за дело специалисты по цензуре. Состоялся процесс, в итоге которого Гароди был приговорен к очень большому штрафу. Кассационный суд оставил приговор в силе. Но сразу же, в конце 1996 года, его пригласили совершить турне по Среднему Востоку. Его книга была немедленно переведена в Марокко, Египте и в Ливане. Тиражи были огромными. Он устраивал пресс-конференции, его принимали на высшем уров-

---

¹ Читатели «Нашего современника» могут познакомиться с этой работой, опубликованной в журналах № 1–4 за 2001 год.

не, и он преуспел в том, чего ревизионисты уже не ожидали: критика легенды о Холокосте запечатлелась в умах десятков миллионов жителей Среднего Востока».

Роберт ФОРИССОН, французский историк, профессор Сорбонны:

«Холокост» остается официальной религией всего Запада. Это действительно убийственная религия, которая продолжает самым грубым образом дурачить миллионы добрых душ, выставляя напоказ груды очков, волос, туфель, чемоданов, представляя их в качестве вещей, принадлежавших умерщвленным в газовых камерах евреям; фальшивые или обманным путем используемые фотографии, тексты невинных документов, подделанные или умышленно неправильно истолкованные; бесконечное распространение памятников, церемоний, различных шоу, вдалбливание небылиц в детские головки, организованные экскурсии по «святым местам» предполагаемого еврейского мученичества и грандиозные показательные суды с их призывами к суду Линча.

Президент Ахмадинежад использовал точное слово: предполагаемый «Холокост» евреев является «мифом», то есть верой, поддерживаемой лежковерием или невежеством. Во Франции вполне законным считается провозгласить неверие в Бога, но запрещено признавать свое неверие в «Холокост» или даже выразить сомнение по этому поводу. Этот запрет на любое оспаривание Холокоста стал формальным и официальным с принятием закона от 13 июля 1990 г. Вышеуказанный закон был опубликован в журнале «Journal Officiel de la Republique francaise» на следующий день, то есть 14 июля, в день празднования Республики и Свободы. Этот закон предусматривает наказание в виде тюремного заключения сроком до одного года или наложением штрафа в размере до 45 тысяч евро. Закон также подчеркивает, что все это применимо также «даже в том случае, если подобное оспаривание или сомнение представлено в завуалированной или сомнительной форме или посредством инсинуации» («Code penal», Paris, 2006, с. 2059). Таким образом, Франция обладает ничем иным, как официальным мифом, мифом о «Холокосте», и знает лишь одну форму кощунства, ту, которая обижает «Холокост».

В 1951-м еврей Леон Поляков, который был членом французской делегации на Нюрнбергском процессе (1945—1946 гг.),

сделал заключение о том, что существует избыток документов, касающихся всех вопросов истории Третьего рейха, за исключением лишь одного: «Кампании по уничтожению евреев». Об этом он писал: «Никакого документа не осталось: возможно, его никогда не существовало» («Breviaries de la haine», Париж, Calmann-Lévy, 1974 [1951], с. 171).

Это важная уступка в пользу ревизионизма. Для подобного ужасного преступления, предположительно задуманного, организованного и совершенного немцами, должны были обязательно существовать приказ, план, инструкции, бюджет. Такое предприятие, выполняемое в течение нескольких лет на целом континенте и повлекшее гибель миллионов, должно было оставить потоки документальных подтверждений. Следовательно, если нам говорят, что, возможно, такого документального подтверждения никогда не существовало, напрашивается вывод о том, что преступление, о котором идет речь, никогда не совершалось. Ввиду полного отсутствия документов историку ничего не остается делать, кроме как молчать <...> следует отметить, что с 1951-го по 2006 г. также не удалось обнаружить ни малейшего документального свидетельства».

«Нам, в начале XXI столетия, предоставляется уникальная возможность быть свидетелями разоблачения одного из величайших обманов в истории. Миф о «Холокосте» может быть освещен тысячами огней: в действительности же он сам обжигает. Он служил оправданием для создания на земле Палестины военизированной колонии, назвавшейся «еврейским государством», обеспечившим себя «еврейской армией». Он накладывает на Западный мир ярмо еврейской или сионистской тирании, распространяющейся на все сферы интеллектуальной, образовательной и информационной деятельности. Он отправляет саму душу великой страны, Германии. Он позволил изъятие из последней, а также из большого числа других западных стран непомерных сумм в марках, в долларах и в евро. Он подавляет нас в фильмах, в музеях, в книгах, которые поддерживают пламя талмудической ненависти. Он делает возможным призыв к «крестовому походу против оси зла» и ради этого фабрикует самую бесстыдную ложь, точно следуя образцу Большой Лжи «Холокоста», ибо нет различия между «оружием массового уничтожения» Адольфа Гитлера и таким же «оружием» Садама Хусейна. Этот миф делает возможным обвинять почти весь мир и требовать «покаяния» и «репараций» везде — либо

за предполагаемые действия, направленные против «избранного народа Яхве», или за предполагаемое соучастие в преступлении, или за предполагаемое общее «безразличие» к судьбе евреев во время Второй мировой войны.

Практикуя грандиозного масштаба ложь, единоверцы «Холокоста» <...> в течение шестидесяти лет упорно держали весь или почти весь мир под обвинением. Их основной целью, конечно, была Германия. Но в своем обвинительном исступлении еврейские организации пошли так далеко, что упрекали союзников военного времени в предполагаемом преступном «безразличии» к судьбе европейских евреев. Они набрасывались на Рузвельта, Черчилля, де Голля, папу Пия XII, Международный комитет Красного Креста и на многочисленных личностей, на официальные органы или страны за неосуждение якобы существовавших «газовых камер». Но как могло то, что со всей очевидностью было лишь абсурдным военным слухом, считаться проверенным фактом? Достаточно прочитать книгу еврея Вальтера Лакера «Страшная тайна» («The terrible secret», 1980), чтобы убедиться в широко распространенном и полностью оправданном скептицизме в лагере союзников по отношению к океану слухов, порожденных еврейскими источниками. Были проведены расследования, позволившие официальным лицам сделать вывод о том, что эти слухи были необоснованными. Таким образом, именно непредвзятый взгляд, а не безразличие проявили союзники и все те, кому предъявлялось обвинение. Именно этот непредвзятый взгляд, а не безразличие, продемонстрировали после войны в своих речах и мемуарах Черчилль, де Голль и Эйзенхауэр, избегая всяческих упоминаний о пресловутых «газовых камерах». — Война и военная пропаганда нуждаются во лжи, подобно тому, как крестовые походы и дух крестоносцев загораются энергией ненависти. С другой стороны, мир и дружба между народами могут только выиграть от тщательности, с которой достигается точность исторического исследования, исследования, которое всегда должно проводиться при соблюдении полной свободы».

Ян БЕРНХОФ, шведский историк, уволенный из Педагогического университета в Стокгольме после возвращения из Тегерана:

«*Нью-Йорк таймс*», 10 марта 1943 г., с. 12: «Сорок тысяч человек слушали и смотрели... прошлым вечером две передачи

«Мы никогда не умрем», драматическую массовую программу памяти 2 000 000 евреев, убитых в Европе... Рассказчик сказал: «Когда наступит мир, в Европе не останется ни одного еврея. В соответствии с планом, убивают те четыре миллиона, которых осталось убить».

Бутц в своей работе делает заключение, что корни числа «шесть миллионов» обнаруживаются в военной пропаганде 1942—1943 гг. Однако эта цифра упоминается в еврейской пропаганде задолго до начала Второй мировой войны. Хаим Вейцман, который позже стал первым президентом Израиля, сказал 25 ноября 1936 г.: «Не будет преувеличением сказать, что шесть миллионов евреев приговорены к заключению в этой части мира, где они нежелательны, и для кою страны делятся на те, в которых они нежелательны, и те, где они недопустимы»¹.

Фредерик ТОБЕН, австралийский историк, отсидевший полгода (1999 г.) в германской тюрьме за «отрицание Холокоста»:

«Есть ревизионисты, как, например, Гермар Рудольф, Эрнст-Гюнтер Когель, Хорст Малер, Эрнст Зундель и другие, которые не смогли приехать на эту конференцию, потому что в настоящее время заперты в немецких тюрьмах. Ревизионистские активисты Зигфрид и Герберт Вербеке в настоящее время посажены в бельгийскую тюрьму. Удо Валенди и Гюнтер Декерт, оба отбывшие длинные сроки тюремного заключения за свою ревизионистскую деятельность в Германии, посылают всем свои приветствия. Гюнтер почти готов был приехать на конференцию, но власти отобрали у него паспорт за несколько дней до отъезда в Иран. Кроме того, есть много американских ревизионистов, которые не осмелились приехать в Тегеран из опасения, что американское правительство отомстит им за это. Мы все знаем, какую форму может принять эта месть:

---

¹ Из выступления Хаима Вейцмана на XX Сионистском конгрессе в 1937 году — за 5 лет до Освенцима: «Надежды шестимиллионного европейско-го еврейства основываются на эмиграции. Я спрашиваю: «Можете ли вы переправить шесть миллионов евреев в Палестину?» Я отвечаю: «Нет». Из бездны трагедии я хочу спасти два миллиона молодежи. Старики должны исчезнуть. Они — пыль, экономическая и моральная, в этом жестоком мире. Только молодая ветвь выживет. Они с нами должны согласиться» (из книги «Жертвы уничтожения обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступлениях». Н.-Йорк, 1970, стр. 34).

клевета, экономические и профессиональные санкции, нацеленные на дискредитацию и уничтожение личности, но не на выдвигаемые ими аргументы».

«Мемориальная доска в Освенциме, благословленная папой Иоанном-Павлом в 1979 г., называющая 4 миллиона жертв, была через несколько лет после установки заменена новой доской, насчитывающей 1,5 миллиона, которую благословил папа Бенедикт XVI. Тем не менее, эти сокращения количества жертв не влияют на общую цифру 6 000 000, которая не уменьшалась ни при каких обстоятельствах».

Дэвид ДБЮК, американский публицист и историк:

«В Европе разрешается отрицать и высмеивать Иисуса Христа. То же и в отношении пророка Мохаммеда. Ничто не произойдет с вами, вы даже можете получить собственную программу на ТВ; но если вы ставите под вопрос официальную версию Холокоста, это будет означать банкротство для вас, вашей семьи, а во многих странах вас могут даже бросить в тюрьму.

Лицемерие всего этого иллюстрирует преданность Европы свободе самого извращенного типа порнографии. Все виды самой тошнотворной порнографии доступны в западном мире, включая порнографию, воплощенную в самые худшие формы сатанизма и безобразного разложения женщин, многие из которых наркозависимы и действительно находятся в рабстве того, что мир называет «белым рабством». Но не смейте сомневаться в Холокосте!

Прямо сейчас, пока я говорю, мне внезапно на ум пришли три имени: Дэвид Ирвинг, Гермар Рудольф и Эрнст Зундель. Дэвид Ирвинг — британский гражданин, один из самых знаменитых историков мира, автор, о котором многие самые известные историки отзываются как о блестящем ученом. В этот момент он находится в тюрьме в Вене только за то, что высказал свое мнение историка об Освенциме на лекции в Австрии в 1989 г. Немецкий химик и исследователь Гермар Рудольф отправлен в тюрьму за то лишь, что опубликовал подробный судебный анализ, бросивший вызов достоверности якобы существовавших газовых камер смерти в Освенциме. Эрнст Зундель, житель Канады и позже США, немец по происхождению, был оторван от жены и дома, поскольку имел «политически неправильное мнение» о событиях Второй мировой войны. Он был экстрадирован в Германию, где и сейчас находится в тюремной камере».

Жорж ТЕЙ, французский историк:

«Психологический ущерб, нанесенный Германии после унижений, которым она подверглась в первые послевоенные годы, таков, что, несмотря на внешний подъем этой страны с 1950-го по 1966 год, сопровождавшийся усилением влияния мифа о так называемом «Холокосте» и так называемых «газовых камерах», она находится сегодня в смертельной опасности. Ее постоянные избиения в СМИ и в общественной жизни на протяжении последних сорока лет привели к глубокой духовной депрессии, о чем знает каждый, кто встречается с немцами, говорит с ними и выслушивает их. Результат ужасен: молодежь, раздавленная и деморализованная вездесущей ложью о самой сущности немецкого народа, отказывается рожать детей в количестве, достаточном для обновления поколений. «Зачем делать детей, если наша истинная природа, наша нация по сути своей преступны? Если наши предки хладнокровно отправили на смерть шесть миллионов евреев, это непростительное преступление, и мы должны умереть медленной смертью. Пусть не будет больше немецких детей!» Вот последствия этой клеветы, предпоследняя стадия рака, привитого пропагандистами, — якобы имевшего место Холокост и якобы существовавших газовых камер!»

Бернхард ШАУБ, швейцарский историк, председатель международного «Союза по реабилитации преследуемых за оспаривание Холокоста»:

«Иранское правительство уведомило ровно за год о проведении конференции по изучению Холокоста и вызвало этим повышенную нервозность в западных СМИ. Затем на высшем государственном уровне было предпринято все, чтобы помешать созыву этой конференции. Градом посылались протесты из США, Израиля, Европейского союза и ФРГ. Швейцарская газета «Зонтагс-Блик» от 7.12.2006 года подвела итог этих усилий в следующих словах: «Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель сказала: «Германия никогда не согласится с тем, чтобы Холокост ставили под вопрос». Комиссар ЕС по вопросам юстиции Франко Фраттини добавил: «Это пощечина демократическому миру». Государственный секретарь США заявил: «Соединенные Штаты осуждают эту конференцию». А председатель Совета министров Израиля считает, что она свидетельствует о «неприемлемом характере иранского режи-

ма», который будто бы представляет собой угрозу всей западной культуре (газета «Тахлес» от 15.12.2006).

Удивительно, что конференция, на которой должна была обсуждаться противоречивая историческая тема, вызвала такое беспокойство у самых сильных мира сего. Они показали свой невероятный страх перед истиной. Наоборот, заслуживает восхищения мужество иранского правительства, которое посреди этой бури возмущенных протестов осталось спокойным и провело конференцию в Тегеране в запланированной форме и в заранее назначенное время. Это мужество тех, кто знает, что истине, в конечном счете, нечего бояться лжи».

Как ни крути, а главная идея Тегеранской конференции заключается в том, что платить за Холокост должны европейцы, а не жители Палестины, невинные в те времена ни в одной смерти европейского еврея.

IV

ХОЛОКОСТ И ГОЛОДОМОР В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

Большинство чекистов, когда-то организовавших голодомор на Украине, были евреями.

Виктория Мунблит

Современная еврейская газета «Форум», издающаяся в Нью-Йорке на русском языке, в номере от 28.12.2007 опубликовала в своей постоянной рубрике «Холокост» материал под внешне скучным названием: «Научные конференции по истории Холокоста на Украине». Однако начало статьи — сплошная песня.

«Осень 2007 года оказалась урожайной для исследователей истории евреев в эпоху нацизма и Второй мировой войны в странах Восточной Европы, в первую очередь на территории Украины».

Оказывается, только в сентябре-ноябре 2007 года в мире прошли десятки научных конференций по Холокосту, а *«две из них — в Париже и Черновцах — были полностью посвящены Холокосту «украинскому».* На Украине вот уже как 5 лет создан центр изучения истории Холокоста, внедряющий преподавание этой фундаментальной науки в украинских учебных заведениях; при центре издается журнал «Холокост и современность»; центр имеет свой официальный сайт в интернете; организаторами Парижской конференции по «украинскому» Холокосту выступил, конечно же, Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, мемориал Холокоста в Париже, Сорбонне, общество «Яхад-ин Унуш»... Аж целых 20 докладов было прочитано по Холокосту на конференции, ее ход освещало агентство Ассошиэйтед Пресс... А конференция в Черновцах также была организована Вашингтонским музеем Холокоста... А кроме того, в то же время в США, в Университете Теннесси, также прошла конференция по украинскому Холокосту и

по проблемам «коллорационизма на Украине в годы Холокоста». На всех конференциях «кроме докладов были серьезные дискуссии о проблемах украинско-еврейских взаимоотношений в период Холокоста».

Бедная Украина! И так-то у нее столько тьмы в собственной «доевропейской» истории! До сих пор историки «незалежной» не сумели убедительно доказать, что бич Божий Аттила был украинским хлопцем, что некогда в пойме Днепра — в районе нынешних правительственных дач, в киевской «Рублевке», — была цветущая империя укров. А тут еще их Холокостом достают. А что там изучать в «украинско-еврейских взаимоотношениях», если там один сплошной Богдан Хмельницкий, Сагайдачный, Колиивщина, — погром на погроме! А в XIX веке единственный классик — Тарас Шевченко со священной ненавистью к «евреям и москалям» — как быть с ним? Поклоняться ему жрецы Холокоста не дадут, не дай Бог, еще заставят изъять великого Тараса из школьных программ.

А в XX веке — вообще начался сплошной шабаш.

Героя украинской новейшей истории Симона Петлюру в 1926 году в Париже за организацию погромов застрелил еврей Шварцбарт. В 90-е годы на Украине Петлюре поставили памятников, улицы и площади названы его именем, а теперь, в связи с внедрением в украинскую историю уроков Холокоста, как будут ходить местные евреи по этим улицам и глядеть на эти памятники? Конечно же, с законной ненавистью и отвращением. А если Петлюра и на гривнах появится рядом с Мазепой? Да эти бумажки будут обжигать еврейские руки! А с Бандерой и Романом Шухевичем что делать? Бульвары, названные их именами, жрецы Холокоста заставят переименовать. К счастью, когда эпидемия Холокоста докатится до России, с нашими деньгами все будет в порядке. Ярослав Мудрый на наших бумажках останется. Слава Богу, что его нарисовали на купюрах, а не Мономаха, при котором в Киеве был первый погром. Да у нас вообще нет исторических знаменитых, сразу узнаваемых в лицо юдофобов вроде Бандеры и Петлюры. Можно ли на российских деньгах представить лик Шульгина, или Василия Розанова (кто их в лицо помнит?), или Дмитрия Васильева, ныне позабытого лидера «Памяти»? А ведь Дмитрием Васильевым в разгар перестройки еврейские матери пугали своих детей... Шафаревича в лицо на деньгах народ тоже

не признает. Разве что одного покойного Солженицына можно на сторублевку за книгу «200 лет вместе»...

А тут еще Ющенко выступил с инициативой, чтобы украинская рада приняла закон о привлечении к уголовной ответственности лиц, оспаривающих число жертв двух исторических катастроф — Холокоста и голодомора. Ну, с Холокостом все налажено — конференции проходят, учебники пишутся, денежки текут ручейком, украинские антисемиты зубами клещают. А с голодомором заминка произойдет... И загвоздка здесь не только в России. Поучительная история на эту тему произошла недавно. Русскоязычная газета «Вечерний Нью-Йорк» опубликовала в номере от 20 июля 2007 года статью журналистки Виктории Мунблит о голодоморе. В статье была такая фраза: *«Должна ли Украина игнорировать существование Израиля и вообще евреев, памятуя, что большинство чекистов, когда-то организовавших голодомор на Украине, были евреями»*. Что началось! Еврейская американская пресса сразу же обрушилась на дерзкую журналистку. В сентябрьском номере еженедельника «Форум» (2007, № 149) появилась громкая статья за подписью трех разгневанных мужчин — Вилена Левитова, Дмитрия Маргулиса и Даниила Голубева. Возмущению их не было предела:

«Трудно представить себе более возмутительную по своей ядовитости форму выражения ненависти к евреям и еврейскому государству! В связи с такой постановкой вопроса позволительно спросить: а должен ли Израиль и вообще евреи игнорировать существование Украины и украинцев, помятуя, что абсолютное большинство погромщиков, проливавших веками реки еврейской крови в Малороссии, были украинцами?» Вот каких джиннов выпустил из бутылки Ющенко, попытавшийся объединить в одном флаконе голодомор и Холокост... Нельзя, оказывается, говорить всю правду о голодоморе, не обижая евреев. И кто подсунил Ющенко эту шизофреническую идею? Ну, он и сам должен соображать: как можно, награждая карателей-оуновцев из дивизии «Галичина», у которых руки в еврейской крови, одновременно внедрять в украинские умы благоговение перед жертвами Холокоста?

Но главный вывод статьи из еврейского «Форума» был таков:

«Евреи никогда не составляли большинства в карательных органах советской власти ни на одном этапе ее истории»,

это «один из главных антисемитских мифов, упорно повторяемых юдофобами всех мастей от Шульгина до Макашова». «В 30-е годы в местных органах госбезопасности по всей стране служило 1776 евреев, что составляет 7,4% от всего численного состава ОГПУ...»

Честно говоря, не хочется мне заступаться за украинцев, поскольку главными виновниками голодомора их нынешние вожди объявили русских, а украинцы промолчали. Но правда — превыше всего. Журналисты из «Форума» должны знать, что «архипелагом» ГУЛАГ с 1935 по 1938 год руководил М. Берман с тремя заместителями — Я. Раппопортом, Н. Плиннером и З. Кацнельсоном, что в украинском ОГПУ в эпоху голодомора служили на разных должностях 925 евреев и 1518 чекистов всех остальных национальностей Советского Союза (то есть почти 40% сотрудников ОГПУ на Украине были евреями); сведения эти содержатся в толстом фолианте «Россия, XX век. Документы. ГУЛАГ. 1918—1960» (Международный фонд «Демократия», издательство «Материк»), в справке, подписанной начальником сектора кадров НКВД Я. М. Вейнштоком. А вот итоговый вывод из книги популярного историка Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» (М., 2002, изд-во «Международные отношения», издана при финансовой поддержке Российского еврейского конгресса). Автор, кстати, недавно вместе с Марком Дейчем и многими деятелями еврейской культуры награжден престижной премией, о чем сообщено в «Еврейской газете».

«С 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. представители этой национальности (какой — уточнять не надо. — Ст. К.) возглавляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел».

А что делать с правительственным указом, опубликованным в газете «Известия» в конце ноября 1935 года, который свидетельствует, что верхушка НКВД — 39 комиссаров госбезопасности I, II и III ранга — более чем наполовину (21 человек) состояла из чекистов той же национальности? Дело ведь не только в «общем среднем проценте», а в том, кто стоит на высших этажах власти. Говоря словами Сталина, кадры решали все. В том числе и вопросы с голодомором.

Конечно, Виктория Мунблит имела немалые основания для подобной трактовки истории. Вспомним хотя бы историческую встречу комиссара Когана и украинского крестьянина

Опанаса из знаменитой поэмы Багрицкого, на которой Коган сидит за столом в хате Опанаса, ужинает «житняком и медом» и допрашивает запуганного хозяина:

Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы?

А если Опанас чуть-чуть взбрыкивал, то его тут же ставили на место, о чем он жалуется Нестору Махно, как бежавший «из продотряда от Когана-жида»:

А не то поднимешь бучу:
— Не шуми, братишка!
Усом в мусорную кучу —
Расстрелять, и крышка.

Вторая волна «когановских репрессий» настигла «украинских опанасов» в годы коллективизации, и обе эти волны — «продотрядовская» и «коллективизация», — конечно же, не могли не породить кровавое возмездие в лице Романа Шухевича и его соратников, внезапно, как из-под земли, выросших чуть ли не на другой день после падения советской власти на Украине под ударами «железного вермахта».

Вся эта историческая ситуация, увы, не покрыта архивной пылью, она живет своей уродливой жизнью и сегодня. Вот публикации из еврейско-американской газеты «Форум» от 1—7 августа 2008 г.

«27.07.08, КИЕВ. Украинский еврейский комитет заявляет, что недавно опубликованный службой безопасности Украины на основании архивных документов первый «Список партийных и советских работников, сотрудников Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), а также документов, которые стали организационно-правовой основой для проведения в Украине голодомора-геноцида и репрессий» фактически возлагает этническую ответственность за трагедию голодомора на евреев и латышей, сообщает пресс-служба УЕК.

В списке приведено 19 фамилий, среди которых преобладают еврейские фамилии. Если человек менял имя или фа-

милию, то в скобках указывается его подлинное имя и фамилия. В списках приведены фамилии работников ОГПУ, которые в силу своих обязанностей не могли иметь непосредственного отношения к репрессиям. Так, например, указаны имена сотрудников статистического и транспортного отделов ОГПУ.

УЕК удивлен появлением в списке фамилии Ивановского (Гибшмана) Израиля Давидовича, главы ОГПУ в Крыму, поскольку Крым в то время был частью Российской Федерации, а не Украины.

УЕК считает, что публикация подобных списков — попытка завуалировать истинных виновников голодомора.

Украинский еврейский комитет заявляет, что одновременно с указанными неточностями в опубликованном документе не указаны главные виновники голодомора — Г. Петровский, председатель президиума Верховного Совета УССР, В. Чубарь, глава Совнаркома УССР, генеральный прокурор УССР Н. Скрипник и другие.

Украинский еврейский комитет отмечает важность проводимой СБУ работы и призывает руководителей этого ведомства более тщательно и ответственно подходить к составлению и публикации столь серьезных документов, которые могут нарушить межнациональный и межконфессиональный мир и спокойствие в Украине.

Американский форум Всемирного конгресса русскоязычного еврейства выражает солидарность с заявлением Украинского еврейского комитета. АФ ВКРЕ предпримет необходимые усилия, чтобы донести информацию до американской общественности и политических кругов с целью осуждения акции украинских властей».

Да, допустила страшный прокол служба безопасности Украины, опубликовавшая на основании архивных документов «Список партийных и советских работников, сотрудников ОГПУ», виновных в голодоморе.

Рядом с заявлением Украинского еврейского комитета на той же полосе заверстана колонка Михаила Немировского, который безо всякой дипломатии открытым текстом загоняет украинскую ЧК и Ющенко с его неуклюжей попыткой обвенчать голодомор с Холокостом в стойло для быдла:

«Независимая Украина, которая так лихо стремится в Европейское сообщество, награждает головорезов званием героя,

называет улицы именами тех, кто уничтожил украинских евреев, допускает марши ветеранов гитлеровских формирований и вот докатилась до предвзятого опубликования списков «героев» голодомора, из которых можно сделать вывод, что именно евреи виноваты! Ну, кто-то же должен быть виноват? А они вот тут, под рукой! Дывьись!

Какой великолепный подарок нынешним престарелым бандеровцам и оуновцам, националистическим группам и партиям, просто бандитам, готовым под такую идеологическую подкладку начать осуществление лозунга «Бей!..». У ветеранов эсэсовских украинских формирований есть чему учить потомков и чем оправдывать геноцид еврейского народа в Украине немецкими фашистами и их украинскими пособниками.

Мы можем считать публикацию списка прямым подтверждением возврата Украины к государственному антисемитизму. Или у президента Ющенко и премьера Тимошенко другое мнение?»

Одна небольшая радость, что в этой еврейско-хохлацкой потасовке и те, и другие взаимно виноватые хоть на время, но о России забыли...

Нынешний синедрион жрецов Холокоста как бы говорит Ющенко и всей националистической украинской элите, разыгрывающей «еврейскую карту»: «Один раз ради разрушения СССР мы закрыли глаза на ваших антисемитов — петлюровцев, эсэсовцев, оуновцев, бандеровцев, героев «СС Галичина», руховцев, западенцев. Но порезвились ребята, помогли вам завоевать «незалежность» — и баста! То, что идеология нашего Холокоста получает в Украине государственную защиту и становится обязательным предметом изучения в школах — это мы поддерживаем. Но сей факт не дает вам никакого права копаться в вашем голодоморе и выискивать, насколько в нем виноваты евреи. Побаловались своим утробным антисемитизмом в 90-е годы прошлого века — и хватит! Становитесь в строй мировой демократии и нового мирового порядка! Антисемиты! Смирно! Не забывайте, кто ваши хозяева: к ноге!»

Так приказывают охотники собакам.

В сущности, по схожей схеме происходила смена режима Звиада Гамсахурдиа на режим Шеварднадзе, да и в Эстонии с Латвией менее наглядно, но по тем же законам протекают процессы сегодняшней истории. А между прочим, муравь-

иная работа по постижению «непостижимого» Холокоста в России, ни сном ни духом не ответственной за деяния фашистской Европы, идет полным ходом. «Литературные вести» за июнь-июль 2007 г., которые редактируются бывшим выпускником Высшей партийной школы при ЦК КПСС Валентином Оскоцким, несколько лет подряд в разгар перестройки оравшим с пеной у рта на площадях Москвы «Фашизм не пройдет!» — сообщают:

«29–30 марта научно-просветительский центр «Холокост» (Москва) и Калининградский областной институт повышения квалификации и подготовки работников образования при поддержке министерства образования Калининградской области и РАО ЕС (это значит, что деньги на мероприятия дали Чубайс и губернатор Боос. — Ст. К.) провели семинар «Холокост»... Это уже третий семинар по теме в Калининграде за последние 5 лет.

Первый из семинаров был проведен со шведскими коллегами. После второго семинара в школы области поступил комплект основной учебной литературы по истории Холокоста. Особенностью третьего семинара, на котором присутствовало более 140 педагогов города и области, стало приглашение учителей не только истории, но и литературы. Лекции по методике преподавания темы прочел автор учебных пособий, профессор Московского института открытого образования Сергей Козленко. Мастер-класс впервые провели местные педагоги: историк Елена Войтович и литератор Светлана Горбачева, которые ранее приняли участие в стажировках в Израиле и США».

В декабре 2007 г. фонд «Холокост» отмечал свое десятилетие. В юбилейном выпуске бюллетеня на первой полосе важное сообщение: президент РФ выделил для фонда грант «на проведение образовательных семинаров и издание литературы по теме «Холокост». Московское правительство, чтобы не отставать от Кремля, приняло решение о проведении 28 января 2008 года в школах города «Урока терпимости», посвященного жертвам Холокоста». По словам Аллы Гербер, напечатанным в бюллетене, функционеры фонда «провели свыше 40 семинаров для преподавателей, проехав по всей России. С 2001 г. ежегодно группа из 20 преподавателей России направляется на стажировку в «Яд Ва-шем», а школьники СНГ участвуют в международной конференции в Бресте».

Но и это только цветочки. По информации сопредседателя центра «Холокост», соратника А. Гербер — Ильи Альтмана, готовится издание «Энциклопедии Холокоста на территории СССР», планируются экспедиции молодежи по местам Холокоста на территории России. *«Наша задача, — сказал Альтман, — чтобы во всех местах, где расстреливали евреев, были мемориалы, чтобы отмечался национальный день памяти жертв Холокоста, чтобы эту тему преподавали в школах и вузах, чтобы был создан государственный музей Холокоста...»*

Переведем дух и осмыслим все это, поскольку посол Израиля в России Анна Азари поздравила фонд с юбилеем и выразила *«надежду, что в будущем 27 января — День памяти жертв Холокоста — будет государственным праздником»*.

Вот, оказывается, с чего надо было начинать, а то мы столько никчемных государственных праздников нагромоздили: 12 июня — день независимости России, 21 августа — день освобождения неизвестно от чего, 4 ноября — вообще запутались, что это за праздник. Да отменить бы их все, оставить только один праздник всех праздников — День Холокоста...

Вот только сложность будет с установкой мемориалов «во всех местах, где расстреливали евреев». Ну где ставить мемориалы на месте расстрела Генриха Ягоды, начальника ГУЛАГа Бермана и его заместителей Кацнельсона, Раппопорта, Плиннера, всей верхушки строительства Беломорканала, начальников почти всех лагерей ГУЛАГа и более половины состава комиссаров госбезопасности I, II и III ранга?.. Разве найдешь сейчас места, где покоятся их останки, чтобы воздать им должную память и *«передать об этом детям нашим»?*

Так что трудную задачу ставят себе Гербер и Альтман. Евгений Ясин, пришедший поздравить фонд с юбилеем, на такие фантастические проекты не замахивается. Он всего лишь *«выразил надежду на то, что в Москве появится музей Холокоста, не стыдный для такой страны, как Россия»*. А чего нам стыдиться? У нас ни Петлюры, ни Бандеры не было. Нам бы для начала музей рассказывания построить где-нибудь в Ростове. Но разве ленивые русские патриоты утонят за Аллой Гербер?

Все, что я перечислил, заявлено лишь на первой страничке бюллетеня, а их, страниц этих, аж шестнадцать. На второй полосе именно перечисление школьников, студентов, пре-

подавателей вузов — победителей конкурса *«Уроки Холокоста — путь к толерантности»*. На пятой полосе важная информация в дипломатическом тоне: *«Ректор Брянского института повышения квалификации работников образования И. В. Пихенько выразил готовность к сотрудничеству с Российским центром Холокоста»*. Небось, бедный, денег для института ищет...

А вот еще нечто любопытное:

«27 ноября в Кондопоге на районном методическом объединении учителей истории с сообщением «Преподавание темы «Холокост в школе» выступила Г. Остапчук. Она познакомила коллег с литературой, полученной на семинаре в Петрозаводске и на летней сессии в Подмоскowie».

Вот ведь как получается: только что в Кондопоге прошли кровавые русско-чеченские разборки, а школьникам впихивают в программу изучение еврейского вопроса.

Шестая страница: информация о том, как в ноябре 2007 года десять преподавателей из разных городов России под руководством А. Гербер и И. Альтмана слетали в Америку, чтобы обсудить методологию уроков Холокоста с американскими коллегами.

Приложена фотография учителей и учительниц с широкими улыбающимися русскими лицами: наконец-то в Америке побывали!

10—11 ноября 2007 года. В Подмоскowie прошел семинар *«Рауль Валленберг. Трагедия гуманизма в XX веке»*, организованный Институтом толерантности (оказывается, уже есть такой институт... интересно, на чьи деньги организован). Участвовали в семинаре преподаватели из Чехова, Улан-Удэ, Владимира, Вологды, Тайшета... Когда я после института приехал работать в районную тайшетскую газету, у нас там служила корректором Роза Израилевна, по-моему, единственная еврейка на весь двадцатитысячный сибирский городок. А сейчас тайшетские преподаватели уже над судьбой Валленберга слезы роняют.

А ведь его судьба — такое белое пятно или темное место истории! Я помню, как после августовского путча хлынули в коридоры Лубянки правозащитники и демократы. Мы с сыном изучали в те дни документы, связанные с судьбой Сергея Есенина, его друзей и родных, и видели, с какими само-

довольными и торжественными лицами шастали по архивам и кабинетам Лубянки и Белла Куркова, и Евгения Альбац, и целые стаи журналистов и историков, жаждавших сенсаций и разоблачений. И, конечно же, о Валленберге нашли бы — если было бы что найти. Все, что можно, раскопали или сочинили: про все тайны ГУЛАГа, про Катынь, про Михоэлса, про Берию. А про Валленберга — кумира жрецов Холокоста — молчок. Значит, ничего не нашли. А если нашли, то нечто не должное появиться на свет: ну, допустим, о связях шведского дипломата с каким-нибудь Эйхманом, о торговле простонародной еврейской кровью. Ведь громадное семейство автомобильных венгерских магнатов Вайсов (более 50 человек) ведомством Эйхмана с помощью жрецов Холокоста было отправлено отнюдь не в Освенцим, а в курортную Испанию.

А в это время и Валленберг был в Будапеште, где выдавал избранным евреям паспорта через шведский Красный Крест. А то, что такая торговля еврейскими судьбами в ту пору была обычным делом, отражено весьма подробно в известном фильме «Список Шиндлера». Был, конечно, и «Список Кастнера», и, возможно, «Список Валленберга»... Но всегда надо помнить, что у каждого из жрецов было по два списка: один — небольшой с перечнем имен спасенных «нужных» евреев, и другой — многотысячный, заполненный фамилиями несчастных, отправленных на каторжные работы, в многочисленные гетто, в лагеря смерти, в которых «сухие ветви» пылали, озаряя пламенем пол-Европы.

До сих пор не разгадана причина ареста Валленберга сотрудниками советского СМЕРШа в январе 1945 г. и тайна его смерти в застенках НКВД. Историкам, желающим разгадать эти загадки, скорее всего надо обратить внимание не на советский или еврейской след в судьбе Валленберга, но на американский.

В энциклопедии «Холокост», изданной в Лондоне в 2001 г. и переизданной через несколько лет в России, об этом «американском следе» сообщаются любопытнейшие подробности, которых нет ни в одном из исследований об исчезновении Валленберга:

«Деньги на операцию спасения (венгерских евреев. — Ст. К.) поступали Валленбергу из американского Совета по делам военных беженцев. Рассекреченные к настоящему времени доку-

менты Управления стратегических служб США показывают, что перед ним ставились и другие задачи. Американец, перед которым он отчитывался о своей работе <...> работал также и на Управление стратегических служб, организацию — предшественницу ЦРУ <...> единственным, на кого могла опереться американская разведка в Будапеште, был Валленберг <...> Его действия, похоже, хорошо согласовывались с инструкцией директора Управления стратегических служб Уильяма Донована <...> Конечная цель инструкции, как указывается в рассекреченном документе национального архива США, заключалась в том, чтобы сковать и изолировать 18 германских дивизий, дислоцированных на Балканах. Ролью эмиссара американской разведки объясняется, возможно, и визит Валленберга к Хорти».

В январе 1945 г. Валленберг по неизвестным причинам вошел в контакт с советскими частями, каким-то образом перейдя линию фронта, добрался до Дебрецена, где находился региональный штаб советского командования.

«Что произошло с Валленбергом в Дебрецене, неизвестно. В конце января 1945 года он уже был заключен в тюрьму НКВД <...> непосредственно после войны разведка США официально замалчивала факт исчезновения Валленберга из опасения, что упоминание его имени может подтвердить советское обвинение (в судебном порядке так и не предъявленное), что Валленберг — американский шпион» (с. 114—115).

Если все, что пишет энциклопедия «Холокост», правда, то можно предположить, что Валленберг был арестован не «за то, что спасал евреев», как пишет «Еврейская газета» (№3—4, 2002 г.), а за то, что выполнял задание американцев по удержанию 18 немецких дивизий на Восточном фронте для борьбы с наступающей Советской армией. Возможно, американцы боялись, что эти дивизии могут быть переброшены на Западный фронт против армий Эйзенхауэра. В наше время историкам ясно, что семена будущей холодной войны между СССР и западными союзниками уже зимой 1945 года засеивались в европейскую почву, и скорее всего, Валленберг был одной из первых жертв этой еще не объявленной войны.

Еще одной версией его ареста может быть то, что он, как и Кастнер, отправляя часть «нужных евреев» на Запад, другую, куда более многочисленную, посылал на строительство оборо-

нительных сооружений против наступающих советских войск, что во время войны могло считаться преступлением... А именно за это еврейские мстители убили после войны сбежавшего в Израиль главу будапештской общины доктора Кастнера. Так что жрецам из фонда «Холокост» надо решить, чью память они хотят увековечить в Москве: коллаборациониста или сотрудника американских спецслужб. Но в обоих случаях документы из архивов КГБ о «деле Валленберга» должны были во время августовской революции 1991 года исчезнуть безвозвратно, дабы нимб спасителя евреев над его головой не потускнел ни на йоту...

И. Альтман, функционер фонда Холокост, пишет в бюллетене, издаваемом Аллой Гербер:

«Власти Венгрии (в отличие от России) декларируют тезис, что венгерский Холокост является частью национальной истории» (№ 1, 2007 г.). А что этим венгерским фашистам-антисемитам оставалось делать? «В отличие от России» они отправили в 1944 году в лагеря смерти чуть ли не полмиллиона евреев всего лишь за 42 дня. «В отличие от Венгрии» у нас ведь не было ни эйхманов, ни кастнеров. Так что не надо господину Альтману все сваливать с больной головы на здоровую. У них действительно Холокост *«является частью национальной истории»*. А у нас — увы...

Восьмая страница бюллетеня: «Голодомор и Холокост в Украине». Интересные мысли в статье о том, что при рассмотрении этих трагедий *«важно воздержаться от разоблачительного пафоса, унаследованного от советской системы»*. То есть нас призывают не вспоминать деяния ни Петлюры, ни Бандеры, ни Шухевича, ни Ягоды, ни Косиора... *«Необходимо сменить акценты с разоблачения палачей на героизм жертв...»*

Здесь же «круглый стол» «Память о Холокосте. Россия и Швеция». Где Швеция, там опять статья о Валленберге с главной мыслью: *«поддержать письмо-обращение к мэру Москвы Лужкову и председателю Мосгордумы Владимиру Платонову с просьбой назвать одну из улиц столицы именем шведского дипломата Рауля Валленберга»*. Надо переименовать Арбат, где живут дети Арбата. Пусть они будут называться «Дети Валленберга».

Есть, правда, одно маленькое препятствие в щепетильных вопросах создания музеев, переименования улиц и т. д. В Международный день памяти жертв нацизма президент Россий-

ского еврейского конгресса Вячеслав Кантор, выступая в Доме кино, внес предложение о создании в Москве музея, посвященного знаменитому «охотнику за нацистами» Симону Визенталю. Правда, он ловил нацистов где угодно — в Аргентине, в Канаде, в Австралии, во Франции — только не в России. Ну можно, конечно, учитывая заслуги Визенталя перед еврейством, сварганить и в Москве какой-нибудь музейчик, если бы не одно «но»: Норман Финкельштейн в своей книге «Индустрия Холокоста» пишет о том, что в Швейцарии *«Визенталь позволяет центру носить свое имя за 90 тысяч долларов в год»* (с. 155). Не думаю, чтобы Визенталь или его наследники разрешили Кантору организовать музей имени Визенталя бесплатно. Так что готовьте денежки, господа из Российского еврейского конгресса. Уверен, что имя знаменитого Валленберга стоит дороже, чем имя Визенталя. И чтобы даром это имя украшало какую-то улицу в Коньково, Деревлево или в Митино, конечно, не дадут. Слупят с Лужкова и Платонова так, что мало не покажется.

На следующей странице важнейшая информация: *«Одна из парламентских комиссий израильского кнессета выдвинула российского поэта Евгения Евтушенко на соискание Нобелевской премии 2008 года»*. Жаль, что не получил. Все бы ему тогда простила мировая общественность — и панегирики Сталину, и восхваление Ленина, и душераздирающие признания *«Коммунизм — это высший интим»*, и связи с Лубянкой. *«Мы имеем право иметь своих мерзавцев»*, — сказал Хаим Вейцман. (А может быть, Бен-Гурион?)

Здесь же информация о том, что отряд журналистов из российских СМИ («Итар-ТАСС», «Новая газета», «Московский комсомолец» и т. д.) только что вернулся из Израиля. В числе возвращенцев журналистка Наталья Морарь, которую в феврале 2008-го по каким-то таинственным соображениям ФСБ не пустила в Россию, а вынудила вернуться в Молдавию, чьей гражданкой Морарь является. Скандал, регулярно раздуваемый радиостанцией «Свобода», длился месяца два, потом, как по команде, все заглохло.

...На последних страницах бюллетеня «Холокост» несколько незначительных сообщений вроде того, что в Волгограде наконец-то установили памятный знак на месте, где расстреливали евреев — на площади Дзержинского (где же еще немцам расстреливать, как не там?).

А в конце — важная информация: в Израиль на стажировку в Холокостный центр «Яд Ва-шем» едут 20 эстонских учителей, что стало возможным лишь после введения с 2005 года в эстонских школах урока о Холокосте и после принятия Эстонии в *«международную организацию по сотрудничеству в увековечении и изучении Холокоста»*. Так что в Эстонии Холокост увековечен. Организация международная и называется «Таск фарс». Все правильно. Эстонцев надо в этом вопросе «натаскивать». Надо из них выколачивать их тевтонско-нордические комплексы. Хватит им учиться у их знаменитого земляка Розенберга.

А вот еще выдержки из нью-йоркской газеты «Форум» и свеженьких бюллетеней «Холокост» выпуска 2008 г.

«01.02 в С.-Петербурге прошел семинар методистов и учителей города на тему «Рауль Валленберг — и один в поле воин». Ну Валленберг — это святое, это как «Отче наш», это «наше все». В семинаре принимал участие и представитель семьи Валленбергов, некий Микаэль Вернстедт.

«Группа выживших в Холокосте и их потомков (! — Ст. К.) выступила против признания Римского Папы Пия XII святым». *«Губернатор Земли Нижняя Саксония Христиан Вильф принес извинения еврейской общине за то, что сравнил меру по сокращению высоких зарплат с «погромом»*. *«Виды сохранения памяти о Холокосте в Германии разнообразны, например, у домов, из которых были выселены евреи, устанавливаются мемориальные знаки»*. (Представляете, каково жить нынешним немцам в этих домах?)

«Полиция задержала трех неонацистов, совершивших в Праге нападение на еврея». — и это в «золотой толерантной Праге»!

Особое внимание надо уделить сборнику «Тень Холокоста» (материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста в современной России». Российская библиотека Холокоста, Москва, 1998 г.). Состав участников был потрясающ — все знаменитости старой гвардии: Стивен Спилберг, А. Даниэль, А. Гербер, И. Альтман, А. Асмолов, С. Ковалев, П. Полян, Т. Жванецкая и др. плюс еще представители от 11 государств Европы — целых 4 дня рассказывали друг другу о Холокосте. Сборник издан роскошно, все выступления на двух языках — русском и английском. Невозможно удержать-

ся, чтобы не привести несколько примеров изысканного красноречия: *«Латыши решили, что советскую власть привели в Латвию евреи. Потому что среди подпольной компартии Латвии, среди тех, кто радостно встречал Красную Армию, было большое количество евреев. На горе евреям первым комиссаром НКВД Латвии — всего на три месяца — стал еврей Семен Шустов, но этого было достаточно, чтобы с приходом немцев все газеты, которые выходили в то время, заговорили о том, что евреи уничтожили латышей и мы должны отомстить за кровь наших братьев <...> начался совершенно дикий шабаш»* (Л. Коваль, Латвия). (Вот почему именно латыш в новогоднюю ночь 1961 г. оскорбил нашу подругу Аллу Гербер! — Ст. К.) А вот отрывок из ее речи на семинаре:

«Сегодня это особенно опасно, потому что когда кризис, когда тяжело, когда люди не получают зарплату, когда не получают пенсию, когда выходят с протестом на улицы, то можно поднять глаза и сказать: «За этим окном живет банкир по фамилии такой-то. А за этим окном живет генеральный директор по фамилии такой-то. А за этим окном писатель, который врет, потому что на одну четверть еврей. А за этим окном актриса, которую надо убить, потому что в ней есть капля еврейской крови».

Как говорят в этих случаях — «без комментариев!».

Из выступления А. Даниэля:

«История СССР, история России в XX веке — это часть истории Холокоста». Собственной истории у России нет.

А вот описание того, как проходит урок по изучению Холокоста в 199-й московской школе. Из выступления учительницы Е. Батенковой.

Тема: «Разоблачение предрассудков». Сценарий таков. *«Я предлагаю добровольцу встать перед всем классом, а остальным детям рассказывать анекдоты, персонажи которых, волей автора, имеют национальную принадлежность. По мере того как дети рассказывают анекдоты, я обматываю его веревкой, до того момента, когда он уже не может пошевелить ни рукой, ни ногой, ни что-либо сказать. На следующем этапе работы дети должны были обозначить тот предрассудок, который заложен в рассказанном ими анекдоте, и назвать усматриваемые ими причины этого предрассудка. Далее, по мере того как дети вскрывали причину предрассудков, я постепен-*

но распутывала добровольца, и так до тех пор, пока паутина предрассудков не спала с него совсем».

А что это, если не садизм?

Уникален рассказ о том, как проходят в еще одной московской школе, созданной в 1991 году и подчиняющейся двум министерствам образования — российскому и израильскому, — уроки по истории Холокоста. Ведет их преподаватель А. Рыбаков, который сообщил конференции:

«У нас в школе постоянно стараются делать упор на эмоциональное восприятие Катастрофы. 5 мая у нас был совершенно потрясающий мемориальный урок, посвященный Катастрофе. Выходили девочки 5-го, 6-го, 7-го классов и рассказывали очень подробно о своих родных, погибших в Катастрофе или переживших ее. Они просто начинали рыдать, и голос у них сбивался. Это произвело очень сильное эмоциональное впечатление.

Урок закончился тем, что были сорваны все последующие уроки, потому что народ просто рыдал. Никто из зала не уходил. Там горели свечи в виде шестиконечной звезды на полу. Ни учителя, ни ученики не могли больше работать, и на этом учебный день завершился. Я сам был тронут до слез. Для меня, как организатора урока, это было высшей наградой. Это происходит через кровь, через сердце. Это больше, чем любые бумаги и любые цифры. В этом я глубоко убежден».

Ну что добавить? Бедные овцы стада израилева. Даже не овцы — ягнята! Да вашего пастуха давным-давно лечить надо в одной палате с Аллой Гербер. Впрочем, и в самом Израиле со школьниками тоже не церемонятся и тоже «закаляют» их психику по экстремальным программам, о чем пишет Норман Финкельштейн в книге «Индустрия Холокоста»:

«В своей речи на вашингтонской конференции по Холокосту Дэвид Харрис с воодушевлением говорил о том, какое глубокое впечатление производит <...> паломничество в нацистские лагеря на еврейскую молодежь. Газета «Форвард» описала одно такое мероприятие с особым пафосом.

Под заголовком «После посещения Освенцима израильские тинэйджеры развлекаются со стриптизершами» газета рассказывает, что учащиеся кибуца по совету специалистов «пригласили стриптизерш, чтобы избавиться от вызванных экскурсией тяжелых чувств».

Получается как бы выстрел по юным душам дуэтом: сначала душевное потрясение, потом сексуальное. Разрушение (или растление) подростковой психики в квадрате.

Заключительным итогом этого московского семинара было обращение ко всему цивилизованному миру: слезы слезами, а дело делом.

Москва, 7 мая 1997 г.

Мы, участники II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия», представляющие Россию, Украину, Беларусь, Молдову, Латвию, Литву, Германию, Израиль, США, Францию и Польшу, призываем правительства и парламенты, международные фонды, научные и просветительные учреждения, общественные организации всего мира:

1. *Приложить все усилия к созданию в столицах государств, граждане которых стали жертвами Холокоста, тематических музеев и мемориалов. Особенно актуален этот вопрос для Москвы — столицы государства, на территории которого в годы войны погибла треть из 6 000 000 евреев — жертв нацизма. Память погибших должна быть увековечена в каждом населенном пункте.*

2. *Тема Холокоста должна найти отражение в образовательных стандартах и программах, в процессе преподавания в высшей и средней школе. Необходимы государственные программы, включающие подготовку и переподготовку преподавателей, издание учебных пособий и производство учебных фильмов на тему Холокоста.*

3. *Способствовать законодательным инициативам в области преследования в уголовном или гражданском порядке за разжигание межнациональной розни, включая ответственность за отрицание Холокоста.*

4. *Установить ежемесячную компенсацию жертвам Холокоста, проживающим на территории России и других государств бывшего СССР, в размерах, соответствующих пенсиям жертв Холокоста, проживающим в Западной Европе, США и Израиле. Произвести им дополнительную единовременную компенсационную выплату в размере 5 000 дойчмарок (по аналогии с уже полученной гражданами других государств компенсацией от Германии) из вновь создаваемых швейцарского и международных фондов».*

Особенно важен здесь последний пункт, которому можно дать заголовок: «А где деньги взять?» — А кто распределить будет? — опять «конференция по притязаниям»? Обо всем этом прописано в книге Нормана Финкельштейна «Индустрия Холокоста»... А книга «Тень Холокоста» появилась у меня случайно. Узнав в интернете адрес фонда «Холокост», я послал туда редакционного шофера Мишу, чтобы он заехал на Садовническую улицу и выпросил у сотрудников фонда или купил хотя бы парочку последних бюллетеней мне для работы над этой статьей. Торжествующий Миша вернулся с двумя тяжелыми упаковками бюллетеня за 2006-й, 2007-й и 2008 годы, а в придачу и в благодарность за внимание к фонду ему с радостью вручили (даром, лишь бы взял!) еще несколько пачек сборника «Тень Холокоста», которыми, оказывается, был завален офис фонда. ...Ни подписки нет, ни покупателей. Алла Ефремовна, а не зря ли Ваш фонд тратит драгоценные «холокостные» деньги? Ох, как непросто они достаются жрецам Холокоста, а Вы так легко их проматываете... Книга, которой цены нет, — лежит невостребованная целое десятилетие¹. Представляю себе, как эта история с офисом, заваленным холокостной литературой, сегодня утешает антисемитов. Надо работать по-другому, более эффективно. А то вроде бы всемирная организация, работающая на новый мировой порядок, а на деле местечковый бардак. Может, вы действительно надоели не только нам, но и, страшно сказать, самим себе. Читаешь это все, и еретическая мысль приходит в голову: может быть, наша власть после того, как религия Холокоста будет внедрена во все поры жизни, разрешит все-таки русским людям ввести в наших школах и уроки Закона Божьего и веры православной. Как говорится, нет худа без добра. А то ведь посмотрите, что произошло за последние два десятилетия в американских средних и высших школах после того, как в учебные американские программы был запущен вирус Холокоста. Свидетельствует преподаватель Нью-Йоркского городского университета:

«Профессора высших школ могут засвидетельствовать, что гораздо большее число студентов сможет правильно указать век массового уничтожения евреев нацистами и назвать

---

¹ На последней странице бюллетеня «Холокост» есть надпись: «Издается при поддержке Claims Conference (США)»... Плакали ваши денежки, господа...

цифру убитых, чем в случае с войной между Севером и Югом. И в самом деле, массовое уничтожение евреев нацистами — чуть ли не единственное историческое событие, о котором сегодня говорится на учебных мероприятиях в университетах. Согласно опросам, больше американцев могут правильно цитировать Холокост, чем нападение на Перл-Харбор или атомные бомбардировки Японии».

(Н. Д. Финкельштейн, «Индустрия Холокоста»).

Холокост — это не только новая религия, пытающаяся заменить христианство, но это еще и новая история человечества, вытесняющая историю народов и государств. В сумме две эти замены и породят «новый мировой порядок», о котором говорится в эпиграфе к этой книге и о котором мечтают жрецы Холокоста.

* * *

Религия Холокоста впаривается во все извилины общественного сознания с гораздо большей энергией и изобретательностью, нежели сталинская «История ВКП(б)» в советское время.

Включаю телевизор 28 апреля 2008 г. — идет рекламный рассказ о том, что в Испании создан мюзикл по дневникам святой Холокоста Анны Франк. Ведущий особенно настаивает на том, что этот мюзикл необходимо посмотреть в России. Да смотрите его сами! Вы, европейцы, соблазненные Гитлером, виноваты в ее судьбе, вы и аплодируйте этому мюзиклу, сочиненному на основе дневника, часть которого написана шариковой ручкой послевоенного производства, через несколько лет после смерти Анны Франк.

Алла Ефремовна Гербер призывает давать уроки Холокоста русским школьникам, чьи деды и прадеды победили фашизм и спасли остатки европейского еврейства от уничтожения. Пусть лучше внедряет холокостные уроки в Прибалтике, где перед самой войной сохранились отдельные пляжи на взморье для христиан и евреев, где ее оскорбил недобитый латышский нацист; или в Польше, где уже после Освенцима в 1946 году сразу в нескольких местах произошли еврейские погромы со многими человеческими жертвами; или в Венгрии, где пережившие поражение венгерские фашисты-антисемиты во время восстания 1956 года брали реванш — вешали вниз

головой на будапештских липах венгерских евреев... И повторюсь: все это происходило уже «после Освенцима».

Нет, пожалуй, прав Александр Проханов, недавно написавший в газете «Завтра» о возможном завтрашнем дне нашей Родины:

«Распад России спишет в очередной раз все преступления, замусолит имена злодеев, зальет красной горячей жижей следы несусветных зверств.

И есть ли сегодня хоть одна политическая партия, или политическая группа, или собрание моральных людей, которые скажут об этом вслух? Или так и будем, по настоянию Аллы Гербер, изучать в еще оставшихся школах «холокост», а на диспутах правозащитников призывать к десталинизации России?

Сталин грядет».

V

УШИ АМАНА

Мы больны.
А. Гербер

Жрецы Холокоста, навязывая человечеству идею о его сакральности и непознаваемости, любят и умеют для достижения результата впадать в транс, а если говорить простым языком — в истерику. Причем понять, естественная ли это истерика или наигранная, бывает непросто.

Помню, несколько лет тому назад в «Независимой газете» (15.04.99 г.) было опубликовано «Слово психолога Президенту России в день памяти жертв Катастрофы»:

«Пробудитесь, господин президент!», «Набирает скорость бронепоезд национал-патриотизма и политического антисемитизма!», «Иного нет у нас пути... Лишь в Холокосте остановка», «мы уже провалились в эту колею, господин президент», «на карте России оттенки красно-коричневого цвета уже pokrыли Краснодарский край» (это сказано о слабых попытках администрации этого края воспрепятствовать захвату земель всяческими криминально-племенными структурами Северного Кавказа. — Ст. К.). До нападения банд Басаева на Дагестан оставалось всего лишь два месяца.

Все эти «независимые» шаманские заклинания, видимо, были венцом сезонного обострения психики А. Асмолова. Психическая экзальтация весьма высокой степени у профессора и доктора психологических наук, заведующего кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ, видимо, была его профессиональным недугом или в лучшем случае хобби.

А вот случай посложнее. В третьем-четвертом номере «Еврейской газеты» за 2002 год некто Михаил Садовский рассказывает о том, как он приехал в главный американский музей Холокоста — вашингтонский. А там, оказывается, каждый входящий должен не просто купить входной билетик, но во

время осмотра музея еще и сыграть роль реального человека, погибшего в эпоху Катастрофы, «влезть» в его судьбу, в его шкуру, словом, перевоплотиться, подобно актеру всемирно-трагического спектакля под названием «Холокост». Такого рода роли служители музея предлагают всем посетителям при входе в музей. Однако не все могут выдержать подобные нервные перегрузки, и у несчастных людей начинается «съезжать крыша», что и случилось с Садовским, когда он «напаялил» на себя жизнь и смерть погибшего в Освенциме местечкового украинского сиониста Симхи Перельмутера, который жил в 30-е годы в городке Хорошев, что на Львовщине.

«В сентябре 1939 г. <...> Советский Союз оккупировал Восточную Польшу, — пишет Садовский-Перельмутер, — где был расположен Хорошев. Несмотря на советскую оккупацию, Симха продолжал преподавать в Университете».

«Советская оккупация восточной Польши», как помнят все люди с нормальной психикой, — это возвращение в состав УССР Западной Украины, которую в 20-м году поляки отхватили у нашей страны, ослабевшей от гражданской распри. А еще должно заметить, что если бы местечко Хорошев в 1939 году перешло под власть фашистской Германии, то с «университетским преподаванием» Симхи было бы покончено сразу. А может быть, и с ним самим, поскольку спустя неделю после 22 июня 1941 года, когда войска вермахта вошли в Хорошев, «как еврей и ученый, — пишет Садовский, — Симха стал предметом преследования германских властей».

За ним вскоре пришли украинские полицейские, и родные больше не увидели Симху Перельмутера. Но именно вот тут Михаил Садовский (он же якобы Симха) впадал в состояние глубочайшего истерического транса. Нет бы ему вспомнить антисемита Степана Бандеру, или палача евреев Львовщины Романа Шухевича, опричники которого отправили Симху в Освенцим, но нет, он ни с того ни с сего заверещал голосом Александра Асмолова:

«Где те составы, которые приготовил великий вождь Страны Советов для депортации евреев, чтобы окончательно решить этот проклятый «еврейский вопрос»? Они на запасном пути? Вы не знаете, что они есть?», «А за что НКВД отплатило Валленбергу? За то, что спасал евреев?», «А вы, уцелевшие и новые жители Европы и мира? Молчите?.. Но разве за это убивают? Нет, за это не убивают. Убивают за то, что ты еврей!!!»

Три восклицательных знака, украсивших полосу «Еврейской газеты», свидетельствуют о том, что или психика Садовского не выдержала испытания на сцене Вашингтонского музея, либо о том, что он, как актер, почувствовал, что наступил его звездный час:

«Я, Симха Перельмутер, сошел в земной ад в полосатом тряпье нацистского покроя! Я прошел весь скорбный путь Симхи... Люди, люди, значит, не кончился Холокост...», «Но разве за это убивают?»

Перельмутер-Садовский, видимо, забыл, что в XX веке люди убивали друг друга за все. Русских убивали на рубеже 80–90-х годов в городе Грозном за то, что они не убегают, не бросают свои дома, за то в итоге, что они — русские. Если вы скажете, что за депортацию 1944 года, я отвечу: русские женщины, которых насильовали в 90-м году басаевские и радуевские головорезы, не выселяли их отцов и матерей в Казахстан в 1944 году. Палестинцы убивают евреев за то, что евреи вырезали население арабских деревень, разрушили их дома и отобрали землю, — за то, что они оккупанты. Евреи убивают палестинцев за то, что те живут на земле, которую Иегова обещал («земля обетованная») в незапамятные времена евреям, и за то, что палестинцы обстреливают ракетами «их поселения», построенные на земле «обетованной».

Американские школьники и студенты расстреливают своих товарищей лишь потому, что в гражданском обществе Америки так принято удовлетворять свои комплексы.

Потерявшие работу американцы расстреливают своих удачливых сослуживцев, мстя за свою «неконкурентоспособность», за безразличие общества к их судьбе.

Мусульмане убивают «желтых» европейских журналистов за оскорбление их пророка.

Американские солдаты убивают иракцев и афганцев от страха, что те могут выстрелить первыми.

Одни иракцы убивают других, своих коллаборационистов, за сотрудничество с оккупантами.

Вояки НАТО убивали сербов за то, что те не сразу подняли руки и не сдались мировому правительству.

Русские скинхеды убивают таджиков за то, что те продают в России наркотическую отраву.

Кондопогские русские восстали против чеченцев за то, что гости изуродовали своей хищной волей жизнь тихого городка.

В этом мире всех убивают за все. А не только евреев за то, что они евреи. И не стоит впадать в истерику с тремя восклицательными знаками: «Но за это не убивают!!!» Убивают за все.

Во многих «холокостных» книгах их авторы пытаются «реконструировать» историю, создавая в своем воспаленном воображении «художественные картины» описываемых событий. Вот, к примеру, какую сцену разговора Сталина с Лаврентием Берия о «деле врачей» сочинил генерал-полковник Д. Волкогонов в книге «Триумф и трагедия»:

«В тот последний вечер Сталин два-три раза (какая документальная точность! — Ст. К.) интересовался ходом следствия. Наконец спросил еще раз чрезмерно услужливого в последнее время Берия:

— А как Виноградов?

— Этот профессор кроме своей неблагонадежности имеет длинный язык. У себя в клинике стал делиться с одним врачом, что-де у товарища Сталина уже было несколько опасных гипертонических приступов...

— Ладно, — оборвал Сталин. (Пишет Волкогонов так, как будто сам сидел под столом, прослушивая и записывая эти разговоры! — Ст. К.) — Что вы думаете делать дальше? Врачи сознались? Игнатьеву скажите: если не добьется полного признания врачей, то мы его укоротим на величину головы...

— Сознаются. С помощью Тимашук, других патриотов завершаем расследование, и будем просить Вас разрешить провести публичный процесс...

— Готовьте, — бросил Сталин и перешел к другим делам» («Триумф и трагедия». Книга II, часть 2, стр. 192, 1989 г. Книга была издана в АПН тиражом в 300 тысяч экземпляров.)

С той поры прошло двадцать лет, но «художественные» домыслы в нашей историографии окончательно стали играть роль документов. Вот отрывок из книги «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем» (М., 2008 год. Авторы и составители П. Полян и А. Кох).

Вот как Павел Полян «реконструирует» разговор в эпоху Холокоста палача и жертвы средствами «художественной изобразительности»:

«А ты, чернявый, кто будешь? Политрук? Еврей? Ну, скажи «кукуруза», ну, покажи нам свой хер! Нет, вроде не жид. Но ведь похож, ну до чего похож! А может, все-таки жид? А вот Мыколу спрошу: он-то местный, он-то ваших знает, отлича-

ет, чует! Видишь, он кивает — жид, значит... — Сгинь в расход!» — Тут даже Симхе Перельмутеру далеко до такой экспрессии!

Да, тяжело читать садомазохистские стенания зомбированных людей, загнанных в зловещий театр Холокоста его пастухами и жрецами, его надсмотрщиками и режиссерами. Может быть, Симху Садовского надо отправить на лечение к Асмолову? Но лечится ли садомазохизм? Помню, как в 1990 году академик Гольданский, телешоумен Владимир Молчанов (то ли маленький жрец Холокоста, то ли обычный шабесгой), главный редактор «Огонька» Виталий Коротич и прочие небескорыстные кликуши с упоением запугивали еврейских обывателей воплями о том, что 5 мая в России должны произойти погромы, организованные могучей нацистской организацией «Память». Помню текст из «Литературной газеты» тех дней: *«Звонят читатели: — Извините, погромы будут в Москве и Ленинграде или в Киеве тоже? Подскажите, куда вывезти семью?»* («ЛГ», 1990 г. № 6, 2-я полоса)¹. Обратим внимание, как деловито спрашивают, как будто просят совета, куда, на какой черноморский курорт вывезти детей от наступающей майской жары. Вот это и есть управление обществом при помощи СМИ... Очень точно об этой политтехнологии рассказал Исраэль Шамир в статье «Иерусалимский синдром»:

«В послевоенные годы сионисты не останавливались ни перед чем для достижения своей цели и не щадили «свой народ». Это проявилось в организации массовой волны эмиграции из Ирака, подробно описанной известным израильским журналистом Томом Сегевом в книге «1949», а до этого — ближневосточным корреспондентом английской газеты «Гардиан» Дэви-

---

¹ И до сих пор продолжается этот провокационный шабаш! В американско-еврейской русскоязычной газете «Форум» (№ 233, 2009 г., апрель) рядом с портретом функционера П. Альтмана из герберовского фонда «Холокост» присутствует такой текст:

«Нацисты и им сочувствующие намерены устроить всероссийский погром 5 мая. На этот день намечены убийства иностранцев, поджоги зданий МВД, ФСБ, госучреждений, офисов «Единой России». Об этом говорится в заявлениях, распространяемых на их сайтах, пишет «Московский комсомолец».

Опять «сакральная» дата 5 мая, опять вброс в общественную жизнь провокационной информации... Ну разве это не разжигание межнациональной розни? Ну когда же их за это судить будут в нашем правовом государстве?

дом Херстом в книге «Ружье и оливковая ветвь» (Фабер и Фабер, 1977).

Массовая эмиграция евреев из Ирака была спровоцирована тремя взрывами в синагогах Багдада. Со временем выяснилось, что взрывы были произведены агентами израильской разведки. Другим мощным фактором были непрерывные сообщения в американской просионистской прессе о «близящихся погромах» в Ираке (как это напоминает разговоры о неминуемых погромах в России в 1990 году!). Сассон Кадури, главный раввин Ирака, писал в своих мемуарах: «К середине 1949 года пропагандистская война в Америке началась не на шутку. Американские доллары должны были спасти иракских евреев — вне зависимости от того, нуждались ли они в спасении. Каждый день были погромы — на страницах «Нью-Йорк таймс», в корреспонденциях из Тель-Авива. Почему никто не спрашивал нас?.. В Ираке стали появляться сионистские агенты, пользовавшиеся общим напяржением в стране и сулившие золотые горы евреям. Начались требования разрешить массовую эмиграцию, стали обвинять иракское правительство в том, что оно преследует евреев».

Наконец, под давлением демонстраций и торгового бойкота, иракское правительство капитулировало и издало указ о массовой эмиграции евреев <...>.

Подобным образом была организована и массовая эмиграция из Советского Союза в 1990—1993 годы. Распускались провокационные слухи о близящихся погромах, они бесконечно умножались, пропущенные через призму западных агентств новостей, сочетаясь с рассказами о прекрасной жизни в Израиле. Годы спустя я встретил в Иерусалиме Аллу Гербер, московскую еврейскую писательницу, активную участницу «дела Осташвили».

— Вы, израильтяне, должны воздвигнуть мне памятник, — сказала она. — Это я прислала вам миллион русских евреев.

Выяснилось, что Алла Гербер (вместе с Шекочихиным и Черниченко) пустила в эфир дезу о близящихся погромах с якобы установленной датой — 5 мая. Созданная этими слухами волна панического бегства способствовала дестабилизации Советского Союза и ускорила его гибель. Конечно, слова Аллы Гербер не имели бы никакого эффекта, если бы они не были многократно усилены всей пропагандистской машиной сионистского пиара. Не она, так кто-нибудь другой прошептал бы нужные слова, повторенные послушным аппаратом, и неискушенные

«советские граждане еврейского происхождения» потянулись бы вереницей подметать улицы Тель-Авива, стрелять по палестинским детям, умирать и ложиться в неосвященную землю за забором еврейского кладбища на далекой земле».

В начале перестройки в издательстве «Московский рабочий» был издан женский сборник «Новые амазонки». Он открывался дневником амазонки из города Пермь. Вот несколько отрывков из этого документального произведения «Покаянные дни, или В ожидании конца света»:

«Пришла Галя К. и сказала, что будет <...> погром. Еврейский. Даже если это слух, то какая подлость по отношению к евреям.

— Если начнется заварушка, нужно делать ноги, — говорит мой муж, преподаватель иврита.

Я выронила бутерброд с маслом, конечно, маслом вниз»... «Ночью проснулась от грохота. Началось? Что делать в первую очередь? Вскочила, смотрю: это кошка уронила со шкафа наши сто коробков спичек».

Нина Горланова, видимо, русская женщина. Замужем за евреем. Она, ее дети, ее друзья, приносящие на кухню всяческие слухи, живут в такой истерической атмосфере, что на них и обижаться грешно. У нее бутерброд с маслом выпадает из рук при слове «погром», но это цветочки: *«вывихнула руку, когда в бешенстве тушила сигарету».* *«Это какие-то сверхъевреи, — кричу я, заведаясь и размахивая руками и роняя вазу с цветами».*

«Читаю младшим вслух «Воспоминания Вишневской». В том месте, где Вишневская прощается со сценой Большого театра, мы все зарыдали. Агния (младшая дочь. — Ст. К.) от перевозбуждения даже заснула».

«Друзья мужа — евреи — звонили в МВД Перми, спрашивали, готовы ли спасти от погромов жителей города. — К нам не поступило никаких сигналов! — был ответ. — А если уехать на дачу? — спрашивает Люся Г., жена еврея. — Может, там отсидимся?»

— Это еще хуже, там ни телефона, ни больницы... — говорю я. — Я собираюсь позвонить друзьям-евреям и пригласить их ночевать эту роковую ночь у нас. Может, вместе-то отобьемся». *«До катаклизма (погрома. — Ст. К.) остался один день. А ночь? Ночью начнется.*

Нурия, маленькая девочка, дочь моей знакомой:

— Тетя Нина, а в городе образовалось общество, которое ловит евреев».

И не приходит в голову русским женщинам Нине и Гале стукнуть кулаком по столу, чтобы опомнились их мужья-психопаты, и прикрикнуть: *— Не сходите с ума и нас не сводите! И детей пожалейте!*

Нет, наверное, уже поздно, болезнь слишком далеко зашла, начинаются галлюцинации:

«Я бормочу, идя по улице в магазин. Видимо, со мной что-то не то, потому что боковым зрением вижу, как на сохе пролетел по небосклону Василий Белов. А ведь был вроде писатель».

Не только Белову, но достается от амазонки, когда она находится в припадке юдофильской истерики, и Достоевскому тоже, мол, последний *«путал евреев с буржуазией»*. Это напоминает мне, как некий профессор Металлов, читавший после войны в Литинституте лекции о творчестве Льва Толстого, частенько выговаривал Льву Николаевичу: *«Ну этого старикашка не понимал!»*... Вот так-то: Горланова и Металлов все понимают, а Толстой и Достоевский, увы!

«Со мной случилась истерика... Подруга ушла, пришли другие гости, истерику не смогли остановить... Вызвали «скорую» — нет одноразового шприца, а их шприц рискованно-грязный»...

Прочитав слова Бунина о Катаеве (из «Окаянных дней»), о том, что последний за тысячу рублей якобы готов был убить человека, чтобы модно одеться, Горланова вгоняет себя в очередной приступ:

«А сейчас во главе «Памяти» все писатели, поэты да критики. И они не за тысячу рублей, а совершенно бесплатно готовы убить всех евреев в нашей стране. Вот что значит 70 лет советской власти».

Но пик болезни, после которого никакая «скорая» уже не сумеет помочь, настал в конце повести.

«Полночь. Мужа нет дома. Он уехал к Бруштейнам обсуждать, как заниматься самообороной, на лестнице шаги, много мужских ног. Бегом обратно от нашей площадки. Почему бегом? Потому что бомбу подложили и спешат убежать, чтобы не подорваться. Значит, началось. Я — дрожа — выхожу в коридор, включаю свет всюду (на кухне тоже зачем-то) и протя-

гиваю руку к замку. Страшно. Но я должна быстрее открыть, схватить бомбу и скинуть на головы тем, кто сейчас будет выбегать из подъезда, тем, кто ее подложил. Выскакиваю на площадку — ничего нет. Поднимаюсь на чердак — лужа мочи. Ага, это всего лишь анонимные алкоголики заходили по своим интимным делам... Тут и муж вернулся. Рассказываю, он мрачнее тучи.

— И все же лучше погибнуть от погрома один раз, чем много раз мысленно. Ложись спать».

Успокоил! Ну какие после этого будут сны? Только такие: «Сон, будто мы уже переехали на квартиру Соколовских, нам обещанную. Там из коридора есть дверь в кабинет, ее мы закрыли стеллажами с книгами, словно нет тут дверей. И там спрятали всех своих друзей-евреев и моих детей. Входят из «Памяти» (все мои знакомые) и мимо двери-стеллажа, но тут вдруг оттуда смех моей Агнии...» Агния, младшая дочь, выдала себя погромщикам! Ну как тут с ума не сойти! «Проснулась, заплакала в туалете»...

Да, это посильнее даже Симхи Перельмутера!

Ну как тут не пожалеть бедных детей Нины Горлановой (а их у нее немало). Они, как и она со своим мужем и друзьями-евреями, ждут конца света, называемого «погромом»: «Мама, ты мне купишь гусенка? — опять умоляет Агния. Обещаю купить».

— Ура! Значит, я надую гусенка и поплыву, спасусь шестьдесят второго числа, да?»

Шестьдесят второе число (как у Гоголя в «Записках сумасшедшего» — 38 мартабря) — это день Икс, когда должно начаться светопреставление, именуемое погромом. После такого что делать? Материнских прав лишать с формулировкой «за издевательство над детьми»?

А пока «светопреставление» не началось, дети Горлановой питаются слухами о погроме и о том, что пермские рабочие на металлургическом комбинате ловят бродячих котят и «их там в печь бросают (металлурги)». И, глядя своего домашнего котенка по спине, пермская амазонка добавляет: «Это наши советские люди».

Бедные еврейские овцы, нет вам пощады от ваших пастухов и от их овчарок, от расчетливых и властных жрецов, которые тащат вас на жертвенник! Навеки все вы обречены приметься на себя освенцимскую полосатую робу Симхи Перельму-

тера и рыдать над агитками Павла Поляна. Жрецы знают об уязвимости вашей психики хотя бы потому, что сто лет тому назад один из этих жрецов-психиатров (Асмолов той эпохи) так описал незаживающие язвы овец своего стада:

«...Тяжелые условия жизни евреев, особенно в тех странах, где они ограничены в правах, влияют на их психику и способствуют развитию среди них нервных заболеваний. Вредное влияние оказывали также преждевременные браки и браки между близкими родственниками, благодаря чему физические недостатки известной семьи, в особенности нервность, являются более концентрированными в потомстве. К числу моментов, предрасполагающих евреев к нервным заболеваниям, следует отнести и особенную чувствительность их сосудодвигательной системы... Большинство специалистов считают евреев самым нервным народом в мире, а характерным заболеванием являются среди них... так называемые функциональные неврозы. К этой группе заболеваний относятся: истерия, неврастения, эпилепсия, невралгия, истероэпилепсия, пляска св. Витта и тик. ...Характерными чертами истерии у евреев считают необыкновенную мнительность, прислушивание к своим ощущениям, преувеличение своих страданий и порой симуляции...»

Это диагноз не освенцимского врача-убийцы Менгеле, не идеолога расизма Розенберга и не покойного Дмитрия Васильева. Это из статьи профессора С. Черняховского «Нервные и психические заболевания», опубликованной в почтенном научном издании «Еврейская энциклопедия», С. Петербург, 1912 год.

Если поверить «Еврейской энциклопедии», то становится понятным, что атмосфера, в которой поколениями пребывала еврейская коллективная психика, умело и корыстно использовалась пастырями еврейства. Не потому ли доля всемирных знаменитых отморозков террора, вышедших из еврейской среды, куда весомее, нежели у других народов?

Вспомним лишь знаменитостей XX века — организатора террора в России Евно Азефа, убийцу Столыпина Мордехая Богрова, убийцу графа Мирбаха Якова Блюмкина, Леонида Каннегисера, застрелившего Моисея Урицкого, Фанни Каплан, стрелявшую в Ленина, убийцу Симона Петлюры — Шварцбарта, Гершеля Гриншпана — убийцу германского дипломата Эрнста фон Рата, Игала Амира, застрелившего израильского премьер-министра Ицхака Шамира. А кто был

замешан в покушении на Кеннеди? — Ли Освальд, которого застрелил Джек Руби... Список этот можно продолжать и вспомнить ипатьевский дом и Якова Юровского, а к нему добавить имя главного организатора терактов в сталинскую эпоху Наума Эйтингона.

Происхождение этого «истерического терроризма» имеет древние корни. В 1989 году мои рижские читатели прислали мне издававшийся в Риге «Вестник еврейской культуры». В этом вестнике была рубрика «Для самых маленьких», в которой излагалась широко известная библейская история о еврейской красавице Эсфири и о персидском царе Артаксерксе, о противостоянии еврея Мордехая и злого антисемита Амана, об истреблении евреями персидской знати и об учреждении праздника Пурим во имя этой победы.

Но воспитывать детей из века в век на таких кровавых мифах опасно. Такое воспитание зароняет в их душах семена истерической жестокости, мстительности и коварства. Как тут не вырасти в очередном поколении новым Богровым и Блюмкиным? Я часто размышлял об этом, перечитывая Ветхий Завет. Я знал, что еврейские дети ежегодно празднуют Пурим и, как пишет рижский «Вестник», *«каждый год четырнадцатого адара евреи в синагогах слушают «Книгу Эстер». При упоминании имени Амана мы свистим и шикаем. Мы не хотим слышать это злое имя. Зато, когда произносятся имена Эстер и Мордехая, мы хлопаем в ладоши и восхваляем их смелость»*.

Однако «Рижский вестник» сообщил мне одну неизвестную доселе ритуальную подробность из празднования Пурима для детей: *«Мы едим хаменташен, пирожные в форме Амановых ушей»*. Такая гастрономическая подробность поразила меня. Почему? Ну, это все равно, как если бы после Куликовской победы в меню русской народной кухни появился паштет из печени Мамаю.

Памятуя об этом ветхозаветном ритуале, нечего удивляться такому количеству террористов из еврейской местечковой среды. А что за дети вырастут завтра, слушая причитания асмоловых, полянов, борщаговских, резников и Аллы Гербер? Чему уж тут удивляться, когда понимаешь, что этих «жрецов» в детстве перекормили «ушами Амана». Кстати, недавно на нашем TV был перформанс — веселая компания с удовольствием разрешила и съела торт, сделанный в виде мертвого Сталина. Это все из той же оперы, которая называется «Уши Амана».

Да и торты в виде православных церквей, которыми торгует в финале гнусного фильма Г. Абуладзе «Покаяние» его главная героиня, приготовлены на той же пуримовской кухне... Ведь нужно «съедать» купола, кресты, часовенки...

Поразительно, что книга Эсфири о том, как еврейское племя не просто было спасено, но уничтожило 72 тысячи антисемитов из высшего персидского сословия, стала культовой.

Две тысячи пятьсот лет из года в год евреи (и еврейские дети!) радостно отмечают этот праздник кровавого возмездия. Ну это все равно, как если бы русский народ, как никто другой пострадавший от гитлеровского нашествия, праздновал не просто День Победы — 9 мая, а день Возмездия — 16 октября 1946 года, когда в Нюрнберге была повешена фашистская верхушка, или как если бы американцы плясали, били в бубны, танцевали и изображали в театральных постановках День атомной бомбардировки Хиросимы. Известный историк и публицист Эдуард Ходос, еврей по национальности, живущий в Харькове, в своей книге «Выбор-2006: между Спасителем и АнтиХристом» так проецирует историю Эсфири (Эстер) с ушами Амана на наше время: *«Напомню, что вторая война против Ирака была объявлена США в марте 2003 года аккуратно в еврейский праздник Пурим <...> Саддам Хусейн по убеждению Хабадников — новый Аман, повешенный на дереве благодаря хитрости Эстер» <...> «Война против Ирака была войной <...> против ритуального религиозного врага <...> во время которой ритуальное действие было отыграно до последнего акта — вплоть до убийства сыновей Хусейна, полностью соответствовавшего «сценарию Пурима», когда были убиты сыновья Амана»...*

А все ведь начинается с пожирания пирожных, испеченных в виде «Амановых ушей».

* * *

Жрецам все время нужно заботиться о будущем своего культа, постоянно воспитывать новых поклонников, делать прививку вируса истеричности вступающему в жизнь новому поколению. В 2001 году в Москве вышло «Учебное пособие для 9-го класса средней общей образовательной школы» с названием «История Холокоста на территории СССР». Авторы — руководители фонда «Холокост» И. Альтман, А. Гербер, Д. Полторак. Вот их методические разработки:

«Обсудим в классе вопросы: «Вас отправляют в гетто — что бы Вы взяли с собой?», «Напишите письмо из гетто»; «Надо ли нам знать имена тех соотечественников, которые принимали самое активное участие в «акциях»? (примечание: «акции» — внезапный увоз из гетто группы обитателей в концлагерь на расстрел); «Почему мы выделяем еврейское население в особую категорию жертв нацизма?»; «Расскажите, как Вам представляется жизнь евреев в Германии после нюрнбергских законов?»; «Как Вы думаете, возможно ли появление законов, подобных нюрнбергским, в нашей стране <...>?»

Дорогой читатель! Ну скажите, зачем русским детям писать сочинения на эти темы? Даже у взрослых людей, когда они входят в роль Симхи Перельмутера, «едет крыша». У Асмолова, Садовского, Поляна и многих других она, видимо, поехала давно, но мы, как православные христиане, должны их понять и пожалеть.

А вот методология уроков по Холокосту для российских школьников одиннадцатого класса по теме «Бабий Яр»... План нескольких уроков («Холокост», № 2, 2006) на тему о том, как обманывали киевских евреев, собирали их в колонны, как вели на окраину Киева, как убивали их украинцы из зондеркоманды.

Уроки проходят под декламацию стихотворения Евтушенко «Бабий Яр», под чтение отрывков из повести А. Кузнецова «Бабий Яр», под цитаты из статьи В. Гроссмана и И. Эренбурга «Бабий Яр», под просмотр кинофильмов «Список Шиндлера» Спилберга и «Дети бездны» П. Чухрая (младшего).

Правда, понимая, что психологическая нагрузка на школьников (несмотря на то, что они уже в 11-м классе) может оказаться невыносимой, разработчики программы на всякий случай советуют: *«из-за сильной психологической нагрузки не проводить данный урок первым... Не проводить до или после посещения ребятами школьной столовой»...* (Видимо, понимают, что их стошнить может.)

14.12.2008 г. по радиостанции «Свобода» была передача, посвященная Соловкам. Вел ее некий В. Тольц, в свое время при советской власти сбежавший, как и автор повести «Бабий Яр» Анатолий Кузнецов, на Запад. Запомнились его слова о том, как он (или герой его рассказа) в наше время ищет на Соловках место массовых расстрелов. И Тольц красивым драматическим баритоном произносит: *«Казалось нам, земля шеве-*

лится под ногами». Круто? Но у родоначальника литературы о Холокосте лауреата Нобелевской премии Эли Визеля в книге «Слова иностранца» (изд. ДюСей, 1982 г.) на той странице, где он пишет о Бабьем Яре, сказано еще круче:

«Позже я услышал от свидетеля, что несколько месяцев спустя (после расстрела. — Ст. К.) земля не переставала трястись, и из нее вырывались гейзеры крови».

Да, поистине «эта штука посильнее, чем «Фауст» Гёте!».

* * *

Ночью с 26-го на 27 декабря 2008-го на радиостанции «Свобода» Владимир Кара-Мурза беседовал с Аллой Гербер. Та восхищалась наилучшей методологией изучения Холокоста в Германии: *«Я была в Ваннзее. Бесконечные экскурсии, толпы народа, а какие экскурсоводы! Они показывают посетителям стулья и говорят: на этих стульях сидели нацисты. А это стол, за которым было принято решение: всех еврейских детей, вплоть до грудных, надо уничтожить!»*

От стенограммы ваннзейской конференции остался один листочек машинописи — третий или четвертый экземпляр, где ни слова нет ни о детях, ни об уничтожении евреев... Многие историки вообще сомневаются в подлинности этого документа.

А тут все якобы подлинное, как в вашингтонском музее: соучастники преступления — стол, стулья, слышавшие разговоры об уничтожении еврейских грудных младенцев. Но такое психическое самовнушение не остается бесследным для самой гипнотизерши — Гербер, да и для ее собеседников по передаче. Ведь стоило только открыть ящик Пандоры! Все выступающие на «Свободе» заводят друг друга чуть ли не до сладострастного мучительного изнеможения:

А. Гербер:

«Мы живем окруженные ненавистью! В парикмахерской женщина с голубыми глазами (ну прямо Ева Браун. — Ст. К.) говорит: — Хохлы вооружают грузин. Ненавижу! — Как это страшно!» (но женщина это слышала на ТВ не от русского националиста или скинхеда, а от украинского парламентария Коновалюка, который выяснил, сколько танков и артиллерийских орудий продали по дешевке израильские и украинские спецслужбы для вояк Саакашвили).

«У нас опять поиски врагов, — причитает Алла, — то чеченцы, то грузины, то украинцы».

В разговор вклинивается правозащитник Подрабинек:
— *Когда начинаются военные действия, то для ксенофобов — это праздник!*¹

Горячую тему подхватывает профессиональный антифашист Прошечкин:

— *Выросло целое поколение, которое знает: ради любимой матери России надо убить человека!*

В разговор вступает ветеранша правозащитного движения Людмила Алексеева:

— *Очень серьезную роль росту ксенофобии придало провозглашение независимости Южной Осетии и Абхазии!*

И не стыдно матерой правозащитнице не знать, сколько своих сыновей положили два малых народа за 20 лет, чтобы добиться этой желанной независимости!

Алла Гербер:

— *Это ужасно! Парикмахерша с голубыми глазами! У нас в Общественной палате есть приличные люди, Коля Сванидзе, Александр Брод, Генри Резник. Но что мы можем? Мигранты! Их убивают, а мы не знаем, где их трупы! А ненависть к чеченцам, возвращенная в ельцинское время! А Буданов! А таджикская девочка! А мать троих детей Бахмина! А умирающий Александр! И в это время мы ищем врагов! Мы больны!..»*

Вот тут я согласился с ней: вы больны. Больны беспамятством, потому что не хотите помнить, как под крики «Чемодан! Вокзал! Россия!» русских изгоняли в 90-е годы почти из всех бывших республик Советского Союза, отбирали квартиры, имущество, избивали, даже убивали, насиловали. Говорю это не понаслышке. Немало моих знакомых по существу стали беженцами и рады тому, что хоть жизни спасли. И родственники с такой судьбой у меня тоже есть.

А убитые русские учительницы и их дети в Чечне, в Ингушетии, в Туве? Что уж говорить о Душанбе или Кишиневе!.. А сколько головорезов было при нападении на Буденновск и Первомайск? Что — там с оружием в руках были только Басев и Радуев? И, конечно, многие их поделельники попали ради общего умиротворения страстей под амнистию. Значит, и Бу-

---

¹ Тот самый Подрабинек, который осенью 2009 г. в припадке антисоветской истерики восхвалял в интернете «военные действия» прибалтийских «лесных братьев» и бандеровцев, а заодно проклинал ветеранов Великой Отечественной, сражавшихся с этой профашистской нечистью. Ненависть к СССР оказалась сильнее ненависти к украинско-латышским антисемитам.

данова надо было амнистировать, и Ульмана. Если уж амнистировать военных людей — то с обеих сторон взаимно.

Алла Ефремовна Гербер, как она сама призналась, больна. Но есть у меня старый товарищ в Перми, поэт Анатолий Гребнев, он опытный врач, работает в психиатрической больнице. Могу попросить его положить в нее всех вас: Асмолова, Симу Перельмутера-Садовского, Подрабинека, Прошечкина — в одну палату № 6. До полного излечения. До окончательного решения вопроса.

Впрочем, Аллу Ефремовну положим в отдельную палату вместе с Ниной Горлановой — во-первых, потому, что я питаю к ней слабость с той поры, когда защитил полвека тому назад ее женскую и национальную честь. А во-вторых, за то, что она, будучи председателем фонда «Холокост», издает бюллетень с тем же названием, где порой печатаются необыкновенно уникальные материалы. Ну, например, информация о том, каким тотальным образом ущемлялись права человека среди еврейских заключенных во время Холокоста:

«В музее концлагеря Равенсбрюк (Германия) открылась выставка, посвященная принудительной проституции в фашистских концлагерях. «Ни одной другой теме, связанной с историей концентрационных лагерей, не сопутствует такое умалчивание, с одной стороны, и такие предрассудки и искажения — с другой», — говорит директор мемориала Инна Эшенбах. Десять публичных домов, открытых СС в 1942 году в концлагерях, были призваны содействовать повышению производительности труда заключенных-мужчин. Их посещения были частью многоступенчатой системы поощрений разных групп заключенных, из которых были исключены евреи. Идея исходила от руководителя СС Гимmlера, что подтверждает экспонируемая копия его письма в экономический отдел СС» (№2, 2007).

Какая несправедливость! Какой садизм! Ну как тут не согласиться с тем, что слово «геноцид» — слишком слабенькое. Даже к проституткам евреев не допускали! Поистине, это был настоящий Холокост...

VI

ПО ЗАВЕТАМ ИИСУСА НАВИНА

И все дышащее, что находилось в нем,
в тот день предал он закланию...

Книга Иисуса Навина

Когда жрецы Холокоста утверждают, что он уникален, непознаваем и неповторим, что он случился в XX веке и ничего такого в прошлом не было и ничего подобного в грядущем уже не будет, они лукавят, обманывая доверчивых гоев, дабы ошеломить их таинственным величием новой религии, которую умом не понять и в которую можно только верить.

Дело в том, что отцы-основатели государства Израиль не раз заявляли, что *«Библия — наш мандат на Палестину»* (Хаим Вейцман); *«создание государства Израиль — ответ Бога на Холокост»* (один из иерусалимских раввинов); *«если мы считаем себя народом Библии, мы должны владеть всеми библейскими землями»* (Моше Даян); *«эта земля нам обещана, и мы имеем право на нее»* (Менахем Бегин); *«я чистосердечно верю в право еврейского народа на всю землю Израиля»* (Ольмерт). Из этих формулировок, сказанных с абсолютной уверенностью, явствует, что создатели Израиля на зубок знали Библию и знали, конечно, что само понятие «Холокост» («всесожжение») родилось во времена Моисея и его преемника Иисуса Навина. Из великих и зловещих мифов тех времен они черпали фанатическую веру в свою правоту и учились очищать землю обетованную теми же методами, какими очищали ее от чуждых племен их легендарные предки.

«В тот же день взял Иисус Макед и поразил его мечом и царя его, и предал закланию их и все дышащее, что находилось в нем; никого не оставил, кто бы уцелел. И поступил с царем Македским так же, как поступил с царем Иерихонским.

И пошел Иисус и все израильтяне с ним из Македа к Ливне и воевал против Ливны. И предал Господь и ее в руки Израиля, и царя ее, и истребил ее Иисус мечом и все дышащее, что находи-

лось в ней; никого не оставил в ней, кто бы уцелел. И поступил с царем ее так же, как поступил с царем Иерихонским.

Из Ливны пошел Иисус и все израильтяне с ним к Лахису; и расположился против него станом, и воевал против него. И предал Господь Лахис в руки Израиля, и взял он его на другой день, и поразил его мечом и все дышащее, что было в нем, так, как поступил с Ливною.

Тогда пришел на помощь Лахису Горам, царь Газерский; но Иисус поразил его и народ его мечом так, что никого у него не оставил, кто бы уцелел.

И пошел Иисус и все израильтяне с ним из Лахиса к Еглану, и расположились подле него станом, и воевали против него. И поразили его мечом, и все дышащее, что находилось в нем, в тот день предал он закланию, как поступил с Лахисом. И пошел Иисус и все израильтяне с ним из Еглана к Хеврону и никого не оставил, кто уцелел бы» (Книга Иисуса Навина; X; 34—36).

Мало того, что Ягве приказывает своему народу «предать «закланию», то есть уничтожить поголовно, все соседние народы: «Хеттеев, Геггесеев, Амореев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Ивусеев» (Втор.: 7; 1—3), — нет, он требует большего: «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом; и разрушите жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощу их, и разбейте истуканов богов их, и истребите имя их от места того» (Втор.: 12; 2—3).

То есть надо стереть с лица земли все признаки истории и жизни этих уже уничтоженных («заклятых») народов, чтобы не то что их капищ в лесах и на холмах, но даже имени их на этих пространствах не осталось! А еврейские историки до сих пор негодуют, что гитлеровцы сжигали книги Гейне, Карла Маркса, Фейхтвангера, Томаса Манна, Гервега, Лассалья. Да это же — детские шалости по сравнению с картиной, нарисованной во Второзаконии!

Но это еще не все. Тексты из Первой книги Царств (15,9) еще круче. Холокост не ограничивается истреблением людей и материальных свидетельств их жизни: «Теперь иди и порази Амалика и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла» — это приказ Ягве царю Саулу. Конечно, воспитанники Гиммлера и Эйхма-

на были хорошими исполнителями приказов, но думаю, что уничтожать ни в чем не повинную еврейскую живность в белорусских и польских местечках — овец, волов, телят, свиней, кошек и собак («все дышащее») — они, лишенные библейской поэтической фантазии, все-таки не додумались.

Впрочем, оно и понятно: одно дело, когда тебе приказывает провести этническую чистку в Киеве или Риге какой-нибудь штурмбаннфюрер, какой-нибудь пошлый эйхман, отличающийся от тебя только другими погонами на эсэсовском мундире («банальность зла!»), другое, когда приказы исходят от самих жрецов Ягве, а в исключительных случаях и от Него Самого:

«Истребите все народы, которые Господь Бог твой даст тебе»; «ты идешь, чтобы овладеть народами, которые больше и сильнее тебя... Господь Бог твой идет перед тобою, как огонь пылающий...»

Попробуй тут не выполни! Ведь у Ягве — око всевидящее, и его приказ «об окончательном решении вопроса» в разборках с амалекитянами, хананеянами, гергесеями и прочими народами — это приказ свыше, а не какая-то «филькина грамота», принятая на берегу Ванзейского озера.

Жрецы Холокоста могут возмутиться и возразить мне: мол, все, что написано в книге Иисуса Навина, — это мифы, это легенды, это много раз переписанные, сочиненные и не подтвержденные историей и археологией рассказы, поэтому их нельзя считать Холокостом.

Но тогда — и вся Библия никаким «мандатом на Палестину» быть не может...

Однако если говорить серьезно, то ничего, к сожалению, не изменилось ни в сознании, ни в действиях жрецов, oprичников, инквизиторов и воинов Холокоста за 25 веков — со времен этнических чисток, производимых Иисусом Навином.

Вот как с подробностями описывает уничтожение мирных арабских деревень публицист И. Шамир в книге «Сосна и олива»:

«Во время нападения на деревню Саса в Верхней Галилее 14 февраля 1948 г. пальмахники взорвали шестьдесят домов с мужчинами, женщинами и детьми <...> нечто подобное произошло и на юге Нагорья, в селе Дауамие, где десятки крестьян были убиты, а их тела брошены в водосборную яму 28 октября

1948 года <...> Израильской журналистке Юле Харшефи удалось обнаружить в яме скелеты убитых, в том числе и детские скелеты. Убийство в Дауамие было произведено солдатами 89-го батальона под командованием Моше Даяна <...> село было стерто с лица земли динамитом и бульдозерами, и на его месте возник еврейский поселок Амацея.

Массовая резня мирных жителей производилась и в селах Ильбун, Сафсаф, Джиш и других. «Евреи совершали нацистские зверства, это не дает мне спать спокойно. Надо это скрыть от внешнего мира, но расследовать», — заявил министр сельского хозяйства Аарон Зицлинг на заседании правительства 27 июня 1948 года» (с. 155).

А вот какой сверхчеловеческой яростью, излучающей поэтическое дыхание «Второзакония», и абсолютно той же лексикой наполнено заявление группы раввинов о том, как надо сегодня относиться к палестинцам:

«Наш религиозный долг такой же, как освящение вина в субботу, устроить им не джихад, но такой Холокост, какой и Гитлеру не снился, перебить всех, включая женщин и младенцев, и домашний скот, до последней кошки и собаки» (газета «Гаарец», 21 ноября 2000 года).

Особенно повторяют Ветхий завет слова об уничтожении «домашнего скота» и «до последней кошки и собаки»... А ведь эти же раввины искренне верят в то, что Холокост уникален и повторить его невозможно...

Но именно так действовали израильские головорезы в январе 2009 г., устроив побоище палестинцев в Газе, где убили более полутора тысяч человек по рецепту, выработанному в эпоху Иисуса Навина: *«включая женщин и младенцев, и домашний скот, до последней кошки и собаки»*. На этот раз даже европейцы, пославшие своих сыновей в Ирак, в Югославию, в Афганистан, содрогнулись от ужаса.

Во время Интифады 1987–1993 годов израильтяне убили 1 176 палестинцев (20 000 — раненых). Израильские потери составили 33 солдата. Соотношение — один к сорока. В январские дни 2009 г. палестинцы потеряли почти полторы тысячи человек (больше половины — дети, женщины, старики). У израильтян погибло 10 солдат. Соотношение — один к пятидесяти. Искусство безнаказанно убивать у потомков Иисуса Навина совершенствуется с каждым годом.

Что такое «избранный Богом народ»? Если следовать суждению русского богослова о. Сергия Булгакова о том, что «народы — суть мысли Божии», то все народы, каждый по-своему, «избранные», потому что в сущность каждого из них Создатель вложил свою мысль, одновременно наделив народы, как человеческие личности, свободной волей, дав им возможность развивать Божью мысль в своей истории. Если так понимать «избранность» народа — как религиозное единение с Богом, как ощущение себя «Божьей мыслью», как благодарность Богу за доверие, то можно понять и восхититься верой христианина, верой мусульманина, верой тибетского монаха, наивной верой язычников в Зевса-Юпитера, в Ра-Амона, в Дажьбога и в Перуна с Велесом.

Но если народ начинает толковать факт своей избранности как корыстную и почти материальную силу, если он на пряжках своих солдат-оккупантов гравировал слова «Gott mit uns» («с нами Бог»), как это делали немцы, то он естественно впадает в один из смертных грехов — в гордыню, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Арабы по-своему тоже избранный народ, поскольку их пророк Мухаммед получил в аравийской пустыне суры Корана не от кого-нибудь, а от самого Аллаха. А этот момент мировой метафизической истории ничуть не слабее того, при котором Моисей записал из уст Ягве скрижали на горе Синай.

А древние египтяне считали себя детьми Солнца, потому что их Верховным Божеством был Бог солнца Ра.

Великая цивилизация Индии не дождалась бы до наших дней, если бы Создатель Вселенной не продиктовал племенам Индостана мифологию сотворения мира. А буддийский мир, по-своему очеловечивший целый континент, заселенный многочисленными ветвями древа людского, — что, разве на нем нет печати избранности? А разве в бессмертном афоризме «Москва — Третий Рим» не реализовалась мечта об избранности русского народа? Той избранности, о которой писал в поэме «Ленинградский апокалипсис» гениальный мистик русской поэзии Даниил Андреев, которая помогла нам выстоять в невиданной доселе в человеческой истории войне с фашистской Европой:

Ночные ветры! Выси черные
Над снежным гробом Ленинграда!
Вы — испытанье; в вас — награда;
И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме Ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.

Недаром Даниил Андреев называл русских — сверхнаро-
дом...

Так что каждый народ может тешить себя надеждой на свою избранность. В этом смысле все народы — как дерзкие дети или как тихие пациенты психиатрической клиники. В ней ведь никому не возбраняется считать себя Христом, или Магометом, или Буддой, но выпускать на волю, во внешний мир таких пациентов можно лишь тогда, когда они излечатся.

Пусть тешатся своей избранностью в стенах лечебницы, в своем родовом гнезде, но выносить ее, эту мечту, как оружие в борьбе за место под солнцем, делать ее средством борьбы — это значит впадать в расистские соблазны, о чем писал еще сто с лишним лет назад наш религиозный философ Владимир Соловьев:

«Как только эти чисто человеческие и натуральные особенности еврейского характера получают перевес над религиозным элементом и подчиняют его себе, так неизбежно этот великий и единственный национальный характер является с теми искаженными чертами, которыми объясняется всеобщая антипатия к еврейству <...> в этом искаженном виде национальное самочувствие превращается в национальный эгоизм, в безграничное самообожание с презрением и враждой к остальному человечеству; а реализм еврейского духа вырождается в тот исключительно деловой, корыстный и ничего не брезгующий характер, за которым почти совсем скрываются для постороннего, а тем более для предубежденного взгляда лучшие черты истинного иудейства».

И это сказано в статье «Еврейство и христианский вопрос» (1884) мыслителем с устойчивой мировой репутацией юдофила, задолго до того, как политический сионизм испортил духовную ауру иудаизма.

...У нас в Калуге бок о бок расположены с давних времен два кладбища: одно — христианское, другое — еврейское. На христианском можно складывать кого угодно: православных, мусульман, буддистов, адвентистов, староверов, атеистов, русских, евреев, армян, татар, чукчей. У меня там семейные могилы, я там часто бываю и отвечаю за свои слова. Для нашего Бога «несть ни эллина, ни иудея». На еврейском, где я тоже бываю, но реже, — навещаю своего покойного школьного друга Бориса Горелова — лежат под шестиконечными звездами только евреи... «Здесь не увидишь ни одного креста», — сказал мне кладбищенский сторож. Почему? Может быть, потому, как пишет об иудеях сионистский историк Кастейн, что в глубокой древности, еще во времена персидского пленения, *«они решили, что им предопределено стать особой расой... что их образ жизни должен быть совершенно иным, чем у окружающих их народов. Требуемое различие не допускало даже мысли о слиянии их с соседями. Они хотели быть обособленными, абсолютно отличными от всех».*

При жизни, особенно нынешней, конечно, соблюдать такие условия невозможно. Но после смерти — легче легкого. Никаких других соседей рядом в твоём посмертном гетто... Осуществление мечты левитских жрецов несчастного народа. И даже на гранитном надгробье Бориса Горелова, комсомольца и атеиста, не знавшего ни одного слова из древнееврейского языка, вырезаны клинописные слова на неведомом ему иврите...

* * *

Кротких еврейских овец всю их двадцатипятивековую историю пасли жестокие пастухи, именуемые во времена персидского и вавилонского пленения левитами, в эпоху Иисуса Христа фарисеями, в Средние века талмудистами, в XVIII—XIX веках хасидами и хабадниками, в XX веке раввинами и сионистами.

Сплоченность этой касты поразительна. Она имеет даже физические, зрительные формы. Вспоминаю, как по нашему Центральному российскому ТВ летом 2007 года показывали свадьбу всего лишь навсего внука нынешнего, если не ошибаюсь, раввина, возглавляющего секту Хабад («Евреи превыше всего, а Хабад — превыше евреев» — вот девиз этой секты. —

Э. Ходос. Выбор между Спасителем и Антихристом. Харьков, 2005, стр. 5).

На свадьбу собрались раввины со всего мира. Их было несколько сотен. В честь великого праздника они затеяли на одной из площадей Иерусалима ритуальный танец. Все они были в черных шляпах, в черных плащах до пят, с черными бородами. Образовав гигантскую черную цепочку-змею, в которой каждый, кто стоял сзади, впивался пальцами обеих холеных рук в плечи того, кто находился впереди, под звуки ритуальной музыки с одинаковым застывшим выражением на бородастых лицах, распевая неведомые мне слова то ли древнего песнопения, то ли молитвы, эта черная шеренга начала извиваться, как громадная змея, подчиняющаяся волшебной мелодии. Все раввины — старые и молодые, с одинаковыми улыбками на бородастых лицах, раскачиваясь и выделявая однообразные и слаженные танцевальные па, стали изгибаться право-влево с не меньшим искусством, нежели плывущие по сцене танцовщицы из ансамбля «Березка». И так все слаженно у них получалось — колебания тел, повороты голов в черных шляпах, передвижения ног, как будто они всю жизнь выступали вместе на мировых подмостках и всю жизнь исполняли бок о бок этот мистический танец, похожий на сеанс коллективного самогипноза.

А ведь, наверное, в таком составе и в таком количестве они встретились в Иерусалиме впервые. И столько самозабвенного однообразия было в движении этого живого организма, этой гигантской черной гусеницы, что я подумал: по красоте и режиссуре, по фантастической синхронности движений с этим ансамблем мирового класса могли бы сравниться только парады элитных частей Третьего рейха в черных мундирах, со свастиками или с черепами на рукавах в эпоху 1938—1939 годов, с механическим совершенством марширующих перед застывшей фигурой фюрера, возвышающегося на трибуне с выброшенной в мировое пространство неподвижной дланью.

А еще я бы мог сравнить сверхчеловеческое слияние отдельных тел в один организм, в одну громадную особь с бесчисленной стаей океанских рыб, внезапно, по неведомому нам приказу принимающей форму шара или объемного овала... Эти чудесные метаморфозы я не раз видел в замечательных телепрограммах Би-би-си о жизни природы. ...Мистерия, в которой начисто исчезает личная воля каждого исполнителя, но эта потеря возмещается апофеозом высшей воли пле-

мени, секты, сословия, стаи. Воли Божественной или сатанинской, горней или животной — это уж пусть каждый из нас понимает как хочет...

* * *

До сих пор таинственные обряды, зародившиеся в иудейской древности, живы и воздействуют на историю Израиля и на жизнь народа, порой самым причудливым образом.

К середине 90-х годов прошлого века премьер-министр Израиля Ицхак Рабин, в молодости профессиональный террорист, один из организаторов убийства шведского графа Бернадотта (защищавшего от имени ООН права палестинцев), отдавший приказ во время Интифады ломать руки палестинским детям, бросавшим камни в израильских оккупантов, пришел к выводу, что никаким военным решением палестинцев не сломить: народ победить невозможно. И он, подобно американцам во Вьетнаме и французам в Алжире, пошел на переговоры с Арафатом, чтобы дать палестинцам автономию и отказаться от дальнейшей оккупации Западного берега Иордана.

Через несколько месяцев израильские фундаменталисты провели против Ицхака Рабина обряд «пульса денура» («удар огнем»), каббалистическую церемонию, *«участники которой, — как пишет историк Э. Ходос, — проклинают человека, виновного в преступлении против народа Израиля, и призывают ангелов смерти и разрушения покарать его».*

Через недолгое время «предателя» убил несколькими выстрелами из пистолета молодой израильтянин Игал Амир.

Роже Гароди так пишет об убийстве Рабина: *«Игал Амир, убийца Ицхака Рабина, не бродяга, не умалишенный, а чистый продукт сионистского воспитания. Сын раввина, студент-отличник клерикального университета, воспитанник талмудических школ, солдат элитных частей на Голанских высотах, имел в своей библиотеке биографию Баруха Гольдштейна (который несколько месяцев назад убил в Хевроне 27 арабов во время молитвы у гробницы Патриархов). Он мог видеть по официальному израильскому телевидению большой репортаж о группе Эйлл («воины Израиля»), поклявшейся на могиле основателя политического сионизма Теодора Герцля «уничтожить каждого, кто уступит арабам «землю обетованную» <...> Убийство премьер-министра Рабина (как и тех, кого расстрелял Гольдштейн) укладывается в строгую логику мифологии сионист-*

ских фундаменталистов: приказ убить, сказал Игал Амир, «исходил от Бога», как во времена Иисуса Навина» («Ле Монд», 8 ноября 1995 г.)

А ровно через десять лет обряд «пульса денура» был наложен на премьер-министра Израиля (бывшего организатором истребления нескольких тысяч палестинцев в ливанских лагерях Сабра и Шатила) Ариэля Шарона.

«Старый Бульдозер, — пишет Эдуард Ходос, — впал в немилость у своих бесноватых соплеменников с того момента, когда решил отогнать израильские танки и бульдозеры с небольшой части оккупированных палестинских территорий и вывезти оттуда несколько тысяч еврейских поселенцев. Мимходом замечу, что, несмотря на громкие рукоплескания «все-го прогрессивного человечества», мирными инициативами там и не пахло. Все гораздо прозаичнее: уж очень дорого и хлопотно постоянно держать в круговой обороне несколько малочисленных поселений, с присутствием которых на отнятой у них земле никак не хотели мириться палестинцы» (с. 50).

Тому, что судьба Шарона, посягнувшего на какие-то сотки «земли обетованной», завещанной Иеговой народу Израиля, была решена, я нашел подтверждение в еврейской газете «Форум», в размышлениях Е. Сатановского, президента Института изучения Ближнего Востока (Москва).

«Шарон сегодня — это уже не тот Шарон, что 20 лет назад. То же самое можно сказать о большинстве политических деятелей. Они стары, они устали. Они запуганы. На сцену должно выйти поколение новых политических деятелей. От этого зависит, останется ли Израиль на карте. В конце концов, страну теряет не армия — страну теряют ее лидеры».

От ритуальных каббалистов — знатоков обряда «пульса денура» к просвещенному российскому востоковеду информация доходит моментально, словно по таинственным сообщающимся сосудам истории.

«Пульса денура», шаманские танцы раввинов, юноша Игал Амир, словно бы возникший в современном Израиле из времен Иисуса Навина... Чудеса? Конечно. *«Правoverный иудей действительно верит в физическую реальность и эффективность перечисленных во Второзаконии и других книгах проклятий. «Еврейская энциклопедия» подтверждает, что эта вера держится до сих пор. В этом отношении евреи сходны с африканскими дикарями, верящими в то, что заклинания могут при-*

вести к смерти, и с американскими неграми, дрожащими перед шаманами Вуду» (Дуглас Рид. Спор о Сионе, стр. 38).

«Талмудистская литература обнаруживает веру в действительную силу слов, доходящую до явного суеверия... проклятие, произнесенное ученым раввином, неотвратимо... Иногда проклинали, не произнося ни слова, а лишь фиксируя на жертве свой пристальный взгляд. Неизбежным последствием этого взгляда были скоропостижная смерть либо обнищание» (там же, стр. 78).

Вся эта ниточка древнейших обрядов (вплоть до «дела Бейлиса»!) тянется из глубины темных времен. Члены вечно-го синедриона, как высшая жреческая инквизиция, присматривают за рядовыми жрецами, и если те из прагматических соображений чуть-чуть пошатнутся вправо-влево, чуть засомневаются в законности или целесообразности владычества над землей обетованной, чуть помыслят пойти на компромисс с арабами, усомнившись в союзе Ягве и его народа, то верховная инквизиция тут же выносит им приговор.

Вот почему от этого диктата Осип Мандельштам бежал в христианство, Троцкий в русскую революцию, Маркс — в теоретический западноевропейский коммунизм, Роже Гароди — в ислам, Иосиф Бродский в американскую космополитическую жизнь. Куда угодно, только бы вырваться из-под власти жрецов, из «хаоса иудейского», о котором с удивительной точностью писал выдающийся русский поэт Николай Заболоцкий в стихотворенье «Бегство в Египет», где идет речь о спасении младенца Христа от фарисейской инквизиции:

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

.....
Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах, —

Вскрикнул я и пробудился...

* * *

В газете «Форум» (№ 219, 2009) я прочитал статью журналиста Симона Джекобсона, которая повергла меня в изумление: оказывается, в правовом государстве Израиль, считающемся оплотом демократии на Ближнем Востоке, не существует Конституции! Вот что пишет об этом юридическом феномене автор статьи «Есть ли будущее у современного сионизма»:

«Израиль так и не принял Конституции (...) многие религиозные евреи настаивают, что единственная подлинная конституция еврейского государства — это Тора и еврейский закон (Алиха).

Они не только не видят необходимости в светской конституции, но даже усматривают в подобном документе угрозу верховенству Торы и соответствующим тысячелетним традициям еврейской жизни на родине и в диаспоре».

А мы еще возмущаемся, что иные мусульманские народы сегодня пытаются жить по законам шариата. Да Тора на две тысячи лет старше любого шариата!

Ну это все равно, как если бы русские жили даже не по «Домострою», а по «Правде Ярослава Мудрого»... Конечно, там, где Тора, где Второзаконие — там и «пульса денура», и «уши Амана». Поневоле вспомнишь даже про кровь христианских младенцев. Словом, «ветхозаветная демократия»...

* * *

Евреи — люди лихие,
они солдаты плохие,
Иван воюет в окопе,
Абрам ворует в рабкоопе.
Я все это слышал с детства
и скоро совсем постарею,

но мне никуда не деться
от крика: «Евреи! евреи!».
Не воровавший ни разу,
не торговавший ни разу,
ношу в себе, словно заразу,
эту особую расу.
Пуля меня миновала,
чтоб говорилось не лживо:
евреев не убивало, —
все воротились живы.

Меня начиная с 1959 года, когда я его впервые прочитал, тревожило это стихотворение Бориса Слуцкого. Но всю сложность, глубину и противоречивость его я понял только в нынешней старости.

Борис Слуцкий — честный поэт, находившийся в эпицентре всех социальных и национальных веяний — русских, советских, еврейских, попытался в этом стихотворении внятно выразить всю сложность еврейской судьбы. Он бесстрашно принимает (или, по крайней мере, не отвергает) упреки мировой и русской истории, когда перечисляет действительные пороки еврейства: *«они солдаты плохие», «люди лихие», «Абрам торгует в рабкоопе», «евреев не убивало — все воротились живы»*... Это — почти набор антисемитских обвинений — анекдотов, наветов, слухов, сплетен... Но честный поэт Слуцкий не возмущается, не кричит в истерике «антисемитизм!», «чернотенство!», он со спокойной усталостью как бы соглашается, что нет дыма без огня, что в этих антисемитских упреках есть некая страшная и трагичная для евреев и для него правда: *«Но мне никуда не деться от крика: «Евреи! евреи!»* Он почти соглашается с тем, что есть для этого тотального осуждения причина, поскольку очень уж непохожи евреи на все другие ветви человечества. «Ношу в себе, словно заразу, эту особую расу» — с мужеством отчаяния признает он, что раса — «особая», но одновременно поэт понимает, что мир несправедлив, обвиняя поголовно в «особом расизме» всех евреев.

Вот он сам. Его душа, распахнутая в стихах. Его судьба, непохожая на судьбу «Абрама», торгующего во время войны в рабкоопе; непохожая на судьбу евреев, укрывшихся в тылу, на судьбу евреев, которые и «люди лихие», и «солдаты плохие», не похожа на судьбу чуть ли не всей «особой расы». *«Не воро-*

вавший ни разу, не торговавший ни разу» — но почему мир не хочет видеть этой его единоличной искупительной честности, его офицерской мужественности, его, в конце концов, советского патриотизма? А сколько горестной иронии в последних строчках: «пуля меня миновала» — для чего? — для дальнейшей жизни после войны?! — да нет, все гораздо сложнее, для того, чтобы «навет» на еврейство был абсолютным, безо всякого исключения:

чтоб говорилось не лживо:
евреев — не убивало,
все воротились живы!

Даже его личная удача — остался жив — ложится на антисemitские веса истории, потому что мир убежден в порочности «особой расы», «избранного народа». А это уже разговор с судьбой, вымаливание милости у немилосердного, страшного и карающего Бога евреев Ягве. Моление, похожее на моление Авраама о том, чтобы ревнивый Бог Израиля простил утонувшие в грехах и непослушании ветхозаветные города Содом и Гоморру, поскольку в них все-таки есть среди тысяч, достойных только «заключения», несколько праведников. *«И подошел Авраам и сказал: может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем? Не может быть, чтобы ты погубил праведного с нечестивым... Судия всей земли поступит ли неправосудно?»* (Бытие, 18).

Поэт возвращает нас к спору, длящемуся сорок веков, начало которому было положено в мошеническом и трогательном молении Авраама, чтобы грозный Ягве помиловал ради горстки праведников целый город грешников.

Свято место пусто не бывает. И недаром Борис Слуцкий, выросший в эпоху воинствующего атеизма, вспомнив отринутую историей ветхозаветного Бога, поставил на его место другой, более понятный образ:

Мы все ходили под Богом.
У Бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
его иногда видали
живого. На мавзолее.

Он был умнее и злее
Того — иного, другого
по имени Йегова,
которого он низринул.
Извел, пережег на уголь¹,
а после из бездны вынул
и дал ему стол и угол.

Этому земному Богу Слуцкого свойственны и «всевидящее око», и «всепроницающий взгляд» — все забытое, ветхозаветное и вдруг всплывшее из доисторической вавилонской бездны.

Интересно, что Сталин в стихах русских поэтов той же эпохи (Исаковский, Твардовский и др.) изображен как понятный людям земной человек, как суровый, но справедливый отец, как народная надежда, в крайнем случае как полководец и вождь и даже злодей или диктатор. Но никогда — как Бог. Такое случилось лишь с поэтами, вышедшими из «хаоса иудейского», из еврейской среды, сохранившей в своей генетической памяти все ветхозаветные мифы об отношениях их предков с грозным племенным божеством Ягве.

---

¹ «Всесожжение», «Холокост» — по отношению к Ягве! — Ст. К.

VII

ОТ РОЗЕНБЕРГА ДО ВАЛЛЕНБЕРГА

На деле существуют только два национализма: немецкий и еврейский.

Томас Манн

В поистине эпохальном романе Томаса Манна «Доктор Фаустус» есть одна сцена, всегда привлекавшая мое внимание. В маленьком городке — в сердце Германии — встречаются два человека, а если точнее, то два символа: гениальный и полубезумный немец — композитор Адриан Леверкюн и парижский импресарио, в прошлом бедный польский еврей Саул Фительберг. Действие происходит на рубеже 20—30-х годов. Импресарио уговаривает композитора совершить гастроли по Франции, соблазняет Парижем, но наталкивается на каменное молчание Леверкюна, в котором угадывается одно его желание — поскорее избавиться от назойливого собеседника и додумать, дочувствовать, довершить нечто медленное, глубокое, тяжелое, что никак еще не может вылиться у него на бумагу нотами, в которых, как он подозревает, может быть, будет выражена разгадка темной немецкой сущности. Еврей Фительберг — не дурак. Он сразу понял, что ни в какую Францию этот угрюмый немец не поедет, и после нескольких жеманных и остроумных попыток разговорить Леверкюна гражданин Франции, уже уходя, почти стоя в дверях, произносит замечательный монолог:

«Можем ли мы, евреи — народ пророков и первосвященников, не ощущать притягательной силы немецкого духа? Как родственны между собой судьбы немецкого и еврейского народов (...) Сейчас любят говорить об эпохе национализма. Но на деле существуют только два национализма: немецкий и еврейский; все другие — детская игра. К примеру, исконно французский дух Анатоля Франса просто светское жеманство по сравнению с немецким одиночеством и еврейским высокомерием избранности» (Собр. соч., т. 5, стр. 528. М., 1960 г.). В ответ

на возражение о том, что это суждение принадлежит герою повествования, а не автору, я приведу суждение о немецком народе из письма Томаса Манна, написанного летом 1934 года Эрнсту Бертраму:

«Несчастный, несчастный народ! Я давно уже прошу мировой дух освободить его от политики, распустить его и рассеять по новому миру, подобно евреям, с которыми этот народ связан таким сходным трагизмом».

Крайне любопытна также мысль Томаса Манна, высказанная в письме Оскару Шмитту (январь 1948 г.), то есть уже после разгрома ненавистного ему гитлеровского Третьего рейха.

«В том, что Вы рассказываете мне об «иконоборческом» движении, о покаянном антиромантизме, есть, однако, своя плачевная сторона.

Низкопоклонством перед неудачей отдаёт это отвращение к ценностям, которые, не проиграв Германия войны, оздоравлили бы мир <...> теперь ополчаются на Лютера, Фридриха, Бисмарка, Ницше, Вагнера, а то и на Гете. Хотят отречься, что ли, от своей истории, от своей немецкости? Есть много правды и много доброй воли, но есть и что-то жалкое в этом самобичевании и отрицании немецкого величия, самого, впрочем, каверзного величия на свете».

В двадцатом веке, к несчастью для человечества, на Европейском материке произошли столкновения двух национализмов, нет, много страшнее — двух расизмов, немецкого и еврейского. Оба были беременны внутренними темными революциями. «Сумрачный германский гений» жаждал всемирного господства, и не просто посредством грубой силы, но силы, обогащенной культом сверхчеловека, освященной религией расы. Ему было мало оставаться просто «тевтонским Римом», он возжелал стать арийским Иерусалимом, возведенным на фундаменте национальной почвы и чистой крови.

В то же время гений «избранного народа», уставший за два тысячелетия от скитаний по задворкам мировой истории, от тяжести венца «горнего Иерусалима», устремился к тому, чтобы стать «как все» и обрести свое национальное государство с признаками своего еврейского Рима, с родимыми пятнами несправедливости и бесчеловечности, которыми украшена история всех государств мира. Обе большие гордыни созрели для того, чтобы ради этих безумных целей принести в жертву своих сыновей и дочерей, как приносили их некогда

на древнегерманские жертвенники жрецы эпохи Нибелунгов и левиты иудейского племени, требовавшие от имени Иеговы у своего стада первенцев для «всесожжения».

То, что я сейчас пишу, сегодняшние жрецы Холокоста воспримут с понятным мне возмущением, но, слава Богу, в мировой истории были и еще есть честные еврейские мыслители. Одной из них была Ханна Арендт, жившая в Германии, точно и трезво объяснявшая драму еврейского самосознания на рубеже XIX–XX веков:

«Евреи трансформировались в социальную группу с характерными психологическими свойствами и реакциями. Иудаизм выролдился в еврейство, мировоззрение — в набор психологических черт. Именно в процессе секуляризации родился вполне реальный еврейский шовинизм. Представление об избранности евреев превратилось... в представление, что евреи будто бы соль земли. С этого момента старая религиозная концепция избранности перестает быть сущностью иудаизма и становится сущностью еврейства» (Арендт Х. Антисемитизм. «Синтаксис», Париж, 1989, № 28).

Но что могла сделать в 30-е годы Ханна Арендт и еще несколько трезвых еврейских умов, когда в правящем слое жрецов будущего Холокоста уже калькулировалась жестокая, прагматическая и предельно бесчеловечная цена, которую придется заплатить овцам стада Израилева за создание сионистского государства!

Бен-Гурион: *«Задача сиониста — не спасение «остатка Израиля», который находится в Европе, а спасение земли Израильской для еврейского народа»* (Том Сегев. Седьмой миллион. Изд. Дианы Леви, Париж, 1993).

«Если мы можем спасти 10 000 человек из 50 000, которые могут внести вклад в создание страны и дело национального возрождения, или миллион евреев, которые станут для нас обузой или в лучшем случае мертвым грузом, мы должны ограничиться спасением 10 000, которые могут быть спасены, несмотря на проклятия и призывы миллиона, который не в счет» (из меморандума «Комитета спасения». Том Сегев. Седьмой миллион. Изд. Дианы Леви, Париж).

«Сионизм прежде всего... Могут сказать, что я антисемит, что я не хочу спасти диаспору... Пусть говорят, что хотят» (И. Грюнбаум. Дни разрушения).

Что ж. Сказано честно. На войне как на войне. Сколько раз великие полководцы разных народов жертвовали частью своих солдат («остатком Израиля»), отрядами «пушечного мяса», лишь бы отвлечь внимание противника и нанести важнейший стратегический удар на главном направлении. В конце концов, и палестинцы многому научились у евреев. «Сухие ветви» у палестинцев — это их смертники, их шахиды, у которых, в отличие от евреев, за душой не просто библейские мифы и не оккупированная территория, а своя земля.

В 30-е годы XX века между сионистами и нацистами разыгрался, как продолжение разговора Фиттельберга с Леверкюном, бурный роман. Они ревновали друг друга в борьбе за мировое господство, объяснялись в любви, душили друг друга в объятиях, торговались за место под солнцем, обменивались своими идеологически-расистскими наработками.

Из меморандума «Сионистской федерации Германии», посланного 21 июля 1933 г. руководству нацистской партии:

«С основанием нового государства, которое провозгласило расовый принцип, мы хотим приспособить наше сообщество к этим новым структурам... <...> Мы не хотим недооценивать эти основные принципы, потому что мы тоже против смешанных браков и за сохранение чистоты еврейства» (Л. Давидович. Читатель Холокоста, стр. 155).

Словом, сионистская верхушка послала фашистской власти сигнал (не то чтобы «мы с тобою одной крови — ты и я», но чуть-чуть другой): «мы, как и вы, исповедуем чистоту расы и потому предлагаем вам плодотворное сотрудничество». В сущности, это было предложение об идеологическом разделении мира под властью двух избранных народов. Сионистский миф побратался на время с арийским мифом. Мартин Бубер — философ, сопротивлявшийся перерождению религиозного сионизма в государственно-политический, горевал по поводу такого перерождения:

«Большинство евреев предпочло учиться у Гитлера, а не у нас. Гитлер показал, что история идет не дорогой духа, а дорогой силы, и если народ достаточно силен, он может безнаказанно убивать» («Джуит ньюслеттер», 2.6.1958).

Иуда Магнес, президент Еврейского университета в Иерусалиме, называл отказ от традиции пророков, от их духовной праведности и увлечение еврейства расистскими соблазнами фашизма — «помешательством» и «языческим иудаиз-

мом». «Если вы хвастаетесь своей избранностью вместо того, чтобы жить по воле Божьей, — говорил Мартин Бубер, обращаясь к евреям, — это преступление, это «превращение народа в идола» (М. Бубер. Израиль и мир. Нью-Йорк, 1948, с. 263).

«Горькая ирония судьбы пожелала, чтобы те же самые биологические и расистские тезисы, которые пропагандировались нацистами и вдохновляли позорные нюрнбергские законы, стали основой для определения принадлежности к иудейству в государстве Израиль» (Хаим Коэн, член Верховного суда Израиля. Источник: Дж. Бади. Основные законы государства Израиль. Нью-Йорк, 1960, стр. 156).

Во время Нюрнбергского процесса один из главных идеологов арийского расизма Юлиус Штрейхер на допросе относительно подготовки и принятия нюрнбергских законов заявил:

«Я писал статьи такого плана и всегда повторял, что мы должны брать еврейскую расу или еврейский народ за образец. Я всегда повторял в своих статьях, что евреев нужно считать образцом для других рас, потому что они дали расовый закон, закон Моисея, который гласит: «Если вы идете в чужую страну, вы не должны брать себе чужеземных жен». Это, господа, очень важно для оценки нюрнбергских законов. За образец были взяты еврейские законы. Когда несколько веков спустя еврейский законодатель Ездра установил, что, несмотря на это, многие евреи женились на нееврейках, эти браки были расторгнуты. Это было началом еврейства, которое, благодаря этим расовым законам, устояло на протяжении веков, в то время как все другие расы и цивилизации погибли». (Источник: «Процесс главных военных преступников в международном военном трибунале. Нюрнберг, 14 ноября 1945 г. — 1 окт. 1946 г. Официальный текст. Дебаты 26 апреля 1946 г., том XII, с. 321.)

Из документа, озаглавленного «Основные принципы национальной военной организации в Палестине, касающиеся решения еврейского вопроса в Европе и активного участия НВО в войне на стороне Германии»: «При условии, что германским правительством будут признаны национальные чаяния за свободу Израиля, национальная военная организация готова принять участие в войне на стороне Германии» (Д. Израэли. Палестинская проблема в германской Палестине. Ун-т Бар Илон. Рамот Ган, Израиль, 1974).

Более того, как пишет Исраэль Шамир, «сионистское движение легально действовало в Третьем рейхе, и даже была от-

чеканена медаль, несущая шестиконечную звезду Давида с одной стороны и свастику — с другой» («НС», № 10, 2003., стр. 239).

Подумать только: две сакральные эмблемы, два священных символа были объединены в одно целое, как близнецы!

А Лев Коцин, один из религиозных авторитетов русскоязычной Америки, приблизительно в то же время писал в статье «Евреи в нацистской армии»:

«Еврейские офицеры — ветераны Первой мировой войны — обратились с патетическим письмом к Гитлеру, давая клятву верности Германии и прося его только об одном: «Да позволят нам умереть за Германию в бою!» Вот он, еврей, с Железным крестом на груди, который предан Германии больше, чем собственному отцу или народу» (газета «Форум», 3—9/8 2007, Нью-Йорк).

Эта статья Льва Коцина помогла мне разгадать одну загадку. Когда я писал свою книгу «Шляхта и мы», то пользовался исследованием австрийского историка Стефана Карнера «Архипелаг Гупви», в котором была любопытная таблица численности военнопленных гитлеровской интернациональной армии, которая содержалась в лагерях Советского Союза. Численность эта отражала национальный состав военнопленных рейха. Из таблицы я узнал, сколько у нас было в плену, помимо немецких, венгерских, румынских, австрийских и итальянских фашистов, — также польских, французских, чешских и прочих. Где-то в конце первого десятка цифр значилось, что в нашем плену было 10 тысяч еврейских фашистов, солдат и офицеров гитлеровского рейха... Прочитав статью в «Форуме», я понял наконец-то, откуда они взялись...

Подтверждением тому еще одно свидетельство следующего рода:

«По данным израильской прессы, в составе вермахта против СССР воевали 150 тыс. евреев, точнее т. н. «мишлинге», т. е. лиц, рожденных в смешанных германо-еврейских браках. И, надо признать, вояки они были отменные — среди них было 23 полковника, 5 генерал-майоров вермахта, 8 генерал-лейтенантов, 2 полных генерала, один генерал-фельдмаршал (Э. Мильх). Сотни солдат и офицеров из числа «мишлинге» были задействованы в полной мере — «образцом голубоглазого арийца» долгое время был Вернер Голдберг, отец которого был еврей. Воевали против СССР не только «мишлинге», но и даже чисто верующие иудеи, в частности, в составе осаждавшей Ле-

нинград финской армии таких насчитывалось свыше 300 чел., у которых была даже походная синагога! Двое из них — майор Лео Скурник и унтер-офицер Соломон Класс — были представлены финским и немецким командованием к Железному кресту I класса. И это в то время, как их же соплеменники умирали от голода в блокадном Ленинграде...» (А. Мартиросян. Трагедия 22 июня: блицкриг или измена, М., 2007, с. 565).

Будущий премьер Ицхак Шамир был арестован британскими службами в декабре 1941 года «за терроризм и сотрудничество с нацистским врагом». А вот как характеризовал Бегина один из основателей государства Израиль Бен-Гурион: «Бегин, несомненно, человек гитлеровского типа. Это расист, желающий уничтожить всех арабов во имя мечты об объединении Израиля, готовый использовать все средства для достижения этой святой цели...»; «Его можно обвинять в расизме, но тогда надо было бы устроить процесс над всем сионистским движением» (цит. по: Хабер Э. Менахем Бегин, человек и легенда. Делле Бук, Нью-Йорк, 1979 г., стр. 385).

Вот что рассказано израильским историком и журналистом Исраэлем Шамиром о главном подвиге Бегина, после которого началось паническое бегство палестинских крестьян-феллахов со своих земель.

«Почему опустела Лифта? В километре от нее, по другую сторону Яффской дороги, находится причина бегства жителей Лифты: груды серых камней, поросших кактусами, — руины села Дир-Яссин¹. Их прекрасно видно из окна, где живет бывший премьер-министр и бывший глава правой организации еврейских боевиков «Эцель» Менахем Бегин. Ночью с 9-го на 10 апреля 1948 года отряды «Эцель» и «Лехи» (главой «Лехи» был другой израильский премьер-министр Ицхак Шамир) напали на это палестинское село, которое славилось хорошими отношениями с еврейскими соседями. То, что произошло в Дир-Яссине, Давид Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, назвал «кровавой бойней». 254 палестинца, мужчин, женщин и детей, были убиты в Дир-Яссине.

Я помню, с каким недоверием я читал в Советском Союзе рассказы о Дир-Яссине: «Советская пропаганда», — думал я и отметил описания резни как вымысел. Понадобилось много лет,

¹ В разных источниках это село называется Дир-Яссин или Деир-Ясин. — Ст. К.

много книг, много документов, чтобы я понял: нет, Дир-Яссин не был выдуман Политбюро или Арафатом.

Подробнейшие описания того, что произошло в Дир-Яссине, можно найти в нескольких вышедших в Израиле и за рубежом книгах, в частности, в произраильской, но довольно объективной книге Доминика Лапьера и Ларри Коллинза «О, Иерусалим!».

В ней приводят слова командира Хаганы Давида Шалтиэля, который называл Дир-Яссин «одним из немногих мест, куда не ступала нога вооруженных бандитов извне».

Когда боевикам «ЭцеДя» и «Лехи» удалось овладеть селом, они приступили к хладнокровному убийству. Коллинз и Лапьер пишут:

«Молодожены, вместе с 33 соседями, были среди первых жертв. Их выстроили у стенки и расстреляли... 12-летняя Фехими Зейдан, одна из выживших, рассказала: «Евреи поставили всю нашу семью к стенке и стали нас расстреливать. Я была ранена в бок, но большинство нас, детей, спаслись, потому что мы прятались за спинами родителей. Пули попали моей четырехлетней сестре Капри в голову, моей восьмилетней сестре Сами в щеку, моему брату Мохаммеду, семи лет — в грудь. Но все остальные были убиты». Халим Эл заявила, что видела, как «человек загнал пулю в шею моей сестре Сальххе, которая была на девятом месяце. Затем он распорол ей живот ножом»... «Нападавшие убивали, грабили, насиловали. Они рвали уши, чтобы легче было снять серьги».

Первым на место резни прибыл представитель Международного Красного Креста Жак де Ренье, швейцарец. Он писал в своем дневнике:

«Я увидел людей, врывающихся в дома, выскакивавших из домов, они были с ружьями, автоматами, длинными арабскими ятаганами. Они казались полоумными. Я видел красивую девушку с окровавленным кинжалом в руках. Я слышал крики. «Мы подчищаем очаги сопротивления», — сказал мне мой приятель, немецкий еврей. Я вспомнил эсэсовцев в Афинах. К своему ужасу, я увидел молодую женщину, всадившую нож в старика и старуху, прибившихся к порогу своей хижины... Повсюду лежали трупы. Они «подчищали» ружьями и гранатами, а завершили работу ножами, это было видно всем... Я нашел труп женщины на восьмом месяце беременности, убитой выстрелом в живот — в упор».

Затем 25 пленных палестинцев были посажены на грузовик, на котором победители триумфально проехали по еврейскому базару Махане Иегуда, затем пленные были отвезены в каменоломню Гиват Шауль и расстреляны.

Прибывший на место заместитель командира Хаганы Ешурун Шиф отметил: «Террористы «Эцель» и «Лехи» предпочли убить все живое». Он видел, как тела жертв были отнесены в каменоломню, облиты бензином и подожжены. Элиягу Ариэли, прибывший в Дир-Яссин с отрядом «Гадны», еврейских пионеров, заметил: «Все убитые, за немногими исключениями, были старики, женщины и дети... никто не погиб с оружием в руках». Затем дома села были взорваны. В настоящее время большая часть руин находится за колючей проволокой больницы для душевнобольных.

Британская полиция — дело было еще в дни британского мандата — провела расследование резни и установила, кроме прочего: «Нет сомнения, что нападавшие евреи совершали зверства сексуального характера. Многие школьницы были изнасилованы, а затем зарезаны... многие младенцы убиты. Мочки ушей у некоторых женщин был порваны — чтобы сорвать серьги». Собственно говоря, и нападавшие отрицали только факт изнасилования и использования холодного оружия, но не сам факт массового убийства безоружных крестьян.

В изданном по-русски «сокращенном переводе» книги «О, Иерусалим!» вышеприведенных мест нет — вместо этого там содержится отсебятина переводчиков и редакторов официального израильского издательства «Алия», издающего книги для просвещения русских евреев. Символично, что издательская деятельность, как и вся деятельность во благо русского еврейства, координировалась до недавнего времени д-ром Лапидотом из Тель-Авивского университета, назначенным Менахемом Бегинотом на пост главы Русского отдела МИДа. В 1948 году д-р Лапидот был командиром отряда «Эцель», бравшего Дир-Яссин. Он лично брал село и ликвидировал очаги сопротивления — до последнего арабского младенца, до последней серьги в ухе арабской женщины. При Бегине он стал зам. премьер-министра и организовывал призывы к Советскому Союзу — во имя человечности отпустить отказников».

Спустя 27 лет после этого побоища, после того, как подобным же образом были стерты с лица земли сотни палестинских селений и число беженцев, ушедших от смерти в Ливан,

в Газу, на Запад, перевалило за полтора миллиона, собралась Генеральная Ассамблея ООН, чтобы осудить Израиль за идеологию расизма и за геноцид палестинского народа. И на заседании ООН представитель Израиля г-н Херцог сказал: *«Трудно найти другое многонациональное государство в мире, где две нации (евреи и арабы. — Ст. К.) живут вместе в такой гармонии и где достоинство и права человека соблюдаются перед законом, как это имеет место в Израиле»*. До такого цинизма не мог бы додуматься сам доктор Геббельс.

И здесь надо отдать должное советскому диссиденту еврейского происхождения, который признавал «первородный грех» сионистского государства Израиль: *«Идеи и мифы сионизма возникли в сознании тех, кто хотел сопротивляться погромам. Спасать своих близких от Освенцима и Бабьего Яра...*

Но все горестные и страшные воспоминания, разумеется, не могут оправдать сегодня тех израильских ультра, которые изгоняют и унижают палестинских арабов. Ссылки на гибель миллионов европейских евреев, на преследования в Польше, на дискриминацию в СССР, на бессмысленный терроризм арабских фанатиков не оправдывают трагедии палестинских беженцев, массовых репрессий в районах, оккупированных израильскими войсками» (Лев Копелев. О правде и терпимости. Нью-Йорк, 1982, стр. 56).

С такими мыслями Копелеву вполне можно было бы выступать под аплодисменты на тегеранской «ахмадинежадовской» конференции...

* * *

Из книги Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики»:

«Вице-президент сионистской организации Рудольф Кастнер договаривался с Эйхманом о том, чтобы тот помог ему организовать отъезд 1648 евреев, по образованию, профессиям, социальному положению, возрасту и т. д. необходимых для строительства в будущем государства Израиль. А за эту услугу Кастнер обещал Эйхману внушить четыремстам тысячам ненужных для будущего Израиля венгерским евреям, что их отправка из Венгрии в эшелонах на Восток — это простое переселение на другие территории и отнюдь не в Освенцим. Кроме того, Кастнер спас от сурового приговора своими сви-

детельствами на Нюрнбергском процессе одного из своих нацистских партнеров по венгерским делам, штандартенфюрера Курта Бехера. Но когда во время суда над Эйхманом все эти факты всплыли на поверхность, все равно Кастнеру не было предъявлено никакого обвинения, потому что, как писала израильская газета «Едиот Ахронот» от 23.6.1955 г.: «Если отдать Кастнера под суд, то все правительство рискует быть полностью дискредитированным в глазах нации в результате того, что может открыться на этом процессе». «Единственным способом избежать того, что Кастнер заговорит и разразится скандал, — писал Роже Гароди, — было исчезновение Кастнера. И он в самом деле внезапно умер».

Однако швейцарский историк Юрген Граф пишет о том, что глава еврейской общины Будапешта доктор Кастнер «эмигрировал в Израиль и был застрелен фанатиком-сионистом, который обвинил его в соучастии в Холокосте» (с. 401).

Как говорит русская пословица, «для кого война, а для кого мать родна»... Судьбы европейского еврейства в эпоху Холокоста разделились: один драгоценный ручей потек в Швейцарию, другой в Америку, третий в Палестину, а самый многоводный и простонародный — в Освенцим, в Дахау, в Трешлинку. Вот что писал украинский историк Эдуард Ходос о «чудесном» спасении в начале Второй мировой войны вождя ультраортодоксальной еврейской секты Хабад любавичского ребе Шнеерсона:

«Вплоть до осени 1939 года шестой любавичский ребе находился на территории Польши, откуда был тайно переправлен за океан после того, как члены хабадской общины США обратились с просьбой о помощи лично к госсекретарю Корделлу Хэллу. В результате договоренности между госдепартаментом США и главой германской военной разведки (абвера) адмиралом Канарисом Йосеф Ицхак Шнеерсон покинул Варшаву, беспрепятственно пересек территорию рейха и оказался в нейтральной Голландии, а затем в Соединенных Штатах. Операцией по вывозу шестого любавичского ребе из оккупированной Польши руководил подполковник абвера, еврей по отцу Эрнст Блох» (Э. Ходос. Между Спасителем и Антихристом. Харьков, 2005, стр. 4).

Похожей была судьба венгерского магната Манфреда Вайса и его семьи, к спасению которых от депортации в Освенцим был причастен сам Эйхман.

Из протоколов допроса Эйхмана:

«Манфред Вайс был самым крупным промышленником Венгрии, в каком-то смысле — «венгерский Крупн». Бехер занял там, кажется, место директора <...> Семейю Манфреда Вайса он... наверное, они улетели самолетом в Швейцарию. Сам Гиммлер занимался всем этим делом с компанией... «Манфред Вайс».

«По договору, заключенному в середине мая, наследники Вайса уступали хозяйственным предприятиям СС более половины акционерного капитала. За это 48 членов семьи были доставлены двумя немецкими самолетами в Португалию» (Протоколы Эйхмана. М., «Текст», 2002, стр. 202).

И еще несколько отрывков из той же книги, в которой речь идет о спасении влиятельной и богатой верхушки венгерских евреев.

Рассказывает Лесс (следователь, допрашивавший Эйхмана. — Ст. К.): *«Вот документ обвинения 11-го Нюрнбергского процесса военных преступников. Он <...> касается отправки 318 венгерских евреев в Швейцарию». Эйхман: «Да, речь идет о нелегальном переходе» (далее упоминается штандартенфюрер Бехер. — Ст. К.). «Он, собственно, договаривался с д-ром Кастнером, но я эту переброску в Швейцарию не проводил. Я должен был только сказать пограничной службе, чтобы им не чинили препятствий, и позаботиться о прикрытии с венгерской стороны» (с. 203).*

Следователь Лесс напоминает Эйхману, что ему было указано из берлинского МИДа спасти *«госпожу Глюк, еврейку и сестру нью-йоркского обер-бургомистра Ла Гардиа. Просим позаботиться, чтобы в связи с высоким положением брата госпожи Глюк ее не отправили в общем порядке в Восточные области <...> чтобы при необходимости ее можно было использовать в политических целях» (с. 215).*

В ответ на это Эйхман вспоминает:

«Так точно, это была весьма высокопоставленная еврейка. Наверное, был приказ не меньше чем от самого Гиммлера, чтобы ее придержали. И, возможно, ее куда-нибудь отправили, точно так же, как Леона Блюма... или брата Леона Блюма» (с. 215).

Леон Блюм впоследствии стал премьер-министром послевоенной Франции. Точно так же сионисты по сговору с нацистами спасали от Освенцима многочисленный клан Рот-

шильдов, точно так же в результате торга гиммлеровских эмиссаров с организацией Джайнт, базирующейся в Швейцарии, «несколько сот венгерских евреев, отобранных Кастнером <...> прибыли через концентрационный лагерь Берген-Бельзен в Швейцарию, чтобы оттуда уехать в Палестину. Однако считающаяся за это немцам оплата в валюте, о чем была договоренность, не поступила» (Протоколы Эйхмана, стр. 233).

Но одновременно со «льготами», которые выдавали нацисты с сионистами известным, привилегированным и нужным евреям, они согласованно и четко формировали и отправляли в концлагеря на тяжкие работы, а порой и сразу в «Бабыяры» целые потоки беспородных, бессловесных, обманутых «овец израилевых», и при этом каждая из преступных сторон преследовала свои цели.

Из стенограммы допроса Эйхмана:

«Кастнера интересовали только молодые евреи из восточных областей Венгрии. Эти группы надо было пропустить нелегально и без ведома венгерского правительства через румынскую границу... Однажды д-р Кастнер пришел с чемоданом иностранной валюты» (с. 194).

«Речь шла о миллионе евреев, которых надо было доставить в какой-то пункт и освободить в обмен на десять тысяч грузовиков, пригодных к зимней эксплуатации, с обещанием не использовать их на Западном фронте (на Восточном — против наступающих советских войск, спасающих еще оставшихся в живых польских, венгерских, румынских евреев, использовать было можно! — Ст. К.) <...> в это время Гиммлер сказал, что он хотел бы... переговорить с Хаимом Вейцманом» (с. 190).

Из показаний Кастнера: *«Эйхман продолжал: «Мне нужны 65—70 тысяч венгерских евреев, пока что на германской границе приняты только 38 000. Мне нужно еще не меньше 20 000 евреев-землекопов на Юго-Восточный вал. В рейхе копают рвы уже немецкие дети и старики!» (с. 232).*

Из допроса Эйхмана: *«50 тысяч работоспособных евреев мужского пола должны быть доставлены в программе «Егер» <...> для замены русских военнопленных, необходимых для других работ»... «Я должен добавить, что это было время, когда людей отправляли в Палестину в обмен на промышленные товары» (с. 226).*

Вот так сионисты поставляли рейху «промышленные товары», нужные для борьбы с наступающей Советской армией.

Эйхман: «Если меня послали в Венгрию <...> с целью депортации, то я не говорил еврейским функционерам (Кастнеру и другим сионистам. — Ст. К.), что ее не будет. Я никогда не врал еврейским функционерам»... Этими словами Эйхман пытается доказать израильскому суду, что еврейские функционеры и он, гестаповский чиновник, делали одно общее дело и что они виноваты не менее его:

«За время многолетнего общения, которое у меня было с еврейскими функционерами, не найдется ни одного, кто мог бы меня упрекнуть, что я ему лгал... По приказу Гиммлера эшелоны шли все до одного в Освенцим» (с. 187, 190).

И весьма любопытны страницы из книги протоколов допроса Эйхмана, где всплывает имя Рауля Валленберга.

Израильский следователь Авнер Лесс цитирует страницы из воспоминаний доктора Кастнера, в которых последний рассказывает о своей торговле с Эйхманом еврейскими жизнями:

«Затем он (Эйхман. — Ст. К.) перешел к «злоупотреблению» иностранными паспортами. Он-де привлечет к ответственности за это свинство швейцарского консула Лютца и Рауля Валленберга, представителя шведского Красного Креста. Но у него есть предложение: он забудет про обладание таких паспортов, если наша сторона добровольно представит ему 20 000 евреев-землекопов. А иначе ему придется отправлять всех евреев — без исключения — пешком!» (с. 232).

Конечно, чтобы получить от Эйхмана разрешение на переброску нужных евреев с паспортами в спасительные нейтральные страны Европы, сионистские функционеры отправляли десятки тысяч других «евреев-землекопов» на работы в Освенцим или на Восточные рубежи для возведения укреплений.

Так что прав Вадим Кожинов, пронизательно заметивший в статье «Война и евреи» некоторую особенность явления, именуемого Холокостом: «Евреи в отличие от цыган дали миру множество всем известных людей самых разных профессий и занятий, и поэтому еврейская трагедия находится в центре внимания. Но уместно напомнить и другое: кроме педагога и писателя Януша Корчака (Генрика Гольдшмита) затруднительно назвать каких-либо широко известных до войны евреев, погибших в Третьем рейхе, что также противоречит представлению о тотальной гибели» (В. К. с. 318).

Да и Януш Корчак стал широко известен лишь после войны.

А сколько было в еврейских гетто и в многочисленных мелких лагерях смерти всяческих маленьких кастанеров, руководителей еврейских советов-юденратов, раввинов, через которых нацисты управляли евреями!

В Вильнюсском гетто главой юденрата был сионист Якоб Генс, который по требованию немцев регулярно формировал партии евреев в Понары, где их расстреливали. В 2005-м или в 2006 г. по Центральному ТВ об этом юденрате шел фильм. Телевизионный диктор зачитал кредо жреца Холокоста, отправившего на расстрел около 50 тысяч евреев: *«Я взял на себя всю ответственность, и мне не страшно... Вы должны знать, что это был мой долг — обагрить руки в крови своего народа»*. Якоб Генс, пользуясь своей властью, жестоко подавлял у молодых евреев всякие попытки сопротивления. Но, как он ни служил нацистам, последние все-таки расстреляли его. И поделом. А почему киевские евреи так покорно пошли к Бабьему яру? Потому что немцы арестовали 9 киевских раввинов, приказали им обратиться к евреям Киева и убедить их, чтобы те собрались с вещами для переезда в безопасное место. Обманутых людей привели к Бабьему яру. Об этом публицисту Ю. Мухину написал диссидент и правозащитник М. Кукобака, чье письмо напечатано в книге Мухина «Евреям о расизме» (с. 45–46).

А в Винницком гетто доктор Гершман выдал немцам 250 браиловских евреев, которые бежали к нему из зоны немецкой оккупации. (В самой Виннице хозяйничали румыны.) Когда советские войска освободили Винницу, Гершман, естественно, был расстрелян как коллаборационист. В 1943 году варшавские евреи перед восстанием сами истребили свою сионистскую верхушку, сотрудничавшую с нацистами. Но это редчайший случай в истории Холокоста.

Как утверждает И. Трунк в книге «Юденрат», *«по расчетам Фрейдигера половина евреев (из шести миллионов погибших в Холокосте. — Ст. К.) могла бы спастись, если бы они не следовали инструкциям еврейских советов»* (изд. Мак-Миллан, Н.-Й., 1972). И на фоне этой деловой сионистско-нацистской эпопеи, по сравнению с которой пресловутый пакт Молотова—Риббентропа выглядит ничтожной тактической сделкой, я еще раз хочу благодарным словом вспомнить подругу немецкого философа Хайдеггера, Ханну Арендт, перед портретом

которой я долго стоял в одном из залов древнего Марбургского университета, за ее честную книгу «Банальность зла», написанную во время процесса Эйхмана в Иерусалиме:

«Еврейский совет и мудрецы были оповещены Эйхманом и его людьми, сколько евреев необходимо, чтобы заполнить каждый состав, и они делали списки отправляемых... Те, которые пытались скрыться или убежать, ловились специальной еврейской полицией. Как Эйхман видел, никто не протестовал и не отказывался сотрудничать».

«Без еврейской помощи в администрации и полицейской работе получился бы полный хаос и невероятно крайнее истощение немецкой силы <...> ...еврейское самоуправление доходило даже до того, что сам палач был еврей»...»Наверяд ли найдется какая-нибудь еврейская семья, из которой хотя бы один член не состоял в фашистской партии» (Eichman in Jerusalem. A report on banality of evil, by Hanna Arendt. The Viking Pressing. NY, USA, 1969).

Недаром же Норман Финкельштейн, вспомнив о Ханне Арентдт, написал в примечании к книге «Индустрия Холокоста»: *«Было ли чистой случайностью, что еврейские организации большинства распинали Ханну Арентдт за то, что она рассказала о сотрудничестве еврейских элит с нацистами? Когда Ицхак Цукерман, руководитель восстания в Варшавском гетто, вспомнил о коварной роли полиции Еврейского совета, он заметил: «Не было порядочных полицейских, потому что порядочные люди снимали форму и становились просто евреями» (с. 135).*

...Мне вспоминается скандальная выставка известного белорусского художника Михаила Савицкого, солдата Великой Отечественной, попавшего в плен и чудом выжившего в немецком концлагере. Выставка была открыта в Минске при жизни Машерова в 70-х годах прошлого века. На ней выставлялась картина, которую я видел своими глазами. Немецкий концлагерь, несколько трупов, могильная яма. С одной стороны ямы толстомордый эсэсовец с автоматом наперевес, с другой — еврей средних лет, в полосатой лагерной робе, со звездой Давида на груди, с лопатой в руках спихивает трупы в яму. Оба улыбаются, глядя друг на друга — и толстомордый немец, и еврей, так называемый капо. Помощник палачей.

Народ на выставку повалил валом. Минские евреи заволновались, засыпали первого секретаря Компартии Белоруссии

Машерова телеграммами о кощунственной, оскорбляющей память жертв Холокоста картине. Пришлось Машерову прийти на выставку... Он долго и молча рассматривал картину, встретился с Савицким, попросил его замазать звезду Давида на робе еврея, но картина на выставке осталась. И якобы Машеров, один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, уходя с выставки, сказал:

— Пусть висит. История разберется...

* * *

Я бы не стал чересчур старательно разыскивать документы и аргументы для этой главы, если бы не попалось мне на глаза одно место из книги Коха и Поляна «Отрицание отрицания». Возражая всем неугодным ему историкам — исследователям (именно исследователям, а не отрицателям!) Холокоста, Павел Полян с несколько глумливой иронией пишет:

«На бытовом уровне элементы отрицания присутствовали в советской «антисионистской» литературе, в годы холодной войны обвинявшей «сионистов» в том, что они «наживались» на страданиях еврейских жертв и преувеличивали их численность, а главное — находились в прямомговоре с немцами»... (кавычки Поляна. — Ст. К.).

Пусть теперь наши читатели сами решат, *«находились»* или *«не находились»*...

И еще, обращаясь к началу — к пророческой страничке из романа «Доктор Фаустус». Иронию истории, или ее способность превращать трагедию в фарс, я увидел в одной маленькой заметке из бюллетеня «Холокост» (№ 2, 2006 год).

«Потомок Германа Геринга Маттиас Геринг носит ермолку, а на шее подвеску с звездой Давида. Его растили в презрении к евреям, но он принял их веру»; «Катрин Гиммлер вышла замуж за израильтянина».

Ну вот, через шестьдесят лет после Хрустальной ночи и ванзейской конференции два расизма наконец-то снова заключили друг друга в объятия, словно бы свастика и звезда Давида обнялись снова.

VIII

ПАСТУХИ И ОВЦЫ

Я не люблю ни филосемитов, ни антисемитов. Я хотел бы, чтобы люди обращались со мной, как с обычным человеком.

Норман Финкельштейн

Скажу сразу, я не собираюсь оспаривать, пересматривать, уточнять сакральное число шесть миллионов. Потому что с первоисточниками я не работал и демографических серьезных знаний у меня нет. Потому что, на мой взгляд, уже невозможно подсчитать точно людские потери времен Холокоста. Потому что два враждующих лагеря — жрецы Холокоста и его исследователи — никогда не придут ни к какому соглашению: слишком много фактических, идеологических и политических противоречий имеется в каждом из лагерей. Да и внутри каждого лагеря тоже. У тех и у других в активе есть непроверяемые или почти непроверяемые доказательства своей правоты. А это трагедия. Потому что трагедия рождается только тогда, когда правда в той или иной степени, но есть у каждой из сторон. Я просто буду оперировать числами, фактами, аргументами, мыслями из арсенала обеих сторон и постараюсь, насколько это возможно, быть беспристрастным. Но при всем при том понимаю, что абсурдных ситуаций не избежать. Вот одна из них.

На Нюрнбергском процессе было заявлено, что в Освенциме уничтожено 4 миллиона заключенных, в большинстве своем евреев. Однако после ряда ревизионистских исследований положение изменилось. Из бельгийской газеты «Ле Суар», 19—20 окт. 1991 г., г. Брюссель:

«Освенцимский международный комитет намеревался в ноябре 1990 года заменить мемориальную доску в Освенциме, на которой была указана цифра «4 миллиона мертвых» другой с упоминанием «более миллиона мертвых». Д-р Морис Гольдштейн, председатель Комитета, этому воспротивился».

По этому поводу Роже Гароди саркастически замечает: *«В действительности д-р Гольдштейн ни в коей мере не оспаривал необходимость замены старой доски, но он хотел, чтобы на новой доске не было цифр, потому что знал, что, вероятно, вскоре станет необходимым новый пересмотр нынешней цифры в сторону снижения.*

Благодаря содействию Международного комитета при государственном музее в Освенциме <...> текст был изменен в направлении, менее удаленном от истины:

«Пусть это место, где нацисты убили полтора миллиона мужчин, женщин и детей, в большинстве своем евреев из разных стран Европы, всегда будет для человечества криком отчаяния и предостережения».

Впрочем, фразу *«в большинстве своем евреев»* каждый из историков горазд читать по-своему. Она может означать и один миллион четыреста тысяч, и восемьсот тысяч, на чем настаивает в своей «классической книге» (определение П. Поляна) английский историк Д. Рейтлингер, отнюдь не принадлежащий к лагерю ревизионистов.

Да и сам Полян понимает, что сразу же после войны победители, мягко говоря, *«погорячились»* с четырьмя миллионными освенцимскими жертв:

«Этот сырой и уже тогда недостоверный результат в 4 миллиона человек был санкционирован идеологически и сразу же принят за истину в последней инстанции, а со временем и закреплен везде, где только можно, в экспозиции музея, в путеводителях по нему и даже в памятных гранитных досках при входе».

Поляну (отдаю ему должное) не хочется прослыть некомпетентным историком, но есть вещи, которые сильнее его желания: все равно окончательная цифра погибших во время Холокоста евреев для него останется священными шестью миллионами. Пару исчезнувших освенцимских миллионов он из нее ни за что не вычтет.

В книге «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем», составленной А. Кохом и П. Поляном, эти 6 млн. стоят незабыто. Авторы книги восполнили выпавшие из чудесной цифры 2,5 миллиона новым пересчетом других потерь по всем европейским странам в других концлагерях, привели бесконечное количество таблиц из статей множества европейских историков, «осовременили» многие демографиче-

ские графики, разобраться в которых очень и очень непросто. Так что резервы для ремонта и постоянной реставрации волшебной колонны в честь шести миллионов у жрецов Холокоста всегда найдутся, и потому выиграть у них этот спор невозможно, да и, честно говоря, не нужно. Пусть верят. Шесть миллионов — это не предмет знания, а предмет веры, как вся религия Холокоста.

В 70-е годы образ холокостного сфинкса втемяшивался в мировое сознание благодаря телефильмам. Знаменитый «Холокост» вышел на американские телеэкраны в 1978 году. «Его посмотрели 49% телезрителей страны, — восторгается Полян и добавляет: — Слабой попыткой противостоять этому мощному медиаудару стал выход в середине лета 1978 года (...) отрицательных этюдов Расинье». Полян понимает, что «противостоять мощному медиаудару», «его колоссальному успеху» каким-то брошюрам смешно и бессмысленно. Но зачем же историку так неумно торжествовать? Разве мы не помним, как у нас в начале перестройки, когда страна рушилась в пропасть, половина населения сходила с ума от «Санты-Барбары» и проливали слезы над сериалом «Богатые тоже плачут»?

А вот еще примеры подобного арифметического абсурда, случившегося безо всяких провокаций со стороны ревизионистов.

В книге «Уничтожение европейских евреев» историк Рауль Хилберг (классик!) определит освенцимские еврейские потери в 1 (один) миллион человек. Но его, казалось бы, единомышленница Люси Давидович в книге «Война против евреев» настаивает на том, что в Освенциме было загублено два миллиона евреев. С Майданеком вообще получился у этих авторов полный абсурд: Хилберг считает, что там погибло 50 тысяч евреев, а Давидович, что один миллион 380 тысяч — в 28 раз больше! Ну какая тут может быть объективная истина, кому верить?

А какая невразумительная картина открывается, когда ты пытаешься узнать, сколько же евреев нашли свою гибель в знаменитом киевском Бабьем яру. В 1961 году в Израиле на процессе Эйхмана, который готовился с особенной тщательностью, было обнародовано число погибших, казалось бы, с точностью до одного человека: 33 771 еврей. Однако в 1978 году в документе «Проблемы современного сионизма», принятом Всемирной сионистской организацией, было заяв-

лено, что *«только в Бабьем Яру в один день было расстреляно 100 тысяч евреев»*. Видимо, это трехкратное увеличение было ответом на изыскания ревизионистов, активно поработавших к 1978 году. Прошло еще четверть века, и в бюллетене «Холокост» (фонд А. Гербер) черным по белому (№ 2, 2006 г.) отпечатано: *«по оценкам историков, до осени 1943 года (то есть не в один день. — Ст. К.) в Бабьем яру погибло 50 000 евреев»* (может быть, постеснялись повторить 100 тысяч?). Установить же, какая из трех цифр (33 771, 100 000 или 50 000) вошла в итоговое священное число 6 млн., не представляется никакой возможности. А между прочим, все три цифры взяты с одной «антиревизионистской» стороны. Абсурд? А вспомним талантливый фильм Алена Ренэ «Ночь и туман». Именно в нем говорится о восьми (8!) миллионах погибших в Освенциме! Ну почему бы жрецам не воспользоваться этой кинолегендой! Да с ней, как с восьмичасовым сериалом «Холокост», никакие отрицатели со своими книжоночками, изданными в несколько тысяч экземпляров, не справились бы ни за что! Ну как можно справиться с впечатлением, произведенным на несколько десятков, а то и сотен миллионов телезрителей! Нет, не хотят жрецы трогать священное число. Если будет меньше шести — кощунство, если больше — профанация. Один из американских отрицателей Холокоста, Рассель Граната, на московской конференции по Холокосту (январь 2002 г.) заявил, что не понимает, *«почему исследования ревизионистов вызывают такое неприятие со стороны евреев. Ведь эти исследования являются для них настоящим подарком, ибо теперь выясняется, что миллионы евреев не были убиты, они живы. Но вместо благодарности за свои открытия ревизионисты слышат проклятия и угрозы»* (с. 97). П. Полян в книге «Отрицание отрицания» назвал эту мысль историка *«подлинным свидетельством прожженности (...) как антисемита»*.

Словом, сомневаться в шести миллионах нельзя. Здесь, как в зоне: шаг вправо, шаг влево считается побегом, то есть оскорблением Холокоста. Рискну сказать, что любое нарушение пропорций Холокоста для жрецов все равно, что для нас, православных христиан, изменения в сюжете «Троицы» Рублева. «Троицу» нельзя уменьшить и поменять на «пару ангелов» или увеличить до «квартета». И то и другое будет кощунством. Так нельзя разрушать и шестиугольную святыню.

Но если кто-то из поклонников (слово-то дурацкое, может быть, — защитников, апологетов, апостолов?) Холокоста возьмется утверждать (или докажет), что было стерто с лица земли в наше страшное время 12 миллионов еврейских душ, ей-богу, я спорить не буду. Хочется вам 12 — верьте в 12. Кстати, число тоже сакральное.

Но то же самое я могу сказать скептикам, ревизионистам, отрицателям, противникам и т. д. Холокоста: ну, победили вы в споре об Освенциме, опустили количество жертв с четырех до полутора миллионов. Что, вам евреи спасибо сказали? То-то и оно! Удовольствуйтесь скромным результатом — нет, вам все мало! Вам хочется доказать, что и газовых камер не было, и что мыло из евреев не варили, и что приговор в Нюрнберге гитлеровской верхушке был вынесен в еврейский судный день не случайно... А по-женски практичная ревизионистка Ханна Арендт вообще не допускает мысли о том, чтобы фанатики прагматического порядка (орднунга) немцы могли возводить вавилонскую башню Холокоста в самых невыгодных для себя обстоятельствах:

«Нацисты делали что-то прямо-таки бесполезное, если не вредное для себя, когда в разгар войны, несмотря на нехватку стройматериалов и проката, воздвигали огромные и дорогостоящие фабрики уничтожения и организовывали транспортировку миллионов людей. Налицо противоречие между этим образом действий и требованиями войны, что придает всему этому предприятию сумасшедший и химерический характер» (Тоталитарная система. Париж, 1972, стр. 182).

Конечно, ревизионистам я сочувствую больше, но лишь по одной причине... Они сегодня такие же гонимые, как евреи при нюрнбергских законах в Третьем рейхе... А я всегда буду на стороне тех, кто готов к самопожертвованию, кто садится в тюрьму за свои убеждения, уходит в изгнание, а не на стороне тех, кто зарабатывает деньги на чужой беде, на незаживающей памяти.

Первое поколение «ревизионистов» — бывший узник Бухенвальда французский историк Поль Расинье, английский историк Ричард Харвуд, профессор английской литературы Остин Эпш и многие другие — издавало свои работы в 50—60-е годы, когда угрозы репрессий за свободную мысль еще не существовало. Но, осознав опасность такой интеллектуальной свободы, жрецы Холокоста добились того, что пересматривать

историю Холокоста в 80—90-е годы стало небезопасно. Показательна судьба канадского историка Эрнста Зюнделя. Его судили несколько раз: сначала 15 месяцев тюрьмы, потом еще 9. После отбывания этих сроков он покинул Канаду, его объявили в розыск в 1992 году. В 2003 году американцы выдали его в Канаду, канадцы переправили историка в Германию, где его судили сначала в 2005-м, а потом в 2006 году и «за разжигание межнациональной розни» приговорили к 5 годам тюрьмы. А заодно посадили и его защитницу С. Штольц на 3,5 года. После этого — пошло-поехало!

Швейцарца Юргена Графа в 1998 году посадили в тюрьму на 15 месяцев, его издатель Ферстер получил год тюрьмы.

Немец Гермар Рудольф в 1995 году был посажен в тюрьму на 14 месяцев. После этого он бежал в Англию, потом в США, откуда его выдали в Германию. Судили в 2006 году. Приговор — 30 месяцев тюрьмы. Британец — историк Ирвинг был приговорен в Австрии к трем годам тюрьмы. (Полян раздраженно комментирует: «Могли дать и десять».)

Француз Робер Форисон получил 3 месяца тюрьмы и заплатил громадный штраф. Всех их судят не за поступки, а за обнаружение своих исторических изысканий, за естественный для человека поиск свободной мысли. Ну что тут сказать? Жалко Францию, которая всегда в истории человечества славилась защитой своих суверенных прав на свободу мысли, на самостоятельную политику, особенно при де Голле. А в начале 90-х годов, приняв (первой в Европе) так называемый закон Гессо, предусматривающий судебные преследования за любое сомнение в масштабах Холокоста, за любое уточнение, за любое невыгодное для его жрецов изучение, за отношение к нему, как к рукотворному историческому событию, а не фундаменталистскому религиозному мифу, она, прекрасная Франция, «Марианна», склонилась перед израильским и проамериканским лобби.

А поскольку Франция всегда была в Европе законодательницей мод, вслед за ней подобные законы были приняты в Австрии, Бельгии, Италии, Литве, Венгрии, Румынии, Люксембурге, Словакии, Чехии, Швейцарии, Польше... То есть в тех странах, откуда больше всего эшелонов с евреями было отправлено в Освенцим. Комплекс вины? Сроки за подобные интеллектуальные преступления кое-где предусмотрены до 10

лет. Слава Богу, нашей Думе хватило ума не пойти в хвосте законодательной элиты этих некогда коричневых государств Европы. Она отвергла попытку внести наказание в России за свободное обсуждение загадок Холокоста. Но устоит ли на этих трезвых позициях следующая Дума? Поляки пытаются, как всегда, пойти дальше всех. Журнал «Новая Польша», к сожалению, до сих пор бесплатно распространяющийся в России, устами своего главного редактора Ежи Помяновского (отноюдь не поляка) ратует за то, чтобы российское законодательство сурово наказывало не только тех россиян, кто копается в истории Холокоста, но и тех, кто сомневается и не верит, что польских офицеров в Катynie расстрелял советский НКВД. Так что им только дай палец — откусят руку. Норман Финкельштейн видит нагнетание юридической психопатии в следующей причине: *«Как иначе оправдать в обществе, которое уже по уши сыто Холокостом, что создаются все новые музеи, выходят все новые книги, учебные планы, фильмы, программы, как не призраком отрицания Холокоста?»* Все возвращается на круги своя. Только репрессиями можно попытаться остановить врожденное свойство человека мыслить, его «свободу воли», его поиск истины или элементарной правды, только новой 58-й статьей мирового «холокостного масштаба» или абсурдной системой, разработанной «новой инквизицией».

Когда я спросил своего давнего знакомого, автора нашего журнала и гражданина Израиля, верит ли он этой цифре в 6 миллионов и есть ли в Израиле серьезные историки, не согласные с подсчетами идеологов Холокоста, то мой гость помрачнел: *«У нас в демократическом Израиле сомневаться или излагать подобные сомнения — опасно. Засудят, затравят... так что приходится помалкивать...»*

Сажать сейчас за поиски исторической правды — это все равно, что сажать по ленинскому указу о борьбе с антисемитизмом 1918 года или по 58-й статье советского Уголовного кодекса 30-х годов, статье, по которой давали срок за намерение, за слова, за высказанное несогласие с официальным взглядом на события, за чувства, в конце концов. Евреи это, казалось бы, должны понимать, как никто.

Российская книга о Холокосте, составленная Поляном и Кохом, заканчивается такой фразой последнего, после его утверждения, что евреев сгинуло в Холокосте 5,9 миллиона:

«Можно ли оценить точнее? Боюсь, что на сегодняшний день нельзя. Хотя, может быть, я и не прав — ведь исследования продолжаются».

С Кохом согласен его соавтор Полян: *«Историю Холокоста, опираясь на новые материалы, можно и нужно бесконечно изучать и уточнять».* Но думаю, что это в какой-то степени фарисейские заявления: как можно *«продолжать исследования»*, *«изучать и уточнять»*, если за это сажают, штрафуют, лишают работы, изгоняют?! Да и какие исследования могут быть «окончательными» без изучения первоисточников, находящихся в архивах? А знаете, что происходит с архивом Холокоста? Прочитайте, пожалуйста, заметку из газеты «Известия» от 24 сентября 2007 года.

«В 1955 году союзники без участия представителя СССР заключили Боннское соглашение по архиву жертв Холокоста, где имеется статья о недопустимости нанесения ущерба заинтересованным лицам и их семьям. При согласии международной комиссии из представителей 11 стран ФРГ закрыла архив в Бад-Аролсене, оставив доступ только родственникам. Призывы открыть архив для историков разбиваются о тезис о «защите частной жизни»: могут всплыть данные о сотрудничестве с нацистами, спровоцированных преступлениях самих жертв, фактах сексуального насилия. Но есть мнение, что Германия лишь пытается избежать новой волны исков от жертв Холокоста. И подтверждается старая истина о том, что на войне первой страдает правда, а политики могут спекулировать на жуткой теме».

Как сказано в книге А. Коха и П. Поляна, «26 января 2007 года Генеральная Ассамблея ООН по инициативе США одобрила резолюцию, осуждающую отрицание Холокоста или преуменьшение его масштабов».

Что же получается? Тогда надо судить членов международного Освенцимского комитета, которые сменили мемориальную доску при входе в Освенцим и *«преуменьшили масштабы»* освенцимского Холокоста с четырех до полутора миллионов жертв? А как быть с русским историком В. В. Кожинным, о действиях которого П. Полян высказывается так: *«В очерке «Война и евреи» (в составе книги «Россия. Век XX. 1939—1964») Кожиннов, как ему кажется, поймал двух еврейских исследователей (Л. Полякова и И. Вуля), а также других еврейских статистиков за руку на передегивании цифр. Пер-*

вые, как полагает Кожин, дважды посчитали два миллиона жертв, вторые зависили естественный прирост своего населения для того, чтобы «скрыть» подлинные масштабы еврейской эмиграции из Европы в Америку и Палестину. Иными словами — типично еврейская приписка в два миллиона душ».

И больше ни одного возражения, ни тени опровержения не находит Полян в ответ на исторически корректные и точные заключения Кожина. *«Как ему кажется»* — сквозь зубы произнесено, а в итоге — видит око, да зуб неймет. Да, действительно, в одной из первых книг о Холокосте «Евреи и Третий рейх», изданной аж в 1955 г. Леоном Поляковым и Иосифом Вулем и тщательно изученной Кожинным, утверждалось, что 2 миллиона евреев из 6 погибших были жителями восточноевропейских стран. Но когда Кожин провел весьма несложные демографические подсчеты, опираясь только на цифры Вуля и Полякова, то выяснилось, что их, живших до 1939—40 годов сначала на территории Польши, Румынии, Литвы и Латвии, а впоследствии ставших гражданами Западной Украины, Западной Белоруссии, советской Прибалтики и советской Бессарабии, авторы посчитали погибшими дважды: сначала как граждан четырех восточноевропейских стран и второй раз как новых граждан СССР, не успевших убежать на Восток от стремительно нахлынувших немецких войск. Так что Кожин не «кажется, поймал» соавторов в приписке, а поймал по-настоящему.

Два с половиной миллиона исчезло у жрецов Холокоста с освенцимской доски, еще два миллиона благодаря кожиновской дотошности. Что в остатке? Слезы. Бессильные слезы Павла Поляна.

Кожин понимал сакральную суть числа 6 миллионов. *«Цифра 6 миллионов, — писал он, — имеет, по существу, «символическое значение», наглядно запечатленное, например, в созданном в Париже мемориале, где «возложен камень на символической могиле шести миллионов мучеников. Шесть прожекторов рассекают тьму над шестью углами шестиугольного камня, то есть звезды Давида»* (с. 316).

Ошибку Полякова и Вуля, кроме В. Кожина, заметил и адепт истории Холокоста (отнюдь не «отрицатель») англичанин Д. Рейтлингер, который в книге «Окончательное решение» (1961 г.) предположил, что цифра 4,7 млн погибших ближе к истине, нежели 6 млн. Однако официальная израильская

статистика продолжала утверждать, что к 1946 году в Европе уцелело лишь 11 млн. (из почти 17) евреев и что к 1967 году (то есть за 20 лет) их стало всего лишь 13,3 млн. — то есть прирост составил 2,3 млн. Но если поверить шведской книге о Холокосте с предисловием Матвиенко, утверждавшей, что нацисты убили во время своего господства 90% еврейских детей Европы, которым в 1939 году было меньше 15 лет, то и этого прироста не должно было быть! Послевоенные два-три десятилетия должны были стать черной демографической дырой для европейского еврейства: кому было рожать эти 2,3 млн.? Старикам и старухам? Но такое было возможно лишь в ветхозаветные времена, если вспомнить, что у благочестивого Авраама благочестивая, но бесплодная Сара начала рожать детей лишь после своего 70-летнего юбилея.

А дальше и того пуще: как замечает Кожин, в следующее двадцатилетие с 1967 года евреи пережили еще больший демографический взрыв: *«К 1987 году их количество, согласно статистике, достигло 17,9 млн, то есть выросло на 34,5%. Примерно такой же прирост имел место тогда, скажем, в Азербайджане, чье население с 1969 по 1989 год увеличилось на 37,5%. Но этот прирост смог осуществиться в силу азербайджанской многодетности: в 1984 году около 40% семей Азербайджана имело четырех и более детей! Вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что подобная многодетность присуща еврейскому населению <...> воспроизводство еврейского населения близко к европейскому стандарту, а население Европы за эти 20 лет выросло менее чем на 9%, к тому же частично этот прирост шел за счет иммигрантов из других континентов. Итак, прирост евреев за 1967—1986 годы почти на 35% — совершенно неправдоподобное явление; остается прийти к выводу, что количество евреев и в 1945 году (11 млн) и в 1967 году (13,3 млн.) было очень занижено статистиками, дабы не колебать версию о 6 миллионах погибших. А в 1987 году еврейские статистики сочли уместным (ведь дело уже давнее), да и важным (надо же соплеменникам знать реальное положение) опубликовать подлинную цифру. Но она ясно показывает, что потери составляли не 6 и даже не 4 миллиона»* (В. Кожин. Великое творчество. Великая победа. М., Воениздат, 1999).

Кстати, этот же неестественный «демографический взрыв» «зафиксировал» главный редактор еврейского журнала «Советише Хаймланд» Арон Вергелис, весьма убедительно

клеивший в 1949 году — в разгар борьбы с космополитизмом — еврейское засилье в литературной жизни. Через 30 лет в книге «16 стран не считая Монако» («Советский писатель», 1979 г.) он с удовлетворением писал о своих встречах с евреями Европы и Америки, которые принимали его с распростертыми объятиями:

«Подсчитано, что десять миллионов евреев, уцелевших после Второй мировой войны, превратились в четырнадцать миллионов тридцать восемь тысяч на сегодняшний день». Этой статистикой (увеличением за 30 лет численности европейского еврейства более чем на 40%) Вергелис подтвердил более позднее предположение Кожинова о том, что невозможный для еврейства послевоенный демографический взрыв был следствием того, что потери европейского еврейства во времена Холокоста были сильно преувеличены для того, чтобы вдолбить в сознание современников сакральное число шесть миллионов.

Но вера не нуждается в научных аргументах и доказательствах, а потому еретиков, сомневающих в фундаментальных постулатах Холокоста, надо судить судом Холокостной инквизиции.

Если бы В. Кожинов был жив, его бы, согласно недавней резолюции ООН, засудили. За что? Он ведь факта истребления евреев не отрицал? Нет! Но его можно было осудить за выяснение того, что 2 миллиона восточноевропейских евреев были засчитаны в общий холокостный итог дважды. И тем самым он снизил сакральную цифру Холокоста с 6 миллионов до 4. А Холокост без шести миллионов — это уже не Холокост, а обычное преступление, каких было много в XX веке и особенно в эпоху Второй мировой войны.

А тут еще и соавтор Поляна по книге Альфред Кох свиным подложил и по легкомыслию фактически согласился с выводами Вадима Валерьяновича Кожинова: *«Как уже отмечалось в начале, демографический анализ количества жертв Холокоста затруднен из-за отсутствия сравнимых данных. Поэтому отрицатели часто обращают внимание (и зачастую справедливо) на то, что во многих классических (?! — Ст. К.) работах присутствует двойной счет, когда одних и тех же людей сначала засчитывают как польские жертвы, а потом как советские».*

Причины такого двойственного счета понятны: переход территорий Западной Белоруссии и Западной Украины от Польши к Советскому Союзу делают его практически неизбежным» (с. 338).

Не сумев опровергнуть выводы Кожина относительно «двойной» бухгалтерии жертв Холокоста при подсчете потерь восточноевропейского еврейства, Полян срывается на глумливую иронию, называя Кожина *«антисемитом-интеллектуалом, специалистом по кожным болезням русской литературы»*, который якобы в «свое время назвал Эдуарда Багрицкого не то «прыщом», не то «жидовским наростом» <...> на чистом теле русской поэзии, но противопоставил ему другого поэта-еврея — Осипа Мандельштама, стихи которого они *впрямь искренне любил»*.

Но Кожин никогда не противопоставлял Багрицкого Мандельштаму. Это сделал я в своей речи на дискуссии «Классика и мы» 21 декабря 1977 г. в Центральном доме литераторов. А «жидовским наростом» на теле Тютчева называл Мандельштама (но отнюдь не Багрицкого) не Вадим Кожин, а Петр Палиевский, да и то только в несерьезных разговорах.

Так что чего больше в размышлениях Поляна о Кожине — невежества, литературных сплетен или глумления, не достойного историка, сказать трудно. А в ответ на оскорбительную для памяти Кожина реплику относительно его специализации *«по кожным болезням русской литературы»* я скажу только то, что научная импотенция Поляна для меня тоже медицинский диагноз. Она явственна даже в темах, которые он, *«председатель мандельштамовского общества»*, обязан знать, как никто другой. Но вот что он пишет об Осипе Мандельштаме: *«Гениальный русский поэт Осип Мандельштам, каковы бы ни были мотивы его крещения в 1911 году, ни на секунду не переставал быть евреем»*. Интересно, как бы отнесся к такому заявлению сам Осип Мандельштам, который писал в «Шуме времени» о своей местечковой жизни в детстве и юности: *«А кругом простирается хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал»*. Вот оно, признание честного дезертира...

* * *

В 2000 году в старой доброй филосемитской Англии вышла в свет книга Нормана Дж. Финкельштейна «Индустрия Холокоста». В 2002 году она была переведена на русский язык и переиздана в России.

Норман Финкельштейн — историк, политолог, преподаватель Нью-Йоркского городского университета, — родился в 1951 году в семье еврейских эмигрантов из Германии, бывших узников Освенцима, в котором и отец и мать Нормана чудом, но выжили.

«Мои родители вспоминали о своих страданиях только между собой, они не кричали об этом публично, но разве это не лучше, чем нынешняя наглая спекуляция на страданиях евреев...»

В своей книге Финкельштейн не старается уличить жрецов Холокоста (как другие ревизионисты) в подтасовке цифр, фактов, свидетельств. Его, в отличие от участников Тегеранской конференции по Холокосту, не интересуют их доказательства того, что столь фантастическое количество жертв было невозможно уничтожить, не оставив следов — без гигантского бюрократически-документального обеспечения, без немецкого канцелярского «орднунга», без стенограмм, приказов, без финансовых бумаг и штатных назначений в лагерных администрациях. Он не хочет распутывать противоречивый клубок свидетельств того, как уничтожались несчастные евреи — «горячим паром» или «электрошоком», «негашеной известью» или «выхлопными газами». Он не соблазняется лежащей на поверхности возможностью объяснить, что технически умертвить такое количество людей в лагерных камерах смерти за время, отпущенное на эти операции, по доказательствам ревизионистов, было невозможным делом.

Его интересует лишь одно — идеология, цели и механизм создания гигантской индустрии Холокоста, могучий феномен возведения «холокостной империи» всего лишь за тридцать—сорок лет второй половины XX века.

Печальный сарказм автора при виде тотального бизнес-мошенничества, которое движет индустрию Холокоста, — основное чувство, пронизывающее всю книгу от начала до конца.

«Пережившие Холокост утверждают, будто в Освенциме на них ставил опыты Иозеф Менгеле» (с. 57).

«Он считает себя пережившим Холокост, потому что его бабушка погибла в Освенциме» (с. 58).

«Бюро израильского премьер-министра Нетаньяху насчитывает почти миллион «переживших Холокост», которые живы» (с. 58).

«Еще одно заклинание индустрии Холокоста гласит, что при требованиях возмещения ущерба <...> речь идет о правде и справедливости, а не о деньгах. Швейцарцы острят по этому поводу, что речь идет не о деньгах, а о том, чтобы получить больше денег» (с. 71).

«Послевоенное правительство ФРГ изъявило готовность возместить ущерб лишь тем евреям, которые были в гетто или в лагерях. Поэтому многие евреи придумали себе соответствующее прошлое. — Если каждый, кто утверждает, что пережил лагерь, говорит правду, — восклицала часто моя мать, — то кого же тогда Гитлер уничтожил?» (с. 57).

«Если верить индустрии Холокоста, сегодня живет больше евреев, использовавшихся на принудительных работах, чем полвека назад» (с. 89).

«Российские евреи, которые ранее бежали от нацистов или служили в Красной Армии, выдают себя теперь за переживших Холокост, поскольку, если бы они попали в плен, их ждали бы пытки и смерть» (с. 110).

«Можно в еще более широком смысле говорить о втором и даже о третьем поколении переживших Холокост, потому что они «может быть, страдают психическими заболеваниями» (с. 111).

Вот так с печалью, а порой с презрением высмеивает честный историк мошенников от Холокоста... Масштабы «холокостной инфекции» в Америке, по свидетельству автора, потрясающи:

«Дни памяти Холокоста — событие национального значения. Все 50 штатов проводят такие мероприятия часто в своих парламентах. Объединение организаций, занимающихся Холокостом, руководит в США более чем сотней посвященных ему учреждений. Семь больших музеев Холокоста разбросаны по всей Америке, главный из них — в Вашингтоне» (с. 531)¹.

Кстати, чтобы никакие другие народы и думать не смели поставить рядом с Холокостом свои геноциды, трагедии и катастрофы — об этом жрецы Холокоста заботятся неусыпно, ибо денег на компенсацию всем в мире не хватает: *«По требованию Израиля американский Совет по Холокосту позабо-*

---

¹ Из газеты «Форум», № 233, апрель, 2009 г.: «Бывший президент США Билл Клинтон открывает в штате Иллинойс новый музей Холокоста и еврейский образовательный центр». Так что процесс продолжается.

тился о том, чтобы армяне практически не упоминались в Вашингтонском музее памяти Холокоста, и еврейские лоббисты в Конгрессе воспрепятствовали установлению дня памяти армянского геноцида» (с. 52).

Когда в Америке возник вопрос о том, что в связи с организацией музея Холокоста надо бы вспомнить и о тотальном уничтожении гитлеровцами европейских цыган, то один из жрецов рабби Сеймур Зигель заявил: *«Нужно, чтобы сначала был каким-то образом признан народ цыган, если такой вообще есть» (с. 55).*

Когда в одном из американских изданий появился памфлет, пародийно озаглавленный: *«Майкл Джексон и еще 60 миллионов человек погибли в ядерном Холокосте»*, главный идеолог Холокоста Эли Визель впал в истерику: *«Кто посмел назвать происшедшее вчера Холокостом? Был только один Холокост!» (с. 37).*

«Тезис об уникальности Холокоста отстаивается с помощью настоящего «интеллектуального терроризма», — продолжает Финкельштейн. — Сочувствие сотням тысяч немцев, погибших при бомбардировке Дрездена, приравнивается к «отрицанию Холокоста». Тема геноцида армян считается «табу» — армяне не должны конкурировать с евреями, евреи — единственные мученики в истории. Даже нынешний министр иностранных дел Израиля Ш. Перес подвергается порицанию за то, что однажды поставил на один уровень Холокост и Хиросиму: как можно сравнивать каких-то японцев с евреями!» (с. 127).

Одной из причин «извечного антисемитизма» жрецы Холокоста считают зависть других народов к евреям. Норман Финкельштейн не отказывает себе в удовольствии поиздеваться над этой «логикой»:

«Признание геноцида цыган означало бы потерю исключительной еврейской лицензии на Холокост, что соответственно повлекло бы за собой потерю еврейского «морального капитала»... Если нацисты преследовали цыган так же, как евреев, рушится догма, согласно которой Холокост был кульминацией тысячелетней ненависти неевреев к евреям. И если зависть неевреев к евреям привела к геноциду евреев, то, может быть, к геноциду цыган привела зависть к цыганам?» (с. 56).

«С помощью сказок о Холокосте одну из самых сильных в военном смысле держав мира с чудовищными нарушениями прав

человека, — пишет Финкельштейн, имея в виду Израиль, — представляют потенциальной жертвой, а самую преуспевающую в США этническую группу — несчастными беженцами».

Финкельштейн, вся родня которого, кроме отца и матери, погибли от рук нацистов, вскрывает изнанку холокостной индустрии. Его мать, пережившая Варшавское гетто и Освенцим, получила мизерную компенсацию за все свои страдания — всего-навсего 3500 долларов, в то время как «*годовой оклад Саула Кагана, бывшего первого секретаря конференции по притязаниям — 105 000 долларов*», «*Иглбергер получает как председатель международной Комиссии по страховым притязаниям времен Холокоста 300 тыс. долларов в год*», «*то, что моя мать получает за шесть лет страданий при нацистах, Каган получает за 12 дней, Иглбергер за 4 дня, а Д'Амато за 10 часов*» (с. 62).

После Германии, как пишет Финкельштейн, жрецы Холокоста в 90-х годах XX века собрали дань со Швейцарии за то, что она не принимала во время войны еврейских беженцев; сейчас начинается давление на Польшу, чтобы вернуть «еврейскому народу» имущество довоенных евреев или его стоимость. Составлен план ограбления Австрии, а в проекте — предъявление претензий к Белоруссии, которая, по мнению вымогателей от Холокоста, «*очень сильно отстает с возвратом довоенной еврейской собственности*» (с. 93). Вот из каких поборов образуются фантастические оклады верхушки руководства «Конференции по притязаниям» и остальной жреческой прослойки. Бедные еврейские овцы! Это о вас сын освенцимских узников Норман Финкельштейн с отчаянием пишет в своей книге, что про Холокост в семье «*больно было вспоминать, по общему убеждению, евреи шли на смерть, как бараны, и за это было стыдно*». А вот фраза, ставшая чуть ли не историческим афоризмом: «*еврейская кровь — хорошая смазка для колес еврейского национального государства*».

Это сказал один из высших жрецов современного синедриона и опубликовал антисионист, честный американский раввин Шенфильд в своей книге «Жертвы уничтожения обвиняют» (Нью-Йорк, 1970 г.).

Гремучая смесь из крови, слез, молитв и пепла от несчастных «сухих ветвей», отданных на уничтожение фарисеями в сговоре с пилатами нацизма, вошла в фундамент Израиля. Поистине «*дело прочно, когда под ним струится кровь*». И се-

годня эта смесь второй раз стала разменной монетой в руках нового поколения жрецов Холокоста. Вырастают офисы, плодятся, как грибы, фонды, «комитеты по имуществу» и «комиссии по притязаниям», утверждаются бюджеты, сочиняются школьные программы и учебники по Холокосту для простодушных и мягкосердечных гоев. История пошла по второму кругу. Мало им было создания государства на земле ни сном, ни духом неповинных палестинцев, нет, еще раз решили обобрать европейцев. Деньги не пахнут? Пахнут. Истлевшей кровью, фарисейством, провокациями мирового масштаба. И Норман Финкельштейн пишет в эпилоге своей книги: *«Холокост еще имеет шанс прослыть величайшим грабежом в истории человечества»*. Это вы, овцы израилевые, в убогой пермской квартирке Нины Горлановой тряслись, как осенние листья, в ожидании погромов в то время, когда опричники абрамовичей и ходорковских скупали на российских толкучках ваши жалкие ваучеры, изобретенные Найшулем и Чубайсом. А в это время бедная хозяйка пермской квартиры исходила ненавистью к советской власти за слухи о погромах и за страдания несчастных котят, которых пермские сталевары якобы швыряли в геенну огненную.

Но все равно не получится из Холокоста новой религии. Все великие религии возникают и утверждаются на сознательном и потому благодатном самопожертвовании своих пророков и основателей. Христос знал, на что он идет во имя спасения человечества, его апостолы и первые христиане-мученики знали, что их ждет, идя на распятие, в темницы, на арену Колизея. Они были людьми истинной веры.

Да, «дело прочно, когда под ним струится кровь», но — своя, а не чужая.

Пастырь, пастух Христос первым принес в жертву себя, свою кровь и плоть, а не кровь своего стада, которую он отнюдь не рассматривал как «смазку для христианства».

А вейцманы, бен-гурионы и кастнеры приносили в жертву не свою, а овечью кровь бессловесной отары, не понимавшей, за что и куда ее гонят.

Видимо, осознав это, нынешнее поколение жрецов внесло совсем недавно некоторые поправки в «священное писание» Холокоста:

«Если первоначально в формулировке «День катастрофы и героизма» под героизмом понималось участие евреев в воюю-

щих армиях, в подполье и в партизанских отрядах, то сейчас под понятием «героизм» понимается и пассивное сопротивление евреям в гетто и само стремление выжить и остаться евреями»¹.

Такова новая идеология «овечьего героизма».

* * *

Но почему все-таки жрецы Холокоста так судорожно цепляются за «6 миллионов»?

Государству Израиль если что-то и грозит, то эти угрозы совершенно не связаны с тем, сколько евреев было убито в гитлеровской Европе.

Один миллион или одиннадцать — для сегодняшней реальной политической жизни не имеет решающего значения. Так же, как Америку уже невозможно наказать за то, что, пользуясь лживым предлогом о «наличии у Саддама Хусейна оружия массового уничтожения», она вторглась за десятки тысяч километров от своих границ в суверенную исламскую страну, уничтожила государство Ирак, что из-за этого вторжения и предшествующей блокады в Ираке погибли сотни тысяч детей, сотни тысяч граждан, что из-за вторжения америкосов в Ираке вспыхнула религиозная гражданская самоубийственная война... Шиитской и суннитской кровью залита земля древнейшей мировой цивилизации. Но все равно мы никогда не увидим, ни в каком гаагском трибунале, где погиб Милошевич, где ждет своей смерти патриот Сербии Радован Караджич, ни Буша, ни Рамсфелда, ни Кондолизу Райс. Они, эти военные преступники мирового масштаба, защищены до конца жизни всей военной, политической и экономической мощью Америки.

Так же, как защищены все израильские государственные террористы — Бегин, Шарон, Шамир... Мы своих военных офицеров — Буданова, Ульмана — за одну или несколько жизней якобы мирных жителей судим без колебаний, а Бегин в мирное время вырезал палестинскую деревню Деир-Ясин под корень. 254 трупа, включая стариков, женщин и детей, —

---

¹ Из выступления посла государства Израиль Анны Азари на вечере памяти евреев — жертв нацизма и героев Сопrotивления. 15.4.2007 в ЦДЛ, г. Москва, бюллетень Холокост № 2, 2007.

и что же? Стал премьер-министром. Вот разница между чадами Христа и детьми Иеговы. *«Без Деир-Ясина не было бы Израиля»* — эта фраза стала чуть ли не политической поговоркой в устах отцов-основателей сионистского государства. Но пролитая кровь арабской беззащитной общины есть вечный первородный грех Израиля, от которого ему никогда не отмыться. Но не паникуйте. Если даже будет доказана когда-нибудь несостоятельность священного шестимиллионника — государство Израиль не рухнет. Уже не в цифрах дело. Цифра была нужна в 1947 году. А сейчас она — зачем?

IX

ФИЛЬМЫ И МИФЫ

Воздух наполнился слухами.
И. Бродский

Жрецы Холокоста, конечно же, знали девиз Владимира Ильича Ленина о том, что для масс «важнейшим искусством является кино».

Раскрутка мистерии Холокоста и началась в 60—70-е годы XX века именно в этом жанре. В талантливом фильме «Ночь и туман» Алена Ренэ, по словам Роже Гароди, *«все искажается и становится неестественным, когда в нем произвольно говорится о 8 миллионах евреев, убитых в одном Освенциме».*

Гароди вспоминает и другие сериалы, заполонившие экраны Америки: *«Сколько раз нам прокручивали «Исход», «Холокост», «Шоа» и прочие кинороманы. Каждую неделю слезоточивые картины наводняют наши экраны»; «Фильм «Шоа» Ланицмана на протяжении 9 часов навязывает нам через образы каменных стен и нескончаемых железнодорожных конвоев <...> свидетельства вроде рассказа парикмахера из Трешлинки, который уместил на площади 16 квадратных метров 60 женщин и 16 парикмахеров». «Менахем Бегин выделил на фильм «Шоа» 850 000 долларов как на «проект, имеющий национальное значение»; «Один из фильмов, внесших наибольший вклад в манипуляцию мировым общественным мнением, телефильм «Холокост», является преступлением против исторической истины»...*

...После целого половодья подобных фильмов в 90-х годах прошлого века бестселлером Холокоста стал фильм «Список Шиндлера», о котором социолог и публицист С. Кара-Мурза отозвался так: *«В стремлении вбить клин между русскими и евреями пресса раздула совсем уж неприличную кампанию вокруг посредственного фильма «Список Шиндлера». Смысл был в том, чтобы заместить образом бонвивана Шиндлера в нашей исторической памяти подвиг тысяч и тысяч советских людей,*

которые в оккупации прятали у себя евреев и шли на виселицу <...> Всемирно-исторической фигурой сделан не белорусский колхозник, а Шиндлер, сколотивший на труде заключенных евреев крупный капитал и живший среди женского персонала, как петух в курятнике. Напор, с которым подавался этот фильм во всем мире, перешел все границы, и в западной прессе было сделано уточнение: Шиндлер был агентом гестапо и все делал в рамках согласованной акции. Бежать на Запад ему пришлось от советских войск, ввиду неминуемого наказания за его акции в концлагерях» («НС», № 1, 1997, стр. 219).

В 2008 году волна фильмов о еврейской катастрофе по-настоящему накрыла и российское телевидение.

В первую очередь надо вспомнить супермногосерийный и чрезвычайно скучный фильм «Тяжелый песок» по роману А. Рыбакова; в Голливуде снимается, как сообщает бюллетень «Холокост» (№ 2, 2007 г.) экранизация по роману Анатолия Кузнецова «Бабий яр»; в России по ТВ показан новый фильм Эльдара Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви», о котором в том же номере бюллетеня сказано, что «главная идея картины — борьба с антисемитизмом; герой страстно защищает друзей-евреев, а, перенесясь в будущее, спасает датских иудеев от Холокоста».

В начале 2008 года нам показали по ТВ многосерийный фильм о том, как молодой австриец Адольф Шикльгрубер, разыграв антисемитскую карту, становится Адольфом Гитлером. Далее следовала киноэпопея о Мюнхенском пивном путче, потом о Хрустальной ночи 1938 года. Конечно, мелькнули на экране сюжеты об Анне Франк, а однажды глубокой ночью ТВ запустило фильм о таинственной конференции в пригороде Берлина Ванзее, на которой под руководством Гейдриха был якобы разработан план по «уничтожению европейского еврейства». О чем на самом деле шла речь в компании высших чиновников рейха в Ванзее, до сих пор неизвестно, на Нюрнбергском процессе зачитывался какой-то текст машинописной копии, выдаваемой за протокол конференции. Но об этом тексте сами еврейские историки впоследствии отзывались весьма неуважительно.

Из книги Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики»: «Ванзейский протокол — это отчет о конференции, которая состоялась 20 января 1942 года. <...> Речь идет о тексте, в котором нет ни слова ни о газовых каме-

рах, ни об истреблении, а только о депортации евреев на Восток Европы <...> Этот отчет имеет, кроме того, все характерные черты апокрифа, если рассмотреть фотокопию, опубликованную в книге Роберта Кемпнера «Эйхман и сообщники»: ни печати, ни даты, ни подписи, шрифт обычной пишущей машинки для печати уменьшенного формата. В любом случае, в нем ничего нет о газовых камерах.

Во французском переводе, например, слова «вытеснение евреев из жизненного пространства немецкого народа» переведены как «устранение евреев» с комментарием, что слово «устранение» означает «уничтожение»... Тот же фокус был проделан в английском и русском переводах...

«Ванзейская конференция 20 января 1942 года, на которой, как утверждают уже более 30 лет, якобы принято решение об «уничтожении» европейских евреев, начиная с 1984 года исчезла из писаний даже самых рьяных врагов «ревизионизма»... «В этом пункте даже им пришлось ревизовать свою историю: на конгрессе в Штутгарте в мае 1984 г. эта «интерпретация» была выведена из употребления». (Источник: Эберхорд Яккель и Юрген Ровер. Убийство евреев во время Второй мировой войны. DVA, 1985, стр. 67.)

«20 января в Берлине состоялась Ванзейская конференция. Хотя предусматривалась акция «вытеснения» евреев на Восток с упоминанием о «естественном» отборе в процессе труда, никто не говорил о промышленной ликвидации. В последующие дни и недели не было ни звонка, ни телеграммы, ни письма в строительное управление Освенцима по поводу установок, предназначенных для этой цели».

Даже в своей итоговой хронологии Клод Прессак пишет рядом с датой 20 января 1942 г.: «Ванзейская конференция о вытеснении евреев на Восток», (стр. 114). Таким образом вместо «уничтожения» речь идет о «вытеснении».

Из сохранившихся листков протокола Ванзейской конференции: **«В ходе окончательного решения евреи будут направлены на Восток для использования их труда. Женщины будут отделены от мужчин. Евреи, способные работать, будут направлены большими колониями в районы, где производятся крупномасштабные работы, на строительство дорог, и, вследствие этого, несомненно, большое число погибнет в результате естественного отбора.»**

Те, что в конце концов останутся и, несомненно, будут представлять собой самый сильный элемент, заслуживают соответствующего обращения, так как они являются результатом естественного отбора, и их освобождение должно рассматриваться, как появление зародыша нового еврейского движения (как показывает исторический опыт)». Роже Гароди в своей книге «Основополагающие мифы израильской политики» приводит множество документов, доказывающих, что под «окончательным решением еврейского вопроса» нацисты понимали изгнание, вытеснение, выселение европейских евреев из Европы.

«Поражение Франции открыло перед нацистами новые перспективы. Для окончательного решения еврейского вопроса можно было использовать французскую колониальную империю. После перемирия, заключенного в июне 1940 года, возникла идея высылки всех евреев на Мадагаскар. В мае 1940 года Гиммлер в докладной записке, озаглавленной «Несколько мыслей об обращении с враждебными лицами на Востоке», писал: «Я надеюсь, что все упоминания о евреях будут окончательно вычеркнуты после эвакуации всех евреев в Африку или в колонии».

Но «Мадагаскарский проект» был временно отложен, так как «война против Советского Союза позволила нам располагать новыми территориями для окончательного решения. **Вследствие этого фюрер решил изгнать евреев не на Мадагаскар, а на Восток»** (А. Гитлер. Монологи. 1941—1944. Изд. Альбрехт Краус. Гамбург, 1980).

Но история есть история, документ — есть документ, а фильм есть художественное произведение, опирающееся на сценарий, на сочиненные диалоги, на игру актеров, выполняющих то или иное идеологическое задание.

Актеры телефильма о Ванзейской конференции (почему-то показанного глубокой ночью), играющие Гейдриха, Эйхмана, главного прокурора гитлеровского рейха, офицеров СС, нацистских юристов — авторов нюрнбергских расовых законов, в своих диалогах убеждают друг друга в необходимости уничтожения европейского еврейства. Но нельзя при этом забывать, что такого рода разговоры Гейдриха с Эйхманом имеют историческую основу не большую, нежели разговоры Артаксеркса с Аманом или Эсфири с Мордехаем из книги «Эсфирь».

Однако следующий, тоже якобы документальный фильм, показанный по российскому ТВ в том же 2008 году, — переплюнул по грандиозности замысла ванзейскую «художественную» стряпню и был посвящен уже абсолютно легендарному сюжету — плану Сталинской депортации в 1953 году всех евреев Советского Союза в концентрационные лагеря Сибири и Дальнего Востока.

В ночь с 25 на 26 марта 2008 года по программе «Культура» был показан фильм о подготовке этого преступления. Автором и комментатором фильма был известный советский журналист, пребывающий ныне в Англии, Аркадий Ваксберг.

Сначала в фильме зашла речь о таинственном письме в «Правду», осуждающем «врачей-отравителей». Письмо это, по словам Ваксберга, согласно воле Сталина должны были подписать известные еврейские писатели и общественные деятели. Голос Ваксберга вещал с экрана о том, как отнеслись советские евреи к письму.

«Маргарита Алигер рассказала мне: «Было очень страшно, я безропотно подписала это письмо».

Понятно, почему именно М. Алигер было предложено поставить свою подпись под письмом: с 1937 по 1953 год она внесла огромный вклад в поэтическую Сталиниану. Открываешь любую ее книгу тех лет и читаешь: *«приезжай, товарищ Сталин, приезжай, отец родной»*, *«гул сталинских животворящих лет»*, *«зашумит словно море кремлевский дворец — это встретит вождя Девятнадцатый съезд»*, *«Ленинские горы, Сталинские годы, Коммунизма ранний, ранний час»* и т. д. и т. п. без конца. Конечно, тут подпишешь безропотно.

Павел Антокольский: *«Подписной лист сначала подписал я, потом Гроссман, — я знаю теперь, что чувствует кролик перед удавом».* А куда было деваться Павлу Григорьевичу, лауреату Сталинской премии, если он в 1937 году сочинил от сердца стихотворную книгу «Ненависть», воспевающую «сталинские репрессии»? Сталинские чиновники, конечно же, знали, кому предложить этот документ на подпись. И в Гроссмане, тоже официозном писателе 30-х годов, прославившем в книге «За правое дело» и Сталина, и советскую власть, и нашу победу, они, видимо, не сомневались.

А кстати, можно было и отказаться, как отказался подписать письмо Лазарь Каганович или Вениамин Каверин: *«Я со-*

обшир Хавенсону (журналист, сборщик подписей. — Ст. К.) по телефону, что письмо подписывать не буду». Конечно, это могло вызвать недовольство у функционеров, собиравших подписи, но за это не арестовывали, не пытали и на Колыму не ссылали. Каверин, не самый знаменитый и храбрый среди писателей, почему-то не почувствовал себя *«кроликом перед удавом»*. Кстати, и Леонид Леонов в 1934 году, когда Генрих Ягода собирал писательскую компанию для поездки на Беломорканал для создания культовой чекистской книги о строительстве, отказался от этой поездки, и ничего с ним не случилось. А почти все остальные, кто согласились, через три года, в 1937-м, охотно давали согласие подписать любые письма. Главное ведь в том, чтобы публично согрешить один раз, а дальше легче: «еще раз, еще раз, еще много-много раз...»

Однако фильм о депортации продолжался, и А. Ваксберг продолжал вещать *«закадровым голосом»*:

«Евгений Долматовский рассказывал: «Мне звонил Давид Заславский, требовал подписать письмо». И Давид Заславский знал, кому звонить, поскольку всем было известно, что в 1937 году молодой поэт Долматовский публично отказался от своего отца — *«врага народа»*.

«Марк Рейзен вспоминает так: «Ну было какое-то собрание. Надо исполнить свой гражданский долг». И знаменитого Рейзена тоже можно было понять: в предвоенные годы он был основным исполнителем знаменитой песни *«Широка страна моя родная»* со словами: *«золотыми буквами мы пишем всенародный сталинский закон»*. А музыку к гимну *«Широка страна моя родная»* написал Дунаевский, естественно, он не мог не *«засветиться»* на подписном листке обращения в редакцию *«Правды»*, на котором, как пишет историк Г. В. Костырченко, *«имеются оригинальные автографы С. Я. Маршака, В. С. Гроссмана, М. О. Рейзена, М. И. Ромма, Л. Д. Ландау, И. О. Дунаевского и многих других видных деятелей еврейского происхождения»* (с. 681). Одним из последних на листе расписался И. Эренбург. Впрочем, *«подписантов»*, если бы власти того пожелали, могло быть много больше из числа рьяно присягнувших на верность режиму в 1937 году.

Много лет назад, просмотрев подписку *«ЛГ»* за 1937 год, я сделал перечень известных писателей, так или иначе откликнувшихся на политические процессы эпохи.

Из «Литературной газеты» № 33, 1937: *«Высшая мораль революции в том, чтобы враги народа, подло предающие его интересы, были начисто уничтожены»...* *«Только на днях вся страна с яростью и гневом узнала о преступлениях подлейшей банды долго маскировавшихся шпионов, фашистских наемников — Тухачевского, Уборевича, Корка и других мерзавцев».* «Другие мерзавцы» — это высшие военные чины еврейского происхождения — Иона Якир и Фельдман. Заклеймил их в «ЛГ» известный литератор той эпохи Яков Эйдельман, отец не менее известного литературоведа горбачевской эпохи Натана Эйдельмана.

Подшивка «Литературной газеты» за 1937 г., номера 32 и 33. Заголовки откликов: *«Мы требуем расстрела шпионов»*, *«Не дадим жителям врагам Советского Союза»* и другие короткие проклятья, подписанные не от имени каких-то заводских и фабричных коллективов и не какими-то безвестными «шариковыми», а Пастернаком, Сельвинским, Кассилем, Габриловичем, Л. Никулиным... Среди прокливаемых имен «врагов народа» В. Киршон. Опять одни евреи топили других евреев. По приказу или по совести? Или от страха иудейска? Не знаю.

В «Литературке» от 1 февраля 1937 г. опубликован приговор по делу *«Пятакова, Сокольникова, Радека»*, и тут же стихотворный отклик Михаила Голодного-Эпштейна: *«Нет, ты его настигнешь, кара»*. П. Антокольский тоже ставит свою подпись рядом с Михаилом Голодным.

В этих же уникальных январско-февральских номерах 1937 года с проклятиями и требованиями «уничтожить» *«убийц, шпионов, фашистских выкормышей»* выступили писатели Р. Фраерман, В. Инбер, Л. Никулин, А. Безыменский (со стихами!). Здесь же Юрий Тынянов, а рядом с ним стихи Перца Маркиша в косноязычном переводе Д. Бродского:

Их судит трибунал с презрением во взоре,
И весь народ гремит из края в край;
Ни капли милости взбешенной волчьей своре —
Пусть сгинут! Никому пощады не давай!

В 1952 году в числе репрессированных членов Еврейского антифашистского комитета был и Перец Маркиш. Вспомнил ли он перед тем, как *«сгинуть»*, свои стихи пятнадцатилетней

давности? Подпись поставить от страха — дело простое. А вот стихи написать — тут нужно вдохновение.

Еврей-чекисты арестовывали евреев-политиков, еврей-поэт написал о врагах народа стихотворенье, еврей-переводчик перевел его на русский язык, еврей — ответственный редактор (Л. Субоцкий) опубликовал их в «Литгазете». А сейчас все это называется иногда государственным, иногда сталинским и даже русским антисемитизмом и черносотенством.

А чьими фамилиями подписаны («ЛГ» от 26.I.1937) писательские отклики на процесс антисоветского троцкистского центра? Ю. Олеша — *«Перед судом истории»*, И. Бабель, шегольнувший знанием Достоевского, — *«Ложь, предательство, смердяковищина»*, М. Козаков (отец нынешнего актера М. Козакова)¹ — *«Шакалы»*, два брата — М. Ильин и С. Маршак — *«Путь в гестапо»*, В. Шкловский — *«Эпилог»*, Д. Алтаузен — *«Пощады нет!»* и, конечно же, неутомимый Безыменский — *«Наш вердикт»*, стихотворенье, начинающееся словами: *«стереть их всех с лица земли»*. А еще *Г. Шторм*, *Г. Фиш*, *К. Финн*, *Л. Славин*, *А. Гурвич*, *Л. Войтинская* и т. д. и т. п.

Ну как же нынешним еврейским историкам при воспоминании об этом феноменальном позоре не выходить из себя, не впадать в истерику? Как объяснить эту эпидемию коллективного помешательства «интеллектуальной элиты»? Слепой верой в Сталина? — но все подписанты, можно сказать, не дураки. После XX съезда они сразу поумнели. Животным страхом перед Гитлером, перед ужасом грядущей войны? Или просто чувством коллективного советского патриотизма, захлестнувшего все общество в ту эпоху?

А если даже Сталин, как коварный политик, их переиграл и заставил своими руками уничтожать своих же соплеменников, то на кого спустя 70 лет писать жалобу? На антисемитов? А может быть, все происшедшее есть свойство еврейского менталитета, о котором американский историк Норман Финкельштейн писал в книге «Индустрия Холокоста»:

«Так же, как многие евреи дистанцировались от Израиля, пока он был для них обузой, и снова стали сионистами, когда он обрел ценность, дистанцировались они и от своей этнической принадлежности, пока она была обузой, и снова стали евреями, когда это стало выгодно» (с. 27).

---

¹ Автор пьесы «Чекисты», 1939.

Поэтому не надо лукавить, что наши писатели той эпохи были не евреями, а просто советскими людьми или всего лишь навсего коммунистами безо всякой национальности. Конечно, в списке подписантов есть и русские фамилии, но их значительно меньше, нежели еврейских. А фамилии Симонова, Твардовского, Шолохова, Заболоцкого, В. Шишкова, Серафимовича, Гладкова не встречаются ни разу. Может быть, к ним не обращались, сомневались, что они подпишут? Или они себя «кроликами» не чувствовали?.. А может быть, демонстрируя свою лояльность, подписывали только те, кто хотел подписать?

* * *

Тем не менее февральское письмо 1953 года «о деле врачей» с подписным листом, изукрашенным автографами нашей культурной элиты, не было нигде напечатано, поскольку, как предполагает Костырченко, *«Сталину не понравился <...> тон письма — чрезмерно резкий, если не сказать кондовый — ибо не способствовал достижению искомой цели: затушить скандальную агитацию вокруг «дела врачей» в стране и в мире»*. *«Составление следующего варианта письма, — пишет Костырченко, — было поручено Шепилову, слывшему среди интеллигенции либералом»*. Новый шепиловский вариант письма, продолжает историк, *«разительно отличался от того, что было раньше. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев»; «самое главное, уже не выдвигалось никаких требований расправы с «врачами-отравителями»...»; «Можно заключить, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по «делу врачей» (тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище, как сигналу к началу еврейской депортации...)»; «Как известно, обращение к еврейской общественности так и не появилось в печати...»; «Думается, сам Сталин успел до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею, исходя из того соображения, что публикация любой, даже выдержанной в самом оптимистическом тоне коллективной петиции евреев будет свидетельствовать, что в стране продолжает существовать пресловутый «еврейский вопрос»*.

...А на экране между тем мелькали кадры ваксберговского фильма о депортации. Сквозь какие-то апартаменты, похожие на кремлевские, стремительно проходили актеры, плохо загримированные под Булганина, под Пономаренко и еще под кого-то, и косноязычно на ходу произносили монологи, видимо, сочиненные Ваксбергом, со словами якобы из воспоминаний, принадлежащих историческим персонажам, которых они изображали. А вещей голос Ваксберга в это время давал дополнительные комментарии, что эти драгоценные воспоминания хранятся где-то в архивах Иерусалима. Все эти тексты перемежались съемками эшелонов, рельсовых путей, изображением станций, словом, картинками, долженствующими воссоздать правдивую, документальную обстановку депортации евреев неизвестно куда, но в пространство ГУЛАГа...

То ли это Дальний Восток, то ли Северный полюс, то ли Сибирь? А может быть, и Казахстан? Голос Ваксберга возвышался до левитановского пафоса: *«Тем временем в Москву по запасным путям шли вагоны, сколачивались бараки»*. А дальше он с апокалиптическими интонациями зачитывает слухи, которыми его снабдил Семен Липкин:

«Когда я жил в Киргизии, там жили люди, высланные за свою национальность. Они мне говорили, что на границе с Казахстаном строились бараки для евреев. Я туда поехал и кого-то спросил, что там строят, и кто-то сказал мне: «Это для евреев»... И вот так на протяжении всего этого якобы документального фильма: «я кого-то спросил и кто-то мне ответил».

В финале фильма шла инсценировка суда над Сталиным, и главный свидетель Булганин (естественно, скверно загримированный под Булганина актер) говорит суду, что суд над евреями должен был состояться под открытым небом на Красной площади и что Сталин дал ему указание подготовить *«800 вагонов для депортации евреев»*.

Комментарий Ваксберга, стоящего в кадре на Красной площади на фоне Лобного места:

«Именно здесь вот-вот должно было начаться кровавое действие — суд над врачами-убийцами». **«Гроссман видел ад Треблинки, и мысль о таком же новом суде убивала его»**. (Может быть, поэтому он и подписал черновик письма, осуждающего врачей-евреев?) В последнем кадре Ваксберг появ-

вился на экране и скорбно произнес, что во время этих перевозок эшелоны должны были подвергнуться крушениям, и добавил фразу, которую я успел записать буквально: «*Вот на краю какой пропасти мы когда-то стояли*»...

Миф о депортации — болезненная, но, видимо, хорошо оплачиваемая идея-фикс Ваксберга. Еще в 1998 году в книге, посвященной судьбе Лили Брик, он писал: «*13 января 1953 года «Правда» сообщила об аресте «врачей-убийц» и предстоящем суде над «заговорщиками в белых халатах». Это был предпоследний акт задуманной Сталиным кошмарной мистерии. Последним должно было стать линчевание «убийц» и депортация всех евреев в Сибирь, где им предстояло «искупить свою вину перед советским народом».*

А вот как кликушествовал в 1990 году о той же мифической депортации известный советский писатель Александр Евсеевич Рекемчук, еще один из мелких жрецов Холокоста:

«Увы, документами, свидетельствами подтверждено (?! — Ст. К.), что 8 марта 1953 года должна была состояться публичная, при стечении десятков тысяч людей, казнь так называемых «врачей-убийц», в основном еврейской национальности. Вслед за этим планировалась высылка евреев из Москвы, Ленинграда, других центров России в концентрационные лагеря на Дальний Восток. Лагеря были подготовлены, виселицы делались, судилище в московском цирке подготовлено, роли распределены» («Красноярский комсомолец», 23.6.1990 г.).

Сколько людей он запугал, сколько душ заставил испытать страх погрома, сколько евреев после прочтения того бреда побежали в иностранные посольства, сколько языков пламени, названного ныне «национальной рознью», вспыхнуло в обывательских душах! И ничего, прошли годы, старый благодетель Рекемчук ходит по Москве, издает книги, радуется успехам демократии.

Я помню, как в конце 80-х — начале 90-х годов на одном из писательских собраний Рекемчук появился в проходе Большого зала ЦДЛ, за руку он тащил полуслеплого писателя Валентина Ерашова, только что написавшего роман о сталинской депортации евреев в Сибирь. Рекемчук буквально вытащил несчастного слепца, ныне совершенно забытого писателя, на трибуну с криком:

— Дайте ему слово! Он сейчас нам расскажет, как готовилось это преступление!

И Валентин Ерашов с черной повязкой на глазах заборотал что-то несусветное, пересказывая содержание своего убогого политического детектива, который вскоре был издан в издательстве «ПИК» неслыханным тиражом в 300 тысяч экземпляров. Вот несколько отрывков из этого эпохального сочинения, которое предварено следующим авторским предисловием: *«Это повествование построено и на доступных автору документах, и на опубликованных материалах, и на собственных воспоминаниях, и на рассказах очевидцев, и частично на ходивших в ту пору и впоследствии разговорах. Описанное в хронике — было или — могло быть. Домысел автора — в рамках и пределах допустимого законами литературы.*

События, составляющие ядро и суть произведения, были действительно запланированы и, вероятнее всего, осуществились бы, не помешай тому кончина Вождя.

Основные исторические фигуры реальны. Те, кому предстояло быть исполнителями, — обозначены условно, по роду занятий. Фамилии жертв — из уважения к их страданиям и памяти — изменены. В хронике введена семья, имеющая реальный прототип. Некоторые статисты кровавого спектакля оспавлены анонимными».

Ну как после этого не верить автору? *«Документы», «собственные воспоминания», «рассказы очевидцев», «реальные прототипы».*

Книга начинается с внутреннего монолога Сталина, коварно размышляющего о том, как поставить для народа спектакль о врачах-отравителях...

«Право же, хорошо, трое русских, а евреев шестеро, порция соблюдена, всяк поймет, что главные — они, однако никто не посмеет сказать, будто идет антисемитская кампания, — выглядит объективно. И к месту помянуто, что указания получали от еврейского буржуазного националиста Михоэлса... Может, с Михоэлсом поторопились тогда, в сорок восьмом, следовало обождать, притянуть к делу живым? Ладно, и так сойдет!»

Далее следует описание строительства лагерей в тайге для приема депортированных евреев:

«Тайга подвывала, звенела, ухала, лязгала, трещала, гудела, громыхала; над нею витал дым костров, полыхало зарево, должно быть, похожее издали, по ночам, на пожар. Его, навер-

ное, видно было бы с самолетов на многие десятки верст окрест, но авиация не появлялась тут никогда.

В тайге — и здесь, за двести километров к северу от Биробиджана, и на восток, по территории, равной примерно Швейцарии, — в этой нетронутой тайге круглыми сутками (ночью — под светом прожекторов и костров) визжали пилы, звенели топоры, ухали падающие деревья, трещали сучья в кострах, громыхали толовые шашки — ими выкорчевывали пни, взрывали стыльную землю под котлованы фундаментов. Тайга пахла смолой, хвоей, свежими опилками, мерзлой почвой, трудовым потом, дымом костров, баландой, паленой шерстью застигнутого врасплох малого зверья, мясом освежеванных медведей, предназначенных на шашлыки для начальства. Тайга падала ниц безропотно, хотя и не безмолвно, и на ее неохватном пространстве, буро-желтоватом (прижельть давали частые здесь лиственницы), если глянуть сверху, обнаружались бы громадные проплешины».

Строительство целого города, замаскированное под объект БАМа, «лагпункт № 28/6», десятки тысяч заключенных, работники культурно-воспитательной части, инженеры, проектировщики, техники, вольнонаемные специалисты, администрация, снабженцы, охрана... Накладные, документы на стройматериалы, сметы на зарплаты, на содержание громадного строительного коллектива, приказы по ГУЛАГу... И куда только все участники и все бумаги этого эпохального строительства подевались после XX съезда? Почему их не нашли в начале 90-х годов, когда столько развелось охотников, ищущих следы сталинских преступлений?

...А в ерашовской Москве между тем к высылке всех евреев готовились серьезно. Даже по всем вузам был разослан приказ (устный или письменный — непонятно) выдавать еврейским выпускникам свободный диплом, — чтобы потом после депортации их негде было искать: «На выпускном вечере Майка веселилась пуще всех — у нее тоже был свободный диплом, и никому поначалу в голову не приходило, что такие документы получили, в основном, евреи». Гласный судебный процесс с привлечением общественности должен был — по «документам», «доступным автору», — происходить в московском цирке:

«Далеко за полночь он (Сталин. — Ст. К.) вызвал дежурного генерала и приказал тотчас узнать, сколько зрительских

мест в цирке. Генерал поднял из постели директора цирка, напугал его до полусмерти, когда назвался, и еле добился ответа.

— Две тысячи сто восемь мест, товарищ Сталин, — доложил генерал.

В половине четвертого Берия разбудил телефонный звонок. Даже спросонок Берия отличал от прочих звук этого аппарата. Торопясь, он одной рукой взял трубку, а другой одновременно включил ночник...

Итак, завтра должен был начаться процесс. Берия доложил: порядок обеспечен, два дня судоговорения, сотрясения воздушей; задавленные, сломленные пешки станут произносить все, что им полагается; другие пешки — обвинять, защищать, задавать предусмотренные вопросы; третьи, сидя в обширном помещении цирка, выражать одобрение, даже аплодировать, хотя это и не дозволено по процессуальному кодексу. И, наконец, следующие пешки сдадут в набор заранее подготовленные отчеты, и в субботу страна запыхает гневом, запланированным, отрепетированным, будет единодушно осуждать подлых преступников и кричать евреям то, что и полагается кричать искони...»

А вот образ И. Эренбурга, который дожил до глубокой старости, но не оставил об этом времени и о «деле врачей» никаких воспоминаний. Даже после смерти Сталина. За Эренбурга пробел в его жизни заполнил В. Ерашов, изобразив разговор писателя с женой: «Сталин распорядился, чтобы я выступил общественным обвинителем в процессе, обвинителем, понимаешь? А эти, — он кивнул на дверь в прихожую, как бы вслед генералам, — объяснили: если откажусь, то немедленно сяду на скамью рядом с врачами, тебя же и дочку — в лагерь пожизненно... Да, да, я согласился, понимаешь, согласился... Но как после такого — жить? А — никак...

Они придут за мной к десяти утра, за два часа до процесса... Приедут, ну и что? Что увидят они?..

Жена сидела каменная».

А Сталин все никак не может успокоиться, все думает, как организовать депортацию. В подготовку к ней уже втянуты коллективы автопарков, дворники, участковые милиционеры, железнодорожники, кагэбэшники — десятки (если не сотни!) тысяч людей, а ему все хочется предельно ужесточить эту гигантскую акцию:

«...Не сажать, а швырять их в грузовики, затыкать орущие глотки, гнать машины по проселкам, по ухабам, пусть летят через борта, под колеса идущих сзади, пусть корчатся в пыли, в снегу ли, пусть взывают к своему Иегове о помощи, о спасении — пусть взывают к Нему, Великому и Любимому товарищу Сталину, земному Богу, справедливому и милосердному, — ничто не поможет им, обреченным Его волей...»

Потом Сталин передумал. Осужденных врачей-отравителей решили судить не в цирке, а в Колонном зале Дома союзов, чтобы после приговора их было удобнее и ближе привезти к месту казни на Красную площадь, где осужденных уже ждали виселицы:

«Их теперь — без повязок на глазах, но в наручниках — великодушными светлыми коридорами, окна в сборчатых шелковых шторах, всюду на стенах картины, вдоль стен пуфики, под ногами ковровые дорожки, они шли коридорами Дома союзов, где были не однажды... Наверное, их решили выводить именно отсюда, чтобы народ видел: здесь их судили... Они шли, как приказано, гуськом, в черных балахонах, и у каждого на груди болталась табличка с аккуратными буквами...»

А в это время все русские антисемиты, живущие в коммунальных квартирах или на одних лестничных площадках с евреями, приговоренными к депортации, потирают руки! Монолог Гали Бугорковой:

«...ну, Цилечка, достукались, пархатые? Пожили в двух комнатах, а мы в одной бедуем, ну вот, попрут вас отсель, на север этот, мы уж всю квартирку займем, ишь, две комнаты у них, да еще и компот каждый день варите, жидаы богатые... Во-во, шифоньерчик переставим к правой стенке, а кровати в той комнате, да еще пианина ваша, не повезете же с собой, пархатые... Отойди, жидовка, не воняй чесноком».

Книгу эту в 90-е годы евреи передавали из рук в руки. Эмоциональные натуры вроде Нины Горлановой (книга печаталась в Перми!) и Павла Поляна, наверное, с ума сходили, читая эту «чистую правду» в роковое время, когда на улицах бесчинствовала страшная «местечковая память». Но даже и ее «деяния» казались детским лепетом по сравнению с картинами казни евреев на Красной площади.

А каков в «Коридорах смерти» документальный материал — все подсчитано до одного человека, до одного вагона, вся

Москва стояла на ушах — все неевреи готовились внести свою лепту в депортацию евреев:

«Данные, старательно уточненные при активной помощи стукачей — они имелись в каждом подъезде, гласили: в Москве по состоянию на 24.00 10 марта проживает, включая полукровок, 211.492 еврея, что составляет 67.856 семейств. За вычетом особо тяжело больных, не подлежащих перевозке ввиду близкой смерти, а также другой естественной убыли (например, самоубийств, побегов за пределы столицы, приобретения в милиции за крупную взятку фальшивых документов) предельную цифру определили в двести тысяч (в пути также предусматривалась смертность, особенно младенцев).

Во избежание утечки с полуночи 12 марта при посадке в самолеты, поезда дальнего следования, электрички, пригородные автобусы и даже в малочисленном личном транспорте вводилась поголовная проверка паспортов, предписывалось задерживать всех евреев, а также и подозреваемых.

Руководство Московской железной дороги получило распоряжение: на запасных путях, прилегающих ко всем вокзалам столицы — Казанскому, Ленинградскому, Ярославскому, Белорусскому, Киевскому, Павелецкому, Савеловскому, Рижскому, — сосредоточить подвижной состав общим числом в пять тысяч товарных вагонов, переоборудованных в теплушки армейского образца, из расчета сорок человек на вагон. После загрузки пассажирами предписывалось вывести поезда на Окружную дорогу, откуда с интервалом в десять минут отправлять на Казань, где начальники эшелонов (из воинской охраны) должны были получить указания о дальнейших маршрутах следования». «Сто десять тысяч — по двое на каждую еврейскую квартиру — сотрудников МГБ и наиболее проверенных кадров милиции (частично пришлось вызвать с периферии) проходили инструктаж в районных отделах госбезопасности». Возникает вопрос: неужели из этих сотен тысяч людей никто не дожил до хрущевской «оттепели», чтобы засвидетельствовать об этой фантастической операции?

...И далее. «Восемь главных осужденных погрузили на грузовики, где их ждали казгэбэшные шоферы, которые целых два

месяца тренировались, чтобы точно подбехать куда надо, точно погрузить и выгрузить, прямо к эшафоту, ни на йоту не нарушая разработанного Сталиным ритуала казни».

«Мрачным, молчаливым коридором, с невероятно стремительной медлительностью двигались грузовики — черные фигуры, белые таблички на груди каждого. И чекисты в куртках спортивного образца стояли на Лобном месте, ждали, вытянувшись по стойке «смирно». И такие же, как они, застыли в кузовах грузовиков, рядом с одетыми в балахоны.

Грузовики развернулись, водители тренированно поставили машины — задние борта откинута — впритык к облицовке Лобного места, восьмерым приказали спуститься с подставок и протянули руки, чтобы помочь, никто из восьмерки не коснулся этих палаческих ладоней.

Они стояли в кузовах, у задних бортов, лицом к автомобильным кабинам, к Мавзолею».

Какой там Достоевский с «Мертвым домом», какой Виктор Гюго с «93-м годом», какой Александр Дюма, какая там «Капитанская дочка» с казнью Пугачева, какие там «Протоколы сионских мудрецов»? Вот он, эпос всех времен и народов!

«Чекисты на Лобном месте у столбов с вытянутыми по-гусиному перекладинами отработанным, одновременным движением взяли за петли, протянули таким же курткам в кузовах. И таким же отлаженным, тренированным, синхронным движением те накинули петли на шеи восьмерым.

Барабаны били. Молчала площадь. Молчало радио.

Повинуясь невидимому и неслышному знаку, машины одновременно, плавно, медленно тронулись. Колеса не сделали даже полного оборота, когда натянутые веревки запрокинули восьмерых назад.

И, как только тела закачались, подрыгивая ногами, грузовики рванули, сделали четкий разворот, перестроились в колонну, помчали — мимо храма Василия Блаженного, к Большому Москворецкому мосту.

С трибуны Мавзолея крикнули: «Ура!»

Площадь молчала.

(ну это — явно плагиат: «народ безмолвствует». — Ст. К.)

.....
Сталин поднялся, разминая затекшие стариковские ноги, взял телефонную трубку.

— Молодец, — сказал он кратко.

— Спасибо, спасибо, Коба. А что, и в самом деле хорошо работали!

— Не радуйся, — остудил он Берию. — Работа еще впереди...»

Но тут, как на грех, Сталин помер, и в последнюю секунду его наследники срочно отменили депортацию, хотя паровозы стояли на парах, и лишь один красный экспресс с самыми главными евреями успел отправиться в путь и даже дошел до Байкала (про него, по версии Ерашова, забыли соратники Сталина, занятые борьбой за власть после смерти вождя), где эшелону на окружной дороге было устроено крушение, подготовленное для всех других, к счастью, не отправившихся в путь эшелонов такого же рода.

«В 2.00 по московскому времени 14 марта красный экспресс особого назначения, двигаясь строго по установленному для него графику, не сбавляя хода, проследовал через станцию Слюдянка, миновал разъезд Крутой, где машинисту посигналили, что путь свободен, и на прежней скорости промчался дальше.

В 2.02 поезд с налету выскочил на отрезок пути, разрушенный гебистами, рухнул под откос и почти мгновенно сгорел, поскольку был для пущей надежности начинен в багажниках под полом вагонов канистрами с бензином».

Вот настоящий сценарий для Ваксберга, а может быть, для Голливуда или даже для Сокурова! Это вам не «Утомленные солнцем»!

Адские картинки, не подвластные ни гению Данте, ни перу Солженицына... Кошмарные события, рядом с которыми все обвинения сталинских прокуроров в адрес троцкистов, бухаринцев и прочей «антисоветской сволочи», якобы работающей на японскую, германскую и прочие разведки мира, кажутся детскими шалостями, невинным розыгрышем, забавными политическими капустниками. Я не знаю, еврей Валентин Ерашов или русский. Я не знаю, из благополучной он семьи или из репрессированных. Я точно знаю лишь одно: что он или душевнобольной, или мерзавец, сознательно сочинивший лживую книгу, от которой многие доверчивые евреи (да не только евреи) могли повредиться умом, заболеть манией преследования или более тяжелой душевной болезнью. А особо впечатлительные натуры могли и покончить с собой.

Вот какую книгу надо было прочитать Нине Горлановой своей младшей доченьке Аглае вместо того, чтобы пугать ее

какой-то местечковой пермской «Памятью» и рыдать над лужей мочи, оставленной в подъезде бомжами-антисемитами. Вот какие кадры — приговоренных к повешению, бессильно идущих в черных одеждах с капюшонами на головах к грузовикам, которые подвезут их под виселицы и по команде, пускающая клубы черного дыма, рванутся, оставляя бедных евреев в петлях дрыгать ножками, вот какие кадры надо было снять Ваксбергу, а не ряженого Булганина, косноязычно рассказывающего на ходу о сталинском коварном плане. Бесталанный Вы человек, товарищ Ваксберг, по сравнению с Валентином Ерашовым... Я думаю, что за эту книгу Ерашова (если он жив) надо было бы судить по 282-й статье за разжигание межнациональной розни. А если его нет в живых, то «Коридоры смерти» должна быть изъята из всех библиотек и сдана в макулатуру. Или сожжена ветеранами общества «Память». От такого рода сплетен и слухов впала в неврастению даже семья будущего лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского. Вот как он, живя в Америке, вспоминал о зиме 1953 года:

«Воздух полнился слухами о планируемых в Политбюро репрессиях против евреев, о переселении этих исчадий «пятого пункта» на Дальний Восток, в область, именуемую Биробиджаном <...> По рукам ходило даже письмо за подписью наиболее известных обладателей «пятого пункта» — гроссмейстеров, композиторов и писателей, содержащее просьбу к ЦК и лично к товарищу Сталину разрешить им, евреям, искупить суровым трудом в отдаленных местностях большой вред, причиненный русскому народу. Письмо должно было со дня на день появиться в «Правде» и стать предлогом для депортации <...> Мы готовились к путешествию и уже продали пианино, на котором в нашем семействе все равно никто не играл».

Сюжет о пианино, на которое зарятся русские антисемиты, в повести Ерашова тоже присутствует... Просто какая-то дешевая мистика.

* * *

А тема депортации до сих пор жива. Ее не сдали в архив. Восьмого июля 2009 г. о ней, как о детально подготовленной операции, докладывала некая ифлийка Лунгина, главная и единственная героиня скучнейшего и бесконечного докумен-

тального сериала «Подстрочник». Через полгода (в январе—феврале 2010 г.) фильм был еще раз показан по «Культуре», а в конце 2009 г. монологи Лунгиной вышли отдельной книгой. Прошу прощения у читателей за длинную цитату из этой книги, но привести ее совершенно необходимо.

*«После «убийц в белых халатах» кампания против евреев приняла совсем другие масштабы. Мы не только потеряли право работать, но оказались выброшены из жизни, **которая до сих пор была нашей.** (выделено мной — Ст. К.)*

Был такой академик Минци, придворный специалист по истории партии. От его дочери я узнала, что он пишет письмо Сталину. В этом тексте, который должны были подписать самые известные евреи, они признавали преступления, совершенные их собратьями против русского народа и социализма, и просили разрешения их искупить. С другой стороны, мне рассказывал приятель, журналист Семен Беркин: он готовил репортаж из Сталинграда — рабочие тракторного завода единогласно проголосовали за принятие резолюции о всеобщей депортации евреев (! — Ст. К.). А Леня Агранович и Сеня Листов, наши друзья-драматурги, как-то раз придя к нам на ужин, рассказали, что они написали для Театра Советской Армии пьесу, которую с энтузиазмом приняли, но когда завлит пошел к директору театра с вопросом, какой гонорар им вы платит (обычно это было от пятнадцати до двадцати пяти тысяч рублей «старыми»), то директор — генерал Паша его звали — ответил: «Выписывай три, им хватит». Завлит изумился, а генерал пояснил: «По полторы тыщи на месяц вполне достаточно, а потом их посадят по вагонам и отправят в Сибирь».

Тогда же мы получили и другое свидетельство того, что нас ждет. Служил в Симином театре зав постановочной частью Додик Левит. Он во время войны работал в ансамбле МВД, возил его на фронт, и теперь продолжал иногда организовывать выступления актерских бригад в армии. Он рассказал Симе, что недавно поехал на такую гастроль в Восточную Сибирь, в большую глушь, — к слову сказать, с Юрием Любимовым, который выступал в этих концертах как актер и чтец. И в какой-то момент летчик ему сказал: «Подойдите-ка сюда. — Тогда маленькие самолеты летали. — Посмотрите вниз, видите?» И показал такие большие, в виде букв поставлен-

ные бараки. Каждые восемь-десять метров гряда барачков, в виде буквы «Г». Он говорит: «А это ведь для вас построено». Додик Левит, как вы понимаете, еврей был. «Что значит «для нас»?» — «А это вас туда вывозить будут. Есть уже постановление правительства».

Евреев выгоняли из ЦК, из Моссовета, из горкома и райкомов, из госбезопасности, министерств, из газет, научных институтов, университетов.

Как-то раз Сима пошел в домоуправление за какой-то справкой, и сидевшая там делопроизводительница не без злобности, но как бы по-дружески сказала: «Вот видите списки? Вот нас заставляют здесь сидеть по вечерам и их дополнять и дополнять. Это списки ваши». Сима говорит: «В каком смысле «наши»?» — А ваши, вот вас выселять будут. Здесь написано, кому куда, на какой вокзал».

Уже говорили о том, как именно произойдет выселение евреев. Сталин выступит и скажет: чтобы спасти еврейский народ от справедливого гнева русских, его надо удалить из больших населенных пунктов, где он контактирует с другими, поселить отдельно, изолированно, что это гуманный акт во имя спасения евреев. Говорили, что размечены вокзалы, какие подаются составы, когда, в котором часу, какие автобусы (! — Ст. К.), что можно брать (не более 15 кило), — в общем, эти разговоры все время вертелись, вертелись, и, конечно, жить с этим было крайне трудно. В этот период, между прочим, начались первые отъезды в Израиль. Которые были сопряжены с невероятно скандальными историями, но кто-то все-таки вырывался, и перед всеми встал вопрос: не единственный ли это путь спасения? Но вместе с тем не дадут уехать, растопчут. Это обсуждалось в каждом доме, где были евреи. Это висело, как черная туча над городом.

Я ни минуты не сомневаюсь — и это понимали все, кто жил в то время, — что если бы Сталин не умер, то, несомненно, евреев бы вывезли».

И вот эту лживую ахинею, рожденную слухами, сплетнями, воображением зомбированных людей (или профессиональных провокаторов), давным-давно отвергнутую и высмеянную честными историками и мемуаристами, сегодня с какой-то подлой целью воскрешают и возносят до небес многие известные деятели культуры:

«История жизни Лилианны Лунгиной, рассказанная ею самой,— это, пожалуй, самое сильное мое художественное впечатление за все последние годы» (Борис Акунин, писатель).

«Фантастическая жизнь Лунгиной и ее изумительный рассказ об этой жизни сокрушительно свидетельствуют: все, что останется от страшного русского двадцатого века,— это культура» (Леонид Парфенов, телеведущий).

«Подстрочник» завораживает в первую очередь безмерной талантливостью и исключительной честностью своей героини <...> великолепной памятью и благородством гражданских и человеческих позиций, вызывает самое горячее чувство благодарности и преклонения» (Эльдар Рязанов, кинорежиссер).

Миф о «депортации» оживает на глазах. Хотя, как говорится, «рукописи не горят», но в истории есть факты тотального уничтожения всяческого рода секретных документов. Вспомним хотя бы, как в середине 50-х годов в архивах ОГПУ-НКВД были уничтожены почти все документы, подтверждавшие причастность Н. С. Хрущева к репрессиям 30-х годов. С трудом, но можно предположить, что такая же судьба постигла громадное количество документов, касающихся сталинского плана депортации всех евреев Советского Союза (ведь глупо же было депортировать только московских евреев) в места не столь отдаленные.

Но куда делись сотни тысяч людей, готовивших эту небывалую в истории человечества по масштабам операцию: все энкавэдешники, все домоуправы и дворники, готовившие списки, все железнодорожники, должны подготовить и подать составы ко всем крупнейшим вокзалам страны, все машинистки, печатавшие приказы, списки и распоряжения, все экономисты и хозяйственники, от которых зависело финансовое и продовольственное обеспечение операции, все милиционеры, обязанные поддерживать порядок в такого рода гигантском действе, все взрывники, готовившие взрывы поездов на пути следования, все пропагандисты, получившие задание обеспечить «правильное» освещение операции всемирно-исторического размаха, все гражданские и военные летчики, летавшие над тайгой и, ничего не тая, рассказывавшие своим пассажирам, что за бараки строятся там внизу в тайге, и болтливые стюардессы, которые это все видели... А если еще вспомнить,

что у всей этой «армии», задействованной для депортации, были семьи, которые не могли не знать о ней? Одним словом, чтобы вывезти в места не столь отдаленные несколько миллионов евреев, нужно было привлечь к этому делу столько же или даже много больше исполнителей и собрать в одну ночь, как чеченцев, эти несколько миллионов, рассеянных по всей стране, и загнать в несколько тысяч товарных составов...

Если верить Лунгиной, Ерашову, Ваксбергу и прочим «историкам», то к марту 1953 года все было готово, отлажено, организовано. Оставалось только ждать команды. Но Господь дал другую команду, и Сталин умер. А через 3 года состоялся знаменитый по своей авантюрной лживости доклад Хрущева на XX съезде, где он не постеснялся заявить, что генералиссимус воевал «по глобусу», но ума у нашего Никиты хватило не включить в список сталинских преступлений дело о депортации. Видимо, понял, что полным дураком выставлять себя негоже.

Но куда за эти 3 года — с 53-го по 56-й — подевались миллионы «разработчиков» и «исполнителей» сталинского депортационного плана? Но куда делись документы, касающиеся депортации поголовно всех евреев со всех необъятных просторов советского государства? В европейской юстиции сейчас принято судить историков за «отрицание» Холокоста и даже за «умаление» его масштабов, то есть, с точки зрения жрецов Холокоста, «за отрицание исторической правды». Но если сделать этот принцип универсальным, то надо судить и за «утверждение исторической лжи» о депортации. Но кого судить? Лунгина с Ерашовым и Булганиным уже подпали под юрисдикцию Божьего Суда. Ваксберг стар, и подобно девяностолетнему Демьянюку, служившему в Освенциме, может быть оправдан по возрасту и состоянию памяти. Остается предъявить иск за фальсификацию истории создателям телефильмов о депортации, руководителям телеканалов, демонстрирующих эти кино- и телефальшивки, директорам издательств, издающим живые книги... Миф о Ванзейской конференции, об «окончательном решении» еврейского вопроса» оказался куда слабее нашего дожившего аж до XXI века мифа о депортации.

В 2005 г. в Центрполиграфиздате вышла книга телеведущего Леонида Млечина «КГБ». В ней есть глава, посвященная депортации, написанная так, как будто Млечин сначала посмотрел ваксберговский фильм, а потом пересказал его со-

держание. Словом, сплошной плагиат. *«После приговора планировались публичные казни. Булганин позже рассказывал сыну профессора Этингера (а сын профессора Этингера, видимо, «рассказывал» Л. Млечину. — Ст. К.), что осужденных намевались казнить прямо на Красной площади.*

Булганин рассказывал о том, что евреев предполагалось выслать из крупных городов, причем на эти товарные поезда планировалось нападение «негодующих толп» (с. 354).

Дальнейшие рассуждения Млечина похожи на вымыслы о соображениях и поступках Сталина из книг Волконогова, Ерашова, А. Рыбакова: *«Сталин избегал ставить автографы на сомнительных документах или писал резолюцию на отдельном листке бумаги, который подкалывал к документу. Он думал (так «думает» «историк» Млечин. — Ст. К.), что листок потом выбросят, а документ будет храниться всегда. И ошибся: при всей своей опытности, знании делопроизводства, всей этой аппаратной жизни он не сообразил (а чего тут соображать? — Ст. К.), что никто, а тем более Маленков, не решится выбросить лист бумаги со словами Сталина. Вот почему некоторые его резолюции все-таки сохранились»/ (Л. Млечин намекает о неких «резолюциях», касающихся депортации евреев. Но где они? Почему он не цитирует их?)*

Голубая мечта жрецов Холокоста заключается в том, чтобы вмонтировать в европейскую катастрофу события из российской и советской истории и тем самым увеличить масштаб мирового «антисемитского пространства», присовокупить к нему погромы царского времени, погромы Гражданской войны, при умолчании о том, что все они случались в Молдавии, в Белостоке, на Львовщине, в петлюровском Киеве. Все равно виновата Россия как правопреемница СССР, а СССР виноват как правопреемник Романовской империи. Кульминация этого растянутого во времени плана — убедить весь мир в том, что Россия, подобно гитлеровской Германии, была готова осуществить грандиозное преступление, которое явилось бы российско-советским венцом Холокоста — депортацией всех евреев в лагерь Сибири и Дальнего Востока на верную гибель.

Два фильма — о Ванзейском заговоре и о Депортации — две части дьявольского плана. Сначала рассказ о Ванзее, где если и не принималось решение об истреблении европейского еврейства, то решение о депортации на завоеванные совет-

ско-сибирские пространства принималось уж точно. Даже «ревизионисты» с этим согласны. Но план, принятый в начале 1942 года, из-за последующих военных поражений вермахта сорвался. Гитлеровская депортация не удалась. Однако на смену гитлеровскому плану пришел сталинский. На смену фашистской депортации была якобы разработана советская, как ее продолжение. И только смерть Сталина помешала продолжить ему политику расистского рейха, что и требовалось доказать в подлые 90-е годы. И почти доказали, если вспомнить, что Швыдкой решился сделать телепередачу под названием «Русский фашизм хуже немецкого».

Меня могут упрекнуть: Станислав Юрьевич! Вот Вы, воюя с мифом о депортации, ссылаетесь на Рекемчука, Ерашова, Ваксберга, Млечина, Швыдкого... Но ведь это все сочинители, фантазеры, писатели, творческие натуры, люди воображения. С ними расправиться легко. А что говорят о тех же самых исторических сюжетах серьезные исследователи, люди науки, достойные доверия?

Я сам не изучал обстоятельств этой исторической драмы и потому приведу несколько отрывков из книги «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» историка Р. В. Костырченко. Из главы, которая называется «Миф о депортации».

«Наряду с тем, что в последнее время в международном общественном мнении фактически произошло оправдание супругов Розенберг от инкриминированного им в свое время судьей И. Кауфманом обвинения в участии в «дьявольском заговоре уничтожения богобоязненного народа» США, отживает свой век и другая легенда времен холодной войны: вошедшие сначала в публицистику, а потом и перекочевавшие в научные издания «неопровержимые» данные о планировавшемся якобы в СССР насильственном и повальном выселении евреев в Сибирь. Утверждается, что эта акция, уже детально подготовленная — по всей стране домоуправлениями и отделами кадров предприятий — были вроде бы составлены миллионы листов списков евреев (ни один из этих списков потом так и не был найден), намечалась Сталиным на март 1953-го, но в последний момент она сорвалась из-за смерти диктатора. Говорят также, что депортация будто бы должна была сопровождаться публичным повешением «врачей-вредителей» на Красной площади

в Москве и массовыми казнями евреев в других крупных городах страны, а также специально организованными властями крушениями составов с евреями на пути их транспортировки в концлагеря по Транссибирской магистрали, кстати, единственному и потому стратегическому железнодорожному пути, связывавшему центр с Дальним Востоком. Причем, по версии авторов этих холодающих душу сценариев, пригодных разве что для постановки триллеров, устраивать диверсии на железной дороге, а также творить самочинную расправу над депортируемыми должны были сформированные властями летучие отряды «народных мстителей»¹. Единственным «документальным» подтверждением этих фантазий служил напечатанный сначала в США («Еврейский мир», N. Y., 11.03.99), а потом и в России («Известия», 9.01.01) и отмеченный всеми признаками примитивно сработанного фальсификата фрагмент письма еврейской общественности советскому руководству с просьбой защитить евреев от вызванного «преступлениями врачей-убийц» «справедливого» гнева советского народа, направив их «на освоение... просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера». Опубликовал этот материал, снабдив его невразумительным пояснением, Я. Я. Этингер, сильно претерпевший в свое время от сталинских репрессий» (с. 671—672).

«Нельзя не учитывать и такой достаточно весомый антидепортационный аргумент, заключающийся в том, что, несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 года всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка (в том числе пресловутые сотни тысяч страниц списков евреев на выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими утаенными советским режимом секретами».

---

¹ Не упоминает о подобных планах в своих мемуарах и такой яростный обличитель сталинских преступлений, как Н. С. Хрущев. Из приближенных Сталина только Н. А. Булганин, выйдя на пенсию, любил после изрядного возлияния поведать своим собеседникам, разумеется, «по большому секрету», о том, как Сталин поручал ему подготовку и осуществление депортации евреев (Г. Костырченко, стр. 680).

«Л. А. Шатуновская — непосредственная участница описываемых событий... приводит распространенные тогда слухи, что в Сибири уже строились бараки, а также готовились товарные вагоны для ссыльных».

«Отсутствие фактов, подтверждающих эту версию, в комментарии компенсируется публицистическим пафосом, полупафосами, противоречивыми туманными рассуждениями».

«По сведениям, сообщенным автору одним из руководителей Еврейского университета в Москве М. С. Куповецким, который специально исследовал этот вопрос по материалам архива Министерства путей сообщения СССР, документами этого архива ничего подобного не подтверждается».

«Легендарный советский чекист П. Судоплатов комментировал в своих мемуарах эту ситуацию так: «Если подобный план действительно существовал, то ссылки на него можно было бы легко найти в архивах органов госбезопасности... Я считаю, что речь идет только о слухе...»

Негласный информатор госбезопасности И. В. Нежный, известный театральным деятелем тех лет, по словам Костырченко, «в последующие годы вплоть до своей смерти в начале 70-х годов продолжал широко делиться своей версией о планах Сталина в отношении евреев в начале 1953 года. Может быть, поэтому предположение о готовившемся Сталиным переселении евреев в Сибирь переросло со временем для многих в реальное и вполне доказанное намерение».

«Ни одного документа, ни одного решения, ни одного доказательства о якобы готовившемся и уже подготовленном (на уровне списков, имевшихся у дворников!) переселении всего советского еврейства в сибирские лагеря не найдено ни в одном архиве».

Даже такой защитник постулатов Холокоста, как Альфред Кох, в книге об Освенциме не хочет уподобляться Ваксбергу и выглядеть идиотом или провокатором и, подобно Костырченко, соглашается с доводами здравого смысла:

«Такую фальсификацию устроить невозможно, невозможно даже теоретически. В ней должны были участвовать сотни тысяч людей. Причем среди них априори обязательно попадутся люди (и много), которые никакой симпатии и жалости к евреям не испытывают. Так какие же должны быть аргументы, чтобы убедить их участвовать в этом вселенском обмене?» (с. 332).

Сказано категорически и даже несколько легкомысленно, что может быть объяснено искренним признанием автора: *«Я, Альфред Кох, вопреки общепринятому мнению, являюсь наполовину немцем, наполовину русским, а не евреем»*. Может быть, поэтому автор позволил себе такую обидную для жрецов Холокоста прямоту и даже некоторую вспылчивость в комментарии к одному из основных мифов.

Книга Г. В. Костырченко общепризнанна как объективное исследование «еврейской темы» в сталинскую эпоху. Она была опубликована в 2001 году издательством «Международные отношения» (Москва) в рамках проекта «Библиотека Российского еврейского конгресса». На шмуцтитule увесистого тома выражена *«признательность Еврейскому конгрессу за финансовую поддержку издания этой книги»*. На это издание имеется немало ссылок в книге апологетов Холокоста А. Коха и П. Поляна. Так что прошу Ваксберга, Млечина, Рекемчука поверить книге Костырченко: ведь в нее вложены еврейские деньги. А евреи на бесполезные проекты денег не тратят...

X

ХОЛОКОСТ И ХРИСТИАНСТВО

Тут вышел из ворот изящный черт и обратился ко всем:

— У вас там портреты висят в несколько рядов.

— Святые наши, какие портреты?

— Их надо переписать: они устарели.

Монахи опешили:

— И кого же вместо их писать?

— Нас!

В. Шукшин. «До третьих петухов»

Главное отличие еврейского Холокоста от всех мировых человеческих катастроф, по уверениям его жрецов, заключается в том, что Холокост уникален, неповторим и непознаваем, что ничего подобного никогда в человеческой истории не было, что всякого рода геноциды, массовые убийства, истребления племен и народов, сущность которых заключается в слове «резня», в подметки не годятся Холокосту, потому что *«никогда раньше ни одно государство не организовывало с сознательным намерением и систематическим образом физическое уничтожение всех мужчин, женщин и детей определенно-го народа»* (Стивен Кац).

«Холокост уникален и не имеет параллелей в человеческой истории» (Я. Нейснер).

«Тайна Освенцима — это «истина, заключенная в молчании» (Эли Визель).

«О Катастрофе невозможно говорить иначе, нежели через призму невыразимости» (Я. Леоняк) — и т. д.

В этот хор элиты синедриона вползают причитания младших жрецов Холокоста — наших отечественных подологов. Бывший советский критик Бен Сарнов, как старый попугай, почти дословно повторяет вышеприведенную форму-

лу одного из верховных жрецов — Стивена Каца: *«Дело в том, что впервые в истории человечества было принято решение об «окончательном решении вопроса» с конкретной нацией»*. Куда, как говорится, конь с копытом, туда и рак с клешней. Наш Александр Асмолов тут как тут:

«Катастрофа Холокоста не вмещается в сознание человека <...> Как представить непредставимое!» — трагически восклицает он, уподобляясь Моисею, которому Господь на горе Хорив сурово заметил: *«Лица моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых»* («Исход. 30-20).

Но, слава богу, есть среди еврейских историков и трезвые люди, понимающие суть воплей об уникальности Холокоста: *«Эти ссылки на Холокост, — замечает известный израильский автор Боас Эврон, — представляют собой не что иное, как официальное пропагандистское вдалбливание, непрерывное повторение определенных ключевых слов и создание ложного взгляда на мир. Фактически все это направлено не на то, чтобы понять прошлое, а на то, чтобы манипулировать настоящим»*... («Индустрия Холокоста», стр. 33).

Висмеивая теорию «уникальности» Холокоста, американский историк Норман Финкельштейн пишет: *«Холокост невозможно рационально объяснить. Если нет сравнимых с Холокостом исторических событий, то он вообще возвышается над историей. Итак, Холокост уникален, потому что он необъясним, и необъясним, потому что он уникален»* (с. 36).

«Для Визеля Холокост, — иронизирует Финкельштейн над писаниями главного официального истолкователя Холокоста, — воистину «мистериальная» религия. Визель подчеркивает, что ХОЛОКОСТ «ведет во тьму», «отвергает все ответы», «находится вне истории, по другую ее сторону», «не поддается ни познанию, ни описанию»... Холокост — это «разрушение истории», он знаменует собой «изменение в космическом масштабе». Только выживший священнослужитель (читай — только Визель) способен проникнуть в его мистирию. А поскольку эту мистирию, как признает сам Визель, «невозможно передать», «мы не можем об этом говорить». Следовательно, Визель сообщает в своих речах, за которые он получает стандартный гонорар 25 000 долларов (плюс лимузин с шофером), что «тайна» Освенцима — это «истина, заключенная в молчании» (там же, стр. 36).

Жрецы Холокоста впадают в отчаяние оттого, что не найдено, несмотря на все усилия, ни одного документа, из которого бы явствовало, что *«окончательное решение еврейского вопроса»* означало полное уничтожение евреев гитлеровской государственной машиной (или сталинской) от мала до велика. Историк Лакер с горечью писал: *«До сих пор не найден письменный приказ об уничтожении еврейской общины, и, по всей вероятности, такой приказ никогда не был отдан»* (У. Лакер. Ужасная тайна. Франкфурт-на-Майне, Берлин, Вена, 1981, стр. 190).

Один из основоположников литературы о Холокосте, Леон Поляков, также был разочарован: *«Никакого документа не осталось. Возможно, его никогда и не было»*.

Профессор Еврейского университета Иегуда Бауэр даже осудил поиски этого мифического распоряжения: *«Общественность все еще время от времени повторяет глупую сказку о том, что в Ванзее якобы было принято решение о массовых уничтожениях евреев»*. *«Несмотря на самые тщательные поиски, не удалось найти приказа Гитлера об истреблении евреев»* (С. Арон и Ф. Фюре — пресс-конференция в Сорбонне. Февраль 1982 г.).

Но коли так — если не было специально принятой и задокументированной программы уничтожения государством *«всех мужчин, женщин и детей одного определенного народа»*; то тогда Холокост не является неким исключением, неким уникальным событием и становится в ряд обычных геноцидов, обычных преступлений, которыми изобилует история человечества: испанцы истребили племена майя и ацтеков в Центральной Америке, протестанты-ангლოსаксы — извели 80% индейского населения Северной Америки, американцы уничтожили в несколько мгновений сотни тысяч японцев в Хиросиме и Нагасаки, хорватские фашисты вырезали во время гитлеровской оккупации Югославии сотни тысяч сербов, а сколько «недочеловеков» — корейцев и китайцев из числа мирного населения свели в могилу японские оккупанты, и подсчитать невозможно: на Востоке такого рода статистики не существует. Даже до сих пор не известно, сколько же погибло вьетнамцев во время жесточайшей бойни, устроенной США в Индокитае: считается, что от 4 до 6 млн. человек...

А что уж говорить об африканском племени тутси, о преступлениях Пол Пота, об уничтожении индонезийской хунтой Сукарно почти всего населения острова Тимор в 70-х годах

XX века! Но все эти кошмары с точки зрения жрецов Холокоста были обычными, рутинными событиями истории человечества, над которыми должен был возвышаться единственный и неповторимый Холокост. Но как его возвысить, если, несмотря на тщательнейшие поиски, «документа» не найдено? Тогда жрецы Холокоста решили упростить аргументацию. Смягчили свои требования к понятию Холокоста. Суть смягчения заключалась вот в чем:

«На Ванзейской конференции <...> все участники уже знали или понимали, что именно имеется в виду под «переселением», под «окончательным решением», под «особым обхождением» и т. п. (из книги «Отрицание отрицания»). Это похоже на возражение «холокостников» исследователям, доказывавшим, что в Освенциме технически невозможно было уничтожить такое количество евреев, которое хотелось жрецам: «Не надо задавать вопрос, как было возможно технически такое массовое уничтожение. Оно было возможно технически, потому что имело место. Такова обязательная исходная точка любого исторического исследования на эту тему <...> нет и не может быть дебатов о существовании газовых камер» (Р. Гароди, стр. 137).

Роже Гароди по этому поводу саркастически замечает: *«Не надо задавать вопрос... Обязательная исходная точка... Не может быть дебатов. Три запрета, три табу, три окончательных предела для исследований» (с. 136—137).*

И никакого документа «об окончательном решении», если он не найден, — уже не нужно. Холокост и без документа все равно остается «уникальнейшим» явлением в человеческой истории. Неужели П. Полян и А. Кох верят в то, что в Ванзее высшие идеологи рейха разговаривали шифрованным птичьим языком? Да зачем им-то друг от друга что-то скрывать? Немцы не таковы, и это полунемец без единой капли еврейской крови Альфред Кох должен знать. Немцы могут исполнять планы лишь тогда, когда все решено и сказано ясно, прямо, исчерпывающе. *«Всякий хаос, — писал русский философ Н. Бердяев, — для немца невыносим. Немец чувствует себя свободным только в казарме».* Приказ. Цель. Метод. Ответственность. Когда есть все эти компоненты — немцу нет равных. Он исполняет — и чувствует себя счастливым, докладывая: *«Исполнено!»* А в Ванзее они говорят (по Поляну и Коху) на какой-то политической фене, словно бы боясь, что их подслушивают будущие члены Нюрнбергского трибунала, а де-

шифровщик Павел Полян должен все за них додумать, расшифровать и рассказать миру, что они имеют в виду. Как будто там заседали не фанатичные солдаты железного вермахта, а какие-то франкмасоны, ломающие сами перед собой кошмарную и болтливую трагикомедию. Не верю! — как говорил Станиславский.

* * *

Кампания по замене христианства религией Холокоста в России началась в конце 80-х — начале 90-х годов. Помню, впервые с этой тщательно проработанной и старательно оснащенной версией я познакомился в десятом номере журнала «Октябрь» за 1990 год. Статья называлась простенько и со вкусом: «Христианство после Освенцима». Ее автор некий Сергей Лезов попытался посеять сомнения в истинности и жизнеспособности христианства, конечно, не так грубо, как это делали в 20-е годы Демьян Бедный и Емельян Ярославский (Миней Губельман), но куда более коварно. «Безбожники» 20-х годов делали это грубо, «по-римски». А Лезов изощренно — «по-фарисейски». Недавно я перечитал эту статью и сделал из нее некоторые выписки. Вот они.

«Юдофобский потенциал Нового Завета, который сполна реализовался в истории церкви»...

«В Евангелии от Матфея мы находим <...> пароль христианского антисемитизма: «Весь народ сказал: пусть кровь Его будет на нас и на детях наших» (27:25).

«Что же касается Евангелия от Иоанна, то в нем есть текст, ставший ключевым для христианского варианта идеи жидомасонского заговора: «Отец ваш дьявол, и вы хотите исполнять желания отца Вашего» (8.44). Отсюда автор статьи делал окончательный вывод: «Освенцим надвигается на нас, как суд над нашим христианством».

«Должна измениться не только наша жизнь, но и сама наша вера».

Одним словом, жрецы Холокоста, используя, как им показалось, благоприятный момент в человеческой истории, решили «опустить» христианство с общечеловеческих высот (*«нести ни эллина, ни иудея»*) до вульгарного антисемитизма. А значит, надо заменить христианство на религию Холокоста,

поскольку жертва, которую принес еврейский народ (6 миллионов!), якобы затмила голгофскую жертву.

И сразу, как по команде нового синедриона, на страницы газет и журналов выбежал целый легион обслуживающего персонала, толмачей, служек новой религии. Именитый функционер советской критики Бен Сарнов выступает в американской русскоязычной газете под рубрикой «Евреи глазами именитых»:

«Христианская цивилизация потерпела крах. В рассказе Файбисовича у основателя христианства нет иного выхода, нежели погибнуть со своими современниками. Файбисович попал в самую болезненную точку» («Форум», 10.16.07).

Наверное, неведомый нам Файбисович является жрецом куда более значительным, нежели «шестерка» Сарнов, если наш Бенедикт ссылается на него, как на обладающего правом судить самого Спасителя.

Но жрецы Холокоста, объявляя Холокост «непознаваемым и непостижимым», тем не менее, создают фонды, пишут учебники, проводят конкурсы в школах на предмет изучения Холокоста, возят учителей в Израиль, в Америку, в Освенцим, словом, собирают с неопитов свою «десятину» в любой валюте. А это и есть, по словам Ханны Арендт, пошлая *«банальность зла»*, вполне познаваемая и оцененная по прейскуранту. И многие способные ученики обучаются новому «священному писанию» весьма быстро.

Вот и Матвиенко обучили складно рассуждать о Холокосте, что видно по ее предисловию к шведской книге, которую, по ее словам, *«сердцем прочтут и учителя, и ученики, и родители повсюду в России»*. Ну если разумом понять нельзя — то хоть сердцем.

А вот Асмолов — тот поглубже, нежели Матвиенко, копается в пепле Холокоста... Он-то понимает, что понять Холокост невозможно. *«Масштаб трагедии Холокоста не вмещается в сознание»*, *«Холокост остается непредставимым»*... И одновременно горюет профессор, что Холокост *«фактически не представлен в массовом сознании российского населения»*, что в школьных программах *«отсутствует какое-либо прямое упоминание о Холокосте»*. То есть понять невозможно, но изучать все-таки надо.

Очень боится профессор, что, не усвоив уроков Холокоста, российские граждане попадут в объятия *«политическо-*

го антисемитизма», что «в сфере образования сторонники национал-патриотической и неофашистской идеологии мечтают о создании образовательных программ, направленных на формирование «обыкновенного» фанатического сознания, подчиненного формуле «нация превыше всего». И совсем плохо ему становится, когда он понимает, что эти национал-патриоты, идеологи, учителя «вслед за Сталиным призывают спасти русско-православное сознание от троцкистской химеры, космополитизации, финансового порабощения антропологической российской православной цивилизации»... Все-таки не выдержал, не стерпел, поскользнулся на политике, добрался до православной сущности, мешающей усвоению Холокоста. Одна у него надежда — на учителей, которые, отбросив все «этнические предрассудки», поведают о Холокосте своим ученикам, те все сразу поймут, вмятят, откажутся от православия, и тем самым «именно учителя спасут Россию от пути к Холокосту»

А чего нам опасаться? У нас российский Холокост в эпоху Троцкого и Ягоды уже был. И ничего. Выжили. А еврейского Холокоста нам не нужно, нам нужно еврейское покаяние. Перед Россией. Именно об этом, размышляя о сути русской революции, писал отец Сергей Булгаков в работе «Расизм и Христианство», посвященной победе революции 1917 года: «Да, большевизм есть именно еврейский погром, совершенный именно еврейской властью, ужасная победа сатаны над еврейством, совершенная через посредство еврейства. Можно сказать, что это есть историческое самоубийство еврейства <...> Грех и преступление перед Израилем и перед Россией должны быть осознаны и исповеданы в национальном еврейском покаянии, а не замолчаны или же горделиво отвергнуты». В 1942 году, когда Булгаков писал эту работу, государство Израиль еще не существовало и слово «Израиль» надо понимать как религиозно-мистическое призвание еврейства, которому оно изменило, очертя голову бросившись в русскую революцию.

Об этом же, но другими словами писал Абрам Зисман, инженер, русский еврей, служивший в царской армии, сидевший в сталинских лагерях, воевавший в штрафном батальоне в советской пехоте, попавший в плен к немцам, бежавший из плена, словом, человек фантастической биографии:

«Мы стараемся не говорить о той весьма неблагоприятной роли, которую играли наши единоверцы во время революции 1917 года и особенно в медовые годы большевистско-коммуни-

стического владычества. Скрываясь в Чехословакии во время Гитлера, я встретился с Кантором Гершковичем, и в беседе мы провели почти целый день. Он на прощанье обронил фразу: «Не есть ли эти гитлеровские казни возмездие за то гнусное участие наших в России в 1917—1928 годах?». Да, подумал я, существует Высшее правосудие» (из «Книги о Русском Еврействе»). Однако в 90-е годы XX века в России проблема «покаяния» была перевернута с ног на голову.

«В 90-х годах в Москве на Поклонной горе поставлен музей памяти Холокоста... Отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран... Мы переходим от покаяния к государственным действиям». Это слова Валентины Матвиенко из предисловия к шведской книге. Приятно сознавать, что Валентина Ивановна размышляет о Холокосте глубже Аврама Зисмана, основательнее знаменитого богослова отца Сергия Булгакова, правильнее Василия Гроссмана.

* * *

Каков же итог «вдалбливания» религии Холокоста в головы обывателей? Его жрецы совершили поистине сверхчеловеческие, сатанинские усилия, чтобы переписать историю христианства и по-новому отразить в уродливом зеркале новозаветную мистерию.

Василий Шукшин, который в сказке «До третьих петухов» рассказал о том, как черти штурмуют монастырь и требуют, чтобы монахи вместо ликов святых на иконах изобразили их безобразные рожи, даже представить себе не мог, что угадал в этой сцене не только судьбу России, но и всемирно-историческую провокационную драму.

Три силы действуют во всех четырех новозаветных евангелиях. Грубая материально-историческая Римская империя, олицетворяемая прокуратором Иудеи Понтием Пилатом, синедрион фарисеев, возглавляемый Первосвященником, потребовавшим от Пилата смерти вероотступника и еретика, галилеянина Иисуса Христа. И, наконец, Сам Христос, искупающий своими муками на Голгофе все грехи человечества.

Но после муравьиной работы жрецов Холокоста христианская библейская мистерия, по их замыслу, должна превратиться в кощунственную карикатуру. Роль Христа, сознательно восшедшего на Голгофу, исполняют «сухие ветви» — «шесть

миллионов» европейских евреев, бессловесно и безблагодатно, как стадо овец, пришедших в Освенцим, в Бабий Яр, на военные заводы и оборонительные укрепления Третьего рейха.

Роль коллективного Пилата в новой религии играет бюрократический слой гитлеровской элиты — от Гиммлера до Эйхмана, которые сначала планировали выселить «овец израилевых» на Мадагаскар, вытеснить их в Америку и в Палестину, и лишь когда демократические страны не приняли этого подарка, отстроили Трешлинку и Майданек. А роль элиты фарисейской — Каиафы, Анны и других жрецов Голгофы сыграла Хаим Вейцман, Бен-Гурион, Ицхак Шамир и другие отцы-основатели государства Израиль.

А дальше — проще. Появились свои святые — Рауль Валленберг, Симон Визенталь, Шиндлер, Анна Франк, Януш Корчак, свои евангелисты — Эли Визель, Стивен Спилберг, Рауль Хильберг. Новой религии нужны свои алтарники, служки, адвокаты, мелкие идеологи, «шестерки», имя им нынче — легион, если подсчитать, сколько народу работает во всех холокостных фондах, комитетах, изданиях, рассыпанных по всему миру. У нас их тоже немало, этих жрецов, кандидатов в жрецы и просто функционеров разного уровня.

Павел Полян, к примеру, по совокупности заслуг (несколько книг, десятки, если не сотни статей, хорошее знание предмета и т. д.) может претендовать на роль жреца средней руки. Ну, а Альфреда Коха (по его собственной оценке экономиста) можно поставить на торговлю бумажными иконками Визенталья или Валленберга или просто определить к свечному ящику.

Лишь Януша Корчака я бы не уступил жрецам Холокоста. Он, в отличие от всяческого рода шиндлеров и кастнеров, не торговал еврейскими жизнями, а пошел на смерть за свои убеждения, как христианин Нового времени на свою Голгофу, подобно матери Марии, подобно внучке православного священника Зое Космодемьянской, подобно узнику Маутхаузена, крещеному русскому человеку генералу Карбышеву. Так что Януш Корчак (он же Яков Гольшмидт) не ваш холокостный, а наш христианский святой.

Как и положено в истории, постепенно возникли и свои еретики — Ханна Арендт, Роже Гароди, Норман Финкельштейн, Эдуард Ходос, Ноам Хомский, о котором еврейско-американская пресса пишет, что это «выдающийся американский

лингвист, резко критикующий США и капитализм. Он выступал за ликвидацию Израиля и отказался ответить, верит ли он в реальность Холокоста» («Форум», 1—7/1, 2009 г.).

Так же, как фарисеи переложили свой грех распятия Христа на римлян, так же умело вожди сионизма, подталкивавшие нацистов к тому, чтобы те обрезали «сухие ветви», стараются всю последующую историю скрыть свое соучастие в Холокосте с «гитлеровским Римом».

«Лучше пусть один человек умрет, нежели весь народ», — яростно и недвусмысленно заявила фарисейская верхушка всему миру.

«Лучше пусть миллионы «сухих ветвей» сгорят в пламени Холокоста — лишь бы сильные выжили, чтобы возродить государство Израиль и чтобы возникла религия Холокоста», — вот что в разных форматах твердили вожди сионизма в 30—40-е годы.

Впрочем, вполне возможно, что для Западной Европы, впавшей в 30-е годы в языческий культ расовой религии, в катастрофическое забвение христианства (что продемонстрировал даже Ватикан, благосклонно относившийся к культу «арийских ценностей»), такая смена веры будет справедливым итогом. А почему бы нет? Вспомним нынешний апостасийный дух Западной Европы, пустые храмы, обвинения апостолов Нового Завета в антисемитизме, извинения Ватикана перед евреями за «новозаветное зло», содомские грехи в среде духовенства, эпидемия педофилии — все свидетельствует о том, что Запад созревает для религии Холокоста. На землях Запада разрушаются христианские храмы (в Косово), возводятся музеи Холокоста, куда приводят паломников, католических монахинь изгоняют из Освенцима, школьники западных стран штудируют новое евангелие — историю Холокоста.

Природа не терпит пустоты: износились одна вера, не устояли потомки святого Петра и Франциска Ассизского в христианстве, качнулись было в мир расовой демонологии, но не сумели выиграть борьбу за религию Розенберга — что ж, победенные получают взамен религию Валленберга.

Но мы-то, православные, здесь при чем? У нас храмы полны народа во все дни главных двенадцати праздников христианских. Рождество у нас отнюдь не сумасшествие шопинга, а праздник Рождения Младенца Христа. У нас Пасха — праздник чудесного Воскресения Сына Божьего — главный свет-

лый праздник нашего православия, в отличие от Закатного мира, постепенно забывающего смысл пасхальной мистерии.

Так что в русском православии жертва Христа — явление животворное, и нам никакая новая религия Холокоста не нужна. В России христианство себя оправдало.

Когда Господь хочет наказать кого-то, то лишает его разума. Чтобы религия Холокоста стала окончательной карикатурой на христианство, ее жрецы не нашли ничего лучшего, как создать решением своего синедриона холокостную священную инквизицию. А как же иначе назвать всяческого рода законы, по которым не из-за отрицания потерь европейского еврейства (таких злостных идиотов среди историков нет), а за сомнения в количестве погибших в эпоху катастрофы, за объективное изучение документов, за разоблачение множества афер и мошенничеств в индустрии Холокоста — историков, журналистов, демографов во многих странах мира вот уже несколько лет подвергают гонениям, денежным штрафам, тюремным срокам, запретам на профессию. Разве это не похоже на средневековые гонения, которым европейская инквизиция подвергала не только великих ученых вроде Галилея, Джордано Бруно и Коперника, но и многие тысячи пытливых еретиков, сомневавшихся в непогрешимости папы и в истинности прочих ватиканских догматов, о которых сегодня уже забыли и в самом Ватикане.

В герберовском бюллетене «Холокост» (№ 1, 2007) опубликована резолюция Генеральной Ассамблеи, принятая 26.01.2007 г. без голосования, гласящая:

«Генеральная Ассамблея безоговорочно осуждает любое отрицание Холокоста. Она настоятельно призывает все государства-члены безоговорочно отвергать любое отрицание Холокоста — будь то полное или частичное — как исторического события или любые действия в этих целях». Особенно важны здесь слова о «частичном» отрицании Холокоста и о «любых действиях в этих целях» — то есть запрещается изучать, исследовать, анализировать, сомневаться. Абсолютно средневековый инквизиторский подход к событию, происшедшему в новейшей истории.

В начале 2009 года в Европе произошел большой скандал: папа римский Бенедикт XVI отменил отлучение от церкви епископа Уильямсона, который не раз публично высказывался о том, что число евреев, погибших во время Холокоста,

сильно преувеличено. В связи с этим популярное российское издание «Коммерсантъ» опубликовало 30 января 2009 г. корреспонденцию под заголовком: «Папу римского отлучили от Израиля», в которой был такой абзац:

«Бенедикт XVI напомнил паломникам о своем посещении Освенцима <...> где в годы Второй мировой войны погибло 6 млн. евреев». Если все 6 миллионов погибли в Освенциме, то в других концлагерях не погибло ни одного еврея. Перестарались «коммерсанты».

Слава Богу, что я живу и пишу в России и потому могу высмеять отвязанных журналистов за их клевету на реальную историю. Но во Франции, где действует «холокостный» закон Гессо, наказывающий «любые действия в этих целях», то есть в целях изучения Холокоста, мне грозил бы тюремный срок.

Жрецы Холокоста, словно нынешние эпигоны Торквемеды, воспринимают всякое прикосновение к своей религии как кощунство («на святое посягают!»), забывая в своем фанатичном (или корыстном?) раже о том, что Галилей после суда и своего вынужденного покаяния оставил последнее слово за собой: «А все-таки она вертится!»

ХІ

ОДИНОЧЕСТВО ПРАВОСЛАВНОГО ЕВРЕЯ

Зайдите в православную церковь и за
душу мою окаянную зажгите свечку.

Б. Бернштейн. Из письма

Весной 1990 года я неожиданно получил письмо из небольшого израильского городка. Автором письма был врач, мой ровесник, который родился и вырос в СССР, окончил московский мединститут, честно отработал врачом-хирургом несколько лет не где-нибудь, а на далекой Камчатке, куда уехал с женой и маленькой дочкой. Вернувшись в родную Ригу, он попал в такую еврейскую среду, что вскоре стал убежденным сионистом и после долгих мытарств в середине 70-х годов прошлого века эмигрировал на «историческую родину».

А вот там за последующее десятилетие с ним произошли превращения куда более серьезные, нежели из советского врача в израильского сиониста: он крестился и стал православным христианином.

В 1990 году к нему в руки попал один из номеров «Нашего современника», где я уже работал главным редактором, что и послужило причиной возникшей между нами переписки, которая длилась двенадцать лет.

Он стал страстным читателем и ревностным другом журнала, постоянно звонил по телефону и в редакцию, и ко мне домой. А жилось ему на «исторической родине» после принятия православия с каждым годом все тяжелее, «демократическое» израильское общество выталкивало своего блудного сына из всех сфер жизни. Порой ему даже не хватало средств, чтобы выписать любимый журнал, и тогда он, смущенный своей бедностью, звонил в редакцию и трогательно просил нас, чтобы мы продолжали ему высылать «Наш современник», что вот-вот его материальное положение должно уллучиться и он распла-

тится со своими долгами. Конечно, мы выполняли его просьбу, понимая, как тяжело ему живется в обществе, где за отступником следит тайная полиция Шабад, где его, прекрасного врача, «выдавливают» из профессиональной среды корыстные конкуренты, где над ним, православным христианином, издеваются современные обыватели-фарисеи. Его трагическая судьба, его письма, которые нельзя читать без волнения, помогают понять, как трудно устоять в истине таким людям в современном антихристианском мире, управляемом властью «жрецов».

Отрывки из писем Бориса Бернштейна с 1990-го по 2002 год.

5.4.1990. «Здравствуйте, дорогой русский человек во Христе, Станислав Юрьевич!

Очень радостно мне — получил Ваше письмо.

Слава Богу за все. Я вот сейчас на себя смотрю, как я, 56-летний, радуюсь, как ребенок от хорошей игрушки — откровенно, не лукаво от Духа Христова, что Он мне дал, спасая меня от рода сего — прелюбодейного и грешного. На улице около почты, прочитав Ваше письмо, поднял сынишку своего 4,5 лет, перекрестился и его перекрестил со словом: слава Иисусу Христу! Аллилуйя!

А они, антихристы, смотрели и не видели (не понимали), и если утверждают, что понимали, что ненормальный я человек, то грех их вдвойне на них.

Они сами вызывают к себе все плохое и самое худшее отношение, требуя через правителей мира сего прекратить плохое к ним отношение (антисемитизм), не прекращая делать зло. Но этот род «проклят он» — из Иеремии, пророка Божьего, еврея, ненавидимого евреями, преследуемого ими и, кажется, ими убитого. А потомки их ему памятники ставят, и в том суть их двуличия.

Ведь мои по крови братья, по духу — враги, антихристы, такое наделали на свете вообще и в России в частности, что неудивительно, если бы Вы не доверяли моим письмам, как еврейскому уму, изобретательному на зло и лукавство <...> не дай Бог, чтобы у вас — россиян через голод, через колбасу они победили души ваши и Христа отняли.

Вот, к примеру, араб-торговец, торгуя, старается тебя обмануть, заработать хитростью — и она, его хитрость, глупа, наивна, бессовестна и т. д., т. е. человечна в отрицатель-

ном смысле. Но еврей-торгаш, семит, двоюродный брат араба, вас обманывает невидимо глазу, сверхумно, сатанински и без крика, без оскорбления словами, с улыбкой Иуды Искаримота».

«А больницы здесь не имени Пирогова, или Бира, Кюмеля, а имени миллионеров-евреев. Все продается и покупается. Неужели Бог допустит в многострадальной России рыночные отношения?»

9.5.1990. «Сегодня из американской «Свободы» я узнал, что Вы и другие писатели были в США, что Вас нигде по-человечески даже понять не хотели; мне это было очень понятно, т. к., давно живя в Израиле, я понял, что США оккупированы евреями-сионистами, что власть конгресса у евреев, что золото у них... Поздравляю русский народ с Днем Победы, русский народ, спасший евреев от полного уничтожения, а сейчас они русофобствуют».

23.5.1990. «Совсем недавно разговариваю с евреем из России, 70 лет ему. Говорю: «Вы верите, что от взрыва вселенского произошло творение мира (от разрушения!), а не от Бога по его слову?» «Да, — говорит этот еврей, — хорошее дело произошло, например, алмаз — от температуры».

Вот как нечестивец правду Божью в хохму обратил! И я вспомнил: «Грех Иуды написан железным резцом и алмазным острием, начертан на скрижалях сердца и на рогах жертвенников их» (Иеремия, гл. 17 ст. 1). Вот зачем так же есть алмаз для них».

«Читаю стихи Виктора Кочеткова, какая истина, Божия простота. Какая истина России из Виктора Верстакова. Смотрю на их лица и читаю стихи их — и слезы тихие».

22.11.1990. «Я раньше, живя в России, не понимал многого. Я, питаемый сионистами и радио Израиля, воевал с антисемитами, стал почти ненавистником русских... Это несмотря на то, что у русских получил бесплатное образование врача-хирурга в лучшем институте России вместо другого русского человека. Удрал в Израиль. Но только здесь я понял, что есть зло, что есть добро — то есть Христос. Как мне вернуться в Россию? Понял я на шкуре своей, что не хлебом единым жив человек».

12.10.1991. «Здравствуйтесь, добрые русские люди «Нашего современника», здравствуйтесь, добрый русский самаритянин Станислав Юрьевич...»

А как нагло евреи Э. Неизвестный и Галич хотят быть сынами России, как нагло они уют свой на земле за счет других делают».

21.3.1991. «Признание своей греховности, покаяния и Христа... Кажется, таких евреев здесь не встречал. Как мне печально от этого. Ничего не помогает: галут, погромы, Гитлер, т. к. не осознают Христа, отнят у них этот святой инстинкт отличения от зла добра...

По тайному указанию Шабада старались свести меня с ума, чтобы я явился в психбольницу и потребовал госпитализации».

2.3.92. «Игорь Шафаревич благородный, Александр Казинцев и Валентин Распутин — все добрые, истинные писатели «Нашего современника» <...> Обо мне иудеи проклятые выпускают слухи, что я ненормальный. Что со мною творят — это было предсказано еврейскими пророками, которых они убили. Неужто они всех соблазнили и запугали? <...> Такое варево наварили они, что теперь в цивилизованном мире евреи нечто грязно-подлое, хитрое, сатанинское».

9.5.1992. «День спасения Россией евреев от полного уничтожения. — 9.5.1945 г. Решился обратиться к Вам с просьбой. Учился я в Первом медицинском (1953—1959 г.) вместе с Владимиром Васильевичем Кузьменко и часто его теперь вспоминаю в душе добром. Не за какие-то его мне услуги (их не было, да и не нужно было), просто теперь после многих лет и во Христе четко и правильно это прошлое вижу. Примечательно, что вспоминаю я теперь Володю не просто как очень положительного малого, но как... христианина. Да! Именно с христианским духом он был в то время, и вспоминаю его христианское ко мне отношение, доброе, несмотря на мое законничество глупо фанатичное и доверие к антихристианским моим временным знакомым. Он их называл «прохиндеями», но всегда незлобно улыбаясь. В нашей группе был еще еврей Миша Залкинд, он водку не пил и не грешил, а только умные медицинские дела всасывал. Уменьшечный еврей, но христианином не стал. А мне повезло лучше их всех, так как со мной рядом был Володя Кузьменко из христианской + русской семьи + благословение мне, недостойному, и вот я из евреев атеистов + сталинцев, ревнителей ненормальных, обремененных обольщением антихристианским (приобретенным) и наследственным неверием Богу и еще Богоборчеством, — спасся от смерти вечной. Христос дал мне спасение — узнать истину, и она сделала меня свободным.

Так вот, услышал я по московскому радио, «Голос России», что врачи бастуют, а некто Кузьменко — председатель этой

забастовки, может быть, это мой бывший сокурсник Владимир Васильевич?

Узнайте, если сможете»...

18.9.1992. «Воистину перестройка — продолжение плана сионистских раввинов за то, что Россия спасла их от геноцида... <...> Читаю Ваши журналы, и скажу я Вам, что еще более открывается мне через вашу прозу, поэзию, публицистику, что знание, т. е. истина духовная, т. е. христианское ее понимание — самое главное, что нужно человеку» <...>

«Даже еврей Эйништейн сказал несколько раз оппоненту-христианину Нильсу Бору, что Бог не играет в кости. Так это же знает любой русский православный человек и даже я <...> Один раввин сказал мне, что Бог решил уничтожить всех евреев, но по милости остановился на шести миллионах. А врач, нажравшаяся в России, Ида Нудель, мне сказала: «Езжайте, езжайте в Россию — там вас охранять будут антисемиты». В моем досье стоит их сатанинский знак, чтобы нигде мне не дали снова врачом работать. Точно, как в Откровении Иоанна о звере-антихристе, что в Израиле из его племени выйдет дух зла».

7.3.1993. «Наш современник» № 1 получил. Спасибо тебе, брат! Не все еще прочел, но что понравилось, скажу сразу: «Два креста (Казачья дума)» — Юрия Кузнецова. Как это мне, грешному, душу чистит и слезы покаяния и любви вызывает к ослепленному казаку-человеку».

24.12.1994. «Потерпели от иудеев, которые убили и господу Иисуса и его пророков и нас изгнали (апостолов. — Б. Б.) и Богу не угождают и всем человекам противятся» (Послание фессалоникийцам. Гл. 2, стих 15»).

20.5.99. «Вы никакой абсолютно не антисемит, С. Ю. Русский праведный человек, добрый и скорбящий. Вы это зло в Вашей родине России терпели и сначала просили их и думали, что они сами остановятся, совестью. Нет же в них Христа и совести нет».

22.5.99. «С. Ю.! Как они омерзительны в мышлении и поступках. В России я этого не знал, т. к. был в основном не с ними, а если и с ними, то они показывали себя прилично. А здесь полностью жида из России сразу другими стали. Например, бывший офицер утверждает, что он, как любой еврей, честен, и стал грозить мне судом за то, что я верую во Христа. Сколько жидов старых я лечил бесплатно и от всей души, как Хри-

стос переродил меня полностью, убрал жидовский дух из меня для саможертвенности тому, кто во мне нуждается.

А они, эти жидаы, которых я лечил, за спиной смеялись надо мною, т. к. я не брал денег — и говорили, что я плохой доктор, т. к. не беру денег!»

7.11.1999. «Послезавтра приедут сюда TV-журналисты, хоть евреи, но продажные (не холодные и не горячие — демократы); хорошо и точно о них пел Игорь Тальков, убитый евреем пархатым, сбежавшим в Израиль.

Молюсь за Россию — и за тех, кто с нею и за Вас. А Вы зайдите в православную церковь и за душу мою окаянную зажгите свечку. Только в Боге успокаивается душа моя».

18.5.1999. «Не понимая многого в происхождении антисемитизма, я начинал соглашаться с евреями, что он — от зависти «гоев» к евреям, к их «успехам» везде. Да и в Израиль ехал на родину историческую в радости и вдруг почувал зло к России (вот и она сейчас на себе тоже почувствовала еврейское отношение к добру, святости, чести, долгу, человечности).

Пережить шесть миллионов, галута, погромы и до сих пор растинать Христа воскресшего теперь уже языками: ЕШУ — начальные буквы проклятия «Исчезнет имя его и память о нем». Нет во мне зла. Но есть отвращение к их жизни, к вселинию временному. Невозможно не прийти соблазнам, но «горе тому, через кого они приходят — лучше бы тому не родиться» (Св. Лука, 1-17).

Как ясновидец Божий, подполковник в ОВИРе, в Москве, за Центральным телеграфом на улочке, сказал мне: «Вы наши и еще вспомните слова мои»¹.

15.11.1999. «С. Ю.! Как хорошо быть братьями вместе. Единомыслие — не от диктатуры, а от неба — Бога, совесть. «Совестный человек даже кошки стыдится» (А. П. Чехов). И вспомнил его «Жидовку», рассказ, как она (жидовка) бесстыдно сексуально выманивала деньги у православного человека» <...>

---

¹ Из очерка Т. Ронанеп («Новая панорама», 21.12.1990). О судьбе Б. Бернштейна: «Лезешь в бутылку? — спросил его седой подполковник. Ты ведь не такой, как они. Тебя сагитировали. Ты наш, простой, открытый: тут и то решишь правду-матку. — А Вы меня опустите! Я ни перед чем не остановлюсь. Зачем вам процессы? Диплом я честно отработал на краю света...

— Да какой ты еврей! Нам известно, что ты дружишь с латышами, с русскими... Нет, не приживешься ты там. Но смотри сам, хочешь — езжай».

Вчера лишь узнал, на ком и когда (уж как 4 года) женился сын мой. Он вышел от меня, но он не мой. «Они вышли от нас, но были не наши». Отец его матери подполковник, жид, комиссар Танкелевич Зундл вез в секретном вагоне жида Якира из Киева на Лубянку, на расстрел, и его дочка меня сразу в Израиле оставила. Но Христос спасает меня».

12.7.2002. «Как сказал немецкий писатель Авраки: взбесили Германию (немцев), а теперь и арабов. Уникальная склонность ко злу. <...> Как я благодарен Христу, что оторвал меня от зла. Ведь я точно знаю, что никакие университеты в Нью-Йорке или Москве не дали бы мне то, что Христос дал».

2.9.2002. «Более 20 лет не общались мы с женою. По ее просьбе ко мне развелись, т. к. ей тайно, но точно объяснили: если не разведется со мною и детей от меня не удалит, то им будет «ужасно жить» в Израиле, так как я начал открыто исповедовать христианство. Жена мне объяснила, что если я люблю детей, то ради них мы разойдемся, и я тихо как бы умру, не буду звонить и пытаться их видеть <...> Стыдно просить у Лукашенко убежища в Белоруссии. Кому я нужен в 68 лет, но я люблю его и восхищаюсь им».

«Когда я показал свидетельство о моем Крещении владыкой Марком в р. Иордане, он (сослуживец. — Ст. К.) быстренько постучал (поклевал, как воробей) по компьютеру и торжественно сказал: в Израиле ты числишься евреем, а эта писулька для туалета!»

Однажды Борис позвонил мне и рассказал по телефону почти библейскую историю, случившуюся с ним:

— Ехал я, Станислав Юрьевич, на велосипеде по шоссе, огибающему берег моря. А машины — джипы, «мерседесы» — мчатся рядом со мной. Одна из них неожиданно издала такой оглушительный звуковой сигнал, что я вильнул рулем, наткнулся на бордюр и вылетел через руль на обочину. Разбился сильно, особенно колени. Встать не могу. Рядом со мной велосипед с помятым колесом. А сверкающие машины мчатся, обгоняют друг друга, и меня как будто никто не видит, никто не останавливается. Что делать? Смотрю, по обочине приближается телега, запряженная лошадей. В ней сидит араб-палестинец. Я руку поднял. Он остановился. Слез. Подошел ко мне. Приподнял и посадил на какие-то мешки в телегу. Велосипед

мой положил и в больницу отвез. Вот так-то. Умер бы я среди иудеев, если бы не бедный феллах-мусульманин».

Ну как тут не вспомнить притчу о самарянине, которую, отвечая на вопрос лукавого законника: «*А кто мой ближний?*» — рассказал Иисус Христос.

На одного человека напали разбойники, нанесли ему раны и оставили на дороге едва живого. По дороге прошел мимо раненого священник, «*а также один левит*»... и никто не остановился, не помог несчастному. Самарянин же (левиты-расисты считали самарян низким и недостойным племенем), проезжая мимо, «*сжалился и подошел перевязал ему раны... и привез его в гостиницу*», заплатив за уход за ним. «*Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?*» — спросил Христос законника-левита. И тот вынужден был ему ответить: «*Тот, кто проявил милосердие*».

* * *

Из интервью Б. Бернштейна, опубликованного в журнале «Панорама» от 21 декабря 1999 г.:

«Болит у меня душа за Израиль. Пропадем мы, совсем озверели. Повсюду царит злоба. Врачи забыли клятву Гипократа, только о деньгах и пекутся. А если человек прямой и честный, то заключают его... Вот уже и дождя небо не дает. Только кто меня станет слушать?»

* * *

В одном из последних писем, видимо, для того, чтобы я понял глубину его одиночества в «хаосе иудейском» (О. Мандельштам), Борис прислал мне два письма архиепископа Сиракузского и Троицкого Лавра, адресованные ему, Борису, в ответ на просьбы о том, где ему в Израиле найти духовную помощь, чтобы не впасть в отчаянье. В первом письме архиепископ Лавр пишет:

«Если Вы бываете в Иерусалиме, то можно зайти в наши обители и поговорить и получить духовную поддержку или от наших батюшек, или же поговорить с игуменьей Анной в Гефсимании. В Назарете есть священник, православный араб Роман Родван, он говорит неплохо по-русски».

Во втором письме Лавр уже не дает никаких практических советов, а просто утешает словом удрученного и почти отчаявшегося человека.

«Боголюбивый раб Божий Борис!

Спасибо Вам за письмо-весточку, которое я получил. Теперь мы понимаем, что Вам трудно в окружении нехристианского населения. Тем более что там нет поблизости православного храма. Духом не падайте.

На горе Кармил должен быть православный храм, но, вероятно, он закрыт, и там теперь нет никого из насельников. Над городом Хайфой имеется католический монастырь, где пещера святого пророка Илии. Мы там во время паломничества останавливаемся и немного осматриваем местность с горы. Там мы были прошлым летом.

Да хранит и благословит Вас Господь!

С любовью о Господе.

+ Архиепископ Лавр.

9/22 июня 1993 г.»

* * *

После 2002 года от моего православного друга больше не пришло ни одного письма, не раздалось ни одного звонка телефонного... Не знаю, жив ли? А может быть, жестоковыйные психиатры добились своего и уперли несчастного в какую-нибудь тюрьму-лечебницу.

А ежели помер — да примет Господь его мятущуюся душу в Царствие свое. Я же перечитал его письма, и когда с щемящим сердцем обнаружил просьбу — поставить свечку в православном храме, как он просил, за его «окаянную душу», пошел в древнейшую калужскую церковь Святого Георгия и совершил все, о чем просил меня русский еврей и православный человек Борис Бернштейн, мой брат во Христе...

* * *

Р. С. Иисус Христос шел на крестные муки, выполняя Высшую волю Бога-Отца и по своей воле. А чью волю выполняли несчастные обманутые овцы стада Израилева? Волю своих лукавых, корыстных и беспощадных жрецов, которые убедили «малых сих», что надо собираться на новые места жительст-

ва, ведущие в Освенцим, к Вильнюсскому или Минскому гетто, откуда не было выхода. Жертва этих обманутых овец стада Израилева была рабской и безблагодатной, как в доисторические времена, когда жрецы отбирали у них первенцев и волокли их к жертвенникам грозного и немилосердного Ягве, жаждущего обонять жирный дым от пожираемых огнем Всесожжения человеческих жертвоприношений. И недаром Борис Бернштейн в своих письмах ко мне так часто вспоминает о предтечах Христа — древних пророках, особенно о судьбе изгнанника и мученика Иеремии. Конечно, легче всего нынешним жрецам было объявить Бернштейна душевнобольным, что, судя по его письмам, делалось не раз, однако и Христу и пророкам левиты и фарисеи ставили такие же диагнозы.

А вот как пишет в нынешней еврейской русскоязычной американской газете «Новое русское слово» (8.12.1989) о Христе и христанстве некий Израиль Рабинович.

«Казненный по приказу Губернатора Иудеи Понтия Пилата Христос был, как известно, распят на кресте (так казнили восставших против власти Рима), а не забит до смерти камнями (как поступали с теми, кто был объявлен святотатцем и лжепророком)».

Здесь каждая фраза пропитана лукавством. Христос восставал не *«против власти Рима»* (вспомним его знаменитое *«Кесарю Кесарево»*), а против власти над народом секты фарисеев, возглавляемой Синедрионом, и Пилат, желавший отпустить Христа, после отчаянного спора с фарисеями хотя и дрогнул перед их шантажом, понимая, что, если он помилюет «еретика», то фарисеи донесут в Рим, что он «не друг Цезарю», но, «умыв руки», заявил всем, кто его слышал, что он *«не повинен в смерти этого человека»*.

Рассказ о воскресении Христа автор называет «святотатством»: *«Что бы ни говорили христиане об Иисусе, об обстоятельствах его смерти, о словах, произнесенных Им в последние мгновения — раввины предпочли это не опровергать, а игнорировать... С точки зрения раввинов кощунством было предполагать, что евреи повинны в казни Мессии».*

Но подобные размышления — это еще цветочки; в изданиях, рассчитанных не на массового читателя, приоткрывается куда более тотальное неприятие Христа или даже ненависть к нему.

В своей статье «Какова была роль евреев в послереволюционной России» Вадим Валерьянович Кожинов подробно комментирует книгу воспоминаний весьма известного в советское время филолога М. С. Альтмана, выросшего в ортодоксальной дореволюционной талмудистской среде. Вот отрывок из статьи В. В. Кожинова. «Он (Моисей Альтман. — Ст. К.) родился в городке Улла Витебской губернии и получил, так сказать, полноценное еврейское воспитание. Об «основах» этого воспитания он говорит, например, следующее:

«Вообще русские у евреев не считались «людьми». Русских мальчиков и девушек прозвали «шейгец» и «шикса», т. е. «нечистью»... Для русских была даже особая номенклатура: он не ел, а жрал, не тил, а впивался, не спал, а дрыхал, даже не умирал, а издыхал. У русского, конечно, не было и души, душа была только у еврея... Уже будучи (в первом классе) в гимназии (ранее он учился в иудейском хедере. — В. К.), я сказал (своему отцу. — В. К.), что в прочитанном мною рассказе капитан умер, а ведь капитан не был евреем, так надо было написать «издох», а не «умер». Но отец опасливо меня предостерег, чтобы я с такими поправками в гимназии не выступал... Христа бабушка называла не иначе как «мамзер» — незаконнорожденный, — рассказывал еще М. С. Альтман. — А когда однажды на улицах Уллы был крестный ход и носили кресты и иконы, бабушка спешно накрыла меня платком: «чтоб твои светлые глаза не видели эту нечисть». А все книжки с рассказами о Богородице, матери Христа, она называла презрительно «матери-патери»...» (стоит отметить, что «патери» — это, по всей вероятности, неточно переданное талмудическое поношение Христа, чьим отцом якобы был Пандира-Пантера: Христа, как известно, именовали Сын Девы, а «дева» по-гречески — «парфенос-партенос», из чего возник этот самый талмудический «сын Пантеры». — В. К.).

Таковы были основы духа юного Моисея, и вполне закономерно, что он с восторгом встретил Октябрь».

Прочитаешь такое — и поневоле душа исказится судорогой от мстительного чувства. А тут еще с облегчением вспомнишь, что вера православная учит не соблазняться возмездием, особенно если речь идет о личных врагах твоих, но разрешается воевать с врагами Божьими. Так что вроде бы можно дать волю ответным и справедливым чувствам! А все же, все же не торопись... Два тысячелетия назад иудейская чернь, возглавляемая первосвященником и жрецами-левитами, с ветхо-

заветной яростью потребовала от смущенного Понтия Пилата: «Распни Его!» А тут у нас что? Всего лишь навсего местечковое брюзжание, всего лишь плохо скрываемое глумление, всего лишь слабый отблеск того черного пламени, которое сопро-вождало путь Христа на Голгофу.

Бог с ними. Пусть пребывают в своей талмудической косности, пусть морщатся при Его Имени. «Вера у них такая», — как говорил Достоевский...

* * *

Если кому-то покажется, что я пишу о делах «давно минувших дней», о «преданьях старины глубокой», что в наше время все изменилось — и отношение жрецов Холокоста к России, и к православию, и к своим протестантам, то предлагаю таким оптимистам познакомиться с письмом, пришедшим совсем недавно на мое имя в редакцию журнала «Наш современник».

«Уважаемый Станислав Юрьевич! Прочел Вашу книгу «Возвращенцы» на одном дыхании. Она подтвердила многие из моих догадок и ощущений. Я помню начало 90-х, мне было 17 лет (отец мой еврей и отец моей матери тоже). Мой бедный отец, кандидат технических наук, спал два года с топором под кроватью, боясь «ужасной» «Памяти». Тогда я был еще идейно и духовно слепым человеком, и либерально-демократическая пропаганда довлела в моем сознании. Я стал православным человеком, стал изучать историю России (и «проклятый вопрос» тоже). Прозрение и обретение веры и идеи — подчас мучительные и многолетние процессы. Слава Богу, когда началась первая чеченская война, для меня все стало очевидным: и предатели, и враги. И национальное происхождение врагов было тоже очевидным — почти сплошь евреи все эти познеры, дейчи, радзинские и иже с ними. У меня социологическое образование, эти знания позволили мне понимать происходящее в стране. Катастрофа состоялась. Богатства и недра поделены, мозги населения запудрены. Я сделал выбор, я со страждущим русским народом и Россией, со Святой Православной Церковью. Когда я пытался говорить с евреями об истории и политике, на меня сразу навесили ярлык черносотенца и антисемита. Будь ты хоть трижды еврей, но если говоришь не то, значит, фашист и маргинал, и нет тебе прощения. Иудеям нужен маргинальный

патриотизм, скинхеды и т. д., потому что здоровый, вдумчивый строительный патриотизм для них смертельно опасен. Они делают все для маргинализации патриотизма в России.

У меня трое сыновей. Я назвал их Христофор, Феофан, Ергоген, Вы не представляете себе, сколько грязи и упрёков пало на меня за это. Ну ладно «эти», с ними все понятно, но русские люди? Жалко, что русский народ разобщен, не хочет знать свою историю, сейчас нельзя быть обывателем, «овощем», решается наша судьба, судьба страны. Вы знаете, враги Православия и России вызывают у меня ярость и желание бороться до конца (хотя некоторые говорят, что ярость — это скорее еврейская реакция). Спасибо Вам, Станислав Юрьевич, за книгу, она поможет правильно сориентироваться многим людям. Долгих Вам лет жизни и творческих успехов!

С уважением Ф. Г.»

Вот истинный ответ на лукавую попытку заменить самопожертвование Христа безблагодатным жертвоприношением «стада баранов», как пишет Норман Финкельштейн.

Жив образ Спасителя и в еврейских душах, несмотря на все усилия жрецов Холокоста вытравить его из памяти, из истории, из нашей жизни.

Автор этого письма — ну разве он не брат Борису Бернштейну? Конечно же, брат. Брат во Христе.

P.S. И еще несколько свидетельств о роковом непонимании христианства жрецами Холокоста и овцами стада Израиля.

Из размышлений о Михаила Чайковского, «Новая Польша», № 4, 2003 г.

«Сегодня в поезде, идущем в Краков, я читал воспоминания одной еврейки, ставшей христианкой. Когда она была ребенком, кто-то подарил ей Новый завет. Это увидела ее мать. Она рвала страницы Евангелия в большом озлоблении. Страницу за страницей. Она сожгла их в печке, а потом сказала: «Человек, о котором тут идет речь, преследовал нас веками, это из-за Него были созданы концлагеря».

Из книги С. Медведко и Л. Медведко «Восток — дело близкое... Иерусалим — святое»:

«В самом Израиле не все русские евреи чувствуют себя столь же комфортно, особенно если они отказываются менять

прежнюю веру на иудаизм. Газета «Наше время» в статье под заголовком «Израиль уничтожает христиан» рассказала историю семьи приехавших в Израиль иммигрантов Виктора и Оксаны. «Ненавистью к русским людям христианской веры и к нашим детям здесь, кажется, отравлен весь воздух, — жалуются они. — В Израиле существуют расистские законы, и надо иметь мужество признать это. Для детей неевреев, воспитанных на христианских ценностях, израильская демократия — это лишь слова», — так заканчивается это письмо.

P.P.S. «Когда папа Бенедикт XVI был в мае 2009 года в Иерусалиме, он решил помолиться у Стены Плача. Но, как свидетельствует «Еврейская газета», издающаяся в Берлине (№ 81), «в дело неожиданно вмешался Шмуэль Робиневич, занимающий должность раввина Стены Плача. В телефонном интервью газете «Jerusalem Post» он заявил, что во время подобной молитвы папе желательно снять... золотой наперсный крест. Как объяснил Робиневич, к Стене Плача не следует приближаться с «чужими религиозными символами», и тем более с крестом, который, по словам раввина, «оскорбляет еврейские чувства» <...> Не секрет, что многие евреи, особенно религиозные, действительно испытывают неприязнь к христианским символам, порой доходящую до анекдота (например, «многие пишут знак «плюс» без верхней палочки», чтобы не дай бог не изобразить на бумаге крест)».

(Л. Закс. «Понтифик на Святой земле»)

Ну что сказать? Все люди, как люди, но это — «избранный народ»... А к нашим святым мощам, в наши церкви, к нашим иконам подходит кто угодно. Для нашего Бога «нести ни эллина, ни иудея»...

ХП

«ВАШИ ПРОРОКИ – НАШИ ПРОРОКИ...»

Милости я хочу, а не жертвы.

Пророк Осия

Многие годы в еврейском мемориальном комплексе «Яд Вашем» в Иерусалиме увековечиваются на особой стеле имена праведников народов мира. Это список людей разных национальностей, которые так или иначе спасали евреев от преследований нацистов, от депортации в лагеря, от местных коллаборационистов.

В списке тысячи имен — представителей чуть ли не всех европейских народов, на землях которых происходила катастрофа, именуемая Холокостом.

Конечно, эта благородная акция имеет свой националистический оттенок, поскольку для «Яд Вашема» интерес представляют европейцы, спасавшие только евреев. Поэтому в определении того, кто может являться праведником мира, а кто нет, есть немало странного и даже курьезного.

Болгарский царь Борис, союзник фашистского рейха, к примеру, объявлен праведником мира, поскольку до 1943 г. он сопротивлялся выдаче немцам более 50 тысяч болгарских евреев. Правда, в 1943 году болгарское правительство все-таки приказало 20 тысячам софийских евреев покинуть столицу. Но если бы дело ограничилось только этим!

За присоединение к странам фашистской оси Болгария получила «в дар» от Германии оккупированные немцами территории, ранее принадлежавшие Югославии и Греции, на которых жили 14 тысяч евреев. Поскольку они не имели болгарского подданства, царь Борис с облегчением сдал их немцам, которые направили несчастных в Трешлинку... Впрочем, не таким уж юдофилом был царь Борис, каким его изображают многие книги по истории Холокоста.

Выдержки из энциклопедии «Холокост», из статьи «Болгария»:

«Одним из первых антиеврейских актов правительства Болгарии в сентябре 1939 г. стало поспешное изгнание из страны 4 тыс. евреев, приехавших из других государств».

«Проникновение расовой теории и нацистской идеологии создало в Болгарии благоприятную почву для принятия антиеврейских законов <...> «Антиеврейские законы были утверждены парламентом по инициативе Кабинета министров и царя Бориса еще до того, как Болгария 1.3.1941 г. вошла в число стран «Оси».

«Евреи, их дома и предприятия — все должно было быть помечено звездой Давида, что делало их беззащитной мишенью».

«Евреям было запрещено поступать на службу как в частные компании, так и в общественные, муниципальные, правительственные учреждения. Все еврейские школы, театры, кинотеатры, издательства, рестораны и отели были закрыты».

«Смешанные браки были объявлены вне закона».

«Евреи-мужчины от 20 до 40 лет, освобожденные от воинской службы, были отправлены в трудовые лагеря».

«Евреям было отказано в праве заниматься многими профессиями».

«Евреев стали называть врагами государства»... и т. д. (с. 89—90). Вот такой он был «праведник», чье имя навечно запечатлено в иерусалимском мемориале.

Да, плохи дела у жрецов Холокоста, если они присваивают звание «Праведник мира» таким слугам гитлеровской Германии, как болгарский царь Борис и глава украинской униатской церкви Андрей Шептицкий.

Недавно, как сообщает бюллетень «Холокост» (№ 3, 2007), «еврейская община Украины признала митрополита Шептицкого «праведником мира»; «мы хотим отдать должное человеку, спасшему сотни евреев», — сказал раввин Украины Мойше Аеман.

Сколько сотен евреев и каким образом спас Андрей Шептицкий — неизвестно, но, как утверждает польский журналист Богдан Цивинский в статье «О Митрополите Львовском Андрее Шептицком» («Новая Польша», № 6, 2006 г.), греко-католический пастырь Львовщины действительно «в феврале 1942 г. написал письмо Генриху Гиммлеру, протестуя против уничтожения евреев». Однако в июле 1941 года он «в пастырском послании приветствовал немцев как освободителей, а 6 июля после

провозглашения бандеровцами независимого украинского государства принял почетный пост председателя Украинского национального Совета».

Вспомним, что бандеровцы были носителями самого кровавого антисемитизма, а хлопцы Романа Шухевича не раз устраивали на Львовщине самые страшные погромы. Так что не в Берлин надо было писать письма Андрею Шептицкому, а своих чад во Христе воспитывать... А сколько при нем и с его благословения было уничтожено на Западной Украине советских людей разных национальностей в то время, когда он занимал пост председателя Украинского национального Совета, — один Господь знает... Но за евреев однажды заступился и потому заслуживает, видимо, звания «праведник мира», а то, как Шептицкий относился к сыновьям и дочерям других народов, к гоям, жрецов Холокоста не интересует.

«Почти за 500 лет до Рождества Христова, — пишет англо-американский историк и публицист Дуглас Рид в книге «Спор о Сионе», — маленькое палестинское племя иудеев провозгласило расовую доктрину, влияние которой на последующие судьбы человечества оказались губительнее взрывчатых средств и эпидемий... Она была творением иудейских левитов».

Но высшее предназначение израильского племени, может быть, состоит в том, что во все времена, от вавилонских до сегодняшних, из его среды выходили одиночки, восстававшие против касты, державшей в оковах расовой доктрины еврейское простонародье.

В эпоху создания Пятикнижия и Моисеева закона с бесчеловечной властью левитов боролся пророк Амос, осуждавший кровавые ритуальные жертвоприношения: *«Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обояю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете мне всесожжение и хлебное приношение, я не приму их».* А другой пророк, Осия, заклинал своих современников: *«Ибо я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжения»...* Пророк Иеремия, изгнанный в Египет, как и все остальные пророки, осуждал сатанинские кровавые ритуалы левитов: *«И устроили высоты... чтобы сжигать сыновей своих и дочерей в огне, чего я не повелел и что мне на сердце не приходило».*

Вспомним о том, что слово «Холокост» переводится как «всесожжение», и эта этимология образует роковую связь ме-

жду жрецами эпохи вавилонского пленения и сегодняшними идеологами Холокоста.

Когда левиты заканчивали работу над главами Моисеева закона, утверждающими апологию избранничества и владычества евреев над другими народами, то пророк Иеремия призывал своих соплеменников жить в мире с племенами в землях и странах, куда их забросила судьба.

После вавилонского пленения и падения Иудеи Иеремия проповедовал: *«Так говорит Господь Саваоф... всем пленникам, которых я переселил из Иерусалима в Вавилон... И заботьтесь о благосостоянии города, в который я поселил Вас, и молитесь за него Господа, ибо при благосостоянии его и вам будет мир».*

Чуть ли не с теми же словами обращался к еврейскому племени пророк Исайя Второй, живший в Вавилоне:

«Сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу... даже их я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы... ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов» (с. 33). И все же до рождения и подвига Христа жрецам удавалось держать народ в путах расовой теории. Впрочем, и сегодня они озабочены человеческими слабостями своей паствы. Как пишет историк, живущий в Израиле, *«раввины запрещают молодежи и непросвященным верующим читать пророков вообще, и Исайя же особенно находится у ортодоксов в опале»* (С. Баландин. Основы научного антисемитизма. Алгоритм, 2008, стр. 153).

Сопоставляя мифические и сегодняшние времена, Дуглас Рид находит в них немало общего:

«Иеремию, явно убитого по приказу левитов, сегодня клеймили бы, как помешанного или болтуна, сумасброда или антисемита; в его время обычным обвинением было: «пророк и сноvideц»

Вспоминаю, как я, двадцать лет тому назад прочитавший в какой-то прессе репортаж о посещении Патриархом Алексием Вторым Америки, был озадачен и недоумевал по поводу его слов, произнесенных во время встречи с американскими раввинами: **«Ваши пророки — наши пророки!»** — сказал Патриарх. Я тогда не понимал глубокого смысла его слов, содержащих ту истину, что все израильские пророки есть предтечи Иисуса Христа, подготовившие мир и души человеческие к его явлению. Не левитов, не талмудистов, не раввинов вспомнил патриарх, а — пророков. Недаром же Осип Манделштам,

принявший христианство, гордился тем, что происходит из народа «пророков», и одновременно признавался, что бежит от «хаоса иудейского», то есть от мрачного, душного, плотского материального мира левитов и раввинов. Почему плотского и материального? — потому что в отличие от пророческого мира — душевного, доброго, милосердного, небесного, — мир иудейский во всех его ипостасях — левитский, фарисейский, талмудический, начиная от Второзакония и кончая Шулхан Арухом — жаждет захватывать, поработать, властвовать, убивать, пленять, обогащаться, радоваться добыче, враждовать с чужими идолами и богами, обонять ноздрями запахи горелой плоти с жертвенников, заключать союз с Богом посредством кровопускания... За этот «кровный союз» их Ягве помогает им и на протяжении всей двадцатипятивековой истории обольщает своих подданных, что они будут *«жить в жилищах, которые не строили»*, *«собирают плоды в садах, которые не сажали»* и ждать Машиаха, который обещал им безраздельную власть над миром.

Время для жрецов Холокоста движется вспять, потому что иные из них настолько уверовали в мощь Ягве, что пытаются вернуть в жизнь ритуалы, казалось бы, навсегда забытые человечеством. Трудно в это поверить, но в Израиле появилось объединение раввинов («Реорганизованный синедрион»), которые готовятся к возрождению на Храмовой горе кровавых жертвоприношений, запрещенных в 70 г. н. э., со времени разрушения Второго Храма.

«Несколько лет назад члены религиозных движений принесли символическую жертву на холме в Гиват Хананье, с которого видна Храмовая гора. Участники ритуала зарезали козла <...> и сожгли его на специально возведенном двухметровом жертвеннике, построенном по правилам еврейского закона Га-лахи» («Еврейская газета» от 14.12.2008 г.)

После великой новозаветной мистерии с Голгофой и Воскресением подобное, казалось бы, уже невозможно! Продолжая традицию пророков, в Средние века из «иудейского хаоса» постоянно рождались протестанты, диссиденты, еретики. В XII веке в испанской Кордове появился Моисей Маймонид, восставший против расизма талмудистов. Они донесли на него инквизиции, отлучили от общины, инквизиция согласно доносу сожгла его антиталмудические книги.

В XVII веке точно так же был изгнан из общины и предан анафеме человек свободной мысли, талантливый философ и ученый Барух Спиноза. В одно и то же время с ним отвергнул бесчеловечные законы талмуда другой протестант — Ариель Акоста, утверждавший, что талмудические истины — отнюдь не божественного происхождения, что это дело рук самих талмудистов. Его отлучили от веры, заравили, и он вынужден был покончить с собою.

В XIX веке в эпоху европейской эмансипации немецкий еврей Моисей Мендельсон «впал в ересь» и стал проповедовать, что евреи должны слиться со всем человечеством, что нужно вернуться к пророкам. Его перевод Библии на немецкий язык был публично сожжен раввинами в Берлине.

В русском XIX веке два славных имени, монах Неофит и Яков Брафман с его ставшей знаменитой, но потом почти полностью уничтоженной книгой «Тайны Кагала», внесли свой вклад в освобождение евреев от жреческой диктатуры.

Да и Карл Маркс во всех еврейских энциклопедиях считается антисемитом за его «еретическую» мысль о том, что *«деньги являются ревнивым Богом Израиля»*.

Когда же все расистское наследие двух с половиной тысячелетий сосредоточилось в XX веке в руках сионистской верхушки, то вызов ей бросили еврейские религиозные и политические идеалисты нового времени: немецкая еврейка Ханна Арендт, русско-израильский еврей Борис Бернштейн, французский еврей Роже Гароди, американские евреи Альберт Эйнштейн, Альфред Лилиенталь и Норман Финкельштейн, русские евреи философ Семен Франк и Александр Мень, публицист Израэль Шамир, украинский еврей Эдуард Ходос и другие именитые и даже безвестные люди. Эдуард Ходос очень просто и убедительно выразил сущность своего мужественного стояния за истину:

«Лично мне моя национальность ничуть не мешает говорить о еврейском фашизме. Напротив, учитывая коварство и фарисейское лицемерие врага, я считаю себя обязанным открывать людям глаза на то, что они не способны разглядеть сами».

А с каким печальным достоинством излагает свое понимание еврейства сын узников Освенцима Норман Финкельштейн:

«Я не люблю ни филосемитов, ни антисемитов. Я хотел бы, чтобы люди обращались со мной, как с обычным человеком»...

После таких слов всякое понятие об «избранном народе» испаряется, «яко дым». Какую веру исповедуют эти отступники? Не рискую ответить. Думаю, что кто-то из них православный, кто-то мусульманин, кто-то агностик, кто-то буддист, кто-то протестант, кто-то католик. По-моему, никто из них не является адептом ортодоксального иудаизма. И это не случайно.

В мемориале «Яд Вашем» запечатлены имена людей, которые спасали евреев от физической смерти, и за это им, спасателям, присвоено звание «праведник мира».

Все, кого я вспомнил в этой главе, начиная от ветхозаветных пророков и до Ханны Арендт с Норманом Финкельштейном, — в эпоху воинственного насаждения религии Холокоста спасают честь, совесть и душу еврейства. Так, может быть, они тоже праведники?..

XIII

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

Даже боги не могут бывшее сделать
не бывшим.

Древнегреческая поговорка

Осенью 1938 года в маленьком французском городке Эвиан собрались представители тридцати стран Европы и Северной Америки, чтобы найти возможность спасения евреев, убегающих из фашистской Германии и оккупированных ею стран. Никаких представителей арабских или африканских стран на конференции не было. Судьба евреев была в руках Европы. И что же произошло? Ни один из представителей так называемого «цивилизованного мира» не дал согласия на прием беженцев в свою страну. Именно потому Америка через год не приняла приплывший из Голландии корабль «Сен-Луис», на котором было 900 евреев. Им пришлось возвращаться на свою погибель в Европу. Так что Европа и только Европа полностью виновата в еврейской катастрофе и должна была после войны заплатить европейским евреям за свои грехи. Недаром в 1944 году, в первую годовщину подавления еврейского бунта в Варшавском гетто, поэт Юлиан Тувим проклял в своей статье «Мы польские евреи», опубликованной в Лондоне, не только гитлеровских расистов, но в первую очередь антисемитов всей коричневой Европы.

«Над Европой возвышается огромный и все растущий скелет. В его пустых глазницах горит огонь страшного гнева, а пальцы стиснуты в костлявый кулак. И он, наш Вождь и диктатор, будет определять наши права и требования... Моя ненависть к польским фашистам глубже, чем к фашистам других национальностей».

Но заплатить за грехи Европы мир заставил палестинских арабов — крестьян-феллахов, бедуинов, ни сном и духом ничего не знавших ни о Холокосте, ни об Освенциме. Сионисты вы-

теснили их убийствами, резней, террором, несколькими войнами с родных мест, где они жили с незапамятных времен.

Вот почему через 37 лет — в 1975 году, на тридцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов была принята знаменитая резолюция о сионизме как о форме расизма. Чтобы понять, почему произошло это историческое решение, приведу несколько отрывков из выступлений участников конференции, отражающих накал политической борьбы среди ее делегатов.

Из выступления г-на Шарафа, Иордания:

«Еврейская проблема прежде всего возникла в Европе... Именно в Европе преследование евреев достигло невиданных размеров и привело к нацистским жестокостям. Положение никогда не было таковым в восточных странах. Сложные чувства западных стран по отношению к евреям можно понять. Они продикутованы сочетанием вины и сострадания и желанием загладить эту ужасную несправедливость, которую западная цивилизация проявила по отношению к евреям. Как же тогда понимать их бесчувственность и их терпимость по отношению к тому, что мирное арабское население Ближнего Востока систематически и в организованном порядке подвергается насилию?»

Из выступления г-на Баруди, Саудовская Аравия:

«Раздел Палестины в 1947 году был навязан миру. Палестинскому населению ничего не оставалось, как искать убежища в соседних странах.

По какому праву Соединенное Королевство могло передать в другие руки страну, которая ему не принадлежала? Европейским евреям не следует насаждать нетерпимость на Ближнем Востоке лишь потому, что они были жертвами нетерпимости со стороны европейцев».

Из выступления г-на Аллафа, Сирия:

«Евреи претендуют на то, чтобы их считали избранным народом, имеющим право на землю, которая уже заселена. Совсем недавно, то есть в 1948 году, арабы составляли подавляющее большинство жителей Палестины. План разделения 1947 года, в соответствии с которым был создан Израиль, был принят в результате голосования, в котором принимали участие 56 делегаций. Из 33 делегаций, голосовавших за этот план, две были из Африки, одна — из Азии и несколько — из Латинской Америки. Остальные были из Европы и из Северной Америки. Очевидно, что государство Израиль было создано Орга-

низацией Объединенных Наций, которая полностью отличалась от Организации Объединенных Наций, существующей в настоящее время, что Генеральная Ассамблея в действительности не представляла воли народов мира. Со времени своего создания менее чем за один год Израиль оккупировал территорию, в три раза превышающую ту, которая была выделена ему по плану раздела».

Из выступления г-на Захави, Ирак:

«Еврейский философ Мартин Бубер дошел до того, что приравнял сионизм государства Израиль к священному эгоизму, подобному тому, который проповедовали Гитлер и Муссолини», а далее представитель Ирака вспомнил Черчилля, «который в 1944 г., сразу же после убийства в Каире лорда Мойна, сказал в палате общин, что, если усилия сионизма будут выражаться в варварских актах гангстеров, достойных того, чтобы их назвали нацистами, то многие и он сам пересмотрят позицию, занятую по отношению к сионизму много лет назад».

Уместно вспомнить, за что убили лорда Мойна. Он, занимавший должность статс-секретаря в Египте, заявил 9 июня 1942 года в палате лордов, что европейские евреи не являются потомками древних евреев и потому не могут претендовать на законное владение палестинскими землями. Через два года он был убит в Каире еврейскими террористами, которыми руководил будущий премьер-министр Израиля Ицхак Шамир.

Историк П. Полян в книге «Отрицание отрицания» лукавит, утверждая, что крайне опасна **новая (!) точка зрения** на Холокост антисемита Ахмадинежада, который во всех выступлениях твердит: «*Какое право имеют евреи на Палестину, ежели Холокост, даже если он имел место, происходил в Европе?*»

Как мы видим, задолго до Ахмадинежада об этом знали и говорили все политические деятели арабского Востока.

За резолюцию, гласящую, что «**сионизм — это форма расизма**», в 1975 г. проголосовали 70 стран, против были голоса 29 делегатов и 27 воздержались.

Помнится мне, что многие западные СМИ в последующие 15 лет считали такой результат сговором арабского лобби или закулисными интригами советского блока. Но это не так. Против резолюции, то есть в пользу Израиля, проголосовала «грешная» Европа, участвовавшая в Холокосте и потому пытавшаяся за чужой счет, но все-таки хоть как-то иску-

пить вино перед евреями: ФРГ, Финляндия, Франция, Италия, Голландия, Норвегия, Австрия, Бельгия, Швеция...

За резолюцию, кроме арабских стран и стран Советского блока, проголосовали Индия, Китай, Иран, Португалия, Турция, Бразилия... Нынешний премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху вопреки всем аргументам и фактам в своей книге «Место под солнцем» в отчаянье от поражения сионистов сокрушался: *«Ничего подобного не смогли достичь даже такие виртуозы антисемитской пропаганды, как Торквемада и Йозеф Геббельс. То, что не удалось совершить в самые темные времена Инквизиции и Катастрофы, свершилось теперь на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Никогда прежде антисемитизм не получал столь широкого международного признания и одобрения. Организация, призванная представлять добрую волю всего человечества, согласилась стать рупором примитивной юдофобской пропаганды»* («Основы научного антисемитизма», стр. 367).

Это было сокрушительное поражение сионистов. Но через 17 лет — в 1991 году, сразу же после разрушения Советского Союза и Варшавского пакта, объединявшего страны Восточной Европы, западные «эвианские» делегации на очередной сессии ООН дезавуировали резолюцию 1975 года о сионизме как форме расизма, что было совершенно естественным и неизбежным событием. Роже Гароди так отозвался об этом сионистском реванше:

«После распада СССР США произвели нажим на ООН и добились 16 декабря 1991 года отмены справедливой резолюции 1975 года, смыв таким образом еще раз кровь, которой с ног до головы покрыты Израиль и его руководство. Но в действительности с 1975 года ничего не изменилось, более того, репрессии, медленный геноцид палестинского народа, колонизация достигли беспрецедентного размаха».

Однако никакое ооновское мошенничество, осуществленное в исторической суматохе 1991 года, не могло надолго замаскировать расистскую сущность Израиля. У человечества еще хватает ума и совести, чтобы понимать, кто прав и кто виноват в палестино-израильской расправе.

Ровно через 10 лет после сионистского реванша 1991 года борьба за историческую справедливость вспыхнула с новой силой: мировое сообщество, собравшееся в 2001 году в Дурба-

не, чтобы осудить расизм, расовую дискриминацию и ксенофобию, утвердило такую резолюцию:

«Всемирная конференция с глубокой озабоченностью признает расширение масштабов расистской практики сионизма и антисемитизма в различных частях мира, а также зарождение расистских и проповедующих насилие движений, руководствующихся идеями расизма и дискриминации, в частности, сионистского движения, основанного на принципе расового превосходства»...

Несмотря на реверанс конференции, осудившей и антисемитизм, еврейская делегация хлопнула дверью и покинула конференцию.

Но вспышки антиссионистского пламени, несмотря на все попытки подавить их культом Холокоста, то и дело пробиваются на поверхность земной истории.

То папа римский возжелает вернуть в лоно Ватикана епископов, отлученных в свое время от церкви за сомнения в масштабах Холокоста, то на апрельской конференции по расизму швейцарцы пригласят в Женеву Ахмадинежада, да еще их президент его примет... Как такое стерпеть? Восемь демократических стран во главе с Израилем объявляют бойкот конференции, еще сорок после слов Ахмадинежада о том, что **«израильских преступников нужно предать суду за геноцид в Газе»**, покинули зал заседаний, но сто сорок пять делегаций все-таки остались. А министр иностранных дел Франции Бернар Кушниц с ироническим удивлением заметил: *«Это парадоксально, они не хотят слушать Иран в Женеве, но при этом намерены вести с ним переговоры»*.

Некто из еврейской делегации выкрикнул из зала: «Расист! Расист!» и бросил в иранского президента красный клоунский нос, однако даже в самой Америке демократка Барбара Ли, возглавляющая объединение чернокожих членов конгресса, заявила, что члены этой группы «глубоко поражены» решением американской делегации бойкотировать конференцию, так что семена знаменитой 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, осудившей сионизм как форму расизма, не высохли, не вымерзли, не потеряли своей всхожести. **«Даже Боги, — как говаривал один из главных создателей государства Израиль Иосиф Сталин, — не могут бывшее сделать не бывшим»**.

Что было — то осталось в истории. Этого уже не стереть из памяти никакими политическими технологиями, никакими подтасовками демиургов нового мирового порядка, рухнувшего у нас на глазах. Ну отменили в 1991 году антиизраильскую резолюцию, и все равно сегодняшнее разрушение Газы все честные мировые политики уже сравнивают с штурмом нацистами Варшавского гетто, где израильские командос выступают в роли фашистских карателей, а палестинцы с их партизанским упорством в роли героически погибающих в центре Варшавы евреев.

XIV

БОРИС ЕЛЬЦИН С МАЛЕНЬКОЙ БУКВЫ

Им нужно, чтобы мы сдохли, исчезли
с этой земли.

Слова безымянного палестинца

А теперь несколько слов о книге «Отрицание отрицания, или Битва при Аушвице» и о ее создателях.

В пресс-релизе, врученном участникам пресс-конференции, созванной в честь выхода книги, перечислены все их научные заслуги. Альфред Кох — «писатель», «математик», «экономист», «бизнесмен», бывший «глава Госкомимущества РФ», «в администрации бориса ельцина занимал пост вице-преьера».

Павел Полян — «социальный географ и историк», «окончил в 1969 г. с серебряной медалью московскую школу», «высшее образование, МГУ», «окончил аспирантуру», «защитил докторскую диссертацию», «ведущий научный сотрудник», «координатор кабинета мандельштамоведения в научной библиотеке РГГУ», «член библиотечного совета РГГУ», «является председателем Мандельштамовского общества»...

Исторические познания этих обремененных дипломами, степенями, званиями и должностями соавторов действительно впечатляют. Но вот что они пишут и под чем подписываются в этой удивительной книге:

«Израиль после войны не настаивал на том, чтобы Германия выделяла ему какие-либо финансовые средства. На этом настаивала сама ФРГ. Как только у нее появилась такая возможность, то есть с начала 50-х годов, Аденауэр упорно говорил о том, что Германия должна оказывать такую помощь. И только в 1952 году Израиль дал согласие принять эту помощь, причем при голосовании по этому вопросу разгорелась жаркая дискуссия, и решение прошло с мизерным перевесом всего лишь в несколько голосов. Так что инициатива относительно такой помощи исходила отнюдь не от Израиля» (с. 326).

Какая идиллия! Благородные немцы, обуреваемые чувством неизбежной вины перед евреями, хотят искупить свой грех бескорыстной помощью — хотят облегчить свою совесть, а благородные евреи — отказываются: «Нет! Не надо! Вы и так сами разорены, едва сводите концы с концами. Спасибо, дорогие друзья арийцы! Давайте жить безо всяких компенсаций и контрибуций! Мы же два избранных народа, товарищи по общему несчастью!» Если бы все было так, я бы поверил, что Полян и Кох настоящие, честные историки. Но на самом деле история с германскими деньгами выглядела иначе. Цитирую отрывок из книги «Автобиография», написанной президентом Еврейского палестинского агентства Наумом Гольдманом, который был в 1951 году представителем Государства Израиль по вопросу о репарациях:

«В начале 1951 года Израиль впервые выступил на мировой арене, направив четырем союзным державам две ноты, в которых указывалось, что еврейские требования, касающиеся возмещения ущерба новой Германией, определены суммой полтора миллиарда долларов, из которых половину должна выплатить Западная Германия и половину — Восточная. Эта сумма основывалась на следующих расчетах: Израиль принял около 500 000 евреев, и экономическая реинтеграция одного беженца стоила примерно 3 000 долларов. Спасая эти жертвы нацизма и приняв на себя огромные финансовые расходы, Израиль считает себя вправе предъявить эти требования от имени еврейского народа, хотя и без законной основы, так как еврейское государство не существовало во времена нацистского режима» (с. 262).

«В этих обстоятельствах израильский министр иностранных дел летом 1951 года обратился ко мне как к президенту Еврейского Палестинского агентства и попросил меня созвать конференцию крупных еврейских организаций США, стран Британского Содружества и Франции для оказания поддержки израильским требованиям и изыскания средств, способных заставить их выполнить» (с. 263).

«Переговоры, которые мы намеревались провести, были весьма щекотливыми. Они не имели никакой юридической основы» (с. 268).

«С большой смелостью и великодушием федеральный канцлер принял за основу для дискуссии сумму миллиард долларов, но я знал, что партия, враждебная столь гигантским уступ-

кам, уже сформировалась внутри правительства, среди вождей политических партий, среди банкиров и промышленников. Мне повторяли с самых разных сторон, что бесполезно рассчитывать даже на приблизительную сумму».

«На первом этапе переговоров между немцами и делегацией Конференции по притязаниям было достигнуто общее соглашение о возмещении ущерба и о его законодательной регламентации. На следующем этапе встал вопрос об общей сумме притязаний, достигавшей 500 миллионов...»

«Мне пришлось снова поехать в Бонн 3 июля, и я сделал следующую уступку: 10% от 500 миллионов будут предназначаться нееврейским жертвам нацизма и распределяться самим германским правительством» (с. 282).

«Соглашения были подписаны 10 сентября 1952 года в Люксембурге. Германию представлял канцлер, Израиль — министр иностранных дел Моше Шарет, а я — Конференцию по притязаниям» (с. 283).

«Германские поставки были решающим фактором экономического подъема Израиля на протяжении последних лет. Я не знаю, какова была бы судьба Израиля в некоторые критические для его экономики моменты, если бы Германия не сдержала своих обязательств. Железные дороги, телефонные линии, портовые сооружения, системы орошения, целые отрасли промышленности и сельского хозяйства не были бы в их нынешнем состоянии без немецких репараций. Наконец, сотни тысяч еврейских жертв нацизма получили за последние годы значительные суммы по закону о возмещении ущерба» (с. 286).

«Когда утром в день моего пребывания я нанес визит премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону, он подошел ко мне с торжественным видом: «Мы с тобой имели счастье увидеть два чуда: создание государства Израиль и подписание соглашения с Германией. Первое сотворил я, второе ты» (с. 284).

В другой своей книге, «Еврейский парадокс», Н. Гольдман рассказывает не только о своих переговорах с Германией, но и способе, каким он выбивал репарации из Австрии. Он сказал канцлеру Раабу: «Вы должны платить репарации евреям».

— Но мы сами были жертвами Германии, — возразил Рааб.

Гольдман заявил: «В таком случае я сниму самый большой кинотеатр в Вене и каждый день буду показывать фильм о вступлении немецких войск и приезде Гитлера в Вену в марте

1938 года». (Хорошо бы поставить фильм о нашем вступлении в Ригу в 1940 г. — Ст. К.)

Тогда Рааб сказал: «Хорошо, вы получите ваши деньги».

Речь шла о сумме порядка 30 миллионов долларов. Через некоторое время Гольдман пришел снова: нужно еще 30 миллионов.

— Но, — сказал Рааб, — мы дали согласие только на 30 миллионов.

— Теперь вы должны дать больше! — сказал Гольдман и получил, что требовал. Он пришел и в третий раз и получил такую же сумму.

Итак, переговоры шли очень тяжело, почти два года. Но в конце концов евреи принудили немцев заплатить все, что положено. Это к тому, как совершились «два чуда»: построилось государство на чужой земле и на чужие деньги. А третье чудо заключается в том, что у нас выросла новая школа историков в лице Альфреда Коха и Павла Поляна. На фоне этого исторического конфуза комплимент Поляна в адрес своего соавтора: «Альфред Кох интересуется цифрами, особенно точными», звучит по меньшей мере издевательски.

Как же так, опытный жрец Холокоста Полян недосмотрел за своим соавтором-арийцем и позволил ему так подставить свое имя, подорвать авторитет профессионалов по Холокосту, скомпрометировать столь ценное издание? Приходится после этого думать, что Полян не знает скрижалей, которые пишут верховные жрецы и основатели государства Израиль. Но если бы только одна такая позорная ошибка! В предисловии к книге, написанном Кохом, есть главная мысль о том, что владеть Палестиной должны евреи, не только потому, что они «народ Библии», но главным образом потому, что они умеют хозяйствовать на этой земле, обустривать и облагораживать ее, в отличие от диких, нецивилизованных, не умеющих создать ничего путного арабов.

«Когда сегодня едешь по Израилю, то не устает удивляться, сколько человеческой энергии потрачено на обустройство этой страны. Склоны всех гор по пути от Тель-Авива до Иерусалима засажены вручную кедрами и кипарисами. Апельсиновые и мандариновые сады по пути от Иерусалима на юг. Вся Гимлея — сплошь оливы и пшеничные поля <...> этого ничего не было. <...> Сейчас, когда вновь обострилась дискуссия о праве евреев на землю Израиля, слышатся разные аргументы со всех сторон. <...> Но самого главного аргумента никто не

приводит. А аргумент этот прост и ясен. Разве не принадлежит земля тому, кто сделал ее лучше, чище, кто вернул ей былую красоту, кто заменил топор дровосека лейкой садовода? Кто в безжизненную пустыню провел воду, кто оросил поля, не знавшие плуга сотни лет, кто построил прекрасные белые города на месте жалких глинобитных лачуг, кто проложил дороги вместо верблюжьих троп, возвел больницы, уничтожил эпидемии, ликвидировал голод?».

Какая вдохновенная тирада не просто колонизатора, но идеолога колонизации, ее красноречивого апостола, ее самозабвенного философа и поэта!

Точно так же рассуждали конкистадоры-испанцы в XVI веке, дав себе безграничное право от имени европейской христианской инквизиторской цивилизации разрушать жизнь Центральной Америки и сводить с лица планеты языческие народы майя и ацтеков. Точно так же обращались с племенами Дикого Запада англосаксонские протестанты... Точно так же огнем и мечом англичане навязывали свою хищную волю Индии, Китаю, Африканскому континенту. Французы не отставали от них, протянув длани от Алжира до Индокитая. Да и немцы, с вожделием глядя на восток, пытались навязать «russischen Schweinen» свою европейско-арийскую цивилизацию... Я уж не говорю о голландцах, португальцах, итальянцах, бельгийцах и «разных прочих шведах», у которых тоже крыша поехала от алчности и которые тоже успели схарчить все, что падало со стола более крупных хищников.

Казалось бы, что после Второй мировой войны, когда обрушилась, словно во время землетрясения, вся колониальная архитектура, создать еще раз нечто подобное уже невозможно. Но не тут-то было. Жрецы Холокоста нашли слабое место на карте человечества и сумели обратить вспять ход мировой истории...

Но до сих пор тревога не покидает их: а вдруг их детище — государство, возведенное при помощи великих мифов, великого террора, великих денег и великой пропаганды, рухнет, что случится тогда? Альфред Кох пугает человечество:

«А случится вот что: через какое-то время засохнут сады Израиля и на месте цветущих рощ опять появятся пыльные пустыни. Грязные лохматые собаки вместе с чумазыми арапчатами будут побираться вдоль грязных обочин, выпрашивая кто кость, а кто денег у проезжающего туриста.

Нищие бедуины, как и тысячу лет назад, будут варить кофе в своих шатрах. Часть евреев убьют, а часть уедет в Европу и Америку. И опять на многие сотни лет заглохнет Палестина. И только крик муэдзина над Иерусалимом будет будить правоверных мусульман на утреннюю молитву. Палестина превратится в плохое издание Египта, Сирии и Иордании. С их грязью, мелочной торговлей и полным отсутствием прогресса».

Я не буду объяснять Коху, что полное «присутствие прогресса» за последние 80 лет дважды сокрушает и уничтожает образ жизни, столь милый его сердцу — имею в виду Великую депрессию 30-х годов и нынешнюю, более страшную и более Великую.

Общество потребления, картины которого наш «экономист» рисует с такой любовью, с таким вдохновением, обнажило свою генетическую обреченность. Если даже и согласиться со взглядами Коха на развитие Палестины, то надо его спросить, а куда он денет «нищих бедуинов» и «чумазых арапчат», чтобы они не портили картины процветания израильского рая? А что он будет делать с окружающим миром «грязи», «мелочной торговли», «пыльных пустырей», «грязных лохматых собак», который, как громадный океан, плещется у бортов комфортабельной белоснежной яхты с именем «Израиль»? Что он предлагает сделать с Египтом, Сирией, Иорданией? Но и не в этом дело, а в том, что Альфред Кох или не знает доизраильской истории Палестины, или сознательно наводит тень на плетень, повторяя миф о том, что Палестина была землей без народа, а евреи — народом без земли...

Эта точка зрения, к сожалению, сейчас вбивается в головы всех обывателей, которые как туристы приезжают в Израиль. Недавно там побывала группа хорошо знакомых мне женщин, православных христианок, мечтавших всю жизнь повидать Святую землю. Вернувшись, они с восторгом рассказывали о цветущем Израиле, о пшеничных полях, об апельсиновых садах, образцовых израильских кибуцах, белоснежных поселках, о вежливых и радушных еврейских экскурсоводах и с неприязнью вспоминали о рваных и грязных палестинских шатрах на обочинах идеальных шоссеиных дорог, о беспризорной оборванной палестинской ребятне, о палестинских экскурсоводах, угрюмых, неуслужливых, неделикатных... А я от них только и слышал:

«Арабы? — Это же средневековая жизнь, они никогда ничего не строили и ничего не выращивали, они некультурные, они невежливые, они — кочевники, они нищие, потому что не хотят ничего делать. Почему они обстреливают Израиль своими ракетами-касымами?»

Впечатление было такое, как будто эти женщины прослушали курс лекций у Альфреда Коха. Зря совершили паломничество на Святую землю. Если бы они, эти наши добрые русские христианки, знали, что пережили два поколения палестинцев и что их сделало такими замкнутыми и нерадушными!

Вот несколько отрывков из книги Исраэля Шамира, который, в отличие от Коха, и пешком, и путешествуя на ослице Линде, исходил всю арабскую Палестину.

«Окрестности Иерусалима — одно из самых красивых мест во всем Нагорье, и вади, в котором мы оказались, подтверждает это мнение. Слева от спуска — просторная пещера, где добывали камень, у входа в нее растет тенистое дерево. Сядем под деревом и глянем вниз. Мы увидим очаровательную деревушку Лифта. Ее дома гнездятся на крутом склоне вади. В складке горы бьет полноводный источник, называющийся в библейские времена Ме́й Нефтоах; вода его, выходя из красивого сабила, падает в просторный водоем. Внизу за водоемом начинаются поля и сады Лифты. Здесь растут огромные смоковницы, оливы, яблони. Узкие тропинки ведут от дома к дому. Дома Лифты — не роскошные, но просторные, вместительные, сложенные из крепкого иерусалимского камня, некоторые — с балконами, с которых открывается прекрасный вид на долину, где меж кустарников бьют родники и растут гранаты.

Теперь подойдем поближе и увидим, что деревня пуста. Крыши домов проломлены, двери заколочены и схвачены пудовыми замками. Бассейн у источника разрушен и захламен, и чистейшая живая вода гор исчезает в земле. Смоковницы не обобраны, оливы не обиты и не окопаны.

Перед нами — одна из деревень, обезлюдевших в 1948 году.

На полях Лифты мелькают белые платы палестинцев, убирающих помидоры, но они убирают не свои помидоры. Это наемные рабочие. Земли Лифты были переданы еврейским поселкам Кесалан, Гиват, Яарим, те наняли безземельных палестинцев работать на земле, которая еще недавно кормила их».

«В апреле 1948 года еврейские армии прорубили в Западном Нагорье широкий Иерусалимский коридор. В нем были ликвидированы все арабские села, кроме чудом сохранившегося Абу Гоша. Евреи боролись за контроль над Иерусалимом, но для жителей Западного Нагорья речь шла о своих домах и полях — и их они потеряли.

У начала тропинки стоят железные щиты с пояснительными надписями: «Здесь наши доблестные силы сражались с арабскими бандами и выкурили их из ихнего бандитского гнезда». Здесь они жили, арабские бандиты, и жены их бандитки, и дети бандитята, и бандитские ослы, и бандитские овцы в бандитских хлевах, и бандитские оливы, и бандитские кактусы, и все это существовало тысячи лет, чтобы только мешать движению еврейских конвоев на шоссе».

«На краю Вифлеема, вдоль Хевронской дороги, к югу от города, высится красивый холм, на вершине — роца. Это Эр-Рас, место малой святыни. На вершине дует ветер, стоят остатки водосборника. Сюда приходят играть дети из лагеря беженцев Дахейше, который находится к югу от холма, на равнине. Я спросил их, откуда они родом. Они назвали деревни, руины которых я посещал: Лифта, Дир эш-Шейх, Бет Итаб. Они помнят, они иногда ездят туда с родителями, посмотреть на разваливающиеся дома и на неокопанные оливковые деревья».

* * *

«Представьте себе, что это вас вышвырнули из дома у источника Лифты и Сатафа, что вам пришлось жить в мазанке, делить одну комнату с десятью братьями, что вы можете увидеть в бинокль проломленные крыши своего дома — и вы поймете, откуда взялось палестинское сопротивление, палестинский терроризм».

* * *

«Жители села Эн Ход бежали в поля. Они по сей день живут в лачугах на краю своих полей. Их земли были конфискованы и переданы Нир Эциону, а их дома стали «живописным поселком художников» Эн Ход, где живут, несомненно, либеральные израильтяне, социалисты и борцы за права человека».

* * *

«Дома Сатафа полуразрушены, только несколько из них остались в относительной целости. Дома были разрушены в ходе военных учений — здесь в начале пятидесятых годов тренировались в своей смертоносной науке солдаты «отряда 101», спецотряда коммандос, занимавшихся карательными акциями в тылу врага, налетами и убийствами на тогда не оккупированном Западном берегу».

* * *

«Сладчайший источник Эн Таннур растекается ручьем по неширокой долине, мимо руин села Алар. Вот здесь, у этого ручейка, где растет огромная смоковница, роняющая зрелые смоквы в его воду, я хотел бы родиться — но тогда я оказался бы в лагере беженцев Дахейше и смог бы только поглядывать на руины родного дома, так плавно переходящие в византийские руины. Земли этой маленькой долины, где жило и кормилось несколько сот феллахов, получил соседний мошав, где живет шестьдесят марокканских семей. Они даже не обрабатывают их — только маленькая часть занята посадками фруктовых деревьев. Плоды убирают беженцы из Дахейше. Пастухи Хевронских гор пасут стада поселенцев».

* * *

«Другой центр беженцев — Газа, куда были согнаны, как в резервацию, сотни тысяч крестьян из сотен деревень, ставших потом стройплощадками для кибуцов и мошавов с их самодовольными сторонниками мира за чужой счет. Проезжая мимо пустоши с колючками кактуса «сабра», путник иногда задумывается — как много свободного, пустого места в Святой земле. Газа — это обратная сторона медали. Там находятся бывшие обитатели пустошей с колючками. Газа — израильский Гулаг».

* * *

«Даже самые произраильские наблюдатели ООН после короткого пребывания в Святой земле становятся сторонниками

палестинцев. Дело в том, что израильский миф — миф «Экзодуса», жестоких и ленивых арабов, трудолюбивых израильтян, превращающих пустыню в сад, — не выдерживает рассмотрения с близкого расстояния. На него нужно смотреть издали, из Нью-Йорка, из Милуоки, на худой конец — из бастионов еврейских поселений. С человеком, выбирающимся из кольца осады и идущим по земле, происходит то, что произошло с графом Бернадоттом — он начинает видеть реальность¹. Всего с 1947 года по наши дни процент земель, принадлежавших палестинцам, упал с 90% до 15%».

* * *

А вот выдержки из книги «Момент молчания» другого еврейского автора, Симона Ловиша, который вместе с родителями-сионистами приехал в 1972 году из Франции в Израиль, где был призван в армию и не раз по службе бывал в лагерях палестинских беженцев.

«— Нами всегда управляли иноземцы, — сказал мне один из феллахов. — Но все, что было раньше, и сравнить нельзя с тем, что происходит сейчас. Тогда было угнетение, империализм... Сейчас — оккупация. Тогда мы не были нищими. Нас все же кормила наша земля. А теперь нам не на что жить. Я нищий, все мы нищие. Там, где мы сейчас ютимся, нет деревьев, нет воды. Земля здесь суха, как кость. И животные наши не находят еды и гибнут...»

Феллах докурив сигарету, помолчал, потом продолжил:

— Вместе с землей оккупанты отняли у нас и право на жизнь. Здесь, где нам позволили поселиться временно, без всяких прав, мы ковыряем клочки твердой, как камень, земли. Сажаем хлеб, кукурузу, кое-какие овощи. Но, когда урожай созревает, оккупанты приходят и сжигают его. Как же, спрашивается, нам кормить детей? Оккупантам плевать на это. Им нужно, чтобы мы сошли, исчезли с этой земли. Мы жили под турками, под британским мандатом... трудно жили, но жили. Но оккупанты нам не дают жить...»

---

¹ А когда граф Бернадотт прозрел и все понял, его убили люди Менахема Бегина.

* * *

«С годами, по мере старения первопоселенцев, отнявших у арабов их землю, «еврейский труд» на ней постепенно перестал применяться. На востоке и западе, на севере и на юге, на полях и в огородах сажали, пололи, собирали и молотили арабы. Целые семьи — мужчины, женщины, молодежь, малые дети. Они работали на тех, кто ехал сюда с сионистскими песнями, в которых были такие слова: «Мы пришли на эту землю, чтобы переделать ее и чтобы она переделала нас»; или: «Труд — наша жизнь, наше спасение от всех болезней».

* * *

«Я проехался по этим местам с кинокамерой, снимал на пленку поля евреев-землевладельцев, где за кусок хлеба гнут спину арабы, в том числе малые дети. Снимал и добротные дома еврейских колонистов, их сытые, довольные лица. Все они твердили в один голос: их право на эти земли никто не смеет оспаривать.

— Они выгнали нас силой, — сказал этот феллах. — Мы потеряли своих верблюдов, наши сады проутюжены бульдозерами, а бахчи и посевы конфискованы. Нас лишили человеческой жизни. Нам выдают только 8 килограммов хлеба в месяц. У нас просто нет сил сопротивляться, мы погибаем».

* * *

«Начали операцию танки, окружившие холм, на котором лежала деревня. За танками двигалась бригада парашютистов. Десантники блокировали дома. Несколько человек с автоматами наизготовку оставались у дверей и окон, а один врывался внутрь и выгонял обитателей. Потом под дом подкладывали взрывчатку и взрывали его. Так уничтожили сорок домов».

* * *

«Однажды мы ехали на патрульном джипе пограничной охраны. Начальником патруля был спесивый капитан с коротки-

ми жесткими усами. Кое-где дорога, петляющая среди холмов и высот Хеброна, была заминирована. За день до этого здесь подорвался израильский бронетранспортер. Мы часто останавливались и допрашивали встречавшихся феллахов и пастухов (разумеется, никто из них ничего не видел!). Вдруг капитан приказал остановиться: на камне у обочины сидел мальчик лет двенадцати. Его лицо было настолько изуродовано шрамами и рубцами, что он не мог даже как следует раскрыть рот, чтобы назвать свое имя.

— *Сейчас мы проверим, есть ли здесь мины, — сказал мне капитан на иврите.*

А потом, уже по-арабски, приказал мальчику идти к вершине холма. Мы оцепнели. Мальчик прошел около 15 метров, и тут капитан позвал его назад:

— *Все ясно. Йалла, имши мин хун¹, — и отпустил мальчика».*

Гитлеровцы во время войны с нами тоже проверяли подобным образом наличие мин на полях и дорогах, по которым они собирались двигаться.

«Ненависть к израильским оккупантам была особенно горяча в секторе Газа, население которой в основном состояло из беженцев. Они видели через границу, как израильские тракторы перепашивают их бывшие поля и сады. <...> Мы ездили по дорогам Газы с задраенными люками, несмотря на удушающую жару. Даже десятилетний ребенок мог швырнуть гранату в проходящую израильскую машину».

Ну как, мои дорогие православные христианки, теперь вы понимаете, почему палестинцы из сектора Газа обстреливают свои бывшие земли?

* * *

У еврейского государства в нашей стране было много апологетов и защитников. Одним из самых авторитетных и знаменитых был, конечно, академик Сахаров. Видя, как евреи изгоняют палестинских арабов с родных земель, он тем не менее так же, как колонизатор Кох, считал, что при помощи денег и политических махинаций можно лишить целый народ родины, что все можно уладить за чужой счет ради благополучия и процветания Израиля.

---

¹ Убирайся отсюда (араб.).

«Давно можно было бы расселить беженцев по богатейшим арабским странам, — самонадеянно и цинично размышлял академик, — дать им в руки технику и землю, деньги и образование...» («Форум», 14.12.2007 г.)

Русский вроде бы человек (а может, это мысли Елены Боннер, вмонтированные в гениальную голову академика?), а с какой бездушной самонадеянностью рассуждает о судьбах народов! *«Переселить», «дать денег»...* Поневоле вспоминается, как Гитлер награждал чужими землями своих союзников по рейху: подарил фашистской Болгарии Македонию и часть Греции, а фашистской Венгрии отдал то ли Трансильванию, то ли кусок Словакии...

Но в таком случае куда как естественнее и разумнее и евреям можно было бы выделить за счет государств, принимавших участие в Холокосте, пространство в центре Европы и назвать его «государство Израиль». А может быть, сейчас, пока не поздно, **«переселить»** куда-нибудь евреев-израильтян и **«дать им денег»**?

Разглагольствовать о том, что арабы не обрабатывают землю, не выращивают апельсиновые рощи, живут в грязных палатках, может только человек, лишенный совести, в упор не желающий видеть, что они изгнанники, что их деревни обезлюжены, взорваны, земли конфискованы. Как гласит пословица — в доме повешенного не говорят о веревке, но Альфред Кох делает это с вдохновением.

Вот объективные свидетельства того, что арабская Палестина до образования государства Израиль была не бедуинской пустыней, а процветающей землей. Все факты взяты из книги Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики».

Знаменитый сионист конца XIX века Ахад Гаам, побывавший в Палестине в 1891 году, писал в своих очерках:

«Находясь вдалеке, мы привыкли верить, что Эрец — Израель сегодня полупустыня, необрабатываемая страна и каждый, кто захочет приобрести землю, может приехать сюда и взять сколько душе угодно. В действительности ничего подобного. На всем протяжении страны трудно найти необрабатываемые участки, за исключением покрытых песком и горных, где могут расти только фруктовые деревья, да и то в результате тяжелого труда и рекультивации местности». И это были времена, когда в Палестине жило 600 тысяч арабов и всего лишь 30 тысяч евреев.

«Профессор Израиль Шахак дал в 1975 году список по округам 385 арабских деревень, стертых с лица земли бульдозерами, из 475 существовавших в 1948 году. <...> Чтобы создать вид, будто в Палестине до Израиля была «пустыня», сотни деревень были стерты с лица земли бульдозерами вместе с домами, заборами и кладбищами» (И. Шахак. Расизм государства Израиль, стр. 152). «С 11 июня 1967 г. по 15 ноября 1969 г. в Израиле и Цизйордании было взорвано более 20 тысяч арабских домов».

«Так называемая «пустыня» была экспортером зерна и цитрусовых <...> до прихода сионистов. «Бедуины» (на самом деле землевладельцы) экспортировали 30 000 тонн зерна в год. <...> Производство цитрусовых с 1922 по 1938 г. увеличилось в 10 раз», а английский статс-секретарь по делам колоний Пил в июле 1937 года докладывал парламенту, что в ближайшие годы Палестина будет производить 50% всех апельсинных зимних сортов, потребляемых в мире.

Так что палестинцы до своего Холокоста были трудолюбивыми и успешными хозяевами своей земли, чего не хотел знать Андрей Сахаров и не хочет знать Альфред Кох.

* * *

Оба соавтора и составителя книги «Отрицание отрицания» историю Холокоста, надо отдать им должное, знают основательно. Работы европейских и американских авторов, как апологетов Холокоста, так и «антихолокостников», изучены ими, особенно П. Поляном, добросовестно и подробно. С арифметикой у них тоже все в порядке. Согласившись с тем, что в Освенциме было уничтожено не 4 млн. евреев, а около полутора, и с тем, что восточноевропейские жертвы Холокоста были посчитаны дважды, они тем не менее, опубликовав массу таблиц еврейских потерь по отдельным странам и лагерям, заново более тщательно исследовав демографические графики и эмигрантские потоки 30-х годов, вполне обоснованно (особенно П. Полян) приходят к выводу, что все равно евреев в Катастрофе погибло или 6 млн., или около того. Так что на этом поле с ними спорить и воевать бесполезно. Да я и не собираюсь. Другое дело идеология истории и конкретные оценки тех или иных исторических событий. Но и тут авторы выказывают незаурядную ловкость. Вот, к примеру, пишет Полян, что реви-

зионист Рудольф Гермар *«не брезгает даже штампами российских антисемитов о доле евреев в НКВД и об их роли в советских репрессиях»*, но не говорит прямо — правда или неправда в этих штампах. Если это правда, что ГУЛАГом в 30-е годы руководил квартет в составе Бермана (начальника управления) и трех его заместителей — Раппопорта, Плиннера и Кацнельсона, если это правда, что из сорока комиссаров госбезопасности I, II и III степени, награжденных в 1935 г. орденами, более половины было евреев, — то почему историку не воспользоваться этими «штампами», отражающими реальность? Таблица умножения — это тоже «штампы». Зачем же «брезговать» убедительными и объективными фактами, подтвержденными документально? Это — не штампы. Это — статистика...

«Сталин провел большое количество этнических чисток. От эстонцев до корейцев». Какое невежество для историка! Этнические чистки — это уничтожение людей одной национальности для того, чтобы люди другой национальности получили всяческие преимущества для жизни и развития. Сталин высылал перед войной корейцев подальше от дальневосточной государственной границы, поскольку в опасной близости от нее были сосредоточены японские войска, и война с Японией была вполне возможна. Прочитайте об этом популярную в 30-е годы повесть Рувима Фраермана *«Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви»*.

А эстонцы ссылались после войны в Сибирь не потому, что они эстонцы, а потому что сотрудничали с немецкими оккупантами как коллаборационисты. Их было сослано 28 тысяч из полутора миллионов. А то ведь, читая Коха, можно подумать, что все эстонцы высылались из Эстонии, которая освободилась от коренного населения для русских. Причем, конечно, многих эстонцев ссылали за участие в Холокосте, за убийства евреев в концлагерях и на оккупированных территориях России и Белоруссии, и эти антифашистские «чистки» Коху и особенно Поляну надо бы одобрять и приветствовать.

В общем, такого рода «блех», недопустимых для уважающих себя историков, в книге уйма. Полян, иронизируя над ревизионистами, пишет: *«Из антисемитизма выплывает, клубясь, и все остальное, включая низкий исторический профессионализм или склонность к патетической графомани»*. Может, он в чем-то и прав, но я не откажу себе в удовольствии возвращать ему этот упрек. Их общая книга с Кохом того достойна.

И последнее. Кроме того, что сочинения Коха и Поляна отмечены историческим невежеством, у них и с грамотностью плохо. Может быть, кто-то из читателей уже обратил внимание, что, перечисляя должности, занимаемые в недавнем прошлом Альфредом Кохом, я написал: «*в администрации бориса ельцина занимал пост вице-преьера*». Имя и фамилия первого президента РФ у меня написаны со «строчной», то есть с маленькой буквы. Но это не моя ошибка и не моя прихоть, вся эта фраза, взятая в кавычки, является абсолютно точной до буквы цитатой из пресс-релиза, приложенного к книге.

Между тем в том же пресс-релизе имя и фамилия А. Коха начинаются с прописных, то есть заглавных букв, той же чести удостоены имя и фамилия его соавтора, и даже его псевдоним «Нерлер» тоже демонстративно и грамотно выписан с большой буквы. Думаю, что оба грамотея-историка придадут этим вроде бы пустякам особое значение. Они в состоянии отличить маленькую строчную букву от большой заглавной, потому что, осуждая автора работы о Холокосте Юргена Графа, Полян с раздражением пишет: «*Автор сознательно употребляет слово «Холокост» с маленькой буквы*» (с. 96). Хорошо, что хоть за это еще не штрафуют и не судят, что ООН не приняла еще резолюцию о том, что слово «Холокост» в обязательном порядке и в мировом масштабе изображалось Только с Большой Буквы. Если же оно пишется с маленькой, такая вольность, видимо, для обоих историков является оскорблением священной сути события или «умалением» его. Но почему же тогда они позволили себе написать «борис ельцин»? Ведь все-таки это недавний шеф и покровитель Коха! Да, видимо, потому, чтобы шабестоги знали: сколько бы они ни прислуживали евреям, как бы ни возносили их к подножию своего трона, все равно те своих бывших хозяев после их смерти полноценными людьми считать не будут. Ведь имя и фамилия каждого человека, как образа Божьего, носит священный характер... Но ты — не принадлежишь к «избранному народу», ты всего лишь шабестога и потому недостойна заглавной буквы.

Конечно, соавторы будут оправдываться, что, мол, корректоры недоглядели, я же склоняюсь к версии об их «народной безграмотности».

Но возникает вопрос: если в этой «грамматической интриге» участвовал Альфред Кох, зная ее суть, тогда, если он полукровка, то какие же у него половинки?

* * *

Холокост становится явлением мирового порядка. Это — трагедия, это — фарс, это — бизнес, это — политика, это — гламур, это — перформанс, это — «наше все».

Думаю, что скоро и глянцевого журналы, если они выживут в эпоху нашего финансового апокалипсиса, будут для развлечения публики издаваться с сюжетами из этой страшной Мистерии.

Возможно, что возникнет на нашем ТВ какая-нибудь постоянная программа, посвященная неувядающему Холокосту, или целый канал с логотипом «Холокост», тем более что «Евроњьюс» подседело на эту иглу и жить без нее уже не может. Можно создать и политическую партию под тем же названием.

А как стремительно входит понятие Холокоста в самые, казалось бы, далекие от этого явления сферы жизни! Играла недавно наша российская футбольная сборная с командой Израйля. Так что, вы думаете, приволокли наши изобретательные болельщики на стадион в Лужники? Растянули через всю трибуну полотнище со словами: «Счастливого Холокоста!» Впрочем, футбольные фанаты — народ отвязанный. Когда московское «Динамо» приехало в Питер на игру с «Зенитом», то зенитовские ребята выставили на стадионе портреты Лаврентия Павловича Берии со словами, обращенными к своим московским коллегам: «Вы от него не отмоетесь». Ну, наши в долгу не остались, и на московском матче питерские болельщики узрели громадный портрет Ксюши Собчак с ответом: «А вы не отмоетесь от нее».

Но вернусь к Холокосту. Тема благодатная. Почему бы не выпустить водку под таким же названием? Ведь есть в Польше водка с этикеткой «Жидовская». Давно пора и Большому театру после «Детей Розенталя» поставить нечто «холокостное». Жаль, что помер Шнитке. Он бы точно написал музыку на либретто Марка Розовского.

А сколько в нашу безрадостную жизнь внес Холокост новых ежегодных праздников мирового масштаба! День освобождения Освенцима 27 января, День узников фашистских лаге-

рей 11 апреля, юбилей Нюрнбергских законов, юбилей Ванзейской конференции, посвященной «окончательному решению вопроса», апрельское празднование Пурима, юбилей Хрустальной ночи, ежегодное торжество в честь создания государства Израиль, не менее важный праздник — прием Израиля в ООН, красный день календаря — отмена резолюции ООН о сионизме как о форме расизма, ежегодные сентябрьские дни имени Бабьего Яра, также ежегодное торжество в честь восстания в Варшавском гетто, а тут еще дни Анны Франк, столетие со дня рождения охотника за нацистами Визенталя, на носу юбилей Януша Корчака... А как всенародно отметила Россия и Европа 70-летие незабвенной Хрустальной ночи!

Умные люди понимают, что все это крайне необходимо для жизни и существования всяческих фондов. Недаром в День освобождения Освенцима президент Европейского и Российского еврейских конгрессов Вячеслав Кантор говорил о сохранении памяти, о том, что череда трагических юбилеев — Бабий Яр, Освенцим, Хрустальная ночь — прежде всего повод для создания толерантного общества, для серьезного разговора о будущем. Его мысль продолжила в конце вечера Алла Гербер (Бюллетень «Холокост», № 2, 2008 г.).

Одним словом, Холокост, если вспомнить хемингуэвскую формулу, это праздник, который всегда с тобой.

Вода камень точит, и Холокост все глубже входит в быт, в подкорку, в массовое сознание нашего российского простонародья. Я сужу об этом уверенно, поскольку был свидетелем одного знакового события. Пришел однажды в редакцию журнала священник средних лет, постоянный читатель «Нашего современника». Был какой-то праздник, и наш гость, хотя и в подряснике, но явился в гости к Александру Сегеню не с пустыми руками. Когда собравшиеся наполнили рюмки и вопросительно поглядели на батюшку, он все понял, поднял стопку и со скорбной торжественностью произнес: «Первый тост — за Холокост!»

XV

БЕДНЫЙ БАДРИ...

Сколько вам заплатил этот жид?

«Коммерсант»

В конце 2007 года во время предвыборной борьбы за кресло грузинского президента еженедельник «Коммерсант» опубликовал репортаж, который был тут же перепечатан русскоязычной американской газетой «Форум» с заголовком «Скандал в Грузии»:

«В предвыборной Грузии разгорелся очередной скандал: оппозиция обвинила власти в антисемитизме. За последнее десятилетие это первый скандал в Грузии, связанный с разжиганием межнациональной розни.»

По мнению оппозиции, власть, опасаясь, что кандидаты в президенты Бадри Патаркацишвили составит на выборах реальную конкуренцию действующему главе государства, решила напомнить, что бизнесмен не принадлежит к титульной национальности».

Скандал поднял руководитель предвыборного штаба бизнесмена Бадри Патаркацишвили, депутат парламента Валерий Гелбахиани, созвавший брифинг, на котором и прозвучали обвинения в адрес грузинских властей.

В качестве главного обвинения, прозвучавшего в адрес властей, соратники кандидата Патаркацишвили назвали разжигание антисемитских настроений. По их мнению, таким образом власти пытаются унижить кандидата Патаркацишвили и помешать ему стать президентом. Стоит отметить, что вскоре после того, как Патаркацишвили официально ушел в оппозицию, власти стали постоянно намекать на его еврейское происхождение: например, чиновники перестали называть его Бадри, а употребляли исключительно его малоизвестное «не-грузинское» имя Аркадий, записанное в паспорте.

Во время разгона митинга 7 ноября «антисемитская» тема впервые была озвучена открыто — спецназовцы, разго-

няющие толпу, называли демонстрантов «пособниками урия», то есть «пособниками жидов», а также выкрикивали фразы: «Сколько вам заплатил этот жид?» и «Вашу жидовскую мать». Частично эти выкрики были записаны оппозицией на мобильные телефоны, и одну из таких записей в воскресенье вечером продемонстрировала телекомпания «Имеди». Комментируя эти факты, Гелбахиани обратился к специальному прокурору Гаагского трибунала с требованием возбудить против грузинских властей уголовное дело.

«Это хороший симптом для Грузии, что грузинский еврей Бадри Патаркацишвили баллотируется на пост президента и имеет реальный шанс победить, — заявил Гелбахиани. — Грузинский и еврейский народы объединяют 26 веков дружбы. Но то, что власти раздувают антисемитскую тему, очень опасная тенденция. Значит, они не могут бороться с Патаркацишвили другими, законными методами».

Патаркацишвили уже подал жалобу в генпрокуратуру Грузии, в которой он констатирует нарушение прав человека в отношении себя и своих родственников. В ближайшее время кандидат подаст иск в Международный суд в Гааге — в нем он намерен обвинить власти в разжигании антисемитизма и межнациональной розни».

Но удивляться нечему: вполне закономерно то, что в Грузии впервые за «26 веков дружбы» появились опричники, которые стали разыгрывать в политической борьбе еврейскую карту. Эти преторианцы заразились антисемитизмом от своего хозяина Саакашвили, подхватившего, в свою очередь, дурную болезнь от друга Ющенко. Все закономерно: за что бо-ролись — на то и напоролись. Но неужели не отдавали себе отчет архитекторы и организаторы «перестройки» в том, что развал Советского Союза неизбежно должен привести к вспышкам открытого антисемитизма в бывших республиках, или у них ума не хватало просчитать все последствия своего замысла? Ведь помимо ключевых фигур (Горбачев, Ельцин, Яковлев) августовского переворота (1991 г.) и октябрьского кровопролития (1993 г.) историю в это время творили не только Чубайс с Гайдаром, но и целая свора еврейских функционеров рангом помельче — Немцов, Ясин, Явлинский, Лифшиц, Уринсон, Лойко-Шомберг, Ходорковский, Березовский, Гусинский и т. д. имя им — легион.

Рано или поздно им всем при жизни или посмертно придется отвечать за юдофобскую волну, искалечившую судьбы многих ни в чем не повинных евреев из Прибалтики, Украины, Молдавии, Азербайджана, Таджикистана и, конечно же, из некогда любимой мной Грузии...

* * *

Я очутился в Тбилиси осенью 1964 года, когда меня, как писателя и офицера запаса, направили на двухмесячные сборы в армейскую газету «Ленинское знамя» Закавказского военного округа, где главный ее редактор полковник Головастиков сразу же приказал мне отредактировать и подготовить к печати небезынтересные, но полуграмотные, написанные косноязычным русским языком воспоминания знаменитого еврея генерал-майора Драгунского, ставшего впоследствии при Брежневе главой антисионистского комитета советской державы. После того, как я успешно привел в божеский вид мемуары Драгунского, полковник Головастиков дал мне в награду полную волю, и я днем, находясь якобы на службе, резался в волейбол на редакционном дворе или играл в азартные шахматные пятиминутки с поэтом и сотрудником «Ленинского знамени» Владимиром Мощенко, а по вечерам кутил в ресторанах с грузинскими молодыми поэтами.

В коридорах «Ленинского знамени» я встретился с Александром Межировым и благодаря ему в тот же вечер очутился в громадной и запущенной квартире, где хлопотала Сима Фейгина, уютная круглая женщина в домашнем халате, с обожанием смотревшая на своего мужа Эмму, автора книги о легендарном еврее, Герое Советского Союза Цезаре Куникове.

В доме Фейгиных я познакомился и со всей еврейской литературной знатью, жившей тогда в Тбилиси...

Эмма и Сима были добродушными, всегда улыбающимися и приветливыми людьми. Эткими старосветскими помещиками еврейского происхождения. У них не было своих детей и, может быть, поэтому они стали относиться ко мне с каким-то родственным чувством: кормили, оставляли ночевать, восторженно внимали моим стихам.

В фейгинских застольях, как правило, принимали участие трое друзей — поэт Шура Цибулевский, литературный критик, и виртуозный тамада Гия Маргвелашвили, а третьим

был художник, поэт и авантюрист Гоги Мазурин, в послевоенной юности тачавший модные туфли для тифлиссских красавиц. На следующий день после знакомства с Фейгиными я уже бродил по древним улицам Тифлиса в сопровождении Шуры Цибулевского, бормотавшего, как заклинания: «Верейский спуск», «Винный подъем», «Авлабар»... Мы дошли до двухэтажного деревянного дома с обветшалыми балконами, лестницами и балюстрадами, погрузились на ощупь по темному коридору в его чрево, источающее кислые запахи грязного белья, примусов и керосинок, и, натываясь на потемневшие от времени цинковые ванны, на древние велосипеды и прочие реликвии местечкового быта, наконец-то вошли в комнатку, где жил, кажется с мамой, и сочинял свои стихи Шура Цибулевский. Он достал из-под стола бутылку мукузани, обтер с нее пыль и разлил темное вино в граненые стаканы. Мы выпили, закусили чурчелой, и Шура тут же, обратив ко мне свои библейские глаза, умоляющие о внимании, что-то забормотал в рифму из своей первой, только что изданной под жеманным названием «Что сторожат ночные сторожа» книжки.

В его витиеватых стихах, сплетенных из обрывков чувств, картин и мыслей, угадывалась судьба — горестная, одинокая и даже лагерная.

Откуда запах горьковатый?
Так мог бы пахнуть керосин.
Ужель команда огневая,
Бредбериевщены фантом?
Нет, это маме наливает
Наш керосинчик в наш бидон.

У Шуры было красное веснушчатое лицо, седая кудлатая голова с рыжими подпалинами. А в глазах стояла застывшая, непреходящая печаль, то ли наследственная еврейская, то ли, как я потом узнал, благоприобретенная, советская, лагерная. Я не спрашивал его о происхождении этой печали, но по одному слову «бредбериевщина» умному человеку можно было понять, что речь идет не об американском фантасте Рее Бредбери, а о знаменитом сталинском опричнике, уроженце Грузии. Когда я осторожно высказал Шуре свое предположение, он растрогался и тут же с детской непосредственностью подарил мне свою первую книжечку, видимо, бесконечно ему дорогую,

с размашистой искренней надписью: *«Стасик дорогой — благодарю и целую — Шура»...*

С тех пор наши встречи, во время которых мы читали друг другу Мандельштама и Заболоцкого, стали постоянными и трогательными. Он всегда был благодарен мне за мое молчаливое понимание его судьбы и на титульном листе своей последующей книги *«Владелец шарманки»* написал: *«Стасик — напоминаю о шарманках, Тбилиси и тбилисцах, встречах. Обнимаю. Твой Шура»*. Точных дат, когда сделаны эти автографы, Шура, как настоящий вдохновенный заложник вечности, конечно же, не ставил. Через тридцать с лишним лет после наших свиданий, уже после смерти Шуры я прочитал в книге еще одного нашего соучастника тбилисской жизни Бориса Гасса о том, что Цибулевский в юности был дружен с Булатом Окуджавой. *«Они вместе учились в университете, проходили по одному делу... Шура, как и Булат, был членом литературного кружка «Молодая Грузия», при обыске у него нашли первое издание «Уляляевичины» Сельвинского с подчеркнутыми карандашом строчками о том, что лиру не отдаст ни третьему отделению, ни особому отделу номер три. Ему приписали статью «по знанию и недонесению». За это Шура получил десять лет. Последние годы заключения Цибулевский провел в городе металлургов под Тбилиси. Там он подружился с двумя талмудистами и при каждом свидании просил приносить ему картошку и лук — кошерную пищу для новых товарищей... «Все дерутся за баланду, а эти верующие евреи соблюдают кошерность и ведут религиозные споры». Вспоминать или писать о тех временах Шура не любил».*

Да, это правда — не любил. Но то, что его могли посадить на 10 лет за чтение широко известной в 30-е годы и не запрещенной поэмы Сельвинского, много раз издававшейся в советское время, я не верю. Да и о своих лагерных связях с талмудистскими евреями он мне не рассказывал, и не было в его стихах и прозе ничего ветхозаветного или талмудического.

В те времена Шура Цибулевский, возможно, следуя своему кумиру Осипу Эмильевичу, изо всех сил убежал от хаоса иудейского, сгустки которого, как я понял впоследствии, живут в душе почти что каждого еврея. И проза и стихи его были трогательно несамостоятельны, похожи своей бессвязностью и разноцветностью на переливы калейдоскопа, наполненного осколками стекла, обрывками полочувств и ощущений, в

которых то и дело вспыхивали мандельштамовские искорки: *«шьют воздух синие стрекозы», «вдруг за столом бутылка бренди! Ужель то самое?! На дамбе вкусим его и покорим. По-го-во-рим о Мандельштаме, поговорим и погорим. Все так же ли Орланд неистов? А скат шинели тех годов? Что ж, серая, и я готов... Привет, «кузнечик мускулистый».* В этих отрывках каждое второе слово — мандельштамовское, да и самого себя Шура ощущал, неким грузинским двойником Осипа Эмильевича, и в его покорности мелодиям любимого поэта было нечто наивное, беззащитное и фатальное. И конечно же, подражая своему божеству, он не мог не написать «Стихи об Армении», переполненные «мандельштампами»: *«И не купить у Арарат-Горы», «мура», «колючий быт», «брадобрей... он мылит щеку»* и так далее.

Да и вся его путевая проза о Бухаре, о Туркмении, о Дагестане была как бы зеркальным отражением мандельштамовского очерка об Армении. До осознания своего еврейства Шура должен был пройти длинный путь освоения чужих миров, соблазнительных именно своей чуждостью.

«Дербент. Море горьковатое. Чуть горьковатое. Без листьев, но с водорослями дружественными, и тает лодка. Жара. Безумие. Жара. И все чепуха, как этот лимонад. И снова библейские старцы. Родиться евреем, родиться еврейкой в Дербенте, в Дербенте. И ходить на базар — ей, и в чайную — ему, и в баню по воскресеньям. По аллее с листьями, в рубахе, прилипшей к спине. Хорошо в дербентской бане. А часы в Дербенте показывают разное время. Оно разных планет».

Перечитываю его наполненные испугом перед жизнью стихи и бессвязную «бесскелетную» прозу и с тоской понимаю, что не смог бы он остаться в нынешней «свободной» Грузии, но и в новой России делать ему было нечего. Скорее всего, он совершил бы побег в «иудейский хаос», уже поджидавший своего очередного «усталого раба», свою очередную жертву...

Слава Богу, что он до конца дней своих жил в блаженном заблуждении, считая абсолютно советского человека Осипа Мандельштама антисоветским поэтом, отказа от этого заблуждения уже тогда не выдержало бы его наивное сердце.

Иногда мы с Шурой совершали незабываемые прогулки по пустынным улицам ночного города, разгребая ногами желтые ручьи платановых листьев, вдыхая потоки свежести, плывущей из влажного каменного русла Куры.

Шура знал, возле каких духанов еще доживают век бродячие шарманщики. Они крутили ручку своих разноцветных шарманок, из чрева которых вылетали простенькие звуки старинных мотивов, однажды вылетела мелодия моей любимой с детства песни «По диким степям Забайкалья»...

Шарманка — забытое чудо —
откуда взялась, не пойму!
Я так и не понял откуда,
но вспомнил свою сторону,
когда, то звеня, то рыдая,
из ящика вырвалось вдруг:
— «Бродяга, судьбу проклиная!» —
стакан повалился из рук.

Эту песню на послевоенном калужском базаре хриплым голосом исполнял слепой инвалид, отчаянно терзая гармошку.

Иногда мы с Шурой заходили в ночные пекарни, которых было много в тогдашнем городе. Мы смотрели, как люди в фартуках, рукавицах и белых колпаках время от времени склонялись над печами, похожими на громадные глиняные горшки, зарытые в землю, снимали с их внутренних стенок горячие лепешки и пришлепывали к раскаленным стенкам кругляши из свежего теста. Шура что-то говорил пекарям по-грузински, показывал на меня, а в ответ всегда слышались радушные слова, а иногда дружеская рука протягивала нам по стопочке чачи и по куску горячей лепешки... Однажды на рассвете в ограде Кошутской церкви мы увидели мужчину и женщину, которая тащила за собой на веревке барашка. Мужчина связал ягненку ножки, повалил его в траву и перерезал животному горло, а женщина, набрав горячей крови в глиняный кувшин, смяла заросли крапивы вокруг церковного фундамента и окропила свежей кровью все четыре угла древнего храма. Следом за ней шел мужчина, который целовал окропленные жертвенной кровью камни. Шура поговорил с ними и объяснил, мне, что у этой крестьянской семьи кто-то очень болен или при смерти и этот древний обряд — последняя надежда.

Умер Шура в середине 80-х годов, не пережив измены своей жены, соблазненной каким-то московским литератором, прохвостом-переводчиком. Слава богу, что он не дожил

до эпохи Саакашвили, когда в антисоветской и антирусской Грузии евреев, укорененных со времен Багратидов в историю и почву, стали называть «жидами».

* * *

Ближайшим другом Цибулевского был Гия Маргвелашвили, маленький, лысенький, усатый человек с кругленьким брюшком и походкой Эркюля Пуаро из известных фильмов. Почему он считался в Грузии выдающимся критиком и вообще властителем дум, приезжим людям понять было трудно, поскольку Гия в 60-е годы почти не писал ничего примечательного. Но когда он приподымался над застольем в белой рубашке, с волосатой грудью, и озирали орлиным взором сквозь толстые линзы своих очков наши восторженные лица, все замирали в ожидании устного шедевра, который будет сотворен на наших глазах. Многих изощренно и вдохновенно витийствующих трибунов я слышал в дни тех незабвенных кутежей — и Бесо Жгенти, и Отара Чиладзе, и Резо Амашукели, но этот невзрачный на первый взгляд грузинский еврей превосходил их всех в ритуальном священнодействии. Он начинал свою речь издали («поэт издали заводит речь!»), медленно и загадочно импровизируя, словно какой-нибудь Луи Армстронг на саксофоне, менял регистры от «форте» до «пиано», неожиданно взмывая до немислимых красноречивых высот. И никогда он не повторялся, и никогда никто не мог предугадать ход его витиеватой мысли, которая, подкравшись к финалу, вдруг взрывалась, как фейерверк, последней искрометной фразой, прославляющей или одного из нас, сидящих за этим столом, или всю Грузию в целом, а то бывало, что и за Россию мы выпивали, восторженно распрямляясь во весь рост и опрокидывая в разверстые рты какое-нибудь кахетинское, воспетое Осипом Мандельштамом:

Кахетинское густое
хорошо в подвале пить,
пейте вдоволь, пейте двое —
одному не надо пить.

Правда, злые грузинские языки в минуты редкой откровенности говорили мне, что у красноречивого Гии рыльце в пушку, что в конце сороковых годов, в эпоху борьбы с космо-

политизмом, молодой критик, успешно делавший карьеру, написал какую-то статейку, в которой приклеил ярлык космополита к славному облику своего учителя Павла Антокольского, талантливо и обильно переводившего в послевоенные годы на русский язык лучших поэтов Грузии. Но, как говорили те же языки, с той поры столько воды утекло, что и сам Павел Григорьевич то ли забыл все, что происходило во времена «культы личности», то ли простил своего легкомысленного соплеменника. Да и Гия самоотверженной застольной работой во имя грузинской литературы давно и с лихвою искупил все грехи своей неразумной молодости.

Впрочем, несколько позже, когда я стал серьезно изучать литературную атмосферу 30-х годов, я обнаружил в недрах Ленинской библиотеки стихотворный сборник «Павлика» (как называли Антокольского в либеральной московской среде) с названием «Ненависть», в котором с искренним пафосом воспевалось все то, что впоследствии стало называться «Большим террором»... Так что «Павлик» во искупление своих грехов мог быть наказан явлением Гии Маргвелашвили...

Многие ветераны советской литературы в эпоху «оттепели» как бы обрели, если говорить словами Пастернака, «второе рождение» Известный критик Иосиф Гринберг, прославлявший в 30-е годы чекистскую поэзию Эдуарда Багрицкого и утверждавший, что его «поэзия затмила и отодвинула в сторону поэзию Есенина», в 60-е годы, встречаясь со мной во дворе нашего писательского кооперативного дома, с азартом расспрашивал меня, вернувшегося из Тбилиси, как там поживают Симон Чиковани или Карло Каладзе, и, закатывая громадные черные глаза и вздымая выбритый до синевы подбородок, начинал с артистическим завываньем читать грузинские стихи Осипа Мандельштама:

Человек бывает старым,
а барашек молодым,
и под месяцем поджарым
с розоватым винным паром
поплывет шашлычный дым...

С наслаждением продекламировав изящный стишок Мандельштама, запавший ему в душу с молодых лет, Иосиф Льво-

вич склонил ко мне на грудь свою седую шевелюру и проникновенным голосом спросил:

— А как там в Грузии принимали нашу Белочку?

Белла Ахмадулина как раз в то время становилась культовой фигурой в среде русскоязычной и грузинской интеллигенции, особенно после стихотворенья, где изображался обед на даче переделкинского критика, в котором Гринберг мог узнать и себя и восхититься фрондерской строчкой: «За Мандельштама и Марину я отогреюсь и поем». Я порадовал душу старого еврея Гринберга, рассказав ему, что «Белочкой восхищалась вся грузинская интеллигенция», особенно после того, как она в Кахетии, куда нас привез Иосиф Нонешвили, на веранде деревенского дома, увитой виноградными лозами, после того, как в застолье Феликс Чуев провозгласил тост за «великого сына грузинского народа Иосифа Виссарионовича Сталина», нырнула на мгновение под стол, сорвала со своей ножки туфельку и, отчаянно взвизгнув, запустила ее, как из пращи, в закоренелого сталиниста... Застолье после подобного скандала должно было бы немедленно развалиться, но положение спас кто-то из грузинских евреев: то ли Боря Гасс, то ли вездесущий Гия Маргвелашвили. Не дав никому опомниться, он подхватил чуть ли не на лету туфельку, мгновенно плеснул в нее дымящейся виноградной водки и выпил сразу за обоих именитых гостей — за поэта с огненным гражданским темпераментом Феликса Чуева и за божественный лирический талант Беллы Ахатовны.

На другой день весь литературный и даже партийный Тифлис полнился слухами о происшедшем. Потрясенный случившимся бывший ЗК сталинской эпохи Шура Цибулевский даже написал стихотворенье о том, как Белла после вечерней пьянки восстанавливает свою красоту при помощи народных снадобий, именуемых «хаши» и «чача», с эпитафией из ее же стихотворенья: *«обугленных желудков черноту позолоти своим подарком хаши».*

...Выслушав мой рассказ, старый, умудренный жизнью еврей Иосиф Львович Гринберг, не говоря ничего лишнего, еще раз, как замороженный, пробормотал мандельштамовскую строчку: «пейте вдоволь, пейте двое, одному не надо пить»...

Ахмадулина, швырнув в Чуева туфельку, тут же стерла со своего лица гримасу отвращения, словно актриса, сыгравшая роль и тут же позабывшая и о Сталине, и о Чуеве, и о туфельке.

Помню, что именно это удивило меня на той пахнущей орехами, виноградом и киндзой веранде, но много позже, про-

читав книгу дневников ее бывшего мужа Юрия Нагибина, я понял, что такого рода сцены во время застолья были у нее хорошо отрепетированными акциями «пиара», если говорить сегодняшним языком. Нагибин рассказывает, как однажды в ресторане Дома литераторов он увидел компанию во главе с Евгением Евтушенко, который пригласил его за свой стол:

«Компания сидела на веранде за довольно большим столом, кругом никого не было, видимо, Женя распорядился не пускать «черную публику». Он угощал своего боевого друга, корреспондента «Правды» во Вьетнаме, куда Женя недавно ездил. В подтексте встречи подразумевались подвиги, боевая взаимовыручка, спавшая навеки правдиста и поэта, и прочая фальшивая чепуха. Но в глубине души Женя не очень доверял своему соратнику и нес антиамериканскую околесицу. Ахмадулина решила отметить мое появление тостом дружбы:

— Господа! — воскликнула она, встав с бокалом в руке. — Я пью за Юру!..

— Сядь, Беллочка. Я не люблю, когда ты стоишь, — прервал Евтушенко, испуганный, что Ахмадулина скажет обо мне что-то хорошее. (Испуг его был лишен всяких оснований).

— Я должна стоять, когда говорю тост. Я пью за Юру. Пусть все говорят, что он халтурищик...

— Сядь, Беллочка! — мягко потребовал Евтушенко.

— Нет, Женя, я и за тебя произносила тост стоя. Так пусть все говорят, что Юра киношный халтурищик... — она сделала паузу, ожидая, что Женя ее опять прервет, но он внимал благосклонно, и Белла обернулась ко мне. — Да, Юра, о тебе все говорят: халтурищик, киношник... А я говорю, нет, вы не знаете Юры, он — прекрасен!.. — И она пригубила бокал.

А Б. Ахмадулина недобра, коварна, мстительна и совсем не сентиментальна, хотя великолепно умеет играть беззащитную растроганность. Актриса она блестящая, куда выше Женьки, хотя и он лицедей не из последних. Белла холодна, как лед, она никого не любит, кроме — не себя даже, а производимого ею впечатления. Они оба с Женей — на вынос, никакой серьезной и сосредоточенной внутренней жизни. Я долго думал, что в Жене есть какая-то доброта при всей его самовлюбленности, позерстве, ломани, тщеславии. Какой там! Он весь пропитан злобой. С какой низкой яростью говорил он о ничтожном, но добродушном Роберте Рождественском. Он и Вознесенского ненавидит (...); и мне ничего не простил.

3 сентября 1972 г.»

Вот какова была по наблюдениям либерала и юдофила Юрия Марковича Нагибина наша русскоязычная литературная тусовка 60—70-х годов прошлого века, дружно поддерживавшая в октябре 1993 года расстрел демократического парламента.

* * *

В Тбилиси я вел легкомысленный образ жизни и вскоре стал желанным гостем во многих известных домах и своим человеком для многих представителей местной элиты, носивших славные грузинские фамилии.

...Я заходил в гости к седовласому Ладо Гудиашвили, знаменитому художнику, учившемуся в молодые годы живописи во Франции, который угощал меня каким-то редчайшим имеретинским мутноватым вином и водил по своей необъятной, с потолками эрмитажной высоты квартире с затянутыми паутиной потолками, показывая громадные — чуть ли не во всю стену — картины, где были изображены олени с изящно изогнутыми шеями и грузинские красавицы с шеями, не уступавшими по красоте линий шеям оленьим.

По вечерам мы не раз пировали с отпрыском знатного рода Петром Багратиони, автором знаменитой в те годы песни «Тбилисо», которую без конца исполняли во всех ресторанах, благодаря чему ее создатель имел свой столик и открытый счет в такого рода заведениях. Я тоже вносил свою лепту в атмосферу этих кутежей, когда Петр после исполнения его «Тбилисо» выходил на ресторанный подиум и объявлял всему залу, что его русский друг «Стасык» сейчас прочитает стихотворенье «Грузинские тосты», которое написал только вчера после посещения (тут произносилось имя ресторана или духана, в котором мы находились). Делать было нечего — приходилось декламировать и принимать в дар бутылки, плывущие по воздуху от соседних столов:

Давно не доверяющий словам,
звучащим патетично и обманно,
я поднимал доверчиво стакан,
учился говорить высокопарно.

Высокопарно... Высоко парить...
Забывтый смысл угадываю снова,

Учись красноречиво говорить
и как вино, продегустируй слово.

Что говорить? А что придет на ум.
Как говорить? Как на душу положит.
Подковой золотой лежит Батум,
и море это золото полощет.

А север пьет, словами дорожа,
здесь хмурятся, свою судьбу поведав...
на юге тосты ходят не спеша
и азбукою служат для поэтов.

Не торопись. Спокойно постигай
искусство говорить неделовито,
не суетись и сердцем понимай,
что так в горах рождается лавина,

которая смешает все подряд,
а смешивать вино небезопасно
в стране, где птицы высоко парят
и люди говорят высокопарно.

Стихи принимались на «ура» и в ресторане, и на улице, и в уютной квартире Фейгиных.

А утром в мой гостиничный номер стучался отпрыск знатнейшего грузинского рода Тархан-Моурави, узкоплечий, совершенно спившийся, но все равно знаменитый молодой человек с трясущейся головой, покрытой местами редким пухом, и мы шли в хашнюю (где посетители с почтением вставали при его появлении) и восстанавливали расстраченные в ночных кутежах силы при помощи граненой стопки чачи и янтарного хаши, колыхавшегося в грубых глиняных мисках («пейте вдво-воль, пейте двое — одному не надо пить!»).

Пить кофе мы заходили к Додику Давыдову — блистательному фотохудожнику, сделавшему несколько моих портретов, которыми потом я оформлял московские издания своих книг. Меланхоличный Додик владел одной комнатой, но не где-нибудь, а на проспекте Руставели в громадной коммуналке старинного дома. Комната была одновременно его кухней, его спальней, его кабинетом и его фотоателье. Окна комнаты

и днем и ночью были занавешены плотными темно-красными одеялами. В блаженной полутьме Додик чудодействовал при свете красного фонаря над своими ванночками, в которых плавали, постепенно обретая жизнь, то лики заезжих знаменитостей, то изображения грузинских проституток в таких позах, которые не снились ни Ренуару, ни Тулуз-Лотреку. Додик заманивал их к себе, чтобы снять обнаженную натуру и доказать всему миру, что их изображения в его исполнении есть вершина подобного жанра.

* * *

Мой младший друг Сергей Алиханов, с которым я познакомился в Тбилиси полвека тому назад, написал печальную и саркастическую поэму «Плач по Мазурину», который был колоритнейшей фигурой тбилисской жизни шестидесятых годов.

Одно такое произведение существует в русской поэзии: «Плач по Сергею Есенину» Николая Клюева. Не знаю, читал ли Алиханов клюевский шедевр, но в любом случае он сделал все, может быть, сам того не понимая, чтобы лишний раз подтвердить, что рано или поздно трагическая суть одной эпохи отзовется в следующей неизбежным фарсом:

Вы летчик и боксер,
любовник балерин,
защитник, так сказать,
прохожих и витрин.
Вас выпестовал сброд
родного Воронцова.
Все верили:
из Вас получится бандит.
Все думали:
почет и власть Вам предстоит,
но погубило Вас
бессмысленное слово.

О поэте и художнике Гоге Мазурине рассказывали, что после войны он на каком-то боксерском турнире местного масштаба встретился с великим боксером тех времен Николаем Королевым. Но так как их в тяжелом весе было лишь двое, то, когда они оба вышли на ринг, Мазурин, сделав пару движе-

ний перчатками, рухнул на пол перед чемпионом Советского Союза, который не задел его ни единым взмахом. Судья, как и положено, довел счет до десяти, и в результате Мазурин занял в тяжелом весе второе место после великого Королева, получил почетную грамоту, какой-то приз и, что самое главное — долгие годы ореол этой славы мерцал над его головой.

А что касается строки Алиханова «любовник балерин», то мазуринский роман с немолодой, но знаменитой балериной Верой Цигнадзе протекал на моих глазах, когда она приходила в гости к Фейгиным со своим «бойфрендом» и молчаливо проводила вечера за столом, выбирая из вазы тонкими пальцами спелые виноградины и выслушивая тосты в свою честь.

Она приглашала нас в грузинский театр оперы и балета, и я в конце концов написал по просьбе Мазурина стихотворенье, прославляющее Веру в роковой роли несчастной Жизели.

Танцуй, Жизель! Танцуй, пока с тобою
любимый твой! Очерчивай круги,
взлетай над ошарашенной толпою
физическим законам вопреки.
Последний круг. Не будет поворота
обратно в мир. Уносит навсегда
тебя, Жизель, предчувствие полета
в пространство,
в зал,
на сцену,
в никуда.

Кроме «бессмысленного слова» и романов с балеринами Гоги Мазурин увлекся еще одним пагубным проектом: он решил стать знаменитым живописцем и нарисовал темперой на картоне несколько десятков картин, разоблачающих сталинские преступления. Пирамиды черепов, наподобие верещагинских, колонны арестантов, шествующих из лагерных ворот, вышки с охранниками, собаки-овчарки на снегу, тулупы конвойных — со всем этим модным джентльменским набором плакатных ужасов Мазурин отправился в Москву и даже добился выставки то ли в Доме литераторов, то ли на Кузнецком мосту. О выставке что-то лестное было сказано по вражескому «Голосу Америки». Выставку посетил сам Константин Симонов. Шестикратный лауреат Сталинской премии прошелся

по ней с трубкой в зубах, одобрительно покачал головой и исчез. На этом попытка Мазурина ухватить за хвост жар-птицу славы закончилась. Опечаленный Мазурин вернулся со своими картонками в родную Грузию. Я встретил его в Москве перед отъездом сильно пьяного в баре Дома литераторов. Крупный, телесный, с лицом и подбородком, как будто вырубленными из смуглого камня, с гривой черных, жестких, словно конская грива, волос, с манерами неумолимого брачного афериста, он захотел в хрущевскую эпоху задолго до Тенгиза Абуладзе с его «Покаянием» разыграть антисталинскую карту. Но столько тогда появилось игроков более талантливых, более изощренных, нежели этот тифлисский провинциал! Недоумение было написано на его лице: как же так? Вроде приняла его либеральная Москва с распростертыми объятьями и вдруг охладела? Может быть, потому, что картон — материал не для вечности, и писать на нем — все равно, что на заборе?

Мы выпили по рюмке и попрощались без лишних слов, я не стал ему говорить, что его «окна РОСТА» всегда были мне не по душе. Зачем сыпать соль на раны?

А все-таки человек он был незаурядный, послевоенный, простонародный. И не случайно его облик всплыл сегодня в моей стариковской памяти. Может быть, мы с Сергеем Алихановым последние в этом мире, кто помнит о том, что в наше время жил на белом свете обаятельный *enfant terrible*, тифлисский кинто, незадачливый поэт и художник Гоги Мазурин. В алихановском «Плаче» его выставочная эпопея изображена таким образом:

Мазурин! Два часа американский голос
угрюмую Россию просвещал,
с глушилками его волна боролась,
картинам Вашим на сыром картоне
он славу и бесстрашие предвещал.
И Вы свернули в трубочки картины
.....
и канули из выпренной Москвы.
Да, многих прокормило ремесло.
Поэзия загнала в гроб немногих.
К числу забытых, жалких и убогих
принадлежал Мазурин. Но сожгло
его нутро отнюдь не вдохновенье.

Он бросил в воды мутные забвенья
две книжки неотесанных стихов.
В них избылье очень сильных слов.
Он там кричал, в экстаз входил и в раж
и к вечности стремился приобщиться,
а после долго бегал к продавщицам,
скупая в магазинах весь тираж.

Каюсь, что я не читал этих книжек, потому что мы с ним после его неудавшейся попытки завоевать Москву больше не встречались. И что потом стало с его картинами на «сыром картоне», я не знаю. И не знаю, где и когда он был похоронен после своего последнего инфаркта. Но об этом знает Сергей Алиханов.

Мазурин!
Где-то там под зеленью густой.
под праведной, под теплою землей
лежите с миром Вы.
Крест осеняет Вас,
корнями тянутся к Вам сильные растения,
вас посещало в жизни вдохновенье,
Бог миловал, но все-таки не спас.

Последняя строчка, видимо, навеяна Алиханову гениальной лермонтовской эпитафией «На смерть князя Одоевского», умершего в Абхазии:

но свет не пощадил, но Бог не спас...

«Я человек холодного ума», — писал о себе Алиханов, юный очевидец тифлисской жизни тех лет. И он был прав.

* * *

Почти все мои новые тогдашние друзья из грузинского еврейства работали либо в издательстве «Заря Востока», либо в «Мерани».

Впрочем это была традиция, сложившаяся при нэпе, которую Сергей Есенин, гостивший в Тифлисе за год до своей смерти, даже изобразил в шуточном стихотворенье, сочинен-

ном после нелегких, но все-таки увенчавшихся успехом усилий по изъятию из кассы издательства «Заря Востока» гонорара, столь необходимого поэту для существования в разоренном гражданскими распрями городе:

Ирония! Вези меня! Вези!
Рязанским мужиком прищуривая око,
Куда ни заверни — все сходятся стези
В редакции «Заря Востока».

Приятно видеть вас, товарищ Лифшиц,
Как в озеро, смотреть вам в добрые глаза,
Но в гранки мокрые вцепившись,
Засекретарился у вас Кара-Мурза.

Поэт! Поэт!
Нужны нам деньги. Да!
То туфли лопнули, то истрепалась шляпа,
Хотя б за книжку тысячу дал Вирап,
Но разве тысячу сдерешь с Вирапа?

Вот так и я, переводивший для издательств «Заря Востока» и «Мерани» стихи действительно блистательных поэтов — Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Шота Нишнианидзе, Отара Чиладзе, приходил с утра в издательство и начинал выяснять его гонорарные возможности. В первую очередь надо было поговорить с редакторами — Борисом Гассом, Мишей Вайнштейном, Мишей Лохвицким, Аидой Беставашвили, которая была в восторге от того, как я перевел по ее просьбе стихи Георгия Леонидзе. Однажды она выразила свои восторги в письме: *«9 июня 1967 г. Стасик! я пишу о своем впечатлении от переводов Леонидзе. Оно очень сильное, и боюсь, что в письме всего не выразишь. Если в двух словах, то «Есенин», «Солнце Грузии» и «Солнце кровоточащее» — великолепны. А остальные четыре — задумалась, как бы определить их, и тоже решила, что — великолепные, только по-своему, по-другому. В «Есенине» есть такие блистательные вещи, как — «мчатся сани, кони храпят, бубенцы то поют, то плачут, вьюга бесится, дни горят, жизнь гуляет, а юность платит». Или — «Я кричу ему: не спеши в петлю лезть соловьиным горлом». Или конец. Чтобы не переписывать всего стихотворенья, просто поблаго-*

дарю тебя за него и за всю «великолепную семерку». Посылаю «Ниноцминду», помня о том впечатлении которое произвело чтение его на встрече с институтом литературы <...> Еще посылаю 3 стиха Отара, как всегда прекрасных. Книгу твою «Метель заходит в город» девицы мне зачитали вконец, пропагандирую я Вас изо всех сил и не без успеха. А впрочем, слава Ваша в этом не очень и нуждается, Все наши — и Миша, и Майя, и Камилла кланяются тебе. Большой привет от Марики Чиковани. Она готовит для тебя много подстрочников по-смертных (и чудесных!) стихов Симона, которые должны выйти отдельной книгой. Пиши, переводы, присылай.

Аида».

Вскоре она переехала в Москву и после дискуссии «Классика и мы» перестала со мной здороваться. Sic transit gloria mundi! Римляне — правы. А переводил я не жалея времени и вдохновения, настолько хорошо, что грузины в конце концов оказали мне высшую честь, издав в Тбилиси книгу, из трех разделов: мои собственные избранные стихи, мои стихи о Грузии и мои избранные переводы из грузинских поэтов. «Золотые холмы» вышли в блистательном оформлении тиражом в 7 тысяч экземпляров, издательство было передо мной в долгу, и главная моя задача теперь заключалась в том, чтобы получить гонорар и расплатиться за гостиницу, где администраторы уже хмуро поглядывали на безнадёжного должника.

Когда я узнавал от моих еврейских «агентов», что деньги в издательской кассе есть, то смело шел в кабинет директора издательства Карло Каладзе. Он сидел за дубовым письменным столом, обрамленный короной седых, падающих на плечи кудрей, похожий телом на огромный бурдюк. Его тучное тело — в поясе не менее чем в два обхвата. Когда Карло выходил из-за стола, оно опиралось на две коротеньких ножки.

— А, Станислав, ну рассказывай, с кем выпивал вчера, где гуляли? Смотри, будь начеку с нашей молодежью — с Резо Амашукели, с Гурамом Асатиани, тебе, москвичу, перепить их невозможно!

— Карло Ражденович! — вклинивался я в его монолог, — за гостиницу задолжал, в буфете в долг питаюсь. Ну и приходится ужинать за счет грузинских поэтов. Сегодня уже приглашен на ужин в «Белый духан» братьями Чиладзе. А там ведь без вина не поужинаешь. Подпишите, батона Карло, распоря-

жение в кассу! — Но хитрый Карло, который ждал от меня перевода его поэмы о создании колхозов в Грузии, являвшейся, на мой взгляд, скверной копией «Страны Муравии» Александра Твардовского, всячески избегал разговора об авансах, пока я не закончу перевод. Когда я приносил ему очередную главу и читал ее вслух, Карло молча слушал, вытирая пот, катившийся с его красного разгоряченного лица, потом протягивал руку, брал мои странички, сопя, читал их, медленно шевелил губами, потом делал скорбное лицо:

— У Пастернака лучше! — и печально замолкал, как бы забывая о моих финансовых притязаниях. А дело заключалось в том, что в 30-е годы, на мою беду, одну из глав поэмы перевел Борис Пастернак, и с той поры Карло браковал все попытки перевести его эпохальную поэму на русский язык. Но я решил покончить с этим пастернаковским комплексом:

— Батоно, почему у вас такое красное лицо?

— Давление, Станислав, давление! — горестно вздыхал Каладзе.

— Борис Леонидович Пастернак, — жестоко продолжал я, — умер, и нового Пастернака с таким давлением Вы не дождетесь. Я перевел поэму не хуже его. Подписывайте платежку, Карло Ражденевич!

Окончательно раздавленный моими доводами, папа Карло дрожащей рукой поставил на платежке закорючку и протянул мне листочек.

— В кассу? — радостно спросил я.

— Нет, кинто, — горестно уточнил папа Карло, — к Марку Израилевичу!

Марк Израилевич был точь-в-точь клоном или ближайшим родственником финансового министра из «Зари Востока», которому посвятил стихи Сергей Есенин. Он покрутил платежку перед близорукими глазами, ощупал ее, понюхал, словно не веря, что его директор совершил такую грубую ошибку, допустив меня к кассе. Потом, видимо, убедившись, что перед ним не фальшивое авизо, а подлинный документ, черкнул на платежке свою закорючку и поднял от стола лучезарный лик, обрамленный, как у Каладзе, венчиком белоснежных прядей, и, словно награждая меня орденом, привстал, протягивая мне платежку:

— Поздравляю вас, молодой человек! Идите в кассу! — и снова уложил свое тело, очертаньями повторявшее тело Ка-

ладзе, в кресло. Субординация была соблюдена — Карло Ражденович царствовал, а Марк Израилевич управлял, будучи одновременно министром финансов у подножия царского трона.

* * *

Однажды осенью мы вместе с Гурамом Гвердцители, Гурамом Асатиани и Борей Гассом, прослышав, что в Ереване открылась выставка модного в интеллектуальных кругах художника Роберта Фалька, уселись в «Волгу» и покатали к Пушкинскому перевалу.

Ехали весело, останавливались в придорожных забегаловках, закусывали армянский коньяк севанской форелью и потому едва-едва успели на выставку. Потом, правда, заглянули в мастерскую Мартироса Сарьяна, а ночевать — поскольку в ереванских гостиницах для гостей из Грузии не нашлось места — нам пришлось в пустующем Доме творчества в селении Цахкадзор... Я подзабыл подробности этой поездки, но, к счастью, недавно мне попала в руки книга Бориса Гасса, изданная в Лондоне, где он вспоминает:

«Всю ночь мы резались в карты и пили коньяк.

Утром Стасик Куняев, которому «опостытели эта Армения и мытарства», улетел в Москву. Ну а мы помчались домой, в Тбилиси.

Вскоре я получил от Куняева почтой книгу со стихом, написанным на форзаце от руки:

Я помню, помню, Боря Гасс,
Я видел это сам воочию,
Как выжимал ты полный газ
В Армении осенней ночью.

Армянский национализм
Нам, правда, кое-что испортил,
Но мы всю ночь рубились в покер
И пили... Словом, не сдались.

Меня тогда резанул его шовинизм по отношению к армянскому чувству национальной гордости, но кто мог предположить, что эти искорки разгорятся в пламя антисемитиз-

ма и приведут С. Куняева в «Огонек»? Впрочем, Василий Аксенов как-то при мне назвал его охотнорядцем. В результате оба они ходили с синяками под глазом...

Многое сходит с рук в общем-то серенькому парню и посредственному поэту Станиславу — даже то, что взятые им напракат у М. Светлова слова «добро должно быть с кулаками» прославили не автора, а Куняева...»

Смешно, конечно, что Гасс увидел в моем шуточном стишке «шовинизм по отношению к армянской национальной гордости», стилистику оставляю на совести автора, как и его комментарий к нашей ссоре с Аксеновым, которая на самом деле выглядела так: как-то с утра грузинские поэты подъехали к нам в гостиницу и уговорили «поправить головы» — съесть по горячей миске хаши и выпить по стаканчику чачи. Мы спустились на первый этаж в ресторан, который был еще закрыт. Но для желанных гостей... Словом, вскоре мы сидели в громадном пустом зале и подымали тосты друг за друга.

Василий Аксенов, сидевший напротив меня, быстро захмелел и совсем некстати, вспомнив московскую жизнь, начал ругать моего друга Анатолия Передреева, имя которого почему-то возникло за столом. И что поэт он раздутый, и что пьяница и хам, и антисемит... и вообще, — вдруг, распалив себя до предела, заключил Василий Павлович, — вы все любимцы черносотенного ЦК — и Передреев, и Кожинов, и Фирсов! Все вы там днюете и ночуете!

Увидев, что грузинские поэты внимательно слушают его речь и что-то мотают себе на ус, я сразу отрезвел и перебил Аксенова:

— Знаешь, Вася! Ни Передреев, ни я в ЦК дорогу не знаем. Но я допускаю, что если Володя Фирсов идет к Суслову с парадного входа, то в это же время Евтушенко или ты с черного хода от Суслова выходите!

Взбешенный Аксенов перегнулся через стол и попытался вlepить мне пощечину. Но я был трезвее — успел уклониться, а мой ответный удар оказался более точным.

Падая со стола, зазвенели тарелки и бокалы. Соображая, что завтрак окончен и что надо избежать окончательного и крупного скандала, я рывком поднялся из-за стола и пошел через зал к выходу. Аксенов, вырвавшись из волосатых рук Бори Гасса, бросился за мной вдогонку. Я уже был у входной двери и мог бы уйти, чтобы избежать скандала, но на нас гля-

дели ошеломленные грузинские поэты, и я понял, что сегодня же весь город узнает, что Станислав Куняев убежал от Аксенова! Я развернулся спиной к стене ресторана, обитой коричневым дерматином, и тут же мне пришлось, как боксеру, уклониться от аксеновского кулака раз-другой, одновременно отвечая ему своими мгновенно воскресшими приемами уличной драки. Когда подбежавшие грузинские друзья разняли нас, синяков и ссадин на его лице было все-таки больше, чем на моем. Вечером нам обоим нужно было выступать в драматическом театре. Дабы спасти положение, жена Окуджавы Оля по просьбе Булата позвала нас к себе и умело при помощи крема и пудры заштукатурила все повреждения на наших лицах.

...Когда мы прилетели с Васей в Москву, то тут же во Внуково двинулись в буфет, взяли бутылку коньяку и долго изливали друг другу душу, мирились, обнимались... Но, конечно же, трещина между нами с того тбилисского утра постепенно становилась все шире и шире.

* * *

Однажды в разговоре с Межировым я заметил, что Грузии повезло, поскольку в ее литературной элите немало образованных и талантливых представителей еврейского племени, выросших в грузинскую почву.

В ответ Александр Петрович даже с некоторой гордостью добавил, что и в жилах Багратидов была еврейская кровь, и потому грузинская община одна из самых древнейших на Кавказе.

У Межирова как раз незадолго до моего появления в Тбилиси вышла в издательстве у Марка Златкина толстая книга — стихи о Грузии и переводы из грузинских поэтов. На обложке был изображен автор — с крупными губами, курчавой складкой волос, с узким миндалевидным глазом от переносицы до уха... Словом, это бы почти наскальный рисунок в профиль древнего египтянина из Долины Царей. Рисовал Межирова модный в те годы художник Юрий Васильев, который до предела выявил семитскую сущность персонажа, что, конечно, не было случайным капризом художника. Этим изображением художник как бы посылал знак грузиноязычной еврейской интеллигенции, чтобы она понимала, кто есть кто, после чего Александр Петрович стал в Грузии своим человеком...

А то, что грузинские евреи народ начитанный, я понял, когда румянощекий, усатый Боря Гасс, увидев в моем гостиничном номере Цветаевский сборник «Лебединый стан», подаренный мне в Москве одним американским филологом (впоследствии оказавшимся сотрудником ЦРУ), ахнул от восторга, и я, знавший, что если уж что дарить, то такое, чтобы самому было жалко, протянул ему драгоценную книжечку и щедро, по-грузински, сказал: «Дарю!» Боря прижал сборник к сердцу и тут же побежал в буфет за коньяком, чтобы сделать дарение необратимым фактом.

...А с Фейгиными — Эммой и Симой последний раз мы встретились в Дубултах, в середине 80-х годов, когда советский корабль, расшатанный усилиями многих его пассажиров, уже скрипел вовсю и кое-где в нем появлялись течи. Семья Фейгиных уже знала про мои художества на дискуссии «Классика и мы» и о письме в ЦК по поводу «Метрополя», да и я знал, что их любимый племянник Марик стал диссидентом и то ли уехал, то ли собирался уехать в Израиль. Тем не менее, мы обменялись грустными улыбками, я купил арбуз, навестил их в номере, мы съели арбуз, вспоминая о лучших временах. Разговаривал я лишь с Симой, Эма говорить не мог, у него был рак горла, мы обнялись и расстались, понимая, что больше не увидимся никогда.

* * *

«Воспоминая прихотливо», как писал Владислав Ходасевич, и всех грузинских евреев я сегодня вспоминаю с нежностью. И молчаливого волшебника Додика, который прожил жизнь в комнатке с окнами, занавешенными байковыми одеялами; и художника, надменного Владимира Мощенко, о котором Межиров написал: *«а у Мощенко шахматный ум, он свободные видит поля»*; и похожего на пингвинчика с усиками Гию Маргвелашвили, златоуста, тамаду, красная; и Марка Израилевича Златкина — скупого рыцаря издательской кассы, оберегавшего нас от мотовства и неуважения к твердой советской валюте; и даже Бориса Гасса, как бы скверно он ни отзывался обо мне в своих мемуарах, за его благоговение перед обликом Марины Цветаевой. И, конечно же, мне мил Георгий Мазурин — человек неизвестной национальности, в белой рубашке, с грудью, увитой черным курчавым волосом, похожий в про-

филь на вепря, с тяжелым золотым перстнем местной работы на толстом безымянном пальце левой руки.

Воспоминанье прихотливо... Начал я эту главу размышлениями о противоестественной вспышке антисемитизма в Тбилиси, когда отряд центурионов, словно стая коршунов, набросился на толпу несчастных демократов, объединенных именем Бадри... Бедный Бадри не выдержал такого надругательства над своим именем в родном Тбилиси и умер от огорчения в туманном Альбионе. А теперь над его наследством, как коршун, кружит бывший его партнер, а ныне оголодавший хищник Борис Березовский...

Ну добро бы холопы Саакашвили обвинили Бадри, в чем он действительно виноват: в преступной приватизации, в присвоении совместно с Березовским общенародной собственности и т. д. Но нет, это справедливое обвинение не интересовало грузинских опричников: они обвинили Бадри-Аркадия в том, в чем нельзя обвинять человека: поиздевались над его происхождением, с криками «Урия!», «Жид!», «Жидовская мать!»... Бедная Грузия... Бедные Багратиды... Бедный Бадри...

А то, что грузинские евреи народ начитанный, я понял, когда румянощекий, усатый Боря Гасс, увидев в моем гостиничном номере цветаевский сборник «Лебединый стан», подаренный мне в Москве одним американским филологом (впоследствии оказавшимся сотрудником ЦРУ), ахнул от восторга, и я, знавший, что если уж что дарить, то такое, чтобы самому было жалко, протянул ему драгоценную книжечку и щедро, по-грузински, сказал: «Дарю!» Боря прижал сборник к сердцу и тут же побежал в буфет за коньяком, чтобы сделать дарение необратимым фактом.

...А с Фейгиными — Эммой и Симой последний раз мы встретились в Дубултах, в середине 80-х годов, когда советский корабль, расшатанный усилиями многих его пассажиров, уже скрипел всюду и кое-где в нем появлялись течи. Семья Фейгиных уже знала про мои художества на дискуссии «Классика и мы» и о письме в ЦК по поводу «Метрополя», да и я знал, что их любимый племянник Марик стал диссидентом и то ли уехал, то ли собирался уехать в Израиль. Тем не менее, мы обменялись грустными улыбками, я купил арбуз, навестил их в номере, мы съели арбуз, вспоминая о лучших временах. Разговаривал я лишь с Симой, Эма говорить не мог, у него был рак горла, мы обнялись и расстались, понимая, что больше не увидимся никогда.

* * *

«Воспоминанье прихотливо», как писал Владислав Ходасевич, и всех грузинских евреев я сегодня вспоминаю с нежностью. И молчаливого волшебника Додика, который прожил жизнь в комнатке с окнами, занавешенными байковыми одеялами; и худого, надменного Владимира Мощенко, о котором Межиров написал: *«а у Мощенко шахматный ум, он свободные видит поля»*; и похожего на пингвинчика с усиками Гио Маргвелашвили, златоуста, тамаду, краснобая; и Марка Израилевича Златкина — скупого рыцаря издательской кассы, оберегавшего нас от мотовства и неуважения к твердой советской валюте; и даже Бориса Гасса, как бы скверно он ни отзывался обо мне в своих мемуарах, за его благоговение перед обликом Марины Цветаевой. И, конечно же, мне мил Георгий Мазурин — человек неизвестной национальности, в белой рубашке, с грудью, увитой черным курчавым волосом, похожий в про-

филь на вепря, с тяжелым золотым перстнем местной работы на толстом безымянном пальце левой руки.

Воспоминанье прихотливо... Начал я эту главу размышлениями о противоестественной вспышке антисемитизма в Тбилиси, когда отряд центурионов, словно стая коршунов, набросился на толпу несчастных демократов, объединенных именем Бадри... Бедный Бадри не выдержал такого надругательства над своим именем в родном Тбилиси и умер от огорчения в туманном Альбионе. А теперь над его наследством, как коршун, кружит бывший его партнер, а ныне оголодавший хищник Борис Березовский...

Ну добро бы холопы Саакашвили обвинили Бадри, в чем он действительно виноват: в преступной приватизации, в присвоении совместно с Березовским общенародной собственности и т. д. Но нет, это справедливое обвинение не интересовало грузинских опричников: они обвинили Бадри-Аркадия в том, в чем нельзя обвинять человека: поиздевались над его происхождением, с криками «Урия!», «Жид!», «Жидовская мать!»... Бедная Грузия... Бедные Багратиды... Бедный Бадри...

XVI

КОСМАТЫЕ СЕРДЦА

«Поразило нас то, что мы менее всего ожидали встретить в еврейской среде — жестокость, садизм, насильничанье, казалось чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов»

Д. Пасманик. «Россия и евреи»

В глубинах явления, именуемого Холокостом, таится множество исторических, политических, религиозных, этнических, психологических и прочих загадок. Не всем участникам этой бесконечной драмы выгодно, чтобы они были разгаданы. Потому-то Холокост объявляется событием, не подлежащим изучению и осмыслению. Однако все тайное рано или поздно становится явным. Вот так постепенно проявляется одна из самых странных и зловещих тайн Холокоста, которую исследовал еще в 70-х годах прошлого века немецкий историк Хеннеке Кардель в книге «Адольф Гитлер — основатель Израиля», переведенной на русский язык и опубликованной у нас в 2004 году крошечным тиражом.

После издания этой книги в Женеве автор неоднократно привлекался к суду со стороны еврейских организаций, но выиграл все судебные процессы, поскольку подтверждал в судах документами все спорные выводы своего исследования.

Хеннеке Кардель, подполковник вермахта в отставке, кавалер Железного креста, воевал в составе германских войск на Восточном фронте, побывал в советском плену, а после войны, задумавшись о ее причинах и тщательно изучив европейские архивы, сделал парадоксальный вывод о том, что многие вожди гитлеровского рейха, прославившиеся своими антисемитскими взглядами и ратовавшие за чистоту германской расы, на самом деле были сами отнюдь не «арийского», а в той

или иной степени семитского происхождения, и что их политика в 30-е годы прошлого века преследовала одну цель — вытеснение восточноевропейского еврейства в Палестину.

С этой точки зрения эпоху Третьего рейха и Холокоста истолковывали Иохим Фест в книге «Гитлер» (1973 г.), Б. Енгельман «Германия без евреев» (1970 г.), а также многие историки послевоенной Европы, такие как Конрад Хайден, Ганс Франк, Август Кубичек, Хельмут Хайдер, Ганс Циглер, и особенно Дитрих Брондер, профессор и доктор исторических наук, руководитель безрелигиозных еврейских общин Германии, издавший в 1975 г. в Швейцарии книгу «Bevor Hitler Kom» («До прихода Гитлера»), из которой значительную часть информации взял для своего исследования Х. Кардель.

В этом же ключе написаны книги американских историков еврейского происхождения Вальтера Лангера «The Mind of Adolf Hitler» и Вилли Фришауера «Himmler» (NY, 1962). Для советской «интернациональной» идеологии эта информация была крайне нежелательной. Подобные книги не переводились, не упоминались в исследованиях историков, и вообще вся тема находилась под цензурным запретом, что объяснялось особым характером создания высших эшелонов советской власти, начиная с первых лет ее существования: табу на тему «кремлевские жены», на семейную жизнь генсеков, на родословное древо Владимира Ильича Ленина было обязательным.

Вспомним хотя бы, какой скандал вспыхнул в 30-е годы, когда Мариэтта Шагинян, собирая исторический материал для книги о вожде, «вдруг» обнаружила, что по материнской линии он происходит из еврейско-немецкой семьи Бланков! Скандал этот был моментально задавлен, и «табу» восстановлено.

Смешно сказать, но об одной шестнадцатой «не русской» крови в жилах Пушкина знал каждый любопытный школьник, но о Владимире Ленине этого знать было нельзя.

Поэтому такого рода знания и о гитлеровской верхушке не приветствовались в советской исторической литературе, как и тема «еврейского антисемитизма» в эпоху Третьего рейха.

За 10 лет до появления книги Карделя Ханна Арендт вплотную подошла к исследованию «антисемитизма» евреев, когда в очерках о процессе Эйхмана писала:

«Роль еврейских лидеров в уничтожении своего собственного народа — это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории. В Амстердаме и в Варшаве,

в Берлине и в Бухаресте нацисты могли рассчитывать на то, что еврейские функционеры составят списки лиц и опись имущества, добудут деньги на депортацию и уничтожение у самих депортируемых, возьмут на учет освободившиеся квартиры и предоставят полицию, чтобы помогать хватать евреев и запикивать их в поезда... То, что в лагерях смерти прямую помощь при уничтожении жертв оказывали обычно еврейские командиры, этот сам по себе известный факт полностью подтвержден свидетелями на процессах: как зондеркоманды работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы у трупов и отрезали волосы, как они рыли могилы, а позже снова разрывали те же могилы, чтобы скрыть следы массовых убийств, как еврейские техники строили газовые камеры в Терезиенштадте, которые, правда, не были использованы, как еврейская «автономия» дошла до того, что сама стала палачом евреев» («Эйхман в Иерусалиме», 1964 г.)

Это — страшные картины. Однако то, о чем пишет Хеннеке Кардель, по-своему и таинственнее и страшнее.

Если верить генеалогическим изысканиям Карделя и других европейских историков, на труды которых он ссылается, то почти у всех верховных жрецов Третьего рейха в жилах текла «не арийская» кровь. **«После смерти президента Гинденбурга у рычагов власти в Берлине не осталось ни одного человека, который не имел бы примеси еврейской крови»** (Х. Кардель, стр. 126).

Сам фюрер, как сообщают многие источники, являлся по материнской линии внуком австрийского еврея Франкенбергера (с. 20).

Йозеф Геббельс, министр нацистской пропаганды, был, оказывается, «потомок испано-голландских евреев, которого в школе дразнили раввином» (с. 90).

«...Рудольф Гесс, сын английской еврейки, получивший английское воспитание в Египте, имевший хорошие связи с высшей английской знатью. Только он мог бы договориться с Черчиллем».

При анализе этих тесных связей между гитлеровским движением и западными евреями заслуживает внимания начало политической карьеры будущего «заместителя фюрера» Рудольфа Гесса. На войне (1914—1918 г. — Ст. К.) «он был летчиком, после войны стал в Мюнхенском университете ассистентом профессора политэкономии Хаусхоффера, католика еврейского происхождения, женатого на еврейке. Гесс и Ха-

усохоффер были членами Общества Туле. Гесс составлял тогда программу партии, а пункт 1 гласил: «Партия является антисемитской» (с. 75—77).

«В политическом руководстве Гитлера был силен элемент с еврейской примесью среди тех, кто занимался борьбой с евреями и их уничтожением. И генерал СС Эрих фон дем Бах-Зелевский, возглавлявший борьбу против партизан, и генерал СС и бывший гауляйтер Вены Одиль Глобочник, «истребитель евреев», были люди с примесью еврейской крови» (с. 206).

«Когда война стала войной на два фронта и тем самым была проиграна, Гитлер поручил своему ближайшему сподвижнику, начальнику полиции Рейнхарду Тристину Ойгену Гейдриху, отец которого первоначально носил фамилию Зюсс и о котором Гиммлер говорил, будто он «преодолел в себе еврея», заняться так называемым окончательным решением еврейского вопроса» (с. 8).

«Повешенный в Нюрнберге генерал-губернатор Польши полуеврей Ганс Франк, во времена борьбы за власть юрисконсульт Гитлера, в своей опубликованной позже книге «Перед лицом виселицы» ясно дал понять, что знал о еврейском происхождении Гитлера... Его ненависть к евреям, возможно, обусловлена психозом ненависти к собственной крови» (с. 14, 99).

«Адмирал Канарис, руководитель немецкой военной разведки и заручежного шпионажа, вмешался во внутреннюю политику и предложил, чтобы все оставшиеся в рейхе евреи носили желтую шестиконечную звезду, как им предписывалось в разных странах в средние века. Эту идею он развил однажды в саду у соседа <...>. Соседа звали Рейнхард Гейдрих. Он с воодушевлением воспринял идею Канариса <...>. Он сделал и кое-что еще: приказал прикрепить к некоторым скамейкам в парках надписи: «Только для евреев». Оба шефа секретных служб знали, что каждый из них хранит досье о еврейском происхождении другого в несгораемом шкафу» (с. 150).

В элите итальянского фашизма, как сообщает историк В. Вулич («В плену фикций», журнал «Вече», № 37, 1990), также состояли евреи: теоретик партии Ариас, основатель римской парторганизации Рокка, министр внутренних дел Финци. Более того, любовницей Бенито Муссолини была журналистка Маргарита Сарфатти, «которую называют духовной матерью итальянского фашизма <...>. Она родилась в богатой еврейской семье в Венеции <...> познакомившись с Муссолини,

сыграла важную роль в его превращении из социалиста в лидера фашистского движения, будучи его имиджмейкером, психоаналитиком, автором его зажигательных речей и редактором официального журнала, рупора движения» (русскоязычная газета «Форум», № 288, 2010. Нью-Йорк).

Холокост, конечно же, стал (при всех спорах об окончательных цифрах) одной из самых массовых «этнических чисток» в истории человечества. И тому способствовали два обстоятельства: преодоление элитой гитлеровского рейха «своей еврейской составляющей» и, конечно же, непримиримое отношение цивилизованных западных евреев к своим восточным родственникам.

* * *

Но здесь необходимо сделать отступление от гитлеровских времен в XIX век. Во время наполеоновских войн, пламенных и бурных, словно вешние грозы, Европа в считанные мгновения истории освободилась от последних пут средневекового бытия. Наступил век буржуазных революций во Франции, в Италии, в Австро-Венгрии, век мощного объединения Германии в бисмарковское государство и в конечном счете век окончательного освобождения европейского еврейства от всякого рода ограничений и притеснений. Более того, с утверждением банковской династии Ротшильдов, которые, по меткому определению Рихарда Вагнера, имея возможность быть «королями банкиров», предпочли стать «банкирами королей», а также с выходом на историческую арену Карла Маркса с его «Манифестом», с националистическим ответом марксисту Теодора Герцля и его соратников по сионизму с возникновением социал-демократии и «жидо-большевизма» (по словам Гитлера) стало ясно: ближайший ход мировой истории будет во многом зависеть от того, как человечество совладеет со всеми этими тектоническими сдвигами, скоростноно родившимися, словно близнецы, из темной и, казалось бы, уже бесплодной утробы еврейства. Через две тысячи лет после появления христианства еврейство снова властно вышло на поверхность мировой жизни. Однако, как ни парадоксально, это триумфальное появление на авансцене истории одновременно рождало из среды самого еврейства немало пророков, высту-

павших с самыми мрачными прогнозами относительно судеб «избранного народа».

Вениамин Дизраэли, будущий британский лорд Биконсфильд, не раз предупреждал своих современников о том, какую роковую роль в разрушении европейской жизни играют ашкенази — восточноевропейские местечковые революционеры. **«Эта мощная революция развивается полностью под еврейским руководством <...>. Во главе всех тайных обществ стоят люди еврейской расы».** Однако на пути этой революционной силы стояло сословие европейских ассимилированных евреев сефардов, о которых знаменитый в свое время американо-английский писатель Дуглас Рид в книге «Спор о Сионе» пишет так:

«Начиная с Французской революции жившие во Франции евреи постоянно предостерегали против пришельцев с Востока, провоцировавших вечные беспорядки и столкновения с коренным населением в Эльзасе; евреи сефарды противились этому злomu поветрию, дувшему с Востока. Уравнение в правах сняло с них многочисленные ограничения, и они рисковали потратить все полученное, если бы «разрушительный принцип», принесенный с Востока талмудистской сектой евреев-ашкенази, остался победителем в своей войне против христианской Европы. Предостережения Дизраэли были обращены именно к ним, возможно, в еще большей степени, чем к христианам».

Дизраэли был не одинок в своих опасениях. Следующее поколение европейских мыслителей было куда более решительным. Чистокровный ариец, «сумрачный германский гений» Фридрих Ницше и еврейский вундеркинд Отто Вейнингер, живший в Австрии при молодом Гитлере, волею судеб объединились в общей ненависти и к еврейству и к христианству, что объективно аукнулось через несколько десятилетий и способствовало практике Холокоста. Семидесятилетний Ницше умер в 1906 году, а двадцатитрехлетний Вейнингер покончил с собой в 1903-м.

Главные книги каждого из них — «Пол и характер» Вейнингера и «Антихрис» Ницше — сразу же стали культовыми книгами и европейской и русской интеллигенции. Оба они и при жизни и после смерти были ее кумирами. Оба они, каждый по-своему, создали в Европе культ сверхчеловека, властно завладели душами евреев и немцев и определили во многом ход мировой мысли на несколько десятилетий вперед. Книга

Ницше была издана в России невероятными для того времени тиражами, книга Вейнингера лишь за первые пять лет после самоубийства автора выдержала 10 изданий.

«В страницах его книги, — писал в предисловии к одному из них модный критик А. Вольнский (Флексер), — целым пожаром горит та мучительная психология, которая так естественна для еврея, критикующего свой народ. Это одна из самых «своеобразных» философий антисемитизма».

О Христе ариец Ницше говорит с ненавистью верховных жрецов иудейского Синдериона, словами средневековых талмудистов и местечковых раввинов:

«Этот святой анархист, призывавший чернь, отверженных и «грешников», чандалу иудейского народа, восстать против господствующего порядка языком, который, если можно верить евангелиям, и нынче привел бы в Сибирь, был политическим преступником... Это и привело его к кресту <...>. Он умер за свою вину, — нет ни одного довода за то, что он умер за вину других, сколько бы ни утверждали это».

Роднит Ницше с отцами сионизма и отношение к слабым мира сего, к «сухим ветвям» племени, которых можно принести в жертву.

«Нет ничего более нездорового в нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом — это наше дело, это наш вид человеколюбия, это делает нас философами, гиперборейцами».

Ну как тут лишний раз не вспомнить высказывания одного из отцов-основателей сионизма о том, что *«еврейская кровь — хорошая смазка для создания еврейского государства в Палестине»?*

Конечно же, такая сионистско-арийская идеология изначально была враждебна православной основе русской культуры со всеми ее великими именами, и Ницше с его хищным мышлением прекрасно чувствовал это:

«Странный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, — мир словно из русского романа, где как будто происходит rendez-vous отбросов общества, нервных страданий и детского идиотизма...» «Можно пожалеть, что вблизи этого интереснейшего декадента не жил какой-нибудь Достоевский».

Именно такими же образами оперируют талмудические тексты о Христе, как о «сновидце», «больном еретике», «идио-

те»; именно поэтому первое поколение победивших после 1917 года литературных прокуроров вроде Виктора Шкловского и Емельяна Ярославского призывало общество к суду над Достоевским; наверное, поэтому прямой духовный потомок этих «суперменов» Анатолий Чубайс недавно не выдержал и проговорился, что он ненавидит автора романов «Идиот» и «Братья Карамазовы»... Может быть, в припадке гордыни в образе Смердякова он узнал себя...

Еврей Отто Вейнингер был по отношению к соплеменникам куда более жесток, нежели ариец Фридрих Ницше.

«Кто ненавидит еврейскую сущность, ненавидит ее прежде всего в себе самом» («Пол и характер», стр. 374).

«В Ветхом Завете отсутствует вера в бессмертие. У кого нет души, тот не может чувствовать потребность в бессмертии» (там же, стр. 386).

Однако беспощаднее всех — и Дизраэли, и Ницше, и Вейнингера — был Рихард Вагнер, чьи взгляды, изложенные в работе «Еврейство в музыке», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1908 году, до сих пор вызывают в еврейской среде нешуточные страсти, хотя бы потому, что сам Вагнер был полукровкой.

«Вагнер однажды признался во время прогулки философу Ницше: его отчим актер; еврей Людвиг Гейер — его настоящий отец. <...> Как и Вагнер, Гитлер тоже будет бороться с еврейским началом в себе и преодолеет его. Могила Вагнера в Байрейте и позже оставалась для Гитлера местом паломничества. А его будущий главный идеолог Розенберг, сын еврея, иммигрировавшего в Швецию, превратится в Прибалтике в арийца и будет торжественно вещать: «Байрейт — это завершение арийской мистерии» (Х. Кардель, стр. 25).

Не случайно несколько лет назад в Израиле разразился большой скандал, когда один немецкий дирижер приехал на гастроли в Израиль с репертуаром из произведений Вагнера... Одни еврейские меломаны приветствовали эти гастроли, другие шумно протестовали. До сегодняшних дней одна часть образованного еврейства ненавидит Вагнера, другая обожает его «нордическую суперменскую сущность».

Многие мысли Рихарда Вагнера, вульгарно понятые, впоследствии стали руководством к действию для Гитлера, если вспомнить, что он жаждал переселить восточноевропейское еврейство в Палестину:

«В религии евреи давно уже наши закоренелые враги. А в чистой политике мы, хотя и не приходили с ними в столкновение, но всегда готовы предоставить им основание нового царства в Иерусалиме» (Р. Вагнер. «Еврейство в музыке». СПб., 1908 г.).

И конечно же, самая опасная мысль Вагнера о необходимости «изживать из себя еврейство» была взята у него гитлеровским истеблишментом для ее буквального исполнения и воплощения:

«Для еврея сделаться вместе с нами человеком значит прежде всего перестать быть евреем <...>. Такое спасение не достижимо в довольстве и в равнодушном холодном удобстве. Оно стоит тяжких усилий, нужды, страха, обильного горя и боли.

Принимайте же не стесняясь, мы скажем евреям, участие в этой спасительной операции, так как самоуничтожение возродит вас! <...> Только это одно может быть вашим спасением от лежащего на вас проклятия, так как спасение Агасфера — в его погибели».

Ницше, и Вейнингер, и Вагнер в своих размышлениях о судьбах еврейства играли с огнем, не зная, конечно, что это будет огонь Холокоста. Но их откровения нашли благодарную аудиторию.

Западноевропейская апостасийная, а по сути антихристианская интеллигенция с жадностью проглотила сочинения Ницше, Вейнингера, Рихарда Вагнера. Захмелевшая, очарованная диктаторской страстностью стиля, ядовитой смесью опасной правды и притягательной площадной лжи, она восприняла их как новых молодых пророков дряхлой Европы. Наша русская интеллигенция вслед за европейской — лишь бы не отставать от Запада! — тут же бросилась в бездну этих соблазнов, не смущаясь ни площадной вульгарностью, ни провокаторской энергией этих незаурядных умов. Религия сверхчеловека одурманила головы целого поколения и подготовила Европу к усвоению гитлеровской «Моей борьбы» и розенберговского «Мифа XX века». Но, слава богу, на этом этапе мы уже были отгорожены от коричневых соблазнов Европы советской цензурой и железным занавесом.

Не случайно же, размышляя о Вагнере, Отто Вейнингер, который, видимо, обладал незаурядным провидческим даром, предсказал явление фюрера немецкому народу.

«И другому человеку, еще более великому, чем Вагнер, дано будет преодолеть в себе еврейство, прежде чем он найдет свою миссию» (О. Вейнингер, стр. 376).

Однако, в отличие от Ницше, Вейнингер не порывал до конца с христианством, надеясь, что этот будущий спаситель Германии от фарисейского еврейства будет опираться на опыт Христа:

«Христос тот человек, который преодолевает в себе сильнейшее отрицание — еврейство, и тем самым создает сильнейшее утверждение — христианство, как самую крайнюю противоположность еврейства» (О. Вейнингер, стр. 406). Подобная маниакальная иллюзия своего мессианства всегда владела сознанием Гитлера. Еще не ставший кумиром Германии, 18 декабря 1926 года на празднике Рождества Христова в одной из мюнхенских пивных он вещал:

«Рождение Человека, которое празднуется сегодня, имеет для нас, национал-социалистов, огромное значение. Христос был нашим величайшим предшественником в борьбе против еврейского всемирного врага. Он был величайшим бойцом, какой когда-либо жил на земле. Дело, которое Христос начал, но не закончил, я доведу до конца <...>».

Целью галилеянина было освободить свою страну от еврейского гнета» (Х. Кардель, стр. 180).

Вот так в большом пропагандистско-плебейском сознании «мессии» национал-социализма Царство Божие, которое должно зарождаться в душах человеческих и по Евангелию быть «не от мира сего», обретало зловещие очертания будущего «тысячелетнего третьего рейха». А в 30-е годы это обернулось полным шизофреническим раздвоением личности: гитлеровское, «арийское» окружение, с одной стороны изображало себя борцами за чистоту нордической расы, с другой же, будучи с «прожидью» и, осознавая втайне присутствие в самих себе еврейской крови, оно тешило себя тем, что если в нем есть еврейская кровь — то лучшая, «голубая», сефардская, а не какая-то восточная, хазарская, грязная.

* * *

Более подробное и тщательное изучение генетических комплексов Холокоста открывает исследователям еще одну тайну «еврейского антисемитизма». Оказывается, что мировое

еврейство отнюдь не однородный организм, как это нередко кажется представителям других народов. Оказывается, что «европейской иерархии западные евреи, сефарды, стоят выше, чем ашкенази» (Х. Кардель, стр. 77).

«Гитлеру в его борьбе против восточных евреев оказывали финансовую поддержку западные евреи из Нью-Йорка, которые и сегодня не позволяют хоронить на своем кладбище ни одного восточного еврея, даже если он живет в Нью-Йорке уже в третьем поколении» (с. 95).

«Гитлер хорошо научился различать культурных и образованных евреев и приезжающих с Востока лапсердачных еврейских торгашей. Он знал о старинной вражде между ними на протяжении столетий. Когда после проигранной Первой мировой войны польские евреи начали заселять Берлин, еврей Ратенау, министр иностранных дел Веймарской республики, заговорил об «азиатских ордах на песках Бранденбургской марки» (с. 38).

О сефардах и ашкенази, о западной и восточной ветвях еврейства я узнал еще в 70-х годах прошлого века, прочитав изданные в 1979 году советским издательством «Прогресс» мемуары видной функционерки из ГДР Мишкет Либерман, озаглавленные «Из берлинского гетто в новый мир. Мемуары антифашистки». Это был живописный и подробный рассказ о том, как еврейская община из Галиции, прожившая века в замкнутом талмудическом мире под властью раввинов, после начала Первой мировой войны, спасаясь от ее ужасов, переселилась не просто в глубь Германии, а в Берлин, и не просто в Берлин, а в его центр — в район Александерплац и знаменитой Линденаллеи, в течение полутора лет (в 1915—1916 годах) вытеснив оттуда немецкое население. Евреи-беженцы организовали в сердце Германии свое гетто и начали жить в нем по своим законам и обычаям. Вот несколько отрывков из этой откровенной книги: «Да, и в Берлине было гетто. Добровольное... У гетто было свое продовольственное снабжение... Евреи-иммигранты сами отрезали себя от внешнего мира. Они жили, как Моисей на Синайской горе: строго следовали десяти заповедям и сотням запретов... Большинство ортодоксальных евреев — и старых, и молодых — не умели читать и писать по-немецки... Девочкам приходилось совсем плохо. Они сидели дома и ждали, когда наступит брачный возраст. Смешанный брак считался у

верующих евреев самым большим грехом. О нем вообще не могло быть и речи...» О матери: *«Какие были у нее волосы, не знала она сама. Она их просто не имела со времени свадьбы. Ее заставили сбрить их, прежде чем идти к алтарю. Так требовал ритуал. Теперь она стригла их каждый месяц. Почти до лысины. Она носила парик, который делал ее старше и еще некрасивей. Мужчинам ритуал запрещал стричь волосы. Они носили длинные бороды и пейсы почти до плеч. Безумный мир...»*

О сестрах: *«...они накрывали праздничный стол. Все было приготовлено еще в пятницу. Еда стояла в печи. Ее накрывали перинами, чтобы она держала тепло целые сутки. Еда действительно не остывала, но прокисала, особенно летом. Отсюда столько страдавших желудком из числа фанатичных.»*

«Участвовать в пирушке женихам не позволялось. Ни молиться в одной комнате с мужчинами, ни сидеть за одним столом.»

«Пурим был очень веселым праздником. Как ночь карнавала. Пурим основан на легенде о прекрасной Эстер, еврейской жене персидского короля Артаксеркса. Эстер удалось удержать министра Хамана от убийства евреев. В этот день в гетто царили дети и молодежь. Они наряжались, ходили от дома к дому и разыгрывали эту легенду. Вечером они шли гурьбой в синагогу, захватив с собой трещотки. Как только раввин произносил имя Хамана, они начинали трещать. Возникал оглушительный шум, все смеялись и радовались. Вот и дали же мы антисемиту Хаману!»

«Птице связывали ножки, крутили ее над головой и при этом произносили молитву. Малышам надо было все время повторять: «Тебе на смерть, а мне для жизни». Мой маленький братик тоже шепелявил эти слова, в то время как отец крутил петуха над его головой. Затем животных доставляли еврейскому мяснику, чтобы они были зарезаны по ритуалу.»

Оказывается, не все евреи похожи на Альберта Эйнштейна, на лорда Дизраэли или на Иосифа Кобзона. Среди них в начале XX века жила ветвь, цивилизованная не более, чем племя таджикских огнепоклонников, с которыми я встречался в горах Памира, или африканская народность тутси... Зная все это, начинаешь понимать Ратенау, называвшего восточных евреев *«азиатскими ордами на песках Бранденбургской марки»*, и даже мысль Гитлера становится понятной, когда он говорил о том, что **«нам необходимо избавиться от этого груза,**

отправить этот народ туда, откуда он пришел — в пустыню» (Х. Кардель, стр. 127).

В связи с этим на поверхность истории всплывает один весьма щепетильный вопрос, проясняющий, почему американские и европейские банкиры из сословия сефардов помогали национал-социалистической партии обретать власть и становиться на ноги, почему нефтяной король Детердинг, основатель фирмы «Шелл» Самюэль Маркус, банкир Варбург помогали становлению фашизма. Ответ напрашивается сам собой: потому что в их глазах советский коммунизм олицетворяли местечковые варвары «с косматыми сердцами», по выражению В. Шульгина.

«В начале 20-х годов гамбургский банкир Варбург посоветовал немецкому президенту Эберту остановить наплыв восточных евреев. Когда один посланник Уолл-стрита, который должен был обеспечить Гитлера деньгами, засомневался в последнем и спросил Варбурга о его мнении, тот со смехом ответил: «Гитлер сильный человек, и он нужен Германии. Под еврейми Гитлер понимает галицийских евреев, которые после войны стали чумой Германии. Евреев чисто немецкого происхождения он признает абсолютно однородными» (Х. Кардель, стр. 95).

Весьма глубоко и своеобразно понимал сущность еврейско-немецкого «узла» Генрих Манн, который незадолго до конца войны, обращаясь к разгромленным соотечественникам, писал в «Слове к Берлину» о причинах изменения политики американского истеблишмента к фашистской Германии, о том, почему американские евреи сначала помогали национал-социализму встать на ноги, а потом вступили с ним в беспощадную борьбу:

«Теперь вы можете знать, что это на самом деле было: насильственное прекращение вашей революции (фашистской. — Ст. К.). Они предотвратили ваше социальное движение, потому что некоторые магнаты использовали его против других народов (речь идет об истреблении восточноевропейского еврейства. — Ст. К.). Их порученец Гитлер так же не был немцем, как и они».

История, как любил говорить Карл Маркс, западный еврей, осуществляется, как трагедия, а повторяется, как фарс. Об этом вспоминаешь, когда до тебя доходят вести о том, как арабская молодежь громит магазины и поджигает автомобили в окрестностях Парижа, как ужасаются чопорные англича-

не при виде целых кварталов Лондона, оккупированных пакистанцами, или о том, как датский карикатурист, изобразивший в карикатурном виде пророка Мухаммеда, скрывается от мусульманских мстителей.

Но разве этот фарс, этот своеобразный реванш Востока не связан историческими корнями с воплями фюрера на арийских сходках 30-х годов о наступлении на Европу «жидобольшеви́зма»?

«Гейдрих при создании своих зондеркоманд в 1941 году (...) говорил полицейским перед отправкой на Восток своим звонким резким голосом: «Восточное еврейство — это резервуар большевизма, и поэтому, по мнению фюрера, его необходимо уничтожить» (Х. Кардель — стр. 195).

«По мере эмиграции евреев в США сефарды стали сетовать, что «сброд» грозит наводнить побережье, а восточные евреи, которых они так обзывали, жаловались, что при въезде в США эти «аристократические евреи допрашивали их как преступников» (там же, стр. 78). Может быть, поэтому корабль «Сент-Луис» с ашкенази на борту не был принят в 1939 г. американскими сефардами, потомками голландских и английских евреев, и вынужден был вернуться обратно в Европу, где вскоре его пассажиры были погружены в вагоны и отправлены в восточноевропейские лагеря антисемитской Польши, в Освенцим и Дахау, над воротами которых изгибались громадные лозунги: «Работа — освобождает»...

«Эйхман стал работать под руководством офицера СС, еврея Леопольда фон Мильденштейна, друга сионистов, который планировал «пробудить в возможно большем числе евреев стремление уехать в Палестину». «Товарищи по СС удивлялись, как этот еврей Эйхман с ярко выраженным семитским носом попал в их круг <...>, но их обрывали: «Молчать! Приказ фюрера!» (Х. Кардель, стр. 131).

В свое время один из вождей сионизма Бен-Гурион разоткровенничался: *«Если бы у меня было столько же власти, сколько желания, я бы подобрал <...> преданных нашему делу молодых людей <...> и послал бы их в страны, где евреи погрязли в греховном самодовольстве (западные сефарды. — Ст. К.). Этим молодым людям я бы приказал преследовать евреев грубыми методами антисемитизма под такими лозунгами, как «грязные евреи!», «евреи, убирайтесь в Палестину!»*

Гитлер, Геббельс, Штрейхер, Эйхман, действуя, как «агенты Бен-Гуриона», в сущности на 100% выполнили эти заветы, научив немецкую молодежь, маршируя, петь на берлинских улицах:

Долой евреев — детей сатаны,
Долой евреев из нашей страны!
Пусть они едут в свой Иерусалим
И пусть их там встречает их прородитель Сим!

И конечно, в результате такого гитлеровско-бенгурионского альянса по Европе должны были растечься ручьи еврейской крови, чтобы слиться в конце концов в один поток, именуемый Холокостом.

Но был ли легендарный Сим прародителем восточноевропейских евреев? И подтверждает ли история их семитское происхождение? На эти вопросы мысль человеческая в разные времена давала разные ответы.

* * *

Длительное время историческая наука считала, что восточноевропейское еврейство — это потомки евреев, которые в VII—VIII веках пришли вместе с арабами в Испанию, потом постепенно расплозились по западноевропейским странам, но, начиная с XII века, спасаясь от погромов и депортаций, происшедших в Англии, Испании, Португалии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии (это был первый «холокост», во время которого евреи потеряли около 40% своего этноса), они перекочевали в Восточную Европу, в основном в Польшу и Галицию, где замкнулись от внешнего мира в местечковых гетто аж на несколько столетий.

Однако более тщательные исторические исследования, проведенные в XX веке, отвергли эту гипотезу.

После трудов еврейского историка Кастейна, книги Дугласа Рида «Спор о Сионе» и особенно после издания книги «Тринадцатое колено» А. Кестлера взгляд на происхождение восточного еврейства круто изменился.

Все они, и убедительнее всех венгерский еврей Артур Кестлер, с железной логикой доказали, что восточноевропейские евреи ашкенази являются прямыми потомками тюркско-

го племени и никакой общей крови с западными евреями-сефардами не имеют. А объединяет их с семитами не кровь, а всего лишь иудейская вера, которую их предки хазары приняли в VII—VIII веках новой эры через константинопольских раввинов. *«Хазары были народом тюркского происхождения. Они пришли из русских степей и поселились между каспийским и черным морями около 500 г по Р. Хр. По политическим соображениям каган их принял иудаизм всем племенем около 740 г. В 865 году они потерпели поражение от славян и впоследствии были разбиты наголову монголами. Остатки их вынуждены были переселиться в Восточную Европу, где и образовали Восточную Еврейскую общину (Ашкенази) Если Кестлер прав, то 95% сегодняшнего мирового еврейства тюркского, а не семитского происхождения. И у них нет никаких оснований притязать на Палестину, как на историческую родину».* (Д. К. Уорнер, «Страна Сов», М. Палея, 1991 г.)

До конца XVIII века европейские народы считали евреями исключительно сефардов, сохранявших память о своем пути из Ханаана через Северную Африку и Испанию в Западную Европу. На таком длительном пути они, конечно, не могли сохранить полную расовую чистоту и полную сохранность иудаистской религиозной жизни, и потому некоторые историки считают их «нечистыми евреями», но присутствие в их жилах семитской крови несомненно, как несомненно и то, что они со страхом относились к своим якобы соплеменникам ашкеназам, которые, не имея убедительных исторических оснований называть себя семитами, тем не менее имели перед сефардами преимущество в соблюдении всех расистских законов, Талмуда и Шулхан Аруха, благодаря замкнутой жизни в гетто под властью всемогущего восточноевропейского раввина.

Вот как описывает все эти противоречия в иудаистской среде Дуглас Рид:

«Западные, испанские еврей-сефарды в массе своей были против революции. Она была направлена не только против христиан, но и против них самих, поскольку в результате эмансипации в Европе сефарды в значительной степени ассимилировались и вышли из-под влияния старейшин иудаизма, терявших свою власть в итоге слияния множества евреев с остальным человечеством. Сегрегация была жизненно необходима талмудистскому иудаизму; интеграция означала его смерть <...>. До этого Запад знал только один вид «евреев», и это были сефар-

ды. По словам Кастейна, относящимся к тому времени, когда Дизраэли впервые указал на еврейское руководство революцией, «с этого момента можно говорить о восточных и западных евреях». Фактически эти столь различные группы существовали независимо друг от друга около тысячи лет <...> многовековая, ничем не ограниченная власть раввинов в местечковых гетто спаяла восточных евреев в единую массу <...>. Они были идеальным материалом, представляя варваров азиатского происхождения, прошедших вековую талмудистскую тренировку в условиях строжайшего восточного деспотизма».

«Запертых в местечковых гетто восточных евреев-ашкенази заставляли сопротивляться эмансипации всеми возможными средствами, не останавливаясь, если нужно было, и перед убийствами».

«Автор этих строк долго жил в Европе и хорошо помнит, с каким недоверием и даже страхом западные евреи смотрели на восточных, видя в них угрозу насильственного возвращения в гетто к раввинскому абсолютизму. Немецкие евреи не говорили о восточных евреях иначе как с отвращением: «*diese Ostjuden*»; восточные же, переселившиеся после Первой мировой войны из России и Польши в Германию, в свою очередь с презрением называли живших в Германии единоверцев «*diese Berliner*»!

Я предвижу, какие могут быть возражения этой системе аргументов. Когда я привел их в разговоре с трезво мыслящим историком и публицистом еврейского происхождения, он поморщился: «Дуглас Рид — человек правых англосаксонских взглядов, он ведь был близок к Генри Форду с его тенденциозной книгой о еврействе!» Поэтому, чтобы достичь предельной объективности в этом шепетильном вопросе, мы приведем несколько выдержек из энциклопедии «Холокост», созданной коллективом еврейских историков во главе с американским куратором Уолтером Лакером, которых ни в коем случае невозможно заподозрить ни в какой «антисемитской тенденциозности».

Энциклопедия впервые была издана в Лондоне в 2001 году, а переведена и переиздана в России издательством «Роспэн» в 2005 г. с помощью посольств США и Франции, при участии Института толерантности Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы.

Из энциклопедии «Холокост», статья «Британские евреи»:

«В 1930-х годах британские евреи пережили период глубоких и болезненных социальных перемен. Небольшая, но ува-

жаемая община сефардов утратила свое доминирующее положение. Ведущую роль перехватила элита богатой ашкеназской общины, представители которой возглавили руководящие органы британского еврейства».

«Британских евреев разделяло многое: происхождение, принадлежность к разным поколениям и классам, место жительства, идеология, иммигрантов из восточной Европы, приверженных еврейскому традиционализму, оскорблял патернализм англоязычной элиты. Европейская молодежь, родившаяся в Великобритании (преимущественно рабочие), чувствовала отчуждение от культуры родителей иммигрантов (то есть уходила из-под власти Талмуда и раввината. — Ст. К.), но в то же время слабо приобщалась к духовным ценностям основной части англо-еврейского общества».

К этому можно добавить, что евреи-сефарды в то время уже глубоко просочились в слой британской аристократии: «виконт Герберт Самюэль», «лорд Рединг», «лорд Мелчетт» — такого рода титулы уже не удивляли высшее общество. Да и сам Уинстон Черчилль по материнской линии, как утверждают некоторые источники, был полукровкой, подобно Рудольфу Гессу.

Но тем не менее, когда после аннексии гитлеровским рейхом Австрии наплыв еврейских иммигрантов в Англию резко увеличился, «еврейские комитеты спасения, — сообщает энциклопедия «Холокост», — не могли ни пропустить массы евреев, желавших попасть в Великобританию, ни обеспечить их гарантиями». Тогда Отто Шифф, глава Временного убежища для евреев, предупредил английские власти, «что Комитет помощи немецким евреям больше не в силах справиться с административными и финансовыми проблемами, и предложил временно приостановить въезд беженцев в страну» (! — Ст. К. Стр. 98). «Называя австрийских евреев «лавочниками и мелкими торговцами», Шифф настойчиво побуждал их либо вписаться в британский образ жизни, либо реэмигрировать. Подобные предрассудки ограничивали возможность въезда в Великобританию евреев-ортодоксов» (энциклопедия «Холокост», стр. 100).

«После падения Франции (1940 г.) новый премьер-министр У. Черчилль приказал ввести массовое интернирование иностранцев на том основании, что в их среде могла скрываться «пятая колонна» (! — Ст. К.). К началу июня 1940 г. было за-

держано около 27 тысяч беженцев, из них 5 тысяч выслано в Канаду и Австралию. Поначалу британские евреи весьма пассивно относились к массовому интернированию еврейских беженцев, в том числе и тех, кто уже прошел через Дахау и Бухенвальд. Такая политика была едва ли не одобрена влиятельной газетой «Еврейская хроника», номер 17.05.1940 г.» (с. 100).

«Британские евреи по большей части стремились эмоционально дистанцироваться от событий в Европе» <...> «18 июня 1944 г. Хаим Вейцман в нарушение принятого ритуала выступал на пленарной сессии Депутатского совета с речью, в которой подверг резкой критике британских евреев».

«Составной частью британо-еврейской идеологии стала точка зрения, согласно которой в антисемитизме в какой-то степени виноваты сами евреи» (энциклопедия «Холокост», стр. 102).

Позиция американских евреев была не лучше английской.

«Религиозные обычаи восточноевропейских евреев, консервативные и традиционные, нелегко приспособивались к протестантской культуре США <...> враждебность к приехавшим раньше иммигрантам из Германии и Центральной Европы подогревалась классовыми и культурными различиями. Достаточно сказать, что немецкие евреи назывались «верхний город» (uptown), а восточноевропейские — «нижний город» (downtown).

В первую очередь разногласия выражались в том, что евреи «нижнего города» (ашкенази. — Ст. К.) продолжали считать себя народом особым, избранным, и тяготели к сионизму» (энциклопедия «Холокост», стр. 25).

В какой-то степени это отношение англо-саксонского и сефардского истеблишмента к ашкеназам было, видимо, и своеобразной мстью за те варварские методы, которыми пользовалась «местечковая братва» во время захвата власти и во время гражданской войны в России.

Как бы то ни было, такая политика британской и американской элиты независимо от ее целесообразности объективно увеличивала масштабы того явления, которое сегодня называется Холокостом.

Но после окончания войны американские ашкенази взяли реванш. Борьба двух еврейских сил закончилась, как и должно было быть, капитуляцией одной из них.

В 1954 году в Нью-Йорке состоялась мировая конференция евреев-сефардов, участники которой вынуждены были признать свое поражение в длительной столетней борьбе с «местечковыми ордами» и пришли к горестному заключению, что из почти 12 миллионов евреев, живущих на земном шаре, около 1 млн 744 тысячи (около 15%) могут считаться сефардами, и что лишь 52 тысячи из этих пятнадцатипроценто евреев живут в Западной Европе, где в прежние времена других евреев кроме сефардов просто не было.

Дуглас Рид, вспомнив, что в течение всего предыдущего столетия европейские сефарды предостерегали Западную Европу о надвигающейся местечковой опасности, с иронией заметил: *«В наказание их (сефардов. — Ст. К.) подвергли «отлучению» путем самой удивительной операции, когда-либо проделанной статистиками над целым народом: сефарды в течение одного столетия были объявлены фактически исчезнувшими (подобно «исчезнувшим» таким же образом много раньше десяти «коленам Израиля») за то, что они «перестали верить в свое особое предназначение, отличающее их от соседей».*

Такова была «кровавая месть» потомков хазар по отношению к своим сводным семитским «братьям-отступникам».

Исторический реванш «неразумных хазар» состоялся. Капитуляция сефардов была принята мировым сообществом. Пророчества лорда Дизраэли оправдались.

* * *

В 1897 году Теодор Герцль со своими единомышленниками предложил евреям «всего мира» собраться в Мюнхене на I Сионистский конгресс. Европейские сефарды в большинстве своем отказались от этой авантюры. Американские евреи заявили, что они не ожидают «ни возвращения в Палестину, ни восстановления каких-либо законов, касающихся еврейского государства».

Раввины Германии заняли ту же позицию, мюнхенские евреи поддержали их, и Конгресс пришлось проводить не в Мюнхене, а в Базеле.

Когда 197 делегатов прибыли в Базель на «Всемирный конгресс», оказалось, что все они из Восточной Европы, и среди них, к удивлению «отца сионизма» Теодора Герцля, почти половина участников была из России. Обескураженный

Герцль поразился их появлению на арене истории, их местечковой агрессивной сплоченности:

«Перед нами вдруг поднялось русское еврейство, о силе которого мы даже не подозревали. Семьдесят делегатов прибыли из России, и всем нам было ясно, что они представляют мысли и чувства пяти миллионов евреев этой страны. Какое унижение для нас, не сомневавшихся в своем превосходстве».

Восторженный романтик Герцль! Он-то мечтал о создании государства в Палестине, как о прекрасной утопии, в которой, по его словам, — **«Богатым евреям, принужденным теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, там можно будет свободно наслаждаться жизнью».** Наивный человек, представляющий государство евреев как государство исключительно богатых людей, как какой-нибудь Лазурный берег или нынешний Куршевель, как «праздник, который всегда с тобой», как Рио-де-Жанейро Остапа Бендера, где все ходят в белых брюках.

Но государственность нельзя купить. На деле строителям этого государства пришлось шагать по трупам сначала англичан, потом мирных палестинских феллахов, вооружаться до зубов, расширять пределы своих завоеваний, спать в обнимку с автоматами УЗИ, тайно от всего мира создавать атомное оружие, выучиться всем навыкам терроризма... И все это могли осуществить лишь местечковые фанатики, появление которых на авансцене истории с ужасом предвидел британский сержант лорд Биконсфильд-Дизраэли. А чем закончится этот кровавый проект, пока не знает никто, разве что один Господь.

Из истории известно только одно: христианство овладело душами сотен народов, построивших несколько десятков больших и малых государств. Мусульманство по количеству объятых им населения Земли и по числу государств, возникших на базе ислама, не уступает христианству. Буддизм охватил сотни миллионов жителей юго-восточного ареала земли, и все государства с народами, исповедующими учение царевича Гаутамы, подтвердили свою жизнестойкость. Вот какова была роль трех великих мировых религий в создании целых цивилизаций. В их число особой могучей ветвью входит православие.

Иудаизм же рядом с ними отнюдь не мировая, а всего лишь племенная религия, которую приняли в течение земной истории древние евреи и на короткое время тюрки-хазары и

два небольших арабских анклава. И все эти племена утратили свою недолгую государственность, как будто в иудаизме с незапамятных времен живет разрушительный вирус рассеяния, аннигиляции, самоуничтожения. Словно бы в его ДНК заложен мистический ген, отторгающий зарождение государственной «ткани», а говоря точнее, ген расизма, питающий манию избранности и препятствующий созданию органического полноценного государства, которое во все времена возникало, чтобы объединять людей разных верований и разных национальностей. Да, древняя Иудея и древняя Хазария просуществовали какие-то небольшие исторические сроки, но иудаистская идея избранности в конце концов подточила изнутри основы их существования. Государство Израиль живет полвека с небольшим, но посмотрим, надолго ли его хватит. Поистине, как гласит древнечеловеческая мудрость, народ, выбирающий веру — выбирает судьбу.

Дуглас Рид в «Споре о Сионе» достаточно мудро и взвешенно прокомментировал эту историческую драму:

«Возможно, что за 500 лет до Рождества Христова эти амбиции не выглядели чрезмерно фантастическими в среде примитивных ближневосточных племен и на ограниченной территории известного тогда мира; однако, перенесенные в наш глобальный век (эти слова писались 60 лет тому назад. — Ст. К.), они представляются патологической манией величия, сиюминутно навязать всему миру древние племенные вождения, порожденные в условиях стычек мелких племен далекой древности».

А еще в «Споре о Сионе», в главе, касающейся создания государства Израиль, есть одно пророчество, особенно актуальное сегодня, после ряда арабо-израильских войн, после иракской войны и особенно после того, как в современной истории завязался ирано-израильский узел:

«С образованием Всемирной сионистской организации, которую западные державы вскоре признали, как власть, стоящую выше их самих, эта «жгучая проблема» стала управлять ходом исторических событий. То, что от нее зависит и «будущее всего мира», стало ясно в 1956 г., когда заканчивалась эта книга; в начале этого года политические руководители Америки и Англии вынуждены были с досадой и горечью признать, что следующая мировая война может начаться в любой момент именно в том месте, где они устроили еврейское государ-

ство, и они мечутся с тех пор взад и вперед по земному шару, пытаясь предупредить это «завершение».

Что ж, как говорит русская народная пословица, — за что боролись, на то и напоролись...

* * *

В 1922 году в Берлине вышла в свет брошюра, на титуле которой было напечатано: «Ахадъ Хамъ (Ашер Гинцберг). Тайный вождь иудейский». Автором брошюры был объявлен некий L. Fry, переводчиком с французского на немецкий Ф. Винберг. Перевод был сделан с публикации из журнала «La vieille France». Суть этой публикации заключалась в попытке доказать, что автором «Протоколов сионских мудрецов» был отнюдь не основоположник политического сионизма Теодор Герцль (такая версия имела хождение), а подданный Российской империи еврейский религиозный и политический деятель Ашер Гинцберг, публиковавшийся в те времена под псевдонимом «Ахад Хам» («один из народа»). Гипотеза эта базировалась на том, что «Протоколы» сначала были якобы написаны на древнееврейском языке, которым не владел Герцль, но который в совершенстве знал Гинцберг, и что оригинал этого документа, написанного на иврите, не только видели (аж в 1890 году!) некие евреи, жившие в Одессе, но и в руках его держали. Но перевод на французский язык был будто бы сделан специально для участников I Базельского конгресса сионистов (1897 год), не знавших иврита, и что одна из «французских» копий попала в руки Сергея Нилуса. Отсюда и потянулась вся дальнейшая запутанная и до сих пор еще темная история знаменитого манифеста сионских мудрецов.

Гипотеза эта в брошюре не выглядит достаточно аргументированной, однако сама публикация, если не обращать внимания на антиеврейские банальности, типичные для патриотической немецкой прессы тех лет, содержит в себе немало свидетельств и фактов, полезных для объективного историка и проливающих некоторый свет на историю Холокоста.

Ашер Гинцберг, как утверждает автор брошюры, *«родился в Сквире Киевской губернии 5 августа 1856 г. Его родители принадлежали к еврейской секте хасидов <...>, семнадцатилет он женился на внучке Менахема Менделя, знаменитого раввина из Любавичей»...*

Надо сказать, что поскольку раввинат в современном иудаизме — высшая кастовая власть, то такого рода брак можно считать приобщением к правящей династии восточного еврейства.

«В 1886 г. он окончательно поселился в Одессе», где основал тайное общество «Бне Мойше» («сыны Моисея»). К тому времени он начинает получать крупную финансовую поддержку от известного еврейского торговца чаем К. Высоцкого.

Название общества объясняется особым поклонением Гинцберга пророку Моисею, а также тому, что «в течение ряда веков евреи верили, что существует где-то в неведомом месте ответвление еврейского племени, совершенно отделенное от прочих своих соплеменников и состоящее из прямых потомков по прямой линии Моисея. Эти «сыны Моисея» будто знают тайну, открывавшую способы и средства, с помощью которых евреям суждено добиться покорения всего мира». (из брошюры об Ахад Хама).

Гинцберг с группой своих соратников принял участие в Базельском конгрессе сионистов, и когда выяснил намерения вождей западноевропейского сионизма, их идеологию и тактику, то «сделался определенным их противником. Существовавший в то время официальный сионизм он прозвал «политическим», свой же собственный «духовным» или «практическим» <...>. «Политический сионизм» Герцля был исполнительным органом независимого ордена «Бнай Брит» и группировал вокруг себя всех евреев Западной Европы и Америки» <...> «Практический сионизм» Ахад Хама собрал под свое знамя евреев Восточной Европы».

Вскоре между Герцлем и Ахад Хамом возникла ожесточенная полемика. Герцль, как сказано во французской брошюре, «был евреем западным, «ассимилированным» и никогда не испытывал беспощадной ненависти к неевреям». Он призывал евреев к тому, чтобы они чувствовали себя гражданами тех стран, где они жили в диаспоре, не порывали с их культурой, языком, образом жизни, даже к ассимиляции он относился спокойно, чего фанатик будущего национал-сионистского Израиля не мог принять. И когда Герцль в 1903 году издал роман «Старая новая родина», в котором изложил свои взгляды на сионизм, Ахад Хам впал в ярость и жестоко высмеял западного либерала Герцля в своем журнале. Ближайший сподвижник

Теодора Герцля Макс Нордау заступился за основоположника политического сионизма:

«Ахад Хам упрекает Герцля в желании подражать Европе. Он не может допустить и мысли, чтобы мы перенимали у Европы ее академии, ее оперы, ее «белые перчатки». Единственное, что он хотел бы перенести из Европы в «старую новую родину», — это принципы Инквизиции, приемы и способы действий антисемитов, ограничительные законы Румынии в той форме, в какой они нынче принимаются против евреев. Такие чувства и мысли, им высказанные, могли бы вызвать ужас и негодование против человека, не способного подняться выше уровня гетто <...>. Идея свободы — выше его понимания. Он представляет себе свободу в виде гетто, но только с переменной ролей; так, например, по его мнению, преследования и угнетение должны существовать по-прежнему, но с тою разницей, что уже не евреи будут их жертвами, а христиане¹.

«Великую ошибку совершают те евреи, которые доверяют Ахад Хаму! Он ведет их к пропасти».

Однако после того, как Герцль в 1904 году умер при весьма таинственных обстоятельствах, на двух ближайших сионистских конгрессах 1911-го и 1913 года восточные комиссары, возглавляемые Ахад Хамом, Хаимом Вейцманом, Захером и другими отморожками еврейства, сокрушили сопротивление толерантных сторонников Герцля.

«На этих конгрессах сионисты «политические» «Бнай Брита» приняли всю программу сионизма «практического» восточных евреев <...> принуждены были уступить свое место восточным евреям, русским, румынским, галицийским, прошедшим школу Ашера Гинцберга».

О том, что просвещенные образованные российские евреи опасались своей дикой родственной ветви, живущей в черте оседлости, свидетельствует деятельность И. Гурлянда,

---

¹ Все перечисленное составляет содержание сегодняшней израильской жизни. Вполне возможно, что эта тирада была написана Максом Нордау после того, как он прочитал «Протоколы сионских мудрецов» и поверил, что они принадлежат перу Ахад Хама. «В своем труде, озаглавленном «Переоценка ценностей», по мысли и стилю представляющем точное подобие «Протоколов», Ахад Хам применяет учение Ницше о «сверхчеловеке» к еврейскому народу, который он называет «сверхнацией», — пишет автор разбираемой нами работы.

о которой личный секретарь Григория Распутина Арон Симанович пишет так: *«Господин Гурлянд по рождению своему еврей, сын раввина в Одессе, перешедший уже взрослым в христианство, сделался страшным юдофобом ...Он был главным редактором правительственной газеты «Россия»... Он имел сильное влияние на царя в еврейском вопросе. Я подозреваю даже, что фактическим застрельщиком процесса Бейлиса был Гурлянд. Во всяком случае он был неофициальным руководителем по этому поводу проводимой антиеврейской пропаганды. Совещание о том, как использовать этот ритуальный процесс вообще в борьбе с еврейством, состоялся на его квартире».*

Последнюю попытку разобраться в отношениях сефардов и палестинских арабов со «спецназом Ахад Хама» сделал в 1912 году один из ярчайших публицистов сионизма Владимир Жаботинский.

«У нас, евреев, с так называемым «Востоком» ничего общего нет, и слава Богу. Поскольку у наших необразованных масс (читай у «ашкеназов». — Ст. К.) имеются духовные пережитки, напоминающие «Восток», надо наши массы от них отучить, чем мы и занимаемся в каждой приличной школе <...>. Идем мы в Палестину, во-первых, для своего национального удобства, а во-вторых, как сказал Нордау, чтобы «раздвинуть пределы Европы до Евфрата»; иными словами, чтобы начисто вымести из Палестины, поскольку речь идет о тамошнем еврействе нынешнем и будущем, все следы «восточной души». Что касается до тамошних арабов, то это их дело; но если мы можем им оказать услугу, то лишь одну: помочь и им избавиться от «Востока».

«Поскольку же нам, в течение переходного периода, или после, придется в Палестине жить среди окружения, пропитанного дыханием «Востока», — будь это окружение арабское или староверов-еврейское, все равно — рекомендуется тот жест, который каждый из нас невольно делает, когда проходит в пальто по узким «восточным» улицам Стамбула, или Каира, или Иерусалима: запахнуть пальто, чтобы как-нибудь не запыхлось, и смотреть, куда поставить ногу. Не потому, что мы евреи; и даже не потому, что мы из Европы; а просто потому, что мы цивилизованные люди» (В. Жаботинский. «Избранное». 1978 г. Израиль, статья «Восток», 1912 г.).

Конечно же, это исповедь «цивилизованного колонизатора». Но чтобы показать бесчеловечную последовательность одного из идейных основателей сионизма, приведу еще одно его высказывание, полное предельного высокомерия и полной уверенности в том, что судьбами народов можно распоряжаться, как деревянными фигурками на шахматной доске:

«Европа морально «наша» <...> этический пафос, создавший все ее освободительные движения, легищий в основу ее социальных переворотов, вскормлен нашей Библией <...>. Ее экономический прогресс был бы немислим без международной торговли и без кредита <...> от «Авицебрана» до Эйнштейна десятки тысяч индивидуальных евреев в разных странах лично делали науку, философию, художество, технику, политику и революцию, одни на высотах мировой славы, как Спиноза, или Гейне, или Дизраэли, или Маркс, другие во втором, и третьем, и десятом ряду...»

«Европа наша; мы из ее главных созидателей <...> мы начали ее строить еще до того, как начали ее строить афиняне. Ибо главные черты европейской цивилизации: недовольство, «богоборчество», идея прогресса <...> эти черты дали Европе мы».

«Может быть, мы больше всякого другого народа имеем право сказать: «западная» культура есть плоть от плоти нашей, кровь от крови, дух от нашего духа. Отказаться от «западничества», сродниться с чем-либо из того, чем характерен «Восток», значило бы для нас отречься от самих себя <...> и соседям нашим по Азии желаем того же: скорейшей ликвидации «Востока» (там же, стр. 255–256).

Красиво все изложено. Но если внимательно вдуматься в эту отлакированную Жаботинским историю, то станет очевидным, что он приписал евреям строительство всей европейской цивилизации и умолчал о том, какую страшную цену уплатили народы Европы за участие в этом строительстве еврейства: захват реальной политической власти еврейскими кланами, взращивание и финансирование почти всех европейских революций Домом Ротшильдов и другими финансовыми магнатами Европы, разрушение национальных государств, внедрение в людские души атеистического мышления, выдавливание, выхолащивание христианства из жизни народов, работорговля и создание мировой колониальной системы, организация войн мирового масштаба, унесших десятки миллионов жиз-

ней и знатных сословий Европы, и европейского простонародья. Да и, в конце концов, создание общества потребления, являющегося последней ступенью к уничтожению всей земной цивилизации.

В сущности, если отвлечься от деталей, Жаботинский еще в 1910–1915 годах сказал многое из того, что было повторено нацистской верхушкой, состоявшей из «четвертинок», «полтинников» и даже стопроцентных евреев.

Они втайне считали себя потомками сефардов, что давало им право свысока смотреть на восточноевропейское, дикое «хазарское» еврейство, хлынувшее во время Первой мировой войны в города Центральной и Западной Европы.

Сам Жаботинский, видимо, происходил из ашкеназов, но очень хотел стать сефардом. И в этом была его противоречивая раздвоенность, его мировоззренческая шизофрения, и даже несовпадение его внешнего облика с убеждением об избавлении европейских евреев от всего «восточного».

В 1989 году в сборнике «Перестройка и еврейский вопрос», изданном Антисионистским советским Комитетом, было опубликовано письмо девяностолетнего харьковско-го еврея П. Довгалевского о том, как он, юный гимназист, в 1910 году встретился в Харькове с молодым Жаботинским.

«Низенький, смугловатый, с некрасивым обезьяньим лицом, говоря со мной о сионистском движении, о будущем еврейском государстве, этот человек совершенно преобразился. Он словно вырос, глаза его горели, лицо стало одухотворенным, прямо-таки прекрасным... Жаботинский напомнил мне протопопа Аввакума, Саваноролу, библейских пророков и яростных членов Синедриона... но «вряд ли видели Жаботинские в мареве своих грез военизированные поселки на склонах гор и в опутанных колючей проволокой долинах, где люди ложатся спать с винтовкой в головах и с пистолетом под подушкой <...>. Как не похож сегодняшний Израиль на то царство, какое рисовалось в мечтах Жаботинскому. Это государство создало свое счастье на несчастье других. Оно изгнало с земли за свои пределы жившее в Палестине арабское население и сотни тысяч людей обрекло на скитания вдали от родины. Сегодняшние сионисты сами посеяли ветер и, если не поумнеют и вовремя не спохватятся, обязательно пожнут бурю».

Но наш прекраснодушный харьковчанин идеализировал в своих воспоминаниях Жаботинского, потому что последний

как раз в те годы, когда произошла встреча двух молодых людей в Харькове, писал: *«Мир в Палестине будет, но будет тогда, когда евреи станут большинством или когда арабы убедятся в неизбежности такого исхода; то есть именно когда им станет ясно, что «решение проблемы» не зависит от их согласия».* (В. Жаботинский. «Избранное», стр. 248).

Вот это уже слова не мальчика, но мужа, сказанные по-гитлеровски за тридцать лет до «окончательного решения вопроса» и до начала Холокоста. В 20-е годы XX века в сущности происходили последние арьергардные бои западников, проигравших историческую борьбу за судьбы еврейства Ахад-Хаму и его сподвижникам — российским местечковым комиссарам и эмиссарам палестинского сионизма, уже начавшим по плану Бальфура строить расистское государство Израиль. Их родным советским братьям — выбравшим пятиконечную звезду вместо шестиконечного могоен-довиды, вышедшим из местечкового хасидства, было не до Ближнего Востока. Они получили во владение такое государство, о котором до 1917 года и мечтать-то не смели... Страстные декларации Жаботинского были опубликованы в 1926 году, когда в России еврейское владычество, замаскированное под коммунистическую демократию, поднимались на пик своего могущества. До 1937 года было еще целое десятилетие, и никакие «сионские мудрецы» не подозревали, что произойдет по истечению этого срока.

* * *

В отличие от образованных сословий народов Западной Европы и западных сефардов российские сефарды и русская интеллигенция (дворянская, творческая, чиновная, клерикальная и прочая) знали, что представляют из себя революционеры хазарского происхождения.

Знали, но не до конца. Потому что даже самые проницательные из них не ожидали, что произойдет после двух революций 1917 года с выдрессированной раввинами массой местечковой молодежи, которая вырвется из-под власти своих жрецов-дрессировщиков и бросит *«в мир, открытый настежь бешенству ветров»* (Э. Багрицкий) черную энергию своей талмудической ненависти к этому открытому «и для эллинов и для иудеев» бескрайнему христианскому миру. Освободив-

пись от всех внешних оков иудаистского гетто, это поколение ни на йоту не освободилось от чувства, которое Эдуард Багрицкий назвал «мщенье миру».

Василий Витальевич Шульгин, знавший эту публику по Украине и Галиции, так отзывался о них в книге «Что нам в них не нравится». Сначала его поразили *«лапсердаки и фантастические пейсы, которые можно было видеть на старинных картинках. Я их впервые увидел «живыми» в 1914 году, когда наши войска вошли в Галитчину; там в полуразрушенном местечке Рава Русская я видел евреев, как бы сошедших со старинных гравюр»*. Но через три года он писал о них уже куда как с более глубоким знанием: *«Коммунисты ухитрились вытаскать на социальные верхи <...> тучи мрачных жидов, выскочивших из гетто. Правда, без пейсов, но с косматыми сердцами, а в разряд париев посадили недорезанную часть русского культурного класса»* («Что нам в них не нравится», стр. 171).

Октябрьский переворот поставил под власть местечковых плебеев российское аристократическое еврейство. Оно, боровшееся за права «меньших братьев», получившее после февральской революции все гражданские права, все политические и экономические перспективы, после Октября враз потеряло их и рассталось со всеми своими привилегиями, со всеми надеждами на участие в будущих парламентских и прочих демократических структурах. Однако российские сефарды, в отличие от западных, не сдались местечковым якобинцам, как овцы. Впервые это сопротивление показало себя жарким летом 1918 года.

20 июня 1918 года при не до конца выясненных обстоятельствах в Питере был убит Моисей Гольдштейн, лодзинский приказчик, который сначала эмигрировал из Польши в Америку, а потом в 1917 году на «корабле Троцкого» под фамилией Володарский прибыл в Петроград, где стал комиссаром Северной коммуны по делам печати, пропаганды и агитации. ЧК после убийства Володарского арестовала несколько человек, якобы участвовавших в заговоре, кого-то расстреляли, но шумной кампании из дела не получилось. Фигура была незначительная.

Гораздо более громким и трагическим по своим последствиям стало покушение на другого «красного Моисея» — шефа Петроградской ЧК Урицкого. Именно оно, совершенное 30 августа, в тот же день, что и покушение на Ленина в Москве,

стало поводом для того, чтобы 2 сентября 1918 г. ВЦИК, где командовал Яков Свердлов, объявил Советскую республику военным лагерем, а 5 сентября Совнарком принял постановление о «красном терроре».

Словом, знойное лето 1918 года изобиловало событиями, столкнувшими Россию в пропасть гражданской войны: левозероковский мятеж, мятеж чехословацких военнопленных, страшный декрет о борьбе с антисемитизмом, написанный рукой Якова Свердлова, подписанный Лениным и опубликованный 27 июля 1918 г., через 9 дней после зверского убийства царской семьи. А тут еще несколько покушений. Ну как после этого обойдешься без «красного террора»!

Убийцей Моисея Урицкого оказался молодой человек Леонид Канегиссер, выросший в почтенной сефардской семье. Его дед Самуил был военным врачом, получившим потомственное дворянство в 1884 году, отец Иоаким был знаменитым инженером с европейским именем. В доме отца бывали многие аристократы Петербурга, вплоть до министров.

Леонид Канегиссер дружил с Есениным и бывал у него в Константиново, писал талантливые стихи и наивно восторгался февральской революцией, которая дала ему, крещеному еврею, равноправие и открыла двери в Михайловское артиллерийское училище, сделала юнкером, а впереди его ожидало офицерское звание. Канегиссер был благородным человеком.

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать,

Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню — Россия, свобода,
Керенский на белом коне.

Однако одновременно он состоял и в сионистской организации, но «герцлевского», сефардского типа, а люди такого склада презирали и боялись Урицкого. Один из них, врач Моисей Грузенберг, в те дни отозвался о Канегиссере так: *«Он из лучшей семьи Петрограда, и священный долг его был убить Урицкого. Я даже не остановился бы благословить моего сына, чтобы он*

убил такого мерзавца». Однако, недолюбливая и презирая своих диких сводных братьев по иудаизму, российские сефарды боялись их муравьиной сплоченности. Поэтому, чтобы не подливать масла в костер антисемитских настроений, большинство ассимилированных евреев или сторонились «дела Бейлиса» или даже защищали убийц несчастного Андрюши Ющинского, как это делал модный адвокат Грузенберг, брат врача Грузенберга, приветствовавшего убийство Урицкого.

Понять их можно: осудить политического палача Урицкого легче нежели послушного и дикого слугу хасидов Бейлиса, покорного раба ритуальных древних обычаев. Такое мужество было превыше сил даже самых просвещенных евреев.

Но убийство Урицкого и покушение на Ленина вызвало ответную волну жестокости со стороны высших функционеров власти. Н. Бухарин откликнулся статьей с многозначительным названием «Ленин—Каплан, Урицкий—Канегиссер», расследовать «дело Урицкого» в Питер приехал сам Дзержинский, который и допрашивал Канегиссера (материалы допроса не сохранились). Нарком внутренних дел Петровский обратился с циркулярной телеграммой ко всем Советам с требованием развернуть «красный террор»: *«Ни малейшего колебания при применении массового террора».*

И террор начался. Самый кровавый — в Питере и в Москве. Но и провинция не отставала. На Валдае, к примеру, известнейший русский публицист Меньшиков был расстрелян местными чекистами на глазах у жены и детей без суда и следствия. Был ли террор спровоцирован этими покушениями — до сих пор неясно. Но местечковые Робеспьеры воспользовались ими на полную катушку. Из воспоминаний А. Мариенгофа:

«Стоял теплый августовский день... На улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: «Мы требуем массового террора».

Первый список заложников, начинавшийся с фамилий великих князей, появился в «Красной газете» 6 сентября 1918 г. Он состоял из фамилий бывших банкиров, купцов, владельцев типографий, бывших офицеров, правых эсеров, фабрикантов и прочей «монархическо-буржуазной сволочи». Для острастки сефардов, одобрявших поступок Леонида Канегиссера, в списке было несколько представителей «еврейской аристо-

кратии»... Но из дальнейших списков фамилии такого рода исчезли. Списки были подписаны чекистами Г. Бокием и А. Иоселевичем. На следующий день после покушения на Урицкого было «пущено в расход» 929 человек бывших дворян, чиновников, офицеров и членов их семей.

Внешне покушение на Урицкого выглядело, как отмщение молодого поэта за смертный приговор, вынесенный Петроградским ЧК другу Канегиссера по артиллерийскому училищу еврею Владимиру Перельцвейгу, который якобы руководил заговором в училище против власти Зиновьева—Урицкого. Но одновременно покушение это выглядело, с точки зрения евреев-сефардов, как отмщение за их «февральскую Россию», как кульминация распри между ашкенази (Урицкий) и сефардами (Канегиссер). Но для обывательской еврейской среды в целом оно было и как гром среди ясного неба: «еврей убил еврея!» Этого не допускали ни законы Моисея, ни правила Талмуда, ни заповеди Шулхан Аруха.

Что же касается произошедшего одновременно покушения на Ленина, то, видимо, ни мотивы, ни причины его никогда не будут выяснены. Поставить Фанни Каплан рядом с Канегиссером? — не получается. Тогда она должна быть сефардкой, еврейской аристократкой, просвещенной дамой, а не местечковой «жидовкой». Версия «мести Ленину» со стороны сефардов не убедительна, поскольку он был крещеным в православие, стал образованным юристом, блистательным политическим журналистом с незаурядными задатками философа и историка, Ульяновым по отцу. Да и мать его, полукровка из немецко-еврейского семейства врачей Бланков, отнюдь не местечкового, была куда ближе к Дизраэли, нежели к Урицкому.

Его полное равнодушие к иудаизму, атеистический склад натуры и последовательная борьба за ассимиляцию русского еврейства не дают основания принять эту гипотезу.

Меня всегда удивляли наши патриоты, придававшие фатальное значение четвертушке еврейской крови, пульсировавшей в ленинских венах и артериях. На мой взгляд, Ленин относился к еврейскому засилью в революции куда более раздраженно и скептически, нежели Сталин. Более того, он позволял себе такие высказывания о еврействе, на которые сам Сталин никогда не решался.

Помнится, что в одном из сочинений 1911-го или 1912 года Ленин неожиданно заявил о том, что в нашем черносотенстве помимо всяческой интеллигентской «затхлости» есть здоровое ядро — **«грубый мужицкий демократизм»**.

А в начале 20-х годов он же предупреждал Сталина, чтобы последний умел сопротивляться авторитетам и воле еврейских партийных функционеров, а то ведь, заметил Ленин, **«на шею сядут»**.

Незадолго до революции живший в Швейцарии Ленин встретился с двумя людьми, приехавшими из России, о чем написал в письме:

«Один еврей из Бессарабии, видавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат-бундовец и т. д. понатерся, но лично неинтересен... Другой воронежский крестьянин из старообрядческой семьи. Черноземная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать».

Недаром Есенин в «Анне Снегиной» на вопрос своих земляков: *«Скажи, кто такое Ленин?»* — отвечает: *«Он — вы»*; а Николай Клюев в 1919 году пишет знаменитые строки: *«Есть в Ленине керженский дух, диктаторский окрик в декретах. Как будто истоки разлух он ищет в поморских ответах»*.

Да, Ленин признавал, что без местечкового еврейства революция потерпела бы поражение:

«Эти еврейские элементы были мобилизованы против саботажа. Таким образом они имели возможность спасти революцию в этот критический период. Мы имели возможность захватить административный аппарат только потому, что имели под руками этот запас разумной, образованной рабочей силы».

По некоторым данным, количество *«разумной образованной рабочей силы»*, хлынувшей в Центральную Россию из-за «черты оседлости» и занявшей почти все большие и малые административные должности, в том числе и ЧК, составляло более миллиона человек.

За эту поддержку «Революции» (то есть за спасение большевистской власти) Ленину пришлось заплатить большую цену, в том числе и подписать чудовищный декрет «о борьбе с антисемитизмом».

Но в своих стратегических планах Ленин рассчитывал после достигнутой стабильности все-таки уменьшить еврейское влияние в высших эшелонах власти.

В конце 1922-го — начале 1923 года он обратился с письмом к XIII съезду партии («Завещание» Ленина), в котором попытался совершить своего рода переворот в Центральном Комитете ВКП(б).

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» <...>. «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (в ЦК тогда было 27 человек. — Ст. К.).

По предложению Ленина в новый ЦК должны были войти люди, *«стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян»*. *<...> «Я предлагаю съезду выбрать 75—100 рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК»* (т. 45, стр. 343, 348, 384).

Так что местечковому большинству в государственном аппарате было чего бояться. Поэтому партийные верхи отвергли ленинское предложение, а Троцкий написал в ЦК письмо о том, что такое **«расширение» ЦК лишит его «необходимой оформленности и устойчивости» и «нанесет чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК»**. Вся еврейская часть ЦК поддержала Троцкого, и сущность ленинского письма была сведена к ленинским характеристикам кандидатов на роль генсека, в то время как идея расширения ЦК была куда более важной. Неудивительно, что среди «старых партийцев» распространились слухи, что Ленин после инсульта не в себе, потому и предлагает утопические и вредные для партии реформы. Ленин был действительно болен и, несмотря на свой авторитет, не мог уже провести в жизнь решение, которое сделало бы ЦК более «народным» и более «русским».

А письмо это настолько было революционным (или контрреволюционным, с точки зрения «иудушки Троцкого») и опасным для партийных верхов не только 1923 года, но и будущих времен, что его полностью опубликовали лишь в 1956 году.

В сущности, Ленин предлагал то, что осуществил методами террора Сталин во второй половине 30-х годов. Ленин, в отличие от Сталина, обладал мастерством открытой политической борьбы, никогда не скрывал своих планов и убеждений, и это обстоятельство могло настроить против него его ближайшее еврейское окружение. Некоторые нынешние историки выдвигают гипотезу о том, что летом 1918 года в центре

такого заговора мог стоять Свердлов. А история с Каплан таинственна настолько, что даже имя ее подлинное в одних источниках публикуется как «Дора», в других «Фанни».

«Дело Канегиссера» исследовано до мельчайших подробностей, о нем написаны романы, воспоминания, исторические очерки... Об этой же местечковой «Шарлотте Корде» не известно абсолютно ничего, кроме того, что сразу после неудачного дилетантского покушения таинственная фурия была доставлена на допрос к председателю ВЦИКа («президенту») Янкелю Свердлову и через три дня следствия (от которого не осталось никаких документов) была расстреляна.

Наверное, тайна эта никогда не будет раскрыта.

Любопытны суждения Шульгина о Ленине из книги «Что нам в них не нравится».

«Гениальность Ленина и состояла в том, что он в водворившемся хаосе увидел еврейского Кита, который плыл среди урагана; уселся ему на спину и поехал к своей цели <...> народная молва, чувствуя истинное положение дела, но расцветившая его в легендарные краски, утверждает, что Ленин в конце концов возмущился, когда понял, что он только еврейская пешка. И тогда будто бы евреи убили его утонченным и тайным ядом» (с. 100).

Но как бы то ни было, воспользовавшись двумя оглушительными покушениями, совершенными в один день 30 августа 1918 года, наши ашкеназы развязали «красный террор», число жертв которого до сих пор неизвестно. Одни источники говорят о тысячах, другие о десятках тысяч, третьи о сотнях...

Столица погрузилась в ужас. Все, что потенциально могло сопротивляться, было раздавлено. Не исключено, что и благородный порыв Канегиссера был включен в общую схему этой исполинской провокации.

«Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, — пишет в своих «Воспоминаниях» вдова поэта Надежда Мандельштам, — и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили «гекатомбой трупов».

Но те, кто в 1918 году во время «красного террора» посеяли ветер, через 20 лет во время «большого террора» пожали бурю.

А что касается сегодняшних оценок истории, то ни Володарский, ни Урицкий, ни Канегиссер, ни несколько десятков

благонамеренных сефардов не зачисляются в холокостный поминальник, в отличие от некоторых еврейских жертв 1937—1938 годов, еврейского антифашистского Комитета, «дела Михоэlsa» и «дела врачей».

* * *

Анализируя события начала века, Василий Витальевич Шульгин пришел к неутешительному выводу о фундаментальном вкладе, который внесли местечковые революционеры в кровавую оргию всех трех русских революций. Он подсчитал, что лишь в 1905—1906 годах в России было убито и ранено более 20 тысяч городских, офицеров, государственных чиновников и даже рядовых солдат. Конечно, не все они были убиты еврейскими руками, но очень и очень многие:

«Мардохейская история не умерла. Время от времени дикие мысли о массовой расправе «с врагами» обуревают еврейские мозги. Что это так, нам доказали еврей-коммунисты, которые уничтожали русскую интеллигенцию ничуть не хуже, чем Мардохей вырезал (под именем амановцев) персидский культурный класс» (В. Шульгин, стр. 154).

Как по команде, российские «мардохей» разделились на два отряда. Один (Ахад Хам, Жаботинский, Вейцман, Бен-Гурион, Голда Меир, Пинскер, Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Шимон Перес и т. д.) бросился в национал-сионистскую революцию, а другой (Троцкий, Зиновьев, Урицкий, Свердлов, Губельман-Ярославский, Юровский¹, Голощекин, Блюмкин, Каганович, Ягода, Бела Кун, Френкель, Розалия Землячка, Уншлихт и т. д.) «во все три русских».

Проницательно писал о генетической общности сионистов и российских местечковых революционеров первого призыва еврейский публицист И. Биккерман в 1923 году:

«Оба с одинаковой решительностью отрекаются от старого мира <...> один и другой имеет каждый свою обетованную землю, которая течет млеком и медом. Это единство схем на-

---

¹ У организатора уничтожения царской семьи Якова Юровского был собственный летописец Яков Резник, о котором в свердловском библиографическом издании сказано: «Коммунист с 1930 года...», он же автор книги «о верном ленинце, видном деятеле партии Якове Юровском — повесть «Чекист». С 1967-го по 1982 год эта повесть выдержала в Свердловске аж три издания.

кладывает удивительную печать сходства на мышление, оброты речи и повадки сионистов и большевиков».

Сейчас об этой когорте «псов и палачей» (как поется в «Интернационале») принято говорить толерантно, с интонациями умеренного сожаления: «Некоторые евреи в России первые 20—25 лет советской власти активно ей помогали» (из статьи известного диссидента Г. Померанца, «Литературная Россия», № 28, 1990 г.).

Февраль 1917 года снял с местечковой массы все ограничения в правах, и ее питомцы вместо того, чтобы воспользоваться этими благами и свободами, сразу же показали себя во всей красе:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа.
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками.

(Э. Багрицкий. «Февраль»)

Обратим особое внимание, что гордость ашкеназа Багрицкого-Дзюбина не «советская», не «революционная», и даже не «еврейская или «сионистская», но «иудейская»...

От той пламенной эпохи осталось бесчисленное количество свидетельств очевидцев и участников событий, людей совершенно разных сословий и классов, порой враждебных друг другу, но тем не менее с одинаковым ужасом оценивавших небывалый в мировой истории погром, развернувшийся в России.

В 1923 году в Берлине был издан коллективный сборник статей видных деятелей дореволюционного еврейства (скорее всего «сефардов») И. Биккермана, Г. Ландау, И. Левина, Д. Пинского, В. Манделя, Д. Пасманика под названием «Россия и евреи», в котором они с ужасом и отчаянием оценили деяния своих сводных братьев иудейской веры и хазарского происхождения:

«Поразило нас то, что мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде — жестокость, садизм, насильничанье, казалось, чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни;

вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов» (из статьи Д. Пасманика).

Особенной страстностью, аргументированностью и честностью выделяется в этом эпохальном сборнике статья Иосифа Биккермана. Задолго до еврейского понятия «Холокост» он написал о «русском холокосте» такую правду, от которой до сих пор по истечении девяноста лет душа содрогается и трепещет:

«Если мы свои потери можем еще определять гадательными числами, то русские и этого делать не могут. Кто считал русские слезы, кто русскую кровь собирал и мерил. Да и как считать и мерить в этом безбрежном и бездонном море».

Василий Гроссман в своем известном сочинении «Все течет» обвинил Россию и русский народ в изначальном стремлении к рабству. «Россия — раба» — эту расхожую фразу Гроссмана в начале перестройки кто только не повторял, начиная от Александра Яковлева и кончая каким-нибудь Коротичем или Радзиховским.

Иосиф Биккерман был честнее. Он в первую очередь обвинил своих соплеменников в рабском следовании логике террора:

«Когда ж это мы превратились в рабов? — гневно вопрошал Биккерман местечковых фанатиков. — Когда же это мы дошли до оголтелости, где и когда еврейский народ растерял драгоценнейшее свое достояние: накопленный в течение веков и под всеми земными широтами жизненный опыт, в котором залог устойчивости?»

И совершенно хрестоматийным и точным с исторической точки зрения является отрывок из статьи Биккермана, который, как я предполагаю, был внимательно прочитан в 20-е годы и русской эмиграцией, и русскими патриотами, оставшимися в России, и некоторыми европейскими политиками.

«Русский человек никогда прежде не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Бывали и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов. Русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей — во всех углах и на всех степенях власти. Русский человек видит его и во главе перепрестольной Москвы, и во главе невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления.

Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...»

Всем современникам было понятно, что в этом отрывке речь идет о еврейском триумvirате, захватившем полную власть над Россией во время болезни Ленина — о Троцком-Бронштейне, о Каменеве-Розенфельде и о Зиновьеве-Апфельбауме...

Книга «Россия и евреи» — повторюсь — была издана в 1923 году в Берлине. Но мысли и стилистика этого отрывка были столь впечатляющими, что я выдвигаю гипотезу о том, что он, как некая матрица, властно повлиял на публицистику тех лет.

Во-первых, я уверен, что его читал друг Есенина, русский националист Алексей Ганин, которому Есенин, возвращавшийся из Америки в 1923 году, мог привезти эту книгу из Берлина, где у него произошла знаменательная ночная встреча с Романом Гулем, во время которой поэт буквально кричал в лицо своему собеседнику: *«Я не поеду в Москву, пока Россией правит Лейба Бронштейн!»*.

Вот он, отрывок из манифеста друга Есенина, вологодского крестьянина и русского националиста Алексея Ганина, «Мир и свободный труд народам», за который он был объявлен главой ордена «Русских фашистов» и расстрелян 30 марта 1925 г. по декрету 1918 года «о борьбе с антисемитизмом» вместе со своими шестью товарищами:

«За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение»... «Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками банды латышей, беспощадно терроризируя беззащитное сельское население, всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда <...> за отказ от погромничества поместий выжигались целые села, вырезались целые семьи». «Вместо законности дикий произвол Чека и Ревтрибунала, вместо хозяйственно-культурного строительства — разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны <...>. Все многомиллионное население коренной России (и Украины), равно и инородческое, за исклю-

чением евреев, брошено на произвол судьбы» <...> «Всюду голод, разруха, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями. Поистине над Россией творится какая-то черная месса для идолопоклонников»:

Несомненно, что статью Биккермана читал В. В. Шульгин. Вот отрывок из его книги, написанный, согласно моей гипотезе, по «биккермановской матрице».

«Не нравится нам то, что вы фактически стали нашими владыками. Не нравится нам то, что, став нашими владыками, вы оказались господами далеко не милостивыми; если вспомнить, какими мы были относительно вас, когда власть была в наших руках <...> под вашей властью Россия стала страной безгласных рабов <...>. Вы жаловались, что во время правления «русской исторической власти» бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего властвования! И вы спрашиваете, что нам в вас не нравится!!!» (с. 35).

Во время нелегального посещения СССР зимой 1925—1926 года, когда Шульгин перешел границу, чтобы найти своего сына, все передвижения Шульгина по стране, его поездки в Киев, Ленинград, Москву внимательно контролировались ОГПУ в рамках операции «Трест». И несмотря на то, что, находясь в эмиграции с 1920-го по 1925 г., Шульгин написал три антисоветских книги — «Годы», «Дни», «1920», ОГПУ не чинило ему никаких помех и спокойно выпустило его обратно на Запад, надеясь, что после посещения СССР борец с советской властью напишет книгу, лояльную по отношению к молодому государству. Так оно и случилось, «Три столицы» стала именно такой книгой. И, наверное, после этого Шульгин мог бы вернуться на Родину, но в 1928 году он вдруг издал в Париже новую книгу с названием «Что нам в них не нравится», после чего путь на Родину ему, конечно, был отрезан. Именно за эту книгу (поскольку после нее никаких других он не издавал) Шульгин, 66-летний старик, после освобождения от немцев Югославии в 1945 году был арестован СМЕРШем в маленьком сербском городке Сремски Карловцы, в котором тихо жил с 1931 года, препровожден в Москву, где «за активную антисоветскую деятельность» был приговорен судом к 25 годам тюрьмы... Этот фантастический срок он получил, конечно же, за то, что в своей последней книге нарушил всякие

запреты и рассказал всю правду о еврейском палачестве в годы революции и Гражданской войны. Вспомним еще раз, что за прежние три антисоветские книги, в которых еврейский вопрос не поднимался, он не понес никакого наказания.

Третьим человеком (после монархиста Шульгина и русского поэта А. Ганина), который, видимо, был знаком с книгой «Россия и евреи» и читал статью Биккермана, оказался не кто-нибудь, а молодой Гитлер, который в конце 1923 года попал за попытку государственного переворота в баварскую тюрьму, где начал писать «Майн кампф», ставшую вскоре мировым бестселлером, который был переведен на все языки мира и отпечатан тиражом более 10 миллионов экземпляров. Книга была переведена и на русский язык, но для служебного пользования, что совершенно понятно, поскольку в главе о Советской России будущий германский вождь размышлял о том, что получается с народами, власть над которым захватывают инородцы, резал напрапалую «правду-матку», перемешивая ее с грубой пропагандистской ложью:

«Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фантастической дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, — и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов»...

Молодой Адольф Алоизович в этой тираде почти слово в слово повторил мысли о местечковых палачах, сказанные либеральным сефардом Биккерманом, русским националистом и поэтом Алексеем Ганиным, монархистом и белогвардейцем Шульгиным. Правда, в двух местах он дал волю своему вульгарному площадному стилю, когда ради красного словца озвучил совершенно немыслимую цифру «жертв еврейского террора» — 30 млн. человек, и когда заклеил «биржевых бандитов», видимо, перепутав Россию с Германией. В России в сферах высшей власти «биржевых бандитов» не было. Были «пламенные революционеры».

* * *

В главе «Метисы» из энциклопедии «Холокост» подробно излагается расовая теория «нюрнбергских законов» о «чистоте расы», о смешанных браках», о «защите герман-

ской крови и духа от всякого рода «метисов», «бастардов» и «ублюдков», то есть «полукровок», «квартиронов» и прочих немецких граждан, «нечистых в расовом отношении». Однако крайне любопытно, что автор статьи «Метисы» А. Эхманн (чуть-чуть не Эйхман) нигде и ни разу не засвидетельствовал известную историкам всего мира истину о том, что вся «арийская» верхушка гитлеровского рейха, начиная от самого фюрера, была «метисами», «бастардами» и «ублюдками». Авторам «Энциклопедии» не хватило научной честности признать тот факт, что исполнителями дьявольского замысла об **«окончательном решении еврейского вопроса»** были близкие жертвам по крови, а жрецам и по убеждениям люди. Уровень исторического комментария энциклопедии часто не выдерживает никакой критики. Вот что, к примеру, пишет главный ее куратор, шеф-редактор, американский историк И. Лакер:

«Почему же евреи не оказали нацистам большого сопротивления? Потому что доля молодых мужчин и женщин, имевших военную подготовку, в еврейском населении была ничтожна. Впрочем, даже само число молодых евреев и евреек к тому времени сильно сократилось от голода и болезней, и немало их замерзло в суровые зимы, поскольку евреям не разрешалось иметь теплые жилища и одежду». Но почему-то те же местечковые евреи эпохи революции и гражданской войны в России, по словам Д. Пасманика, одного из авторов книги «Россия и евреи», **«далекие от воинственной жизни (...) не умевшие владеть оружием»** — когда надо было, моментально овладели этим искусством и **«оказались среди палачествующих головорезов»!** Такое солидное издание и такие наивные аргументы!

«Толерантность» Лакера доходит до того, что он не «помнит», как евреи Кастнер и Эйхман отправили в 1944 году несколько сотен тысяч венгерских евреев в польские лагеря смерти, как глава Вильнюсского юденрата Якоб Генс утопил в крови все попытки молодых евреев поднять в гетто вооруженное восстание против нацистов и их еврейских пособников.

Одно дело возмущаться, споря с антисемитами всех стран и народов, делая из Холокоста орудие политической борьбы и успешной бизнес-индустрии, другое — честно признаться, как Ханна Арендт, что в еврейской трагедии во многом виноваты твои соплеменники. Если бы это обстоятельство было известно историкам, политикам и широкому мировому обществен-

ному мнению в 1948 году, то едва ли бы Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за создание государства Израиль.

А вот еще смехотворный «исторический комментарий» из энциклопедии «Холокост»: *«Среди вещей, принадлежавших убитой императрице Александре Федоровне, нашли экземпляр «Протоколов» Нилуса, что белогвардейцы истолковали, как свидетельство убийства императорской семьи евреями»*... Как будто у белогвардейцев не было других аргументов! Мне даже неловко объяснять автору статьи о «Протоколах сионских мудрецов» Михаэлю Хочемейстеру и шефу-редактору энциклопедии Уолтеру Лакеру, что расстрельной командой в Ипатьевском доме руководил местечковый палач Хаим Юровский, что рядом с ним были его подельники Шая Голощекин и Лазарь Пинхусович Войков, что за их спинами стоял всемогущий московский сатрап Яков Свердлов, что в числе расстрельной команды были «мадьяры» с фамилиями Эдельштейн, Гринфельд и Фишер, что все свидетели, вошедшие по горячим следам в роковой подвал Ипатьевского дома, зафиксировали надпись на стене, торжественно сообщавшую миру на древнееврейском языке о «крушении царства»... А тут какой-то детский лепет о том, что императрица читала «Протоколы сионских мудрецов» и что это обстоятельство было единственным аргументом, которое подпитывало слухи о расстреле царской семьи евреями.

«Глобочник Одиль (1904–1945) – старший офицер СС. В 1941–1943 приводил в исполнение «окончательное решение» на территории Польши. Г. подписывал распоряжения, согласно которым евреев направляли на тяжелые принудительные работы, а их собственность конфисковали. По его приказу были уничтожены свыше 2 млн. польских евреев. В мае 1945 в ожидании суда над военными преступниками Г. покончил жизнь самоубийством».

Все в этой справке, опубликованной в энциклопедии на странице 194, правда. Не сказано лишь о еврейском происхождении Глобочника.

Та же операция «толерантного умолчания» о том, «кто есть кто», совершена по отношению к Йозефу Крамеру («Офицер СС», «Адъютант Р. Гесса в Освенциме», «Командант лагеря Нацвеймер Штрутхоф», «В последние месяцы войны командант концлагеря Бреген Бельзен», «Осужден британским

судом и казнен»). С таким же биографическим «изъятием» составлена справка на ключевую фигуру в истории Холокоста — оберштурмфюрера СС Курта Герштейна, который начинал свою служебную карьеру борцом антинацистского сопротивления, распространял брошюры и листовки, призывавшие к борьбе с гитлеровским режимом. Но после двух арестов вдруг был принят в ряды СС, сделался поставщиком ядовитого газа «Циклон Б» для концлагерей. Одновременно Герштейн стал распространителем среди иностранцев ужасных слухов о массовых уничтожениях евреев, о предстоящих депортациях и репрессиях, слухов, целью которых было «вытеснение» европейских евреев из Европы на Ближний Восток. А ключевой фигурой в истории Холокоста он стал потому, что именно устами этого хорошо подготовленного провокатора на Нюрнбергском процессе впервые была запущена в юридический обиход зловещая легенда о 6 миллионах. Ничего вышесказанного в энциклопедии «Холокост» о Курте Герштейне нет, так же как и о его национальной принадлежности.

Кончил он свою жизнь, как и положено функционерам такого масштаба — «самоубийством» во французской тюрьме в 1945 году. Держать его дольше в живых было нецелесообразно и опасно.

* * *

Шефом-редактором энциклопедии «Холокост» является американский специалист по «русскому фашизму» Уолтер Лакер. В свое время Вадим Валерианович Кожинов беспощадно высмеял исторические фальсификации Лакера о русских черносотенцах:

«Этот «русовед» объявляет, например: «Что касается окончательного решения еврейского вопроса», то Пуришкевич предлагал переселить евреев в районы Колымы и к Заполярному кругу, тогда как Марков считал, что все евреи «до последнего» должны быть перебиты в предстоящих погромах. Союз (русского народа. — Ст. К.) внес свою легенду в воплощение этой идеи в жизнь, организуя жестокие погромы.

«Перед нами, — комментирует В. Кожинов эти «откровения» Лакера, — уникальная по своей развесистости клюковка <...> когда и где внес свое «предложение» Пуришкевич, Лакер не

сообщает <...> профессиональный лгун У. Лакер считает допустимым внушать своим читателям, что Н. Е. Марков требовал развернуть колоссальную кампанию погромов, в ходе которой должны быть уничтожены пять миллионов евреев! Да уж, как говорится, бумага все терпит...», «его задача — пропаганда мифа, согласно которому деятели Союза русского народа — прямые наставники, воспитатели германских нацистов. И ради этого Лакер готов прибегнуть к любым фальсификациям» <...> «Это, прямо скажем, наглейшее сопоставление <...> стало излюбленным занятием многих профессиональных русофобов. Один из наиболее влиятельных из них — живущий в США Уолтер Лакер» («Наш современник», №4, 1994 г.) И вот этот «профессиональный лгун», выведивший истоки Холокоста из деятельности Союза русского народа, сегодня курирует, редактирует и пропагандирует громадную 700-страничную энциклопедию о Холокосте. Конечно, под таким «шефством» она иной и быть не могла. Но кроме Лакера к созданию энциклопедии причастны многие породистые и знаменитые ашкеназы вместе с известными русскими шабесгоями. В попечительский совет издания входили писатель Г. Я. Бакланов-Фридман, директор «библиотеки иностранной литературы» Е. Гениева, писатель Д. Гранин, бывший посол США в России А. Вершбоу, А. Гербер, Берл Лазар, Михаил Горбачев, Владимир Лукин, Сергей Филатов, А. Шаевич, Николай Сличенко (поскольку гитлеровцы цыган тоже уничтожали). Руководитель проекта Е. Гениева, она же состояла в редколлегии, где присутствовал от «Мемориала» А. Рогинский, от фонда «Холокост» И. Альтман, от клерикальной диссидентуры «отец Георгий Чистяков», от историков ельцинский архивист С. Мироненко и А. Чубарьян, известные своей прогеббельсовской антирусской позицией в Катынском вопросе.

Конечно, создание государства — величайшая цель и мечта всякого народа. И все народы, имеющие сегодня государства, принесли на протяжении своей истории во имя этой цели громадные жертвы, совершали великие подвиги и великие преступления «против человечности». В двадцатом веке такого масштаба жертву попытались принести и евреям. Оправдана ли была эта жертва — пусть об этом судят они сами. Не чересчур ли великую цену заплатил еврейский народ за осуществление своей мечты, и нет ли угрозы того, что принесенная

жертва (я говорю о шести миллионах) напрасна? А если оно так, то и отцы-основатели этого проекта могут быть подвержены посмертному суду. Но это — еврейское дело. И лучше всего другим народам в него не вмешиваться. А то, что ропот недовольства проектом набирает силу — тому есть серьезные доказательства. Проект «Израиль» — сегодня выглядит совсем не бесспорным, о чем не задумывались восторженные сионисты начала XX века. Сегодня же споры о целесообразности существования Израиля, как говорится, выходят на финишную прямую. Я приведу без комментариев несколько взаимоисключающих мнений по этому поводу.

Мнение первое:

«Сегодня весь мир делится на сионистов и антисионистов — врагов государства Израиль, мирового еврейства, врагов каждого из нас. Их много, и они весьма многолики и разношерстны: от раввинов «Нетурей Карты» до леволиберальных американских и европейских интеллектуалов, от «ненавидящих себя евреев» в Госдепартаменте США и аппарате президента Обамы до редактора газеты «Завтра» Александра Проханова и депутатов Госдумы России, от ливийского диктатора Муаммара Каддафи, который, оказывается, «любит евреев, но ненавидит сионистов», до «патриота Израиля» южно-африканского еврея, бывшего судьи Ричарда Голдстоуна — автора доклада комиссии ООН о «зверствах ЦАХАЛа в Газе» и т. д., и т. п. Не говоря уже об Ахмадинежаде, ХАМАСе и Хезбалле...

Я хочу закончить свое обращение, чуть перефразируя Юлиуса Фучика.

«Евреи! Будьте бдительны!»

Даниил Голубев (Газета «Форум», Нью-Йорк, № 288, 2010 г.)

Мнение второе:

«Первые идеологи сионизма обещали евреям, что если будет создано еврейское государство, то оно окажется единственным местом на земле, где евреи будут находиться в безопасности. И какое-то время казалось, что сионизм вытолпнил это обещание. Однако лето 2006 года положило конец иллюзии безопасности. <...> Многие израильтяне задаются вопросом: если сионизм не оправдал себя, то ради чего они строили страну на болотах, посылали своих детей воевать? Авраам

Бург — бывший спикер Кнессета и сын одного из отцов-основателей государства Израиль. Его недавно вышедшая книга «Победить Гитлера» наделала немало шума. В ней он, в частности, пишет, что сионизм не освободил еврейский народ, а стал катастрофой, приведшей к созданию закрытого гетто, напоминающего концлагеря. Рецензия на книгу была опубликована в том числе и в арабской газете «Аш-Шарк аль-Аусат» под названием «Евреи против Израиля». Однако это не совсем так. Бург отрицает Израиль такой, какой он есть сегодня, но не сам факт существования государства. Бург пишет о возвращении к «духовному сионизму», возрождении еврейской сущности, которая теряется за понятием «израильтянин». Он не одинок в своем мировоззрении, и подобные мысли высказывались евреями на протяжении всей истории сионизма. <...> Мыслители, подобные Бургу, ставят очень серьезные вопросы: а может ли быть в современном мире демократическое государство исключительно «еврейским»? Может ли быть демократическим государство, чье законодательство во многом базируется на религиозных постулатах? Не ведет ли сионизм к расизму, и почему критика этой идеологии приравнивается к антисемитизму? Может ли, в конце концов, государство все время жить с ощущением, что «весь мир против него»?

(«Форум», № 284, 2010 г.)

Мнение третье:

«ТОРА ОСТАНЕТСЯ НЕИЗМЕННОЙ»

Раввин Е. Шварц

Сегодня сионисты празднуют 42-ю годовщину создания своего государства, а мы, евреи, 42-й раз скорбим.

Сионизм утверждает, что нас изгнали потому, что мы были слабы в военном и экономическом плане. Однако Тора говорит: «Мы были изгнаны со своей земли за грехи наши. Только Всемогущий без какого-либо вмешательства со стороны людей после полного искупления наших грехов вернет нас из изгнания. И настанет всеобщий мир».

С момента возникновения сионизма все ведущие раввины решительно выступили против него, ибо сионизм — против-

ник нашей Торе и веры. Например, один из величайших раввинов того времени Шулем Дов Бер Шнейерсон писал, что даже если сионисты чтити бы Тору, мы все равно должны выступать против идеи их государства, ибо мы дали клятву Всемогущему «не прибегать к усилиям людей в создании государства, не восставать против наций, не освобождаться от изгнания раньше времени» (Талмуд, стих IIIa). Мы должны противиться такому государству, ибо оно противоречит нашей реальной надежде и нашей вере, и лишь один Всемогущий вернет нас из изгнания, когда придет Мессию.

Каждый, кто так или иначе помогает сионизму, будет отвечать перед Всевышним, ибо играет на руку тем, кто вводит массы людей в заблуждение. Каждый, кто предан Б-гу и его Торе, не должен сотрудничать с сионистами. Напротив, необходимо бороться с сионизмом всеми возможными способами. Так писал 90 лет назад последний Любавический раввин.

Постепенно развращаемые деньгами и почестями, сионисты продались золотому тельцу. Те, кто хотел сохранить свою веру и продолжать борьбу с сионизмом, отошел от этих партий.

Сионистское государство эксплуатирует «главных раввинов» и использует «религиозные партии» для того, чтобы придать себе клерикальную внешность. Они изучают Тору с комментариями, приспособленными для того, чтобы придать содержащимся в ней словам националистическую окраску.

Настоящие евреи против того, чтобы изгонять арабов с их земли и из их домов.

Согласно Торе, им следует вернуть их землю.

Евреям запрещается господствовать, убивать, унижать другие народы или причинять им ущерб, а также иметь что-либо общее с сионистами, их политическими авантюрами и войнами.

Мир должен знать, что сионисты украли название «Израиль» и не имеют права выступать от имени еврейского народа.

(«Нью-Йорк таймс», 30.04.1990 г.)

Неужели «израильский вектор» меняется, и побежденная было идея сефардов возрождается из пепла и берет реванш у отцов-основателей Израиля, у местечковых ашкеназов с «косматыми сердцами»?

Идеологическое и даже нравственное обеспечение «революционного правосознания» (то есть террора) взяли на себя множество историков, превозносившие Французскую революцию, как предтечу Октябрьской. Обо всех ее вождях, обо всех женщинах — «фуриях Французской революции» в 20—30-х годах были написаны популярные книги в серии «Жизнь замечательных людей». Авторы — Блос, Захер, Ольшевский, Фридлянд и т. п. Интересно, что сию эстафету после «оттепели» приняли духовные дети авторов этой эпохи — шестидесятники, с упоением ринувшиеся в Политиздат с рукописями о пламенных революционерах всех времен и народов — о Робеспьере (А. Гладилин), о Пестеле (Б. Окуджава), о Красине (В. Аксенов).

А поэтов и прозаиков, воспевавших террор, в молодой советской литературе 20—30-х годов было хоть пруд пруди. «Героями ихнего времени» в полном смысле стали чекисты. Иные местечковые таланты не просто восхищались чекистами и славили их, но почитали за честь верой и правдой служить в ведомстве Дзержинского и Ягоды. Из автобиографического рассказа Исаака Бабеля «Дорога», в котором писатель вспоминает о том, как поступал на службу к Моисею Урицкому:

«Наутро Калугин повел меня в ЧК на Гороховую, 2. Он поговорил с Урицким. Я стоял за драпировкой, падающей на пол суконными волнами. До меня долетали обрывки слов.

— Парень свой, — говорил Калугин, — отец лавочник, торгует, да он отбился от них... Языки знает.

Комиссар внутренних дел коммуны Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обожженные бессонницей, разрыхленные, запухшие веки...

Не прошло и дня, как все у меня было — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме, как в нашей стране <...> так начиналась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья...» (Как тут не вспомнить Мандельштама — «я лишился и чаши на пире отцов и **ВЕСЕЛЬЯ** и чести своей»!)

Рассказ был написан Бабелем в начале 30-х годов, а через десять лет «**верные в смерти товарищи**» поставили чеки-

ста Бабеля (бывших чекистов не бывает) к стенке. Он, к сожалению, так и не успел написать роман «Чека», о котором в свое время поделился замыслом с Фурмановым. Александр Исбах так описывает этот эпизод: *«В тот день Бабель говорил Фурманову о планах своего романа о «Чека». Я не помню точно его слов, но Митяй, как всегда, записал их в своем дневнике. — Не знаю, — говорил Бабель, — справлюсь ли, очень уж однобоко думаю о ЧК. И это оттого, что чекисты, которых я знаю, ну... просто святые люди... И я опасаясь, не получилось бы приторно. А с другой стороны, не знаю вовсе настроений тех, кто населяет камеры, это меня как-то даже и не интересует...»*

Вообще-то круг его интересов был широк и даже изыскан. Однажды во время посещения Зимнего дворца он позволил себе завалиться в альков императрицы, не сняв сапоги. Демонстративно. Мало того что зверски убили императора и жену, и детей, и слуг, но надо было еще с мстительным сладострастием покошунствовать! Ну добро бы такое совершил какой-нибудь пьяный матрос, несовершеннолетний умом и душою! Но — интеллигент, писатель, «языки знает»... Поистине «косматое сердце».

Когда вознесся красный флаг
на небом северной столицы,
писатель Бабель Исаак
залез в альков императрицы,
прилег, не снявши сапоги,
чтоб возвратить в одно мгновенье
всем соплеменникам долги
за слабость и уничиженье.
Но ровно через двадцать лет,
из революционной чаши
допив до дна, обрел ночлег
на нарах. Около параша...
Урок не впрок. Один актер,
недавно Сталина играя,
в его постель залез, как вор...
но это — серия вторая.

Это мои стихи 1991 года...

Интересовался Бабель и судьбами крестьянства. Весной 1930 года он **«принимал участие в кампании по коллективи-**

зации **Бориспольского района Киевской области»** (это его собственная формулировка). Когда же он вернулся в апреле 1930 года в Москву, то сказал своему другу Багрицкому: **«Поверите ли, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей»** (Липкин Семен. «Квадрига». М., 1997 г., стр. 59).

Через год Бабель опять отправился в те же места. Поправилось, видно, ему смотреть на картины расстрелов. (Воспоминания о Бабеле. М., 1989, стр. 327.)

Можно предполагать, что с момента ареста в 1939-м году и до расстрела в 1940-м писатель узнал *«настроения тех, кто населяет камеры»*. Но это знание уже не помогло ему в работе над романом «Чека». Другой его ровесник, менее знаменитый, успел написать пьесу «Чекисты» — это был М. Козаков, отец знаменитого актера Михаила Козакова, блистательно сыгравшего в кино роль Дзержинского. Знание чекистов у него было семейной традицией. Старший Козаков не случайно же был удостоен чести попасть в бригаду писателей, поехавших по предложению Генриха Ягоды изучать опыт перевоспитания «социально чуждых элементов» на Беломорканал, в гости к «воспитателям» и высшим чинам ГУЛага Берману, Раппопорту, Когану, Френкелю и Фирину. Бригада на 80% состояла из местечковых талантов — Михаил Козаков, Виктор Шкловский, Семен Гехт, Вера Инбер, Леопольд Авербах, Анна Берзинь, Лев Славин, Яков Рыкачев, Бруно Ясенский, Лев Никулин, Евгений Габрилович, Александр Безыменский и другие вдохновенные певцы ЧК и ГУЛага. Книга, которую они сотворили, была эпохальной и опасной: она несла на себе проклятие «Декрета об антисемитизме». Через 30 лет после ее создания Александр Солженицын обнаружил имена воспетых литераторами чекистов, и его за этот скромный подвиг идейные внуки Урицкого и Ягоды объявили антисемитом.

С особым благоговением местечковые поэты славили чекистов женского пола. Джек Алтаузен сделал это с непревзойденной искренностью в стихотворенье, названном простенько и со вкусом: «Чекистка».

Притворяться мне не пристало.
Как я рад, что увидел ту,
У которой должны кристаллы
Занимать ее чистоту.

Тут надо пояснить, что под «кристаллами» он имел в виду драгоценные камни, для которых эталоном является «чистота чекистки». Автор горюет, что от тяжелейшей работы у его бриллиантовой подруги поседели волосы:

Почему пробивается проседь
У чекисток моей страны?

И дает ей клятву мужской и гражданской верности:

Потому что солгать ей — значит
Все равно, что солгать стране.

Когда Алтаузен сочинял эту оду, он одновременно со своими друзьями (М. Голодным, С. Кирсановым, И. Уткиным, А. Безыменским) подписал сочиненное ими же письмо в «Правду» о том, что хулиган и дебошир поэт Павел Васильев *«уже давно прошел расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма»*, что *«он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками»* и что *«необходимо принять решительные меры»*. Письмо было опубликовано в «Правде» 24 мая 1935 года, и вскоре *«решительные меры»* в отношении Павла Васильева чекистами и «чекистками» были приняты.

Ближайший друг Павла Васильева Ярослав Смеляков, конечно же, зная стихи Алтаузена о чекистке, написал впоследствии стихотворение, являющееся историческим ответом алтаузенскому панегирику.

ЖИДОВКА

Прокламация и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая ни мать, ни жена —
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она...

Брызжет кляксы чекистская ручка.
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.

Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти.
Никому никаких снисхождений
Никогда у нее не найти.

Все мы стоим того, что мы стоим.
Будет сделан по-скорому суд,
И тебя самое под конвоем
По советской земле повезут.

Обратим внимание на то, что Смеляков в свое время дружески обратившийся а Антокольскому — «Здравствуй, Павел Григорьич древнерусский еврей» здесь употребил запретное для советской идеологии слово «жидовка». Он знал, что между этими понятиями есть большая разница. Знал это и Сергей Есенин, написавший в поэме «иорданская голубизна» — «древняя тень Маврикийи родственника нашим хочнам, дождиком в нивы златые нас посетил Аврааль», но создавший через несколько лет в «Стране негодяев» образ русофоба Чекистова: «с каких это пор ты стал иностранец? Я знаю, что ты настоящий жид, ругаешься, как ярославский вор, но фамилия твоя Лейбман, и черт с тобой, что ты жил за границей. Все равно в Могилеве твой дом». Естественно, что в советских изданиях этого слова в поэме не было.

Ярослав Смеляков родился и вырос в глухом белорусском местечке и хорошо знал, какой «чистоты» были эти «бриллианты» с именами Розалия Залкинд-Землячка, Лариса Рейснер, Софья Гертнер, работавшая следователем ленинградского управления ОГПУ-НКВД, о которой «Аргументы и факты» в 1993 году (№ 19) сообщили: *«Гертнер изобрела свой метод пытки: привязывала допрашиваемого за руки и за ноги к стулу и со всего размаха била туфелькой по «мужскому достоинству».* Среди чекистов и заключенных ее звали «Сонька золотая ножка». В книге известного историка эмигранта С. Мельгунова «Красный террор», изданной на Западе в 1923 году, а у нас впервые в 1990-м, есть упоминания о многих «фуриях рево-

люции»: о Евгении Бош, свирепствовавшей во время гражданской войны в Пензенской области, о знаменитой своими жестокостями следователе Киевского ЧК по фамилии Ремовер, о бывшей фельшерице Тверской губернии Ревекке Пластининой-Майзель, ставшей женой архангельского чекиста Кедрова и одновременно сотрудницей архангельского ЧК. Все вроде бы правильно в этой книге, но поскольку послесловие к ней писал известный правозащитник А. Даниэль, становится понятным, почему она была издана в начале перестройки: у Мельгунова, а тем более у Даниэля нет ни слова о национальности этих местечковых ведьм-ашкеназков. Более того, причины жестокости Октябрьской революции, гражданской войны и «красного террора» и осторожный историк Мельгунов, и комментатор Даниэль объясняют, цитируя неумные и смехотворные высказывания Максима Горького из его работы «О русском крестьянстве»: *«Когда в «зверствах» обвиняют вождей революции — группу наиболее активной интеллигенции, я рассматриваю это обвинение, как ложь и клевету»* <...> *«Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа»*. А между тем в «Красном терроре» приводятся слова Зиновьева (*«меч, вложенный в руки ЧК, в надежных руках. Буквы ОГПУ не менее страшны для врагов, чем буквы В. Ч. К. Это самые популярные буквы в международном масштабе»*) или «стихотворенье» чекиста и «поэта» Эйдука, опубликованное в «Тифлисской книге» под названием «Улыбка Чекиста»:

Нет большей радости, нет лучших музык,
как хруст ломаемых жизнью и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
и начинается буйно страсть в груди всплывать,
черкнуть мне хочется на вашем приговоре
одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять».

Но и Зиновьев, и Эйдук для Мельгунова и Даниэля всего лишь «коммунисты», не имеющие национальности. Правда, у чекистки из Киева Ремовер национальность есть — она «венгерка», видимо такая же, как «венгр» Бела Кун и Матиас Ракоши. Но жесток именно «русский народ», как это утверждает великий пролетарский писатель, в молодости крепко избитый деревенскими мужиками, которым не понравились речи молодого Пешкова, призывавшего их к революции. Впрочем и дру-

гие классики наши тоже не стеснялись в изображении русской жестокости. Вспомним хотя бы персонажи из «Тараса Бульбы», из «Капитанской дочки», из «Тихого Дона». Но в то же время рядом с этими жестокими героями жили и князь Мышкин, и Платон Каратаев, и Максим Максимыч — тоже русские люди. Да что говорить! Не жестоких революций в мире не было и не будет. Кроме одной, бескровной, ограничившейся голгофской жертвой. Горький не прав хотя бы потому, что, читая Пушкина, Гоголя и Есенина, понимаешь: русская жестокость — это стихия, мгновенно вспыхивающая от несправедливости и легко гаснущая. Народ живет чувством, всплеском отчаяния, отмщения, негодования. Они — эти всплески — естественны, а жестокость нашей революции XX века была неестественной, теоретически обоснованной, юридически обставленной, коммерчески организованной, тоталитарно выстроенной. Словами «большевизм» или «классовая борьба» здесь ничего не поправишь, они лишь кое-как маскируют жестокий и бессмысленный характер революции, хлынувшей во власть в первые революционные годы. Октябрьская революция должна была быть русской и в не меньшей степени революцией национальных интересов, нежели североамериканская 1861—1865 годов или революция Ататюрка, произошедшая в одряхлевшей султанской империи.

Революция, конечно же, была неизбежной. Слишком долго правящее сословие России злоупотребляло крепостным правом, которое сыграло свою решающую роль в становлении Российской империи в XVI—XVIII веках, но после войны 1812 года потеряло свою историческую плодотворность и стало почвой для семян грядущих бедствий. Освобождение крестьян без земли в крестьянской стране еще глубже вбило клин в трещину русской жизни. Но если бы не местечковые дрожжи, вспучившие революционное тесто, наша смута была бы гораздо менее жестокой и кровавой, как и коллективизация. А «контрреволюции 1937 года» тогда вообще могло бы не быть. Безответственные слова Максима Горького о тотальной «жестокости русского народа» и в первую очередь русского крестьянства, его попытки оградить от обвинений в «зверствах» революции ее вождей («группу наиболее активной интеллигенции») выглядят особенно бессовестно и лживо на фоне решений, которые принимались «вождями» в 1918—1919 годах: декрет о наказаниях вплоть до бессудного расстре-

ла за проявления антисемитизма, сочиненный Свердловым; его же совместная с Ионой Якиром программа рассказывания... А кровавая программа Красного террора? Это что — проявления «русского народной жестокости»?

Еще задолго до летних событий 1918 года Свердлов — этот местечковый сатрап, выступая 20 мая на заседании ВЦИКа заявил: *«Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в этом случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городе, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов».*

После этого за недосдачу крестьянами хлеба по продрозверстке им полагалось 10 лет тюремного заключения.

А после покушения на Урицкого и Ленина ВЦИК под председательством того же Я. Свердлова вынес специальное постановление: *«Расстреливать всех контрреволюционеров, предоставить районам право самостоятельно расстреливать... Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря... Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах»*

А если еще вспомнить о системе заложников, разработанной Троцким для подавления армией крестьянских восстаний, о расправе по его приказам с русскими полевыми командирами — Мироновым, Думенко, Сорокиным, то, конечно, слова Горького о непричастности «вождей революции» к «зверствам» Гражданской войны, являются позорной страницей его биографии.

* * *

Особую роль, более сложную и противоречивую, в идеализации революционного терроризма сыграло творчество Бориса Пастернака. На короткое время весной 1917 года он стал,

как Леонид Канегиссер, поклонником Февральской революции красных бантов и в косноязычных, но страстных стихах проклял Ленина. Цитировать эти вирши бессмысленно, потому что они состоят из призывов «жги!», «режь!», «грабь!». Их якобы выкрикивает Ленин, едущий в Россию в plombированном вагоне при помощи коварных немцев и «стрелочника-ганноверца», передвинувшего железнодорожные стрелки в нужном направлении. Пафос стихотворения был естественен — Пастернак, как и Канегиссер, происходил из добропорядочной известной буржуазной семьи, и ему было не по пути с местечковыми волчатами.

Однако через несколько лет Борис Леонидович эволюционировал и написал поэму «Девятьсот пятый год», в которой воспел знаменитую террористку Марию Спиридонову, участвовавшую в 1905 году в убийстве московского шефа полиции генерала Трепова:

Жанна д'Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Кто бросались в житейский колодец,
Не успев соразмержить разбег.

Ты из сумерек, социалистка,
Секла свет, как из искры огнив,
Ты рыдала, лицом василиска
Озарив нас и оледенив...

Но в 1922 году большевики организовали судебный процесс против левых эсеров, и Мария Спиридонова, возглавлявшая этот спецназ революции, вновь, словно в царское время, пошла по тюрьмам и ссылкам вплоть до войны 1941 года. Последний срок она отбывала в орловской тюрьме, где и была расстреляна перед отступлением наших войск из Орла.

Пастернак же, отметив поэмой «Девятьсот пятый год» двадцатилетие первой русской революции, стал готовиться к юбилею революции Октябрьской и сочинил в 1927 году поэму «Высокая болезнь» в честь Владимира Ильича Ленина, по воле которого в 1922 году все руководство левых эсеров исчезло с политической арены. В «Высокой болезни» Ленин изображен уже отнюдь не «немецким шпионом», террористом и

площадным демагогом, а «гением», управляющим ходом мировой истории: *«он был, как выпад на рапире», «он управлял течением мысли и только потому страной»*... Победителей, как говорится, не судят, а славят... Но следующим победителем стал Иосиф Сталин, и Борис Леонидович циклом блистательных стихотворений, открывающих новогодний номер газеты «Известия» за 1936 год, перевернул первую страницу Советской Сталинианы:

А в эти дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной.

Да, до культа чекистов Пастернак не опускался. Но очень хотел быть своим для власти. Опомился от соблазнов революционной романтики, от обаяния народоволок, знаменитых террористок и вождей Борис Леонидович только на закате жизни, видимо, вспомнил свое «сефардское», буржуазно-интеллигентское происхождение, и то, что он все-таки крещеный еврей, и, написав покаянный роман «Доктор Живаго», в сущности, перечеркнул поэтические заблуждения не только своей молодости, но и почти всей жизни.

Когда-то Борис Пастернак, обращаясь к Владимиру Маяковскому, писал:

Я знаю: Ваш дар неподделен,
Но как Вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем Вашем пути?

Борис Леонидович недоумевал напрасно. Плебей Маяковский вышел из семьи русских разночинцев, и путь его в революцию был естественен. Но как «могло занести» благополучного еврейского вундеркинда Пастернака с его знатной родней в Англии, с его марбургским образованием — в старейшем университете Европы, с его окружением из художников и композиторов в мир эсерки Спиридоновой, большевика Лени-на, диктатора Сталина?

Когда читаешь поэтическую летопись 20—30-х годов, вышедшую из-под пера наших ашкеназов, то ужасаешься ирра-

циональной злобе, исходящей от их восклицаний. Иные стихотворения из книги тех лет могут быть с успехом использованы как материал для психиатров:

Гора наш сев,
Жги! Рви! Язви!
Ты им страшной землетрясений,
ходи в сердцах,
бунтуй в крови.
Мути им ум,
ломай колени.

Это — из поэтических откровений Михаила Голодного (Эпштейна),

Довольно!
Нам решать не ново.
Уже подписан приговор.

Это его же строки, как и стихи, требующие расправы над поэтом Павлом Васильевым:

Ох, поздно ж, пташечка, ты запела,
Что мы решили — не перерешить,
Смотри, как бы кошка тебя не съела,
Смотри, как бы нам тебя не придушить.

У Михаила Светлова-Шейхмана, именем которого и сейчас названы сотни детских и юношеских библиотек России, культ ЧК-ОГПУ даже по тем временам казался недостижимым для других поэтов:

Я пожимаю твою ладонь —
Она широка и крепка.
Я слышу, в ней шевелится огонь
Бессонных ночей Чека.

У поэта как будто не было другой жизни, кроме как в чекистских застольях и на чекистских дачах, где приятно **«закусывать мирным куском пирога»**.

Пей, товарищ Орлов,
Председатель ЧК...

.....
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.
Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони
отчаянных дней.
Приговор прозвучал,
Мандолина поет
и труба, как палач
Наклонилась над ней.

Призывая мировую революцию, Багрицкий, как и Светлов, одновременно обожал пировать с чекистами, иногда в доме какого-нибудь несчастного «пущенного в расход»:

Чекисты, механики, рыбоводы <...>
Настала пора — и мы снова вместе!
Опять горизонт в боевом дыму!
Смотри же сюда, человек предместий,
— Мы здесь! Мы пируем в твоём дому!

Ради этого постоянно повторяющегося пиришества в чужом доме революционеры-ашкеназы со страшной решимостью отrekliсь от быта родной им по происхождению местечковости. Багрицкий произнес по ее адресу такие проклятия до которых, пожалуй, ни один мракобес-антисемит бы не додумался.

Еврейские павлины на обивке,
Еврейские скисающие сливки,
Костыль отца и матери чепец —
Все бормотало мне:
— Подлец! Подлец!

Поэт с бесстрашием жестокости отрелся даже от своего происхождения.

Любовь?

Но съеденные вшами косы;
Ключица, выпирающая косо;
Прыщи; обмазанный селедкой рот
Да шеи лошадиный поворот.

Эта совершенно физиологическая злоба по отношению к близким удручающая. Она не просто не в традиции русской классики, но и вообще литературы. Как будто не было в мире трогательных и печальных героев Шолом-Алейхема, как будто не у кого было поучиться поэту кровной любви и духовному чувству, роднящему нас с каждым, и в первую очередь с нашими близкими. В этом авангардистском бунте Багрицкого против своего родного быта нет ничего трагического, то есть очистительного, а есть только злоба.

Родители?

Но в сумраке старея,
Горбаты, узловаты и дики,
В меня кидают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки.

Я покидаю старую кровать:

— Уйти?

Уйду!

Тем лучше!

Наплевать!

Никакой боли не испытывает герой, уходя из отчего дома, как будто не здесь зачали его, вскормили материнским молоком, как будто подменили ему человеческое сердце волчьим. И уходит он с родного порога, огрызнувшись по-волчьи. Такого комплекса в русской поэзии не было и быть не могло. Воспитав в себе ненависть к своему родному, очень легко и просто возненавидеть все чужое. Ненависть — заразительна

В те же годы вторя Эдуарду Багрицкому, один из самых ярких поэтов, вышедших из местечковой утробы, Михаил Светлов в стихотворении, многозначительно названном «Песня Моисея», так «изживал» из себя еврея:

Летит агаман за военной добычей,
Земля польхает кругом,
Но спит Житомир, и спит Бердичев,
И спят местечки кругом.

Стоит синагога, сквозь сумрак темнея,
Стоит, как ноев ковчег...
На белые бороды старых евреев
Падает белый снег.

Сестра! Разбуди утомленного брата,
Собраться в поход помоги!..
Овчинная шапка, ручная граната,
Походные сапоги...

Иду на рассвете по снежной пороше,
Сверкает штыка острие.
Я самую сильную молнию брошу
В проклятое детство мое!

Рифмованные и прозаические опусы, приветствующие все чекистские деяния, все судебные процессы от Шахтинского дела до 1937–1938 годов, сочиняли апологеты террора – Павел Антокольский, Семен Кирсанов, Александр Безыменский, Э. Дельман – отец Натана Эйдельмана, Перец Маркиш, – все возмужавшие во время революции, «красного террора» и гражданской войны... А еврейское засилье в органах ЧК-НКВД в 20–30-х годах можно сравнить сегодня разве что с невероятным процентом «комиссаров информационной безопасности» на сегодняшнем нашем телевиденье. Имя им – легион. Они ничего не забыли и ничему не научились, потеряв всякий разумный инстинкт самосохранения.

Аналогом же Красному террору 1918–1919 годов в наше время стал расстрел Российского парламента 1993 года. После первых акций устрашения в 1918–1919 годах вся собственность правящих сословий России (монархической, дворянской, чиновничьей, церковной, предпринимательской и т. д.) перешла в руки новой власти, так же как общенародно-государственная собственность, созданная трудом нескольких поколений, после октября 1993 года перешла в руки потомков Урицкого и Володарского.

Но дуэль двух ветвей еврейства все-таки продолжалась и в 30-е годы. Аделина Адалис, как бы вспомнив обвинение со стороны сефарда Д. Пасманика местечковому спецназу, прозвучавшее в 1923 году со страниц книги «Россия и евреи» («Все охамившиеся евреи, заполнившие ряды коммунистов, — все эти фармацевты, приказчики, коммивояжеры, недоучившиеся студенты, и вообще полунинтеллигенты — действительно причиняют много зла России и еврейству»), с самодовольным торжеством победителя ответила ему после коллективизации, в 1934 году, когда положение советских местечковых функционеров вроде бы окончательно упрочилось:

«Мы чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми. Был ли это так называемый мелкобуржуазный индивидуализм, актерская жизнь воображения, «интеллектуальное пиршество» фармацевтов и маклеров? Нет, не был. Наши мечты сбылись. Мы действительно стали «управителями», «победителями», «владельцами», шестой части земли» (А. Адалис, 1934 г., из книги «Воспоминания о Багрицком»).

Однако в это же время человек общерусской культуры (не хочется говорить про него «сефард»), всю жизни бежавший от «иудейского хаоса», от «мщения миру», — Осип Манделштам ужасался чекистско-палаческому пафосу стихов Багрицкого с «нежными костями», которые «сосет грязь», с кровью, которая «вьется», как «подпись на приговоре», «струей из простреленной головы», и, отвергая этот «поэтический садизм», с достоинством и брезгливостью возвращал Багрицкому-Дзюбину его растленные эпитеты и метафоры:

Мне на плечи бросается век-волкодав,
но не волк я по крови своей.
Запихай меня лучши, как шапку в рукав
жаркой шубы сибирских степей,
чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязицы,
ни кровавых костей в колесе,
чтоб сияли всю ночь голубые песцы
мне в своей первородной красе...

(подчеркнуто мной. — Ст. К.)

Но что мог сделать одинокий старомодный гуманист Осип Эмильевич, если за Багрицким бежала целая стая местечковых «волков по крови своей», уже знаменитых, назы-

вавших себя «пролетарскими», «большевистскими» писателями — Александр Безыменский, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Лев Кассиль, Лев Копелев? Последний начинал свою общественную карьеру, как молодой троцкист, расклеивал листовки, распространял брошюры. По молодости простили. Во время коллективизации «раскулачивал» деревню. Получил разрешение носить личное оружие¹. Поступил в ИФЛИ. Во время войны работал переводчиком и пропагандистом. Вступив в составе наших войск в Германию, писал о немцах: **«расстрелять придется, может быть, миллиона полтора»** (из книги «Хранить вечно»). Обнаружив в одном из немецких поселков тяжело раненную немку, этот гуманист, поклонник Шиллера и Гете, приказал своему подчиненному: **«Сидорыч, пристрели!» — Это я сказал от бессилья»** (из книги «Хранить вечно»). А за Копелевым подрастала волна литераторов второго призыва, прославлявших террор 1905 года, «красный террор» 1918 года, террор Гражданской войны. Вот только причину и смысл «большого террора» они не поняли.

Их предки в эпохе былой,
из дальнего края нагрянув,
со связкой гранат под полой
встречали кареты тиранов.

(А. Межиров)

«Дальний край», упомянутой в этой строфе, — местечко Межиров из Галиции, давшее псевдоним отцу поэта, фамилия которого осталась неизвестна истории.

Ровесник Межирова, известный советский переводчик Лев Гинзбург в книге «Разбилось лишь сердце мое» так вспоминал о своем местечковом детстве:

«В школьные годы у меня были тайные от всех игры. Сначала я сам с собой или сам для себя играл в суд, печатал на пишущей машинке грозные определения, пригово-

---

¹ О таких, как Копелев, «раскулачивателях» Соня Марголина в книге «Конец лжи: Россия и еврейство в XX веке» писала: «В конце 20-х годов впервые немалая часть еврейских коммунистов выступила в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью. Только в коллективизации окончательно очеканился образ еврея, как ненавистного врага крестьян — даже там, где до тех пор ни одного еврея не видали».

ры, обвинительные заключения с беспощадной до замирания сердца подписью: «Верховный прокурор СССР, — дальше шел росчерк — какая-нибудь выдуманная фамилия». Ну что это как не «косматое сердце», как не этническая шизофрения? Ею был болен и Арон Кошштейн, издавший в 1939 году книгу «Радостный берег» — о Дальнем Востоке, архипелаге лагерей, в одном из которых именно тогда умирал Осип Манделштам. Кошштейн заклеил троцкистов-бухаринцев в косноязычных, но выпренных стихах:

Их вырвали, как вырывают с поля
Побеги чуждых, злобных сорняков,
О, Сталина незыблемая воля,
Присяга партии большевиков.

Постоянные поиски врагов в 30-е годы, как болезнь, унаследованная от отцов, входила в плоть и кровь нового поколения литераторов, едва возмужавшего к 1937 году. В 1937 году сын Э. Багрицкого (первый муж Елены Боннер) и тоже поэт Всеволод писал: *«Вспоминаю с гордостью теперь я про рассказы своего отца».* Впрочем, сын унаследовал от него не только манию преследования, жившую в генах отца-одессита: *«Оглянешься, а вокруг враги, руку протянешь — и нет друзей. Но если он (век. — Ст. К.) скажет: «Солги!» — солги. Но если он скажет: «Убей!» — убей».* Подражая отцу и буквально повторяя его, шестнадцатилетний юноша пишет:

Какое время! Какие дни!
Нас громят или мы громим (! — Ст. К.),
Я Вас спрошу,
И ответите Вы:
«Мы побеждаем,
Мы правы».
Но где ни взглянешь¹ — враги, враги...
Куда ни пойдешь — враги.

(1938 г.)

---

¹ Так у автора, который, видимо, унаследовал и «одессизмы» отца и манию величия, переходящую в манию преследования.

А творец «Бригантины» — знаменитого гимна авантюристов-романтиков Павел Коган? Он ведь тоже самозабвенно играл не в «казаки-разбойники», а в чекистов времен Ягоды и Агранова.

Мы сами, не распутавшись в началах,
Вершили скоротечные суды.

(1937 г.)

Во имя планеты (! — Ст. К.), которую мы
У мора отбили,
Отбили у крови,
Во имя войны сорок пятого года,
Во имя чекистской породы.

(1938 г.)

В лице молочниц и мамаш
Мы били контру на дому —
Двенадцатилетние чекисты,
Принявши целый мир в родню.

(конец 30-х годов)

Интересны здесь некоторые проговорки. Вроде бы Павел Коган, как его старшие учителя, опирается в своих надеждах на будущее на чекистов, на касту, замкнутую в советских границах, но одновременно пытается говорить о какой-то совершенно утопической местечковой всемирности: «Во имя планеты», а не только России, «принявши целый мир в родню»... И конечно, апогеем этого «глобализма» были знаменитые строки:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя.

Но эта родина — уже не Россия, не «шестая часть земли», на которой, по словам Аделины Адалис, в 30-е годы жили «управители», «победители», «владельцы»... а громадный территориальный монстр, включивший в себя после «мировой революции» всю Европу и Азию с Китаем и Индией. Так что

смешны литературоведы, которые считают эту строфу образцом советского и даже русского патриотизма.

Поразительно то, что, когда война уже случалась в двери нашего Отечества, когда идеологической аксиомой были слова «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», потомки местечковых обывателей продолжали жить в плену болезненных «химер», если говорить словами Льва Гумилева...

Единственным и решающим оправданием этого «потерянного поколения», жившего во власти утопий, было то, что многие из них, мечтая умереть в боях за мировую революцию в районе Ганга, погибли кто в Карелии, кто в донской степи, кто в брянских лесах на священной Отечественной войне... Они так и не поняли, что главная мировая революция совершилась 2000 лет тому назад на их «исторической родине» и что напрасно их отцы и они сами искали ее в самых разных обличьях — в нацистском, в советском, в сионистском.

Но закономерно то, что в 60-е годы, когда последние зарницы багрицко-светловской романтики с культом «бригантины» и «гренеды» вспыхнули было на литературном небе, замечательный русский поэт Алексей Прасолов поставил последнюю точку в этом историческом споре. Будучи подростком, он однажды с ужасом наблюдал, как на воронежской станции Россошь разгружается наш эшелон с ранеными.

Спешат санитары с разгрузкой,
по белому с красным кресты,
носилки пугающе узки,
а простыни смертно чисты.

Кладут и кладут их рядами,
сквозных от бескровья людей...
Прими этот облик страданья
душой присмирелой своей.

Забудь про Светлова с Багрицким,
постигнув значение креста¹
Романтику боя и риска
в себе задуши навсегда...

---

¹ Подчеркнуто мной. — *Ст. К.*

Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
ни правды крикливой надрывы,
ни пыл барабанящей лжи.

Справедливости ради должно сказать, что идейное сопротивление жестокой метафоре Павла Когана — *«Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал»*, оказал его ровесник Наум Коржавин-Мандель, ответивший Когану: *«Я с детства полюбил овал за то, что он такой законченный»*. А еще глубже кровавую, грязную драму революционного еврейства понимал Давид Самойлов (Кауфман), выходец из семьи московских врачей, чья родословная тянулась от западноевропейского еврея-маркитанта по имени Фердинанд, отправившегося с наполеоновским войском в Россию и оставшегося там после поражения французского императора. Он был одним из немногих поэтов военного поколения, понимавших, что в первые годы революции во власть **«хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка... с чуть усвоенными идеями. С путаницей в мозгах, с национальной привычкой к догматизму...»** *«Тут были еврейские интеллигенты или тот материал, из которого вырабатывались многочисленные отряды красных комиссаров, партийных функционеров, ожесточенных, одуренных властью. Им меньше всего было жаль культуры, к которой они не принадлежали»*. Мысли эти Самойлов-Кауфман записывал в дневнике. Опубликованы они были лишь после его смерти. При жизни он, естественно, не рисковал обнародовать их. Скорее всего, *«страха ради иудейска»*. А бояться, понимая все это, было чего. Давид Самойлович был человеком образованным, прекрасно знал и русскую классическую и советскую поэзию, и, конечно же, судьбу Осипа Эмилевича, которому его соплеменники *«с косматými сердцами»* не могли простить того, что он в отличие от них *«не волк по крови своей»* и что он по своей доброй воле лишился и *«чаши на пире отцов и веселья и чести своей»*, «чаши», наполненной слезами и кровью, на *«революционном пиру»* отцов-победителей, где он видел во время *«красного террора»* **«гекатомбы трупов»**.

Так кто же, в конце концов, затравил истинного поэта? Кто ввергал его в нищету, в отчаяние, в мысли о самоубийстве? Гонителями Осипа Мандельштама были, и от этого ни-

куда не деться, в основном критики и функционеры еврейского происхождения. 10 августа 1933 года критик С. Розенталь на страницах газеты «Правда» заявил, что «от образов **Мандельштама пахнет великодержавным шовинизмом**»; за 9 лет до этого уже в 1924 году литературный деятель Г. Лелевич (Калмансон), обличая поэта, писал: «**насквозь пропитана кровью Мандельштама известью старого мира**» (из воспоминаний вдовы поэта Н. Я. Мандельштам)¹.

<1 Сам Осип Эмильевич, вспоминая о травле, которой он подвергся со стороны канувшего в Лету переводчика Горнфельда и его местечковых соратников по писательской среде, писал в «Четвертой прозе»:

«На каком-то году моей жизни взрослые мужчины из того племени, которое я ненавижу всеми своими душевными силами и к которому не хочу и никогда не буду принадлежать, возытели намерение совершить надо мной безобразный и гнусный ритуал. Имя этому ритуалу — литературное обрезание или обесчещение...»>

Как пишет В. Кожин в книге «Правда сталинских репрессий», глава «Драма самоуничтожения»: «**Вероятным доносителем, передавшим в ОГПУ текст мандельштамовской эпиграммы на Сталина, был еврей Л. Длигач, а «подсадной уткой», помогавшей аресту поэта, Надежда Яковлевна называла Давида Бродского... Приказ об аресте отдал в мае 1934 г. зампред ОГПУ Я. Агранов (Сорензон)...**» А сюжетов, когда одни еврейские функционеры советской эпохи уничтожали других — не счесть.

Сын восточного еврея Якова Свердлова Андрей, в должности следователя НКВД, грубо допрашивает в 1938 году жену Н. Бухарина Анну Ларину (Лурье):

«Я была возмущена до крайности, был даже порыв дать ему пощечину, но я подавила в себе это искушение. (Хотела — потому что он был свой, и не смогла по той же причине...)»

Та же коллизия возникла при допросе Ханны Ганецкой — дочери известного европейского революционера Я. С. Ганецкого-Фюрстенберга, бывшего «посредником» между Лениным и Гельфандом-Парвусом: «*Когда Ханна Ганецкая увидела, что в комнату для допроса вошел Андрей Свердлов, она бросилась к нему с возгласом: «Адик! — «Какой я тебе Адик, сволочь!» — закричал на нее Свердлов»...*

* * *

В последний раз бацилла чекистского мышления неожиданно воскресла в творчестве поэта следующего за военным поколением — шестидесятника Давида Маркиша, сына Переца Маркиша, прославившего в свое время террор 1937 года и сложившего свою курчавую местечковую голову в последний год сталинской эпохи. Его сын, переселившийся в 80-е годы прошлого века в Израиль, сочинил на «исторической Родине» своеобразный манифест:

Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.

Мы ели хлеб их, но платили кровью,
Счета сохранны, но не сведены.
Мы отомстим цветами в изголовье
Их северной страны.

.....
.....
Мы дали Маркса вам себе в ущерб,
Мы дали Вам Христа себе на горе.

Когда сотрется лыковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный Караул.

Когда я прочитал это стихотворенье, то не понял: они за наш хлеб «платили» чьей «кровью»?.. Может быть, Маркиш имел в виду «красный террор» 1918 года, когда за наш хлеб было заплачено «нашей кровью»? Или он вспоминает, кровь, пролитую на жертвенник продразверстки и коллективизации? Давайте вспомним сцены из поэмы Багрицкого-Дзюбина «Дума про Опанаса»:

В хате ужинает Коган
Житняком и медом.

Иосиф Коган — местечковый комиссар-ашкеназ, Опанас — гой, украинский крестьянин, которого облагает данью Коган. А если Опанас не подчинится, то:

Усом в мусорную кучу —
Расстрелять и крышка!

Вот какую картину, видимо, держал в уме Маркиш, когда писал: «мы ели хлеб их, но платили кровью». Коган ест житный хлеб Опанаса и если что не так — готов заплатить хлеборобу его же кровью. Но это ведь та же «славянская» кровь, до которой ему Маркишу «нет дела». «Мы дали вам Христа»... Ну это уже наглость. Вы отправили его на Голгофу, чтобы он никому не достался. К тому же никакие они не «сыновья Синая», поскольку их предки рождены в хазарских степях, и семитской крови в жилах детей тюркского племени как предполагают многие историки еврейского происхождения, нет а потому крики из уст ашкеназов об антисемитизме смешны, как и притязания на Ханаан, который их мифологической родиной не является ни в какой мере. Я бы посоветовал Маркишу перечитать книгу Артура Кестлера «Тринадцатое колено», в которой знаменитый историк пишет: *«Меня могут обвинить в том, что я отрицаю право государства Израиль на существование. Но это право опирается не на гипотетическое происхождение еврейского народа и не на мифический Завет Бога Аврааму, а на международный закон, то есть на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 года».*

А мы уже знаем цену резолюциям — если вспомнить, что согласно резолюции той же ООН 1975 года Израиль был объявлен расистским государством, осуществляющим геноцид палестинского народа, а в 1990 году эта резолюция той же ООН была отменена... Так что цена этим резолюциям, как говорится, «копейка в базарный день».

А еще Маркишу хорошо бы познакомиться с книгой профессора истории Тель-Авивского Университета Шломо Занда «Кто и как изобрел еврейский народ», в котором автор доказывает, что «сыны Синая» — это не какие-то чистокровные семиты, а всего лишь потомки различных мелких племен и народностей Африки, Европы и России, объединенные общей религиозной мифологией. В предисловии к русскому изданию этой книги ее редактор Александр Этерман с изящной иронией пишет:

«Евреи, столетиями жившие вне Палестины, были объявлены неделимой и несмешивающейся уникальной расой (увы именно расой), чистой, как слеза, гениальной и безгрешной, на которую не распространяются исторические законы, которая превосходит все остальные человеческие коллективы, расой гонимых избранных, оставшейся нечувствительной к двухтысячелетним соблазнам всех родов, изгнанной в древности со своей земли и прожившей целую вечность в изгнании, сидевший там на чемоданах, пока наконец не наступил установленный заранее момент возвращения и обретения мистических прав ...настоящая научная история Израиля находится в Израиле под фактическим запретом!»

После издания Шломо Зандом своей книги он, как пишет сам *«для истерических авторов сионистских блогов я практически сразу стал врагом народа».*

Ну что остается сказать в заключение «Сыну Синая» Давиду Маркишу? А вдруг он ошибается, как ошиблись его старшие братья, когда жаждали умереть за мировую революцию, а она обернулась Отечественной войной? А вдруг не ему, а нам придется «класть цветы» в изголовье не «северной», а южной ближневосточной страны? Что тогда? Тогда Маркишу придется вспомнить, что он не только «сын Синая», но и побочный сын России, преобразиться из местечкового ашкеназа-чечкиста в благонамеренного сефарда и вернуться на свою не мифическую, а в полном смысле историческую родину, в земле которой лежит прах его предков, и где мы с ним обнимемся, как «дети разных народов». Очень разных...

От страха за судьбу проекта государства Израиль у еврейских историков сегодня просто «крыша поехала».

Недавно я прочитал в газете «Форум» (№ 282, 2010 год) исторические изыскания некоего Семена Файна из Нью-Йорка, в которых историк предъявляет миру счет за геноцид во время иудейской войны I века нашей эры, **«истребивший два миллиона евреев»**, во время которого еще **«один миллион»** был изгнан, еврейское государство «уничтожено». А все это является доказательством того, **«что Иудея и Самария (нынешний Западный берег реки Иордан. — Ст. К.) являются законной родиной евреев и сегодня».**

Пафос этой статьи бесподобен с клинической точки зрения: **«За Холокост 20 века нацисты понесли наказание. По-**

чему же Холокост 1 века остается не наказанным?» Поскольку как считает Семен Файн, Холокост I века н. э. организовали антисемиты-греки при помощи антисемитов-римлян, то, видимо, греки и должны расплачиваться за это преступление, подобно гитлеровским нацистам. Одна беда: с Греции сегодня с ее долгами объединенной Европе взять нечего, и наш историк согласен на территориальные компенсации: **«Два миллиона убитых древних евреев не вернешь, а вот кровные еврейские территории человечество может и должно вернуть, наконец, евреям — истинным их владельцам».**

Если бы грозная фантазия Файна закончилась на этом! Нет, он обвиняет подлых греков в том, что они во времена Александра Македонского, понимая, что их **«древнегреческая мифологическая религия»** устарела, решили избавиться от нее, а взамен **«по достоинству оценили иудейскую религию, ее высокие моральные и нравственные качества <...> Греки поняли, что лишь она своей гениальностью в состоянии спасти греческую нацию. И они решили любыми средствами приобрести Еврейское Священное Писание».**

Короче говоря, для этого греки и уничтожили два миллиона евреев (и один миллион изгнали), захватили в свои грязные антисемитские руки священные еврейские книги и состряпали из них свою Библию, **«состоящую из Ветхого и Нового заветов».** Поскольку они стали хозяевами положения, то насочиняли все, что их душе было угодно. И Христа «сочинили».

«Новый завет — это мифологическое сочинение греческого производства о мнимых преступлениях евреев с вымышленными еврейскими персонажами — Иисусом Христом, Иоанном Крестителем, апостолами, подвергающимися казням руками самих же евреев» <...> Грекам «удалось интерполировать в события I века вымышленный суд и казнь Иисуса Христа в 29 г. н. э. и внедрить по всей Римской империи молву об Иисусе Христе» А как же быть с проклятиями Талмуда по поводу Христа? А как же быть со стихами Давида Маркиша, обращенными к нам, русским: **«Мы (то есть евреи, а не греки. — Ст. К.) дали вам Христа себе на горе?»** А главное — кого лечить? — Давида Маркиша или Семена Файна? И еще вопрос: каким образом в деревнях Самарии и Иудеи I века н. э. жило столько же евреев, сколько их живет в современной Америке?

Последнюю точку в противостоянии, начавшемся между Урицким и Канегиссером, поставил Валентин Петрович Катаев, всю жизнь вынашивавший мечту рассказать правду о «красном терроре» и о романтиках, развязавших его. Он осуществил свою мечту на закате жизни, когда решился напечатать повесть «Уже написан Вертер» в июньском номере «Нового мира» за 1980 год. Именно в этой повести осторожный, запуганный жизнью старый конформист пошел в отличие от Самойлова ва-банк, создав бессмертные образы чекистов из одесской «чрезвычайки». Скандал вокруг имени Катаева, нарушившего табу на «русско-еврейский вопрос», разгорелся нешуточный, о чем свидетельствовало письмо, пришедшее на адрес Московской писательской организации летом 1980 года. Оно было обращено к Катаеву, но я не рискнул передать столь оскорбительное послание восьмидесятидвухлетнему старику. Письмо анонимное. Стиль и орфография — как в подлиннике.

«Пишу, прочтя книгу «Уже написан Вертер» и думаю, что это жгучая зависть, что Вы просто хороший советский писатель, но и только, а курчаво-шепеляво-слонявые Эренбург, Пастернак, Гейне, гении, которые останутся в веках. Вообще я думаю, что такая ненависть может быть объяснена только завистью. Какое имеет значение, какие губы, какой нос! Главное это нутро человека, его душа и его дела. А дела Курчавого Маркса бессмертны и сейчас, преклоняясь перед ним, миллионы людей совсем не интересуется шепелявил он или картавил. И когда он писал свой великий лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», то он не думал, что его заменят на «Бей жидов, спасай Россию», а по вашему, по интеллигентному, как написано в вашем бреде сивой кобылы «Будьте Вы все прокляты». Троцкизм¹ хоть и безусловно ошибочное течение, но в таком тоне о нем писать просто глупо и изображать евреев как гитлеровцев это значит быть им самому. Всем честным русским людям (Короленко², Горький, Маяковский, Толстой, Евтушен-

¹ В предисловии к повести редакция объясняет факт ее публикации необходимостью борьбы с «охвостами троцкизма».

² Короленко, собиравший в 1911 году подписи под письмом в защиту Бейлиса, считается юдофилом. Однако во время революции в 1919 году, когда местечковые комиссары показали себя во всей красе, он сделал в дневнике запись: «Среди большевиков много евреев и евреек. И черта их — крайняя бес-

ко) всегда был чужд и ненавистен антисемитизм и шовинизм, которым так и дышит Ваше писание. А как же быть с картавым Лениным? Ведь мать у него была Бланк, это потом она стала Ульяновой и подарила миру своих четырех таких прекрасных детей.

Хотя сейчас в наше время Ленина бы не только не приняли в партию, его даже не взяли бы на работу в полурезжимное предприятие, ведь сейчас проверяют родство до третьего колена, как при Гитлере. Так что можете гордиться. Ваша так называемая повесть в духе времени.

Да сколько бы евреев не жгли, не резали, не убивали физически и духовно, они могут и должны идти с гордо поднятой головой. Этот народ дал миру таких гениев, как Эйнштейн, Бор, Маркс, Гейне, Фейхтвангер, Эренбург, Левитан, Пастернак, Мандельштам, Маршак и многие другие. И хоть у вас вполне арийское лицо, через 50—100 лет вы канете в вечность, а они, губастые, носастые, останутся в веках пока будет существовать этот мир. Их имена будут стоять рядом с именами тысяч честных гениев всех национальностей. И никакие плевки подонков вроде вас не сотрут их с вековой летописи.

Я все думала, почему единственный отрицательный тип в повести — русская женщина (остальные все евреи), а потом поняла, как же аристократ может унизиться до того, чтобы лечь с жидовкой. А вы знаете Витте унизился, но он все равно останется Витте, а вы Катаевым.

Жидовка с лошадиной-лосиной физиономией»¹.

Возмущенная читательница не знала, что жена «антисемита Катаева» была женщина с библейским ветхозаветным именем Эстер и что зятем его является главный редактор журнала «Советище Хаймланд» Арон Вергелис. Да, да, тот самый Вергелис, который в 1949 году написал письмо в партийную организацию Союза писателей с требованием очистить литературные ряды от сионистов, буржуазных националистов и просто бездарных писателей еврейского происхождения. Не знала она, наверное, и то, что свою повесть Валюн назвал строчкой

тактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает. Наглости много и у не-евреев. Но она особенно кидается в глаза в этом национальном облике <...> Для русского теперь нет неприкосновенности своего очага»... «Товарищ Роза запугивает допрашиваемых расстрелом».

¹ Слова из катаевской повести, характеризующие одного из ее персонажей.

из Пастернака и что стихи Пастернака и Мандельштама в повести вспоминаются много раз...

Однажды в родной Калуге, я решил перечитать повесть, чтобы освежить в памяти многое, по поводу чего негодовала в 1980 году анонимная поклонница Маркса и Ленина. Я пошел в областную библиотеку имени В. Г. Белинского, нашел в каталоге среди десятков изданий Валентина Катаева два, в которых была напечатана повесть, и спустился в абонементный зал.

Мы с женщиной, бывшей на выдаче книг, прошли в книгохранилище, нашли полку с изданиями Катаева, пересмотрели их все, однако ни одного, ни другого издания с повестью на полке не было.

— Книги пропадают, — с огорчением ответила библиотекаря на мой вопрос.

Тогда я пошел в соседний читательский зал периодики и попросил выдать мне июньский номер «Нового мира» за 1980 год, но, открыв его, я ахнул. Страницы 122—158 журнала были аккуратно вырваны, что называется, под корешок.

Видя мое огорчение, сотрудница библиотеки пришла на помощь:

— У нас есть еще один контрольный экземпляр, который вообще-то не выдается, но раз Вам очень нужно...

Я сел за стол, перечитал повесть и выписал несколько отрывков из нее, которые так возмутили «жидовку с лошадиной-лосиной физиономией» и которые, наверное, послужили причиной того, что с библиотечных стеллажей исчезли две книги Катаева, а из «Нового мира» было вырвано 28 страниц.

О чекисте Науме Бесстрашном: «Стоял в позе властителя, отставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был буденновский шлем с сукоинною звездой». О чекистах одесской «чрезвычайки»: «Юноша носатый», «черно-курчавый, как овца». О бывшем эсере-террористе Серафиме Лосе: «Ему не нравилось, что Маркин назвал его Глуzmanом».

О главном чекисте: «У Маркина был неистребимый местечковый выговор. Некоторые буквы, особенно шипящие, свистящие и цокающие, он произносил одну вместо другой, как бы с трудом продираясь сквозь заросли многих языков — русского, еврейского, польского, немецкого».

← У тебя сидит один юноша, — начал Лось.

— А ты откуда знаешь, что он у меня сидит? — перебил Маркин, произнося слово «знаешь», как «жнaишь», а слово «сидит», как «шидит».

— Ты просишь, чтобы я его выпустил?

Он произнес «вупуштить».

— Я застрелю тебя на месте.

«На месте» он произнес как на «мешти».

О юнкере Диме, ненадолго вышедшем из ЧК, в то время как его фамилия уже была напечатана в списке расстрелянных: «Увидев его, квартирная хозяйка, жгучая еврейка... вдруг затряслась, как безумная, замахала толстенькими ручками и закричала индюшачьим голосом: — Нет, нет, ради бога нет. Идите отсюда! Идите! Я вас не знаю! Я о вас не имею понятия! Вы расстреляны и теперь вас здесь больше не живет. Я вас не помню! Я не хочу из-за вас пострадать!»

Еще о Науме Бесстрашном: «Теперь его богом был Троцкий, провозгласивший перманентную революцию... У него, так же, как и у Маркса Маркина, был резко выраженный местечковый выговор и курчавая голова, но лицо было еще юным, губастым, сальным, с несколькими прыщами».

И, наконец, о них всех предсмертная записка русской дворянки Ларисы Германовой, увидевшей в расстрельных списках имя своего сына юнкера Димы: «**Будьте вы все прокляты**».

В эпоху 30—80-х годов у ассимилированные евреи по мере сил сопротивлявшиеся сионистской пропаганде были на мой взгляд, если не по происхождению, то по мировоззрению своеобразными «советскими сефардами».

Думаю, что когда они в доверительных беседах со мной говорили о том, что есть «евреи» и есть «жиды», то имели ввиду именно эти этнические и мировоззренческие различия, поскольку среди советского еврейства сохранялись типы ашкеназов и ашкеназков. Именно от одной из них в начале 90-х годов прошлого века я получил письмо, которое привожу полностью, чтобы показать сущность этой, надеюсь, реликтовой породы. Письмо было, к моему удивлению не анонимным, с обратным адресом: г. Москва, М. Ботаническая, дом 12, кв. 6, Левиной Р. С. Это — уникальный документ эпохи:

«Куняев! Бесишься, что мы уезжаем за границу жить? Кто в Америку, а кто в свою страну Израиль, где не будем видеть ни одной русской хари, от которой воняет щами и квасом.»

И ты осмелился по радио твякать, на евреев, что мы бежим. Не бежим, а уезжаем. Раньше уехали бы, но нужно было, чтобы кто-нибудь вызов сделал. Оттого и сидели здесь, жрали говно вместе с вами. Да это счастье отсюда уехать из этой помойки с русским навозом. А вы подыхайте здесь. Захлебнетесь преступностью. Питанием вонючим. Пару Чернобылей надо вам. Мы уезжаем и просим Бога, чтобы он всех вас наказал за нас. Экология, преступность, голод, никакого просвета. Жопу нечем прикрыть скоро вам будет.

Я рассердилась, узнав, что Израиль прислал апельсины, огурцы, помидоры, сухое молоко. Еще чего не хватало! Пусть подыхают с голоду. И пробрался же ты (конечно, за взятку) на такую должность. Долго ты собираешься на ней сидеть? Или нанять людей, чтобы тебя кокнули и разбросали части твоего мерзкого тела так, чтобы их никто не нашел? А? Ведь ты деревня, лимитчик, а ведь туда же, где все люди, в журналистику подался. Вот такие вы все. Понаедете из деревень, твякаете на собраниях и выбирают вас в начальники. У нас к твоему сведенью беспокойство, тревога состоит в том, как бы вывезти отсюда побольше серебра, бриллиантов, золота, поменять деньги (а они у нас у всех есть) на доллары и увезти (ситуация точь-в-точь похожая на библейский исход из египетского плена! — Ст. К.). Вот в чем тревога наша, но все успешно пока удастся. Одно расстройство, что наши евреи повезли с собой навоз — русских жен. Сейчас слава Богу в Израиле спохватились, что пропустили их и не будут давать им гражданства. Или пусть принимают иудейскую веру.

Я бы не разрешила им нашу веру брать. Слишком много чести. Надо было развестись с ними и оставить их здесь. Пусть их берет замуж Ванька — дрэк или Васька — тухэс. Ты понял мою любовь за все к русичам, и к тебе в частности... А в Америку еще хочешь съездить гнида? Да кто тебе пустит, мразь. Чтоб ты сдох!!! Да сбудется все, что мы тебе желаем».

Я могу понять религиозный фанатизм, расовую ненависть, политическое неприятие, но чтобы добровольно выворачивать свое нутро, чтобы с таким наслаждением гордиться якобы поголовной причастностью своих соплеменников к мошенничеству, воровству и цинизму, чтобы так презирать живущих на одной с ними земле людей?! Ведь, желая уязвить меня, эта женщина изобразила всех евреев последними него-

дьями, а русских последними дураками. Оболгала два великих народа... Боже мой, в какой зловонной тьме скиталась ее душа, которую можно только пожалеть за полную безблагодатность жизни. Я даже хотел поехать по адресу, указанному на конверте, но не решился. От мистического ужаса: вдруг приеду в Марьину Рощу, позвоню, и мне откроет дверь не человек, а какое-нибудь сатанинское существо из фильмов Хичкока. Вот во что выродилась ашкеназское племя амазонок, из которого ворвались в русский мир вдохновенные фурии революции, чекистские эрринии вроде Розалии Землячки-Залкинд, Пластининой-Майзель, Евгении Бош, Соньки Гефтер Золотой Ножки, комиссарши Ларисы Рейснер, безымянной жидовки из стихотворенья Ярослава Смелякова. Все в мире вырождается — письмо анонимной ашкеназки Валентину Петровичу Катаеву все-таки имеет содержание и выполнено в традициях эпистолярного жанра.

* * *

История испытала на практике три пути «преодоления еврейства в себе». Один — ницшеанский, гитлеровский — изгнание, вытеснение, в конечном счете уничтожение. Другой — советский, в который верил Ленин, носивший в себе, как и Гитлер, «четвертинку» еврейской крови: полная ассимиляция, растворение еврейства в русской стихии при помощи интернациональной коммунистической идеологии.

И третий путь; пролеглий через самопожертвование, через Голгофу, путь полного духовного перерождения, — это путь Христа.

(Есть еще путь честной и объективной оценки еврейско-го менталитета и еврейской истории — путь интеллектуалов нового времени Ханны Арендт, Роже Гароди, Нормана Финкельштейна, но это путь атеистов-одиночек).

Неодухотворенность бунта завела «арийцев», изживавших в себе еврейство, в темные дебри Холокоста. Вера в абсолют крови, в которой якобы живет душа человеческая, обернулась примитивным культом суицида, отворила бунтовщикам двери к самоубийству — и они, один за другим — Отто Вейнингер, Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Генрих Гиммлер, Одилло Глобочник, Курт Герштейн Рудольф Гесс и воспитавший их всех профессор геополитических наук Хаусхоффер —

шагнули в эту темную бездну, первопроходцем в которую был первый антихристианин и самый знаменитый ренегат в истории человечества Иуда из Кариота. (Кстати, единственный в истории человечества памятник Иуде был сооружен нашими местечковыми именно в России.) А сколько тысяч жрецов сатанистского культа крови и расы, исповедуемого в Третьем рейхе, бастардов и метисов, жрецов рангом помельче, и потому недостойных остаться в истории, разгрызали ампулы с цианистым калием, совали дуло пистолета в рот, завязывали ремни на спинках железных кроватей в своих камерах, словом, избирали безблагодатный, беспокоянный и потому греховный путь в небытие, и мир навсегда забыл о них, недостойных памяти...

Одним из самых ярких антисемитов, помогавших Гитлеру на пути к высшей власти, был полукровка Юлиус Штрейхер, казненный в 1946 году в Нюрнберге. Смерть его, в сущности, являлась тоже формой самоубийства, выбранного им самим:

«Стоя перед виселицей, он громко воскликнул: «Хайль Гитлер!» На вопрос об имени он резко ответил: «Вы его знаете». В сопровождении священника он поднялся на ступеньки и воскликнул: «Пурим 1946 год и к Богу». <...> На ящике, в который уложили труп Штрейхера, было написано имя «Абрахам Гольдберг» (Х. Кардель, стр. 76). Напомним, что казнь гитлеровских преступников в Нюрнберге совершилась 16 октября 1946 года в праздник Пурима, почитаемого как еврейский праздник радости.

Но и Ницше, потерявший рассудок и кончивший свои дни в сумасшедшем доме, тоже ведь по своей воле совершил духовное самоубийство. Как и его alter ego гениальный композитор Адриан Леверкюн из романа Томаса Манна «Доктор Фаустус».

* * *

Змея кусающая собственный хвост, — это ветхозаветная метафора, выражающая сущность драмы самоуничтожения. Все происходит, как в книгах Ветхого завета — помните, «Ме-хиаэль родил Мафусаила, Мафусаил родил Ламеха, Ламех родил Ноя» и т. д.? Но у нас немного по-другому: еврей Урицкий приговорил к смерти еврея Перельцвейга; еврей Канегиссер приговорил к смерти еврея Урицкого; еврей Зиновьев

приговорил к смерти еврея Канегиссера; еврей Ягода приговорил к смерти еврея Зиновьева; еврей Уншлихт приговорил к смерти еврея Ягodu... Несчастный народ...

Наилучшей иллюстрацией к этому процессу, который «пошел» и идет до сих пор, является символическое событие ветхозаветной силы, о котором поведал грядущим поколениям видный чекист сталинской эпохи А. Орлов-Фельдбин:

«20 декабря 1936 года в годовщину основания ВЧК—ОГПУ—НКВД Сталин устроил для руководителей этого ведомства небольшой банкет... Когда присутствовавшие основательно выпили, Паукер (начальник охраны Сталина, комиссар госбезопасности 2-го ранга, т. е. генерал-полковник. — Ст. К.), поддерживаемый под руки двумя коллегами <...> изображал Зиновьева, которого ведут в подвал расстреливать. Паукер... простер руки к потолку и закричал (изображая Зиновьева-Апфельбаума): «Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый».

(А. Орлов. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк—Иерусалим, 1983 г., стр. 82.)

Через полгода 14 августа 1937-го Паукер повторил путь Зиновьева в расстрельный подвал, а Орлов-Фельдбин, шпион, сбежавший в июле 1938 года в США, первым делом, как сообщается в книге О. Царева и Д. Кастелло «Роковые иллюзии», посетил синагогу, где, видимо, произнес слова той же древнееврейской молитвы. Да что говорить о местечковых шпионах и резидентах, если образованный, абсолютно ассимилированный, вросший в русскую культуру и советскую литературную жизнь Давид Самойлов, запуганный провокаторами из наших СМИ, кричавшими в конце 80-х годов о приближающихся погромах, почувствовал, что у него ожили от страха все наследственные еврейские комплексы, впал в истерику и записал на страницах дневника:

«Если меня, русского поэта и русского человека, погонят в газовую камеру, я буду повторять: «Шмо исроэл! Адонной элехейну, адонной эход!» Единственное, что я запомнил из своего еврейства». Ничего себе единственное! Да это еврейское «все», начало молитвы: «Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый». Эти слова даже атеист и негодяй Паукер вспомнил перед расстрелом... Бедный Дезик.

...Все вроде бы ясно, но остается только один вопрос, на который нет ответа: почему и с какой целью Создатель попус-

тил, чтобы в кровавые семитско-хазарские разборки, словно в черную воронку истории, затагивались племена и народы, ни сном, ни духом не виновные в трагедии, которая началась в доисторические времена и которая завершится в День Гнева.

Ветхозаветная змея не просто укусила свой хвост, — она растерзала его в клочья...

Федор Михайлович Достоевский, как никто другой понимающая судьбу избранного народа, писал о «жертвах холокоста»:

«Нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество». Но сочувствуя его судьбе, он ужасался энергии ненависти, которую накопило сословие жрецов за египетское рабство, за вавилонское пленение, за козни Амана, за разрушение храма Соломона, за римское имперское насилие и с трепетом предсказывал в том же «Дневнике писателя», что рано или поздно «мщенье миру» со стороны жрецов может стать реальностью. И тогда Достоевский предупреждал другие народы: «<...> А между тем мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если бы не евреев было в России три миллиона, а русских, а евреев было бы 80 миллионов — ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили ли бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали ли бы кожу совсем? Не избili бы дотла, до окончательного истребления, как делывали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю? Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, очень сильная. О, без этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не оттого, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ».

И все-таки советская жизнь 30-х годов совершила невозможное: она в какой-то степени изменила основы еврейского менталитета. Вспомним, что в очерке Василия Гроссмана «Треблинский ад» еврейские подростки следующего за Давидом Самойловым поколения перед дверями газовых камер вспоминают молитву «Услышь меня, Израиль!», а кричат в лицо палачам: «Русские отомстят», «Сталин отомстит», и поют песню «Широка страна моя родая»!

То, что это пророчество не было больной фантазией гения, история подтвердила в эпоху Красного террора, во время резни в палестинской деревне Деир Ясин, Кунейтре, в лагерях Сабра и Шатила, во время последней израильско-ливанской войны.

А может быть, Высшая Воля сознательно разыскала для грандиозного всемирно-исторического опыта жестоковыйный «избранный народ», чтобы на его судьбе обучить человечество, как должно и как не должно жить на благословенной для всех нас Земле?

XVII

ХОЛОКОСТ ДЛЯ РУССКИХ

Процесс [...] готовили вовсе не мои «одноплеменники», а большевистский интернационал, и в первую очередь — русские.

М. Дейч

По одной еврейской или подозрительно звучащей фамилии на область, край или целый регион набрать, конечно, не трудно.

С. Резник

В августовском и сентябрьском номерах журнала «Наш современник» за 2005 г. была опубликована сокращенная стенограмма «Дела Бейлиса», переданного в журнал бывшим сотрудником радиостанции «Свобода» И. О. фон Глазенапом, который переписал страницы стенограммы из киевской газеты, попавшей во время Отечественной войны из киевских архивов в фашистскую Германию.

В своем кратком вступительном слове к публикации я изложил солженицынскую точку зрения на процесс Бейлиса из книги «Двести лет вместе», вспомнил о депутатском скандале, спровоцированном изданием средневекового иудейского свода законов «Шулхан Арух», многие положения которого с современной точки зрения разжигали расовую и религиозную рознь, сделал несколько исторических примечаний к самому процессу и привел из книг, написанных евреями И. Бабелем, М. Либерман, Г. Брановером, примеры, свидетельствующие о том, что в ортодоксальной еврейской среде (особенно хасидской) живут дикие обычаи и ритуалы, дошедшие до сегодняшних дней из глубокой ветхозаветной древности. Статья Марка Дейча «Кровавый навет»¹ появилась в газете «Московский

---

¹ Почему-то многие книги и статьи, написанные евреями на эту тему, как по заказу, имеют почти одинаковые заголовки: *Кацис Л.* Кровавый навет и рус-

комсомолец» 23.8.2006 года, ровно через год после стенограммы «Дела Бейлиса» в «Нашем современнике». Чтобы лишний раз не привлекать внимание широкого читателя к нашей публикации, Дейч побоялся указать, в каком журнале и когда она напечатана, но получилось глупо: полемизирует с какой-то неизвестно где опубликованной работой. Однако промолчать не мог и начал с того, что сочинил живую историю о том, что в 60-х годах я, «будучи членом партбюро секции поэтов Московской писательской организации, исправно голосовал за изгнание из Союза писателей Солженицына, Галича, Некрасова, Аксенова, Копелева... и готовил партсобрания, на которых происходили эти изгнания». Матерый лжец даже не сообразил, что Солженицына исключали из Союза писателей не в Москве, а в Рязани, Виктора Некрасова в Киеве, Аксенова и Копелева партбюро поэтов исключать из Союза писателей не могло, потому что они состояли в секции прозы и стихов не писали. И вообще, партбюро могло исключать не из Союза писателей, а только из партии, в которой ни Аксенов, ни Галич не состояли. Истины ради скажу, что если бы от меня зависело исключить этих ренегатов и разрушителей моего Отечества из Союза писателей или из партии — я бы без колебаний проголосовал «за».

И ничего во всем этом горестного для диссидентов не было. Советское гражданство и членство в Союзе писателей было им ненавистно, но расстаться с тем и другим следовало с максимальной выгодой: с громким скандалом, с воплями мировой прессы, под гвалт всех зарубежных и отечественных правозащитников. Только при этом условии они были бы встречены на Западе с распростертыми объятиями, с гарантией славы, денег, изданий, должностей на радиостанциях и т. д. Как граждане СССР и члены СП СССР они там были никому не нужны, и для новой жизни «исключение» и «лишение» были необходимыми и желанными процедурами.

Тем не менее я не исключал их — это мелкая ложь Дейча, которую можно было бы не заметить, но в его сочинениях присутствует ложь куда более крупная. О ней-то и пойдет речь впереди.

ская мысль. М.,-Иерусалим, 2006; Самюэл Морис. Кровавый навет: странная история дела Бейлиса; Резник Семен. Растление ненавистью. Кровавый навет о России. М.,-Иерусалим; Он ж. Кровавая карусель. 2001; Гессен Ю. Кровавый навет. М., 1912; Бонч-Бруевич. Кровавый навет на христиан. Петроград, 1918. Все заголовки у них под одну пропагандистскую гребенку.

Вспоминая о деятелях культуры, которые в 1911 году поставили свои подписи под обращением в защиту Бейлиса, Дейч пишет, что среди них были «знаменитые писатели: Горький, Леонид Андреев, Алексей Толстой, Сергеев-Ценский, Федор Сологуб, Куприн... А также Немирович-Данченко, академик Вернадский, ведущие профессора Московского и Санкт-Петербургского университетов... Почти все они в скором времени оказались под ножом большевистской гильотины»¹. Чего в этом утверждении больше — брехни или беспамятыства, — не знаю: большего почета, чем тот, которым были окружены Горький и Алексей Толстой в советское время, представить немислимо, да и Сергеев-Ценский (как и Алексей Толстой) стал лауреатом Сталинской премии. Куприн возвратился в Советскую Россию и умер своей смертью в 1939 году, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Немирович-Данченко и Вернадский также умерли своей смертью, и никакой «нож большевистской гильотины» ни при Дзержинском, ни при Менжинском, ни при Ягоде не прикоснулся к ним.

Что же касается «ведущих профессоров Московского и Санкт-Петербургского университетов», а среди них были ученые с мировыми именами (В. В. Виноградов, М. Н. Сперанский, А. Дурново, А. М. Селищев, Н. К. Гудзий, П. Д. Барановский и многие другие), то они, в количестве 70 человек, в 1933—1934 годах действительно подверглись жестоким репрессиям. 28 из них были расстреляны или погибли в лагерях, словом, оказались «под ножом большевистской гильотины» по «делу Российской национальной партии». Следствие вели начальник 2-го секретного политического отдела ОГПУ Каган, начальник 4-го отдела ОГПУ Коган, следователь Альтман, допрашивал академиков и профессоров оперуполномоченный 2-го отдела СПО ОГПУ Шульман, следственное дело вел уполномоченный Иоселевич, направления в ссылку подписывал зампред ОГПУ Агранов (Ашнин Ф., Алтатов В. Дело славистов. М., 1994).

Я написал об этих процессах заметки и опубликовал их в газете «Завтра» с таким выводом: «Так что «гильотина» была

---

¹ «Под обращением подписалось более 500 человек», — пишет Дейч. Семен Резник, правда, в книге «Вместе или врозь» сообщает, что обращение было подписано «двумястами ведущих деятелей русской культуры» (М. 2003, с. 69). Что это? Образованные евреи считать разучились?

не только большевистской, поскольку строили ее одноплеменники Дейча».

Марк снова впал в истерику, прочитав список еврейских фамилий, задействованных в процессе «славистов», и ответил мне очередной статьей в «Московском комсомольце» (14.12.06), в которой стоял на своем: *«Безусловно, это от начала до конца сфабрикованное «дело славистов» было одним из звеньев большевистской кампании против старой русской интеллигенции [...] И никакого заведомо антирусского процесса не существовало. Процесс был против невинных людей, подобранных сотрудниками «органов» прежде всего по социальному признаку. И готовили его вовсе не мои «одноплеменники», а большевистский интернационал, и в первую очередь русские. Вот характерный пример. Весной 1934 года «дело славистов» было закончено и подготовлено обвинительное заключение. Его подписали начальник ЗСПО ОГПУ Коган и его заместитель Сидоров. А визировал — заместитель начальника СПО ОГПУ Люшков, утвердил — начальник СПО Молчанов».*

Словом, процесс организовали «в первую очередь русские» и «никакого заведомо антирусского процесса не существовало»... Ах, Марк, внимательней надо было Вам читать книгу «Дело славистов», написанную историками Ф. Д. Ашниным и В. М. Алпатовым. Кстати, ответственным редактором книги являлся академик Никита Ильич Толстой, с которым я был хорошо знаком и с которым не раз разговаривал о большевистском терроре и «одноплеменниках». Так вот, в самом начале книги, где речь идет о списке арестованных по делу, есть такой абзац: *«на одну особенность списка обратил внимание С. Б. Бернштейн: «среди арестованных не было лиц с нерусскими фамилиями (Бернштейн, 1989, с. 80), точнее говорить о неславянских фамилиях» (Ашнин Ф., Алпатов В. Дело славистов, с. 7).*

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: авторы утверждают, что арестовывали ученых только с русскими и только со славянскими фамилиями, а это значит, что процесс можно именовать как «антирусский» или, в крайнем случае, «антиславянский»... А чего добивались от арестованных ученых следователи? Историки Ф. Ашнин и В. Алпатов и академик Н. Толстой комментируют это так: *«Недолго сопротивлялся следствию и Андрей Дурново [...] он дал обширные показания на допросе, которые вели не рядовые следова-*

тели, а «сами» заместитель начальника Секретно-политического отдела (СПО) Г. С. Люшков и начальник непосредственно отвечающего за дело 2-го отдела СПО Каган. А. Дурново подтвердил все, что от него требовалось, и назвал ряд имен. В частности, он заявил: «До моего ареста я входил в контрреволюционную организацию русских фашистов (не российских, г-н Дейч, а «русских». — Ст. К.), объединившую различные националистические элементы (русские, украинские, белорусские) на платформе борьбы с Советской властью».

В обвинительном заключении по «делу славистов» есть следующие формулировки, прямо указывающие, что обвинение строилось не по «социальному», как утверждает Дейч, признаку, а по национальному, и главное — антирусскому: «Установлено, что в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии [...] существовала [...] национал-фашистская организация, именованная «Российская национальная партия»; «В основу программных установок организации были положены идеи, выдвинутые лидером фашистского движения за границей — князем И. С. Трубецким. Сущность их сводилась к следующему:

1) [...] установление **национального правительства**;

2) **истинный национализм**, а отсюда борьба за сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций **русского народа**;

3) **сохранение религии, как силы, способствующей подъему русского национального духа**... (с. 56, 70—71).

Как видим, наибольшую ненависть у следователей в каждом пункте вызывало присутствие в любой форме «русского» начала.

Так что следователи глядели прежде всего не на «социальный признак», что пытается доказать Марк Дейч, а на «национальный». Понимая это, историки добавляют: «Почти при каждой фамилии характеристика: «националист», «ярый шовинист». Есть и похлеще: «махровый антисемит», «ярая антисемитка», «черносотенец», «великодержавный шовинист». Марк Дейч, посчитав, что я привел в газете «Завтра» целых 5 фамилий огэпэушников-евреев, завопил в «Московском комсомольце», что Куняев, мол, утаил тот факт, что русских тоже было много, гораздо больше, чем евреев. Но в своем раже он не учел одного: я ведь не всех его соплеменников из карательных органов, причастных к этому делу, перечислил. Могу добавить к «еврейскому» списку палачей, готовивших «дело

славистов», сотрудника ОГПУ Халемского, сотрудника ОГПУ Финкельберга, сотрудника НКВД Фельцмана, прокурора Рогинского, прокурора Розовского, помощника прокурора Лурье, прокурора Глузмана, директора Института языкознания Бочачера Марка Наумовича, сотрудника НКВД Апетера. А с какой стати в ряд «русских чекистов» рядом с Молчановым и Сидоровым Марк Дейч ставит заместителя начальника СПО ОГПУ Люшкова? Чекиста этого, якобы русского, по утверждению Дейча, звали Генрих Самойлович, в 1935 году ему, видимо, за расправу над русскими учеными было присвоено генеральское звание комиссара госбезопасности III ранга, впоследствии он стал начальником управления НКВД по Дальневосточному краю, а в 1938 году, подобно еврейским зарубежным чекистам троцкистской ориентации Вальтеру Кривицкому (он же Самуил Гинзбург), Александру Орлову (он же Лейба Фельдман), Игнатию Райсу (он же Натан Порецкий), сбежал, но не на Запад, как они, а куда поближе — на Восток к японцам, которым этот «русский Генрих Самойлович» выдал важнейшую информацию о состоянии наших войск на Дальнем Востоке. Неблагодарные самураи в августе 1945 года, понимая, что проигрывают войну, прикончили перебежчика в Дайренской военной миссии, а иудины тела сожгли. Недавно шел по ТВ какой-то фильм о Ежове — и в нем показали фотографию «русского», как считает Дейч, чекиста Люшкова. На кого он похож, этот ярко выраженный... говорить не буду, а то в расизме меня обвинит тот же «Московский комсомолец». Но глубинная суть процесса «славистов» заключалась не в том, даже, кого из сотрудников было больше задействовано: русских или евреев, а в том, как пишут историки, *«методы следствия по данному делу были типичны для первой половины 30-х годов, когда во главе карательных органов стоял Г. Ягода»*. Именно благодаря этим методам академик А. Дурново быстро признался на допросе в том, что он «русский фашист».

А сколько было в 20–30-е годы подобных процессов местного масштаба против дворян, старых спецов, священнослужителей, «русских фашистов», «антисемитов» — не счесть! Полных масштабов всех этих антирусских чисток, замаскированных фразеологией о классовой борьбе, мы, видимо, не узнаем никогда.

В 1928 году Ленинградское ГПУ арестовало членов так называемой Космической академии наук. Следствие устано-

вило, что организация КАН являлась частицей существовавшего тогда в Ленинграде полутайного «Братства Преподобного Серафима Саровского», о котором вспоминает в романе «Побежденные» И. Головкина (Римская-Корсакова).

В него входили профессора, преподаватели литературы, учителя истории, студенты. Всего по делу проходило более 30 человек, заключенных после следствия в Соловецкий и другие лагеря. Многим из них следователем А. Строминым (Геллером) было предъявлено обвинение в антисемитизме. Чуть позже в том же Ленинграде чекисты А. Мосевич и Л. Коган внедрились через провокатора в студенческую группу, которая шла у них под названием «Союз возрождения России», ими же разработанную антисоветскую программу и тут же произвели аресты студентов. Естественно, дело было названо «фашистским». Несколько десятков студентов ушли в лагерь.

В 1995 году мы с сыном издали книгу «Растерзанные тени». Это был сборник документов из дел 20–30-х годов ВЧК — ОГПУ — НКВД, заведенных на друзей, родных и литературных соратников Сергея Есенина, на писателей из «Сибирской бригады» — Павла Васильева, Леонида Мартынова, Сергея Маркова. Кто же начинал и заканчивал такого рода дела? Конечно же, главные ордера на арест выписывали Г. Ягода и Я. Агранов. Следователей и сотрудников по всем этим делам перечисляю подряд: «дело русских фашистов» — Алексея Ганина с товарищами — вел начальник 7-го отдела СО ОГПУ Славатинский; Сергея Маркова по делу «Сибирской бригады» разыскал в степях Казахстана и этапом направил в Москву алмаатинский гэнэушник пом. нач. УСО Гринбаум; Иванова-Разумника в 1933 году допрашивал Л. Коган (Коганов было несколько — эта фамилия буквально рассыпана по разным делам). А кому пишет прошение о возвращении в Москву из астраханской ссылки несчастный Иван Приблудный? Опять же единоплеменнику Марка Дейча: *«Обращаюсь непосредственно к ОГПУ и, в частности к Вам, т. Фельдман, как к одному из вождей его. Выручайте меня из Астрахани»*. Дело Павла Васильева вели оперуполномоченный Павловский, начальник 4-го отдела ГУГБ старший майор Литвин, капитан госбезопасности Журбенко. Последний вроде бы русский или украинец, но не всякую фамилию можно принимать на веру. В 1956 году 30 марта военный прокурор майор Ожигов, занимаясь процессом реабилитации, допрашивал следова-

теля Илюшенко, фамилия которого встречается в делах русских крестьянских поэтов. Из протокола допроса: *«С 1926 по 1941 год работал в органах ОГПУ НКВД, подполковник запаса, национальность — еврей...»*

Так что неизвестно, кем был капитан Журбенко: то ли большевиком, то ли евреем.

В 1920 году Есенин с братьями Кусиковыми был арестован ЧК в одном из арбатских домов. При аресте и обыске присутствовали местные жители, понятые, так сказать. Фамилии их цитирую по протоколу: «В. Вильд, товарищ Карпович и жилец Фонер». Словом — дети Арбата. Оформлял дело об аресте Есенина и братьев Кусиковых следователь В. Штейнгардт.

* * *

В своем вступлении к публикации стенограммы «Дело Бейлиса» я повторил два широко известных вывода: 1) *«голова присяжных в вопросе о вине Бейлиса разделится пополам: шесть на шесть»*, и 2) *«умерщвление отрока Ющинского на еврейском заводе с синагогой было признано изуверским с подробно перечисленными признаками ритуального»*.

Прочитав это, Марк Дейч окончательно вышел из себя: *«Этот г-н (это обо мне. — Ст. К.) почти сто лет после (так у автора. — Ст. К.) печально знаменитого процесса по делу Бейлиса решил уверить современных читателей в том, что убийство мальчика [...] было ритуальным, а евреи пьют кровь христианских младенцев... Пришлось немного разоблачить поэта»*. *«Присяжные на процессе, будто бы признавшие ритуальный характер убийства Ющинского, а в вопросе о виновности Бейлиса якобы разделившиеся поровну «шесть на шесть», — все это злонамеренная и подлая ложь»*. (Из второй статьи М. Дейча «Правда от сивого мерина или кое-что о «поэтических аргументах». «Московский комсомолец», 14.12.2006). В одно и то же время с Марком Дейчем взвизгнул ему в унисон Семен Резник в «Международной еврейской газете» № 43-44 за 2006 год, статья «Ритуальные игрища нацификаторов России». *«Из трехтомной стенограммы процесса Бейлиса он (это обо мне. — Ст. К.) выудил обвинения евреев и иудейской религии в ритуальных убийствах. На процессе эти обвинения были изобличены как злобные бредни, что отражено в той же стенограмме, но не в куняевских извлечениях»*.

Но я отвечаю за свои слова, поскольку опираюсь не на вымыслы «черносотенных» публицистов той эпохи, а на солидные исследования историков, в том числе и еврейских, и сам никогда не утверждал того, что мне приписывает Марк Дейч. Я всего лишь пытался обнаружить разнообразные оценки процесса, но во время этой работы убедился, что Дейч, Резник и иже с ними или не знают многих суждений о процессе Бейлиса, в том числе и тех, которые имеются в стенограмме, или знают, но скрывают их.

В 1995 году в израильском издательстве «Гешарим» был издан сборник «Дело Бейлиса. Исследования и материалы» (Москва — Иерусалим, 1995 г. Серия «Памятники еврейской исторической мысли»).

Книга составлена из многих исследований знаменитого процесса, среди которых центральное место и по объему и по значению занимает работа А. С. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса». На нее, как на образец объективности, практически ссылаются авторы всех других работ. Впервые она была опубликована в Советском Союзе с предисловием А. В. Луначарского в 1934 году, как раз во время процесса над «Российской национальной партией»...

Вот как А. С. Тагер описывает момент вынесения приговора М. Бейлису:

«Наконец в оцепленном войсками зале суда появились присяжные заседатели. Вердикт присяжных включал ответы на два вопроса. Первый вопрос: доказано ли, что 12 марта 1911 г. Андрея Ющинского заманили в одно из помещений кирпичного завода, где ему были нанесены раны, сопровождавшиеся мучением и полным обескровлением?»

Старшина присяжных объявляет: «Да, доказано». Первая партия за черной сотней. Ритуальный характер убийства признан судом [...] доказана ли вина Менделя Бейлиса? [...] ответ присяжных гласит: «Нет, не доказана».

Многие газеты той эпохи обнародовали результаты голосования. Вот один из примеров:

«Сами присяжные, не согласные с оправданием, не скрывали затем перед матерью Андриюши и ее представителями, что их голоса разделились поровну: «шесть голосов были за признание вины, шесть стояло за оправдание» («Заметки по поводу процесса об убийстве Андриюши Ющинского», «Мирный труд», Харьков, 1913, № 1).

Современный харьковский исследователь иудаизма, хасидизма и секты «Хабад» Эдуард Ходос в книге «Между Спасителем и Антихристом» (Харьков, 2005 г.) так комментирует это оправдание Менделя Бейлиса:

«При вынесении вердикта голоса двенадцати присяжных заседателей разделились поровну: шестеро признавали вину Бейлиса, шестеро ее отрицали. В соответствии же с законодательством того времени при равном разделении голосов присяжных решение принималось в пользу обвиняемого [...]

Итак, что мы имеем: признание судом присяжных ритуального характера убийства А. Ющинского и оправдание Менделя Бейлиса... То есть изуверское убийство было совершено с ритуальной целью, но не Бейлисом, а кем-то другим. Кем? Ответ на этот вопрос до сих пор не найден» (с. 29, 30).

Спустя 100 лет после процесса современный историк Эдуард Ходос утверждает, что «не найден» убийца. А Семен Резник с пеной у рта пытается доказать, что «на процессе Бейлиса тайное стало явным. Все убийцы были названы». Но этого в судебном приговоре не было, и происходит это все — обнаружение имен якобы убийц Ющинского с русскими и украинскими фамилиями — лишь в воспаленном воображении Резника, до сих пор живущего страстями того процесса.

Даже богословы, защищавшие Бейлиса, когда дело доходило до вопроса о ритуальности убийства, путались и сдавались пред доводами обвинения (хотя Дейч пишет, что они «подвергли уничтожительной критике вымыслы о «ритуальных убийствах»). Профессор Троицкий: «Допускаю даже убийства с целью издеваться над религией христиан... я допускаю это хотя бы и относительно младенца Гавриила Белостокского». (Стенографический отчет Киевского судебного процесса. Т. II, стр. 375.) Представитель защиты профессор Тихомиров был вынужден признать по поводу цитат из Талмуда, которые приводила в речах обвинительная сторона: «**Действительно, в Талмуде такой разнообразный материал, что кто хочет найти что-нибудь — все найдет**» (Стенографический отчет, т. 2, стр. 402).

В то время, когда раввины России в коллективном письме торжественно заявили, что во всех священных еврейских книгах «нигде не содержится ни малейшего намека, который давал бы повод к подобному обвинению», раввин Мазе, участвовавший в процессе, заявил о тех же книгах: «**За литературу он [еврей-**

ский народ] совершенно не отвечает и ответственность с себя снимает...» (Стенографический отчет, т. 2, стр. 404). Это обо всех расистских обычаях по отношению к гоям, акумам, шабес-гоям и т. д. При подобных оговорках и признаниях защиты самому популярному защитнику Бейлиса Маклакову оставалось лишь с досадой выдать из себя в конце процесса: **«Может быть, и были изуверы, они могли быть везде, могли быть и у евреев»** (Стенографический отчет, т. 3, стр. 124).

Марк Дейч, высмеивая экспертизу профессора Сикорского, показания архимандритов Амвросия и Автонома, цитаты из книги монаха Неофита, выступление ксендза Пранайтиса, с торжеством повторяет слова адвоката Грузенберга: *«Среди православных священников, среди православных ученых не было ни одного, который явился бы и своим именем священника, или православного христианина, или русского ученого поддержал бы эти мучительные сказки, этот кровавый навет».*

Между прочим, гонорары знаменитых адвокатов, участвовавших в процессе, в несколько раз превышали годовой оклад министра. «Грузенбергу 30 000 руб., а Карабчевскому 25 000 руб. и по 100 000 руб. каждому в случае полного оправдания евреев в кровавом навете» (из письма чиновника особых поручений Любимова директору Департамента полиции Белецкому. ГАРФ. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1059. П. 19). Вот какие деньги исподволь управляли ходом процесса.

Однако надо бы напомнить Дейчу о том, что «ритуальную версию» комментировали и другие, куда более известные представители русской церкви. Знаменитый ныне священник и богослов о. Павел Флоренский, сосланный в 30-е годы на Соловки, в том числе и по обвинению в «русском фашизме» и «национализме», сидевший на Соловках при начальниках лагеря, носивших фамилии Эйхманс, Дукис, Сенкевич, Бухбанд, и расстрелянный там при одном из них, писал о «деле Бейлиса» так:

«Я нисколько не сомневаюсь в существовании ритуальных убийств вообще».

«Если на всем протяжении истории Израиля, даже в период великих царей и богодухновенных пророков, при сильной власти и живом, строго централизованном культе, всегда существовали всякие виды идолослужения, и в частности магические волхования, в основе которых лежит убийство человека, то почему современные иудеи и их поклонники

так запальчиво отвергают даже возможность существования чего-либо подобного в нынешнее время, когда нет никаких сдерживающих начал?.. Если на всем протяжении истории Израиль так жадно тянулся к крови, и ритуальным убийствам, и черной магии, если всегда был кровожаден и жестоковывен, то где же гарантии того, что в рассеянии, без обличающего голоса, без суровых кар со стороны своих царей — в господстве своем над миром — он сделался чист и беспорочен? Если были ритуальные убийства даже тогда, то почему же не может быть их теперь?» (цитирую по книге: Розанов В. В. Сахарна. М., изд. «Республика», 1998, стр. 360, 438).

Полемизируя с гебраистом Хвольсоном, великий православный богослов Павел Флоренский писал:

«В своей книге «О некоторых средневековых обвинениях против евреев» [...] проф. Даниил Абрамович Хвольсон яростно нападает на самую мысль о возможности ритуальных убийств среди евреев»... «с адвокатски жаргонным нахальством рассуждает о том, что он внутренне не понимает и не желает понимать. Он с торжеством орет на весь мир, что еврею-де запрещено даже глотать слюну при кровотечении из десен, и, значит, немислимо употребление христианской крови»¹.

Неграмотный еврей Мендель Бейлис, который был на волосок от обвинения в ритуальном убийстве, — это обвинение многие считали справедливым — киевский протоиерей Григорий Прозоров писал митрополиту Флавиану: **«Оправдали несомненного участника в ритуальном мучении Андрюши Юшинского только потому, что злодей не захвачен на месте»** (РГИА СПб, ф. 796 [Канцелярия Святейшего Синода]. Оп. 205. Ед. хр. 739), — закончил свою жизнь в Нью-Йорке, окруженный почитанием соплеменников, в комфорте и холе, а великий русский человек Павел Флоренский за свои убеждения был распят на Соловках, и его страстное слово проповедника об этом деле мы, его духовные дети, забывать не вправе. Да не будет предана забвению эта жертва.

---

¹ Свящ. П. Флоренский. «Проф. Д.А. Хвольсон о ритуальных убийствах» — приложение к книге В.В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови»; из письма о. Павла Флоренского, цитируемого В. Розановым в статье, «нужно перенести все дело в другую плоскость (к делу Юшинского)». *Розанов В. Сахарна. М., 1998. С. 314, 356–360.*

А вот как высказался о «ритуальной дискуссии» архиепископ Антоний (Храповицкий) в газете «Жизнь Волыни» от 2.09.1913 г.

«В 1903 и 1905 ко мне приходил раввин Скоморовский и просил сказать слово против погрома в церкви и упомянуть в этом слове или в печатном заявлении о том, что евреи не повинны в ритуальных убийствах. Как враг погромов, я в обоих случаях сказал слово против избияния евреев. Но в обоих упомянутых случаях моей беседы с раввином я решительно отказался заявлять о своем непризнании ритуальных убийств, совершаемых евреями, а, напротив, выразил своему собеседнику убеждение в том, что эти убийства существуют [...] случаи ритуальных убийств несомненно бывали и за последнее время истории и в древности».

Более того, Антоний Храповицкий (будущий первоиерарх Русской Зарубежной Церкви) в том же интервью вообще готов был даже посчитать ритуальное убийство не самым страшным преступлением в начинающемся XX веке. Как бы предвидя все грядущие, в том числе и наши времена, он сокрушался:

«Я в значительной степени извиняю этот ужасный обычай и, во всяком случае, считаю патриархальных евреев не столь вредными для русских, как новый тип еврея-нигилиста, потерявшего всякую веру. Те изуверы убьют одного мальчика из десятка миллионов, а эти развращают и нравственно убивают все наше юношество посредством нигилистической и порнографической печати и тому подобными средствами».

* * *

Вот так-то. Но Марку Дейчу, как гласит русская пословица, хоть плюй в глаза — все Божья роса. Он по-прежнему будет бессовестно лгать о «Процессе Российской национальной партии», о том, что «никакого заведомо антирусского процесса не существовало», что «готовили его (...) в первую очередь русские». А то, что ГУЛАГом — главным управлением лагерей, трудовых поселений и мест заключения, куда отправили «славистов», руководил квартет в составе М. Бермана (начальник управления, сменивший Л. Когана) и трех его заместителей: Я. Д. Раппопорта, Н. И. Плиннера и З. Б. Кацнельсона, — его не смутило, потому как — какие же это евреи?! — это же, по Мар-

ку Дейчу, «большевистский интернационал». Но почему же тогда чекистов Молчанова и Сидорова из этого «интернационала» он называет не просто «*большевиками*», а «*русскими*»?

Ну что ж, постараемся отплатить ему той же монетой.

Пока академиков М. Н. Сперанского и В. Н. Перетца, а также профессора В. В. Виноградова перегоняли из одной тюрьмы в другую, остальных 70 славистов развезли по исправительно-трудовым лагерям.

Члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Н. Дурново с другим членкором Ильинским доставили на Соловки, где начальниками лагеря один за другим в те времена были Ф. Эйхманс, К. Дукис и Бухбанд (без имени). Эйхманс, насколько я знаю, был латыш, остальные — «нерусские большевики», думаю, что Дейч догадается, кто они были по национальности.

Сотрудника Русского музея Б. Г. Кржижановского отправили в Беломоро-Балтийский лагерь, где в начале 30-х годов начальником был Э. Сенкевич, а его сменил Семен Григорьевич Фирин.

Известный профессор ЛГУ Б. Л. Личков попал в Дмитлаг, где начальствовали Б. Кацнельсон и Е. Раппопорт — опять же люди с «*большевистскими фамилиями*».

Думаю, что это были другие Кацнельсон и Раппопорт, нежели заместители начальника управления ГУЛАГа, поскольку у них были другие инициалы. А чего удивляться? В конце концов, и начальником секретариата НКВД был некий Я. А. Дейч, но уверен, что нынешнему Марку Дейчу он не был родственником и, возможно, не был даже однофамильцем. Профессора МГУ П. А. Расторгуева и членкора АН СССР лингвиста А. М. Селищева загнали в Карагандинский лагерь — вроде бы там казахи были титульной нацией, но лагерной жизнью руководил Коринман, которого сменил О. Линин. Кто из них был из одного колена с М. Дейчем и С. Резником — пусть они догадаются сами. Профессор Литинститута В. Ф. Ржига, по учебникам которого я занимался в 50-х годах на филфаке МГУ, вместе с научным сотрудником Исторического музея А. Д. Сидельниковым отправились отбывать срока в Свирьлаг, где с 1932-го по 1937 год начальниками побывали А. Я. Мартинелли, Н. М. Лapidус, Э. Ю. Тизенберг. Пусть Марк Дейч, если у него совершенно нет совести, попытается доказать, что это были русские люди.

Знаменитый главный специалист Центральных реставрационных мастерских П. Д. Барановский, спасший собор Василия Блаженного от посягательств «русского большевика» Л. М. Кагановича, вместе с академиком П. И. Нерадовским поехали в Сиблаг, которым в те годы командовал некий человек неизвестной национальности с характерной древнерусской фамилией И. М. Биксон.

Двоих профессоров — А. И. Вознесенского, А. Н. Дурново (брата того, который попал на Соловки) загнали в среднеазиатский лагерь — Сазлаг. Начальниками лагеря были кто угодно, но только не таджики или узбеки. К. Озолс и И. Литвин — фамилия «географическая», если вспомнить наркома иностранных дел Литвинова — он же Меер Генох Мовшевич Валлах.

Ленинградского профессора А. А. Автономова загнали дальше всех — в БАМлаг, под присмотр двух начальников с фамилиями С. Мрачковский и Н. Френкель. И так — в семь лагерей разъехались слависты, и в каждом из них как на подбор были начальники с изысканными для России фамилиями. А всего лагерей в системе ГУЛАГа было несколько десятков, и в каждом из них «кадровый состав» высшего звена был приблизительно такой же, как в семи лагерях, куда сослали славистов. Так что подследственные после суда из одних «большевистских» рук попадали в такие же «большевистские» руки.

Кстати, данные эти взяты не из эмигрантских «черносоленных» сочинений А. Дикого или князя Н. Д. Жевахова, а из вполне демократических исторических исследований, сделанных при участии «Мемориала» и «Солженицынского фонда». Назову некоторые из них: «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960», «Звенья». М., 1998; «Россия. XX век. Документы. Гулаг (Главное управление лагерей) 1918—1960 г.», М., 2002. Международный фонд «Демократия», изд. «Материк»; «Империя Сталина». Биографический энциклопедический словарь». М., Вече, 2000; *Роговин В.* Партия расстрелянных. М., 1997; *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. М., Вагриус, 2006; *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД в 1934—1941 гг. М., Звенья, 1999.

К 1938 году почти все эти начальники Главного управления и непосредственно лагерей по непреложному закону всех революций, пожирающих своих отпрысков, были уничтожены. И я вспоминаю сцену из замечательного романа «Факультет ненужных вещей» честного писателя Юрия Осиповича Домбровского, с которым я имел честь не только быть знако-

мым, но и вести разговоры и который вдохновенно читал мне многие свои лагерные стихи. Особенно запомнилось его потрясающее чтение баллады — «Выхожу один я из барака — месяц словно желтая собака»... Но в «Факультете ненужных вещей» есть сцена почище этой баллады.

К следователю ОГПУ Якову Нейману приезжает по делу из Москвы его двоюродный брат — крупный чин прокуратуры Роман Штерн. (Заметим, что оба брата не русские люди, что должно очень огорчить Дейча, силящегося доказать, что в те времена репрессии «готовили в первую очередь русские».)

Братья радостно восторгаются, выпивают, вспоминают местечковую трудную юность, черту оседлости, и, уложив старшего брата спать, Яков Нейман произносит внутренний монолог, обращенный к их отцу, ортодоксальному, патриархальному еврею:

«Посмотрел бы ты сейчас, Абрам Ноевич, какой я мундир ношу, с какими он у меня нашивками, значками, опущенными, в каком кабинете я сижу, чем занимаюсь! Небось расстроился бы, замахал бы руками, заплакал: «Ой, Яша, зачем же ты так? Разве можно!» Можно, старик, можно! Теперь уж не я перед людьми виноват, а они передо мной. И безысходно, пожизненно, без пощады и выкупа виноваты! Отошли их времена, настали наши. А вот к лучшему они или к худшему, я уж и сам не знаю, ну ничего, торопиться нам некуда — пождем, узнаем. Все скоро выяснится! Все! Теперь ведь до конца рукой подать. Я чувствую, чувствую это, папа!»

Чувствует еврейский чекист, что скоро стать ему лагерной пылью. Отольются ему слезы загубленных им славистов!

Юрий Домбровский не случайно изобразил двух братьев, работающих в карательных органах: в те времена евреи шли во власть, и в первую очередь в ЧК-ОГПУ-НКВД, семьями. История сохранила фамилии двух братьев Леплевских — **Израиля и Григория**. Первый дослужится до комиссара ГБ 2-го ранга, второй через коридоры ОГПУ дойдет до должности заместителя генерального прокурора СССР. **Братья Берман Матвей и Борис** сделают карьеру не хуже. Первый станет начальником всего ГУЛАГа, второй — заместителем начальника иностранного отдела НКВД.

Семья гомельских хасидов **Нехамкиных**: в каком родстве они состояли друг с другом, трудно сказать. Известно, по словам Давида Азбеля, одно: **«Не случайно свела судьба питомцев этого славного рода в ЧК, ГПУ, НКВД, прокурату-**

ру. Один из этой семьи, Рогинский, достиг даже «сияющих вершин» — был заместителем прокурора СССР». (Журнал «Время и мы», Нью-Йорк, 1989, № 105, с. 204.)

Беленькие... Тут не разберешься — кто родные, кто однофамильцы, поскольку их шесть человек! Точно известно, что трое — Абрам, Ефим и Григорий — были братьями. В ЧК служил Абрам, Ефим был в Наркомфине, Григорий в Коминтерне... Остальные (с другими отчествами) — кто где: Захар — в совконтроле, Марк — в наркомснабе, Борис — в торгпредстве.

Дейчи... Тут картина очень серьезная. Самый успешный Дейч Я. А. — комиссар ГБ 3-го ранга, Макс Дейч — председатель правления треста «Уголь», Мендель Дейч — деятель Бунда, Л. Г. Дейч — профессиональный революционер. Если к ним прибавить моего нынешнего оппонента Марка Дейча, то Дейчей будет пятеро, они на почетном втором месте после Беленьких.

Сольцев — всего двое: А. Сольц, которого звали «советью партии», в «расстрельные» 1934—1938 гг. был помощником Вышинского. А Исаак Сольц — служил в юстиции.

Мироновых — два. Но, видимо, не братья, поскольку один, С. Миронов-Король, начальник Днепропетровского НКВД, а другой, Л. Миронов-Каган, — комиссар ГБ 2-го ранга. Были еще братья по фамилии **Бак — Аркадий и Соломон**. Первый — председатель Губчека в Иркутске, второй черт знает кто, но тоже чекист. **Эпштейнов было пятеро, как Дейчей**. Можно было бы «братские списки» продолжать, но нет сил ругаться по справочникам и выяснять, кто есть кто. Картина и без того впечатляющая.

Семен Ефимович Резник может быть спокоен, его фамилия встречается в справочниках лишь однажды: в историю вошел российско-американский революционер И. Резник.

Ну а о **Кагановичах** с тремя расстрелянными братьями я уж писать не буду. Это все знают. Кстати, почти все упомянутые мною здесь родственники и однофамильцы были расстреляны (кроме Дейча и Резника) в 1937—1938 гг. Словом, настоящая братская могила.

* * *

В новейшей истории образовались, грубо говоря, два враждебных друг другу подхода к освещению репрессий 20—30-х годов. Кто — русские или евреи задавали тон в карательных органах?

В начале перестройки мне попалось на глаза стихотворение Фазиля Искандера, опубликованное в «апрелевской» газете «Литературные вести», редактируемой Оскоцким. Искандер нарисовал в стихотворении образ, как это ему виделось, «типичного» чекиста: русского, русоволосого, который к тому же был **«синеглазый, дерганый слегка»**. Словом — парень из «вологодского конвоя», жестокость которого писатели-демократы попытались сделать сущностью ЧК-НКВД. Такие же усилия предпринимала Л. К. Чуковская, когда, вспомнив, что одним из следователей по делу академика Вавилова был чекист по фамилии Хват, писала:

«Десятки тысяч потенциальных хватов, мучивших Вавилова [...] сломавших на следствии 2 ребра Ландау — всегда подспудно таились в нашем народе? Каково их социальное происхождение?» (Д. Самойлов — Л. Чуковская. Переписка. М., 2004, стр. 285).

Особенно меня трогает это «в нашем народе» и о «социальном происхождении». Думаю, что она была достаточно информированной женщиной, чтобы знать, кто руководил НКВД и ГУЛАГом в те времена. Но о своих — молчок. Во всем виновны русские хваты.

Особенно подробно и тщательно тема «вины русских» разработана в воспоминаниях бывшего энкавэдэшника и литератора, зятя одного из главных чекистов Г. Бокия, Льва Эммануиловича Разгона. Блистательно проанализировал все эти разгоновские комплексы Вадим Валерианович Кожин в работе «Загадка 1937 года». Лучше, чем он, не скажешь о мемуарах Разгона, изданных в 1988—1989 гг. трехмиллионным (!) тиражом. Кожин подробно анализирует главу из воспоминаний Разгона, которая называется «Корабельников». В ней речь идет о рядовом энкавэдэшнике, занимающем низшее место в служебной иерархии. Корабельников попал в тот же лагерь, где сидел Разгон, представлял из себя тип человека-лакея, подобострастно глядящего на начальство. Даже о свергнутых генералах ЧК — Бокии, Бермане, Паукере — он говорил в лагере с восхищением. Никакого зла он Разгону не сделал, был его постоянным собеседником, но Разгон признается: **«Из множества злодеев, которых мне пришлось встретить, Корабельников произвел на меня особо страшное впечатление», «его прямые пшеничные волосы... снились по ночам, и я стоял во сне и просыпался, покрытый липким потом... И сей-**

час (то есть полвека спустя! — *Ст. К.*) я совершенно отчетливо вижу его круглое и плоское лицо... Когда я думаю о нем, меня начинает бить дрожь от неутоленной злобы». Не начальников Корабельникова, чьи кровавые приказы он исполнял, а именно этого ничтожного винтика ненавидит патологической ненавистью энкавэдэшник Лев Эммануилович Разгон.

«И это, — пишет Кожин, — может иметь только одно объяснение: Бокий и ему подобные все-таки «свои» (пусть даже они приказывали убивать и «своих»!); напомним, что Бухарина-Лурье, по ее признанию, не смогла дать пощечину «своему» Андрею Свердлову» (Андрей Свердлов — человек их клана и друг детства — первым допрашивал жену Бухарина). Однако мысль Кожина идет дальше: «Но вернемся к «сюжету» с Корабельниковым. По-видимому, одна из причин (или даже главная причина) его появления в книге Разгона — попытка как бы «переложить» на него «вину» за 1937 год. Ведь в заключение своего рассказа о Корабельникове Разгон заявляет: «В моих глазах этот маленький и ничтожный человек... стоит неподалеку от главного его бога — от Сталина»... Что ж, может быть, Разгон с определенной точки зрения прав? Вот, мол, наверху вождь, диктатор, в конце концов, «царь», «самодержец» Сталин, внизу — «представители народа», рядовые Корабельниковы, а посередине разгоновский «клан», обреченный быть раздавленным сближающимися друг с другом «вождем» и «народом» (с. 471).

Многие соплеменники Разгона и Дейча занимались коллективным подлогом, пытаясь сделать русских ответственными за кровь 1937 года. Энкавэдэшник Хенкин (племянник популярного юмориста 30-х годов), ставший в 70-х и 80-х годах сотрудником радиостанции «Свобода» («своих» энкавэдэшников даже туда на работу брали), писал в воспоминаниях почти то же самое, что его старший товарищ Разгон о замене «кадров» в «органах»: «...На место исчезнувших пришли другие. Деревенские гогочущие хамы. Мои друзья (по НКВД. — *Ст. К.*) называли их «молотобойцы» (Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991, стр. 36).

Поэту Фазилю Искандеру полезно было бы знать, кто создавал культ ЧК в эпоху Ягоды, Агранова, Бермана. «Чекисты, механики, рыбоводы»... «веселые люди моих стихов» — Э. Багрицкий (Дзюбин); «Пей, товарищ Орлов, председатель ЧК» — М. Светлов (Шейнкман); «Чтобы прошел художник

школу суда и следствия и вник в простую правду протокола, в прямую речь прямых улик» — П. Антокольский; «Меч большевистского Марата» — А. Безыменский; «Довольно! Нам решить не ново. Уже подписан приговор» — М. Голодный (Эпштейн); «Во имя чекистской породы» — П. Коган и т. д. Словом, чекисты-евреи руководили ГУЛАГом, а евреи-поэты восхваляли их подвиги. У русских поэтов той же эпохи — Твардовского, Исаковского, Смелякова, Заболоцкого — таких пафосных строчек в честь чекистов мы не найдем. А у евреев не только поэты, но и критики дули в ту же дуду. Откроем, к примеру, «Литгазету» от 1 мая 1937 года. В ней статья Э. Дельмана — отца Натана Эдельмана. Такой пахучий панегирик Волго-Балту — концлагерю, руководимому Л. Коганом, С. Фириным, Я. Раппопортом, Н. Френкелем, хоть нос зажимай. Пусть это знает Марк Дейч. Так что честь советского еврейства в разборках на тему «Кто виноват» спас из писателей, может быть, единственный праведник Юрий Домбровский. Да еще в какой-то степени Валентин Катаев, если вспомнить «Уже написан Вертер» (после чего он был объявлен антисемитом). Остальные — Борщаговский, Гроссман, Чуковская, Хенкин, Галич, Разгон (да несть им числа!), ну и, конечно же, Дейч с Резником — эти десятилетиями надрывались, чтобы всю кровь 1930-х годов взвалить на русского человека, на «вологодский конвой»... Но никто (кроме Разгона) из них не сидел. Сидел, и много — Юрий Домбровский. И его показания никаким ихним гевалтом не заглушить. Он единственный понял, что евреям надо покаяться. Низкий поклон его памяти за мужество.

* * *

В 1990 году историк Фаттей Шипунов опубликовал в «Нашем современнике» цикл очерков «Великая замятня». В одном из очерков он привел список фамилий руководителей ЧК — ОГПУ — НКВД разного уровня. В этом списке были и латыши, и евреи, и украинцы, и русские (Никишов, Иванов, Рыбкин, Лебедь и т. д.). «**Полный список погромщиков и палачей еще предстоит раскрыть народу**», — писал Шипунов. Он не уточнял, «кто есть кто» в списке, и не подсчитывал, сколько в этом перечне еврейских фамилий. Но, как говорится, «чует кошка, чье мясо съела». Прочитав список

палачей и наткнувшись на еврейские фамилии, Семен Резник впал в истерику: **«Другие оставлены за кадром: их имена еще «предстоит раскрыть народу», — с негодованием цитировал он Шипунова. — А пока селекция: по одной еврейской или подозрительной фамилии на область, край, целый регион набрать, конечно, нетрудно. Тем более без ссылок на источники».** И завершает Резник сей гневный пассаж традиционной, можно сказать, ритуальной пропагандистской фразой, которая звучит, как заклинание: **«Так создается новый кровавый навет, перед которым бледнеют средневековые обвинения в употреблении христианской крови»** (*Резник С.* Красное и коричневое — книга о советском нацизме. Вашингтон, 1990). Итак, дело Менделя Бейлиса Семен Резник сам сравнивает с делами 30-х годов, когда была расстреляна, к примеру, вся верхушка ГУЛАГа, которой не повезло, как Бейлису, быть оправданной и которая подверглась в 1990 году «кровавому навету». Значит, одно обнародование фамилий евреев-чекистов надо считать таким же «кровавым наветом», как обвинение Бейлиса? Зачем же такие фрейдистские проговорки, Семен Ефимович? Вам нужны «ссылки на источники»? Пожалуйста. Только не обижайтесь. Для начала прочитайте итоговый вывод из книги популярного историка Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм», М., 2001, изд. «Международные отношения», книга издана при финансовой поддержке Российского еврейского конгресса» — это вам не «Алгоритм» и не «Вече»!

«С 1 января 1935 г. по 1 января 1938 г. представители этой национальности (какой — уточнять не буду. — Ст. К.) возглавляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел» (с. 110).

Есть любопытные свидетельства, доказывающие, что большевики тех времен придавали весьма важное значение тому, какой национальности чекисты работают в тех или иных республиках, краях, областях. Подлинные справки из отделов кадров на эту тему в книге «Россия. XX век. Документы. Гулаг (Главное управление лагерей)» существуют. Все их разбирать не буду, но в связи с «делом славистов» скажу только, что справки эти свидетельствуют, например, что в белорусском ОГПУ служило 397 белорусов и 182 еврея, в Украинском 1518 украинцев и 925 евреев... Может быть, поэтому и голодомор, организованный на Украине во время коллективизации, был

столь фантастически жестоким... Конечно, и русских людей в органах было немало, но, думаю, соотношение их с евреями правильно отражено в статье С. Н. Семанова «Сталинская чистка конца тридцатых годов и национальный вопрос» — «Наш современник», № 4, 2007 г.

Справки эти (насчет национального состава по всем республикам и областям) подписывал начальник сектора кадров НКВД Я. М. Вейншток. Он же оперативный секретарь наркома МВД, он же, ранее, начальник тюремного отдела Главного управления государственной безопасности. Матерый чиновник. Опытный. Думаю, что Вейнштоку верить можно.

* * *

А вот передо мной книга историка Е. Лукина «На палачах крови нет» (изд-во «Библиополис», С.-Петербург, 1996), в которой автор исследует кадровый состав Ленинградского управления НКВД в 30-е гг.

В 1934—1937 гг. начальником управления был **Леонид Михайлович Заковский** (он же **Штубис Г. Э.**).

В 1938 г. его сменил **Михаил Иосифович Литвин**¹. Первым заместителем обоих в 1937—1938 годах был **Натан Евнович Шапиро-Дайховский**. Просто заместителем — **Арон Меерович Хатаневер**. Секретарем парткома и одновременно начальником секретно-политического отдела являлся **Кирилл Борисович Гейман**. Начальником контрразведки служил **Яков Ефимович Перельмутер**, начальником дорожно-транспортного отдела числился **Михаил Израилевич Брозголь**. В должности заместителя начальника экономического отдела состоял **Яков Ржавский**. Начальником секретно-оперативного управления, работавшего в основном с интеллигенцией, был **Вячеслав Ромуальдович Домбровский**. Его ближайший соратник **Альберт Робертович Стромин (Геллер)** фабриковал дела академиков С. Платонова, Е. Тарле, Д. Лихачева, а также дело «Братства Преподобного Серафима». Начальником водного отдела был **Мирон Исаакович Мигберт**, экономическим отделом ведал **Григорий Яковлевич Раппопорт**. В так называемой «бригаде смерти» (следователи, которые вели допросы, пытали, выбивали показания) состояли **Дмитрий (Манасия) Фигур** и **Софья Гертнер** («Сонька Золотая Ножка»).

---

¹ Подписавший ордер на арест поэта Николая Заболоцкого.

Чтобы было ясно, «кто есть кто», жизнеописания вышеперечисленных фигурантов снабжены фотографиями хорошего качества. Без фотографий в книге помещены справки о жизни и смерти начальника восточного отделения контрразведывательного отдела **Наума Абрамовича Голуба**, начальника отделения (не сказано какого) **Аксельрода** (ни имени, ни отчества, ни рода), начальника отделения **Якова Меклера**. Чтобы успокоить **Марка Дейча**, сообщаю, что русские в аппарате тоже были: комендант ленинградского УНКВД **Александр Поликарпов** и рядовые сотрудники **Михаил Матвеев** и **Петр Мелюхов**. Рядовым сотрудником числился также бывший одесский шулер **Израиль Яковлевич Чоклин** (удостоен фотографии в фас и профиль — в 1938 г.). Этот список фамилий и должностей кроме Резника полезно будет прочитать Дейчу, считающему, что процессы 30-х годов организовывали «русские».

Вопреки цифрам, фактам, документам Марк Дейч и Семен Резник с пеной у рта каждый раз начинают свой очередной гвалт, свою психическую атаку — лишь бы никому не позволить разобраться в том, кто и в какой степени ответственен за чекистский террор 20–30-х годов.

Именно про таких, как они, писал Г. Штурман в работе «Шульгин и его апологеты» («Новый мир», 1994, № 11, с. 224): **«Поразительно единодушие, с каким мои соплеменники отрицают какую-либо свою провинность в русской истории XX века».**

Именно таких, как Дейч и Резник, имел в виду Солженицын во втором томе работы «Двести лет вместе». Вспоминая о том, что 5 августа 1933 года в газете «Известия» был опубликован указ о награждении в связи с завершением строительства Беломорканала высших руководителей ОГПУ Г. Ягоды, М. Бермана, С. Фирина, Л. Когана, Я. Раппопорта и Н. Френкеля высшей правительственной наградой — орденом Ленина, Солженицын пишет: **«Все их портреты опять крупно повторены были в торжественно-позорной книге «Беломорканал», формата, как церковное Евангелие, как на тысячелетнее царство впереди.**

И вот, 40 лет спустя, я повторил эти шесть портретов негодяев в «Архипелаге», — с их же выставки взял, и не выборочно, а всех управителей, кто был помещен. Боже — какой всемирный гнев поднялся: как я смел?! Это — антисемитизм!

Я — клейменный и пропащий антисемит. В лучшем случае: приводить эти портреты был «национальный эгоизм» — то есть русский эгоизм! И — поворачивается язык, когда на соседних страницах «Архипелага»: как покорно замерзали «кулацкие» паренки под тачками.

А где же были их глаза в 1933-м, когда это впервые печаталось?»

Из 34 советских писателей, создавших это «Евангелие», 22 были евреи и лишь 12 русские. Пропорции, как видим, у писателей были даже «покруче», нежели у чекистов.

...Время прошло. Много книг издано, раскрывающих эту тему. Сегодня евреи, кто поумней, даже израильские, уже не поднимают гвалт в таких случаях. Остались последние защитники безнадежного дела: Дейч и Резник. Еврейские камикадзе. Но такие защитнички лишь наносят вред представителям честного еврейства вроде вышеупомянутых Азбеля, Пасманика, Штурман, Ходоса...

* * *

Впрочем, патологическая страсть что-либо приврать, сочинить, передернуть у Марка Дейча и у Семена Резника черта профессиональная. Помню, как Семен Резник в 1990 году встретил группу советских писателей статьей «Десант нацистов в Вашингтоне». Резник тогда заявил, что делегацию возглавляет член президентского Совета Валентин Распутин — «антизападник и антисемит». Что в составе группы член редколлегии «Литгазеты» Светлана Селиванова, которая пытается в газете проводить «нацистскую линию»; что вместе с писателями в Америку приехала нанайка Евдокия Гаер, которая борется «против рыночной экономики и за «равноправие» русского народа, якобы угнетаемого евреями и другими инородцами»... Все вышесказанное было «геббельсовской» ложью: Евдокии Гаер и Распутина с нами не было. А уж утверждать, что при главном редакторе еврее Чаковском Светлана Селиванова проводит в «Литгазете» «нацистскую линию» — для этого надо было быть либо идиотом, либо профессиональным лжецом... Впрочем, можно быть и тем и другим одновременно. В одном из номеров «Огонька» за 1990 год, издаваясь над газетой «Русское воскресенье», утверждавшей, что одним из первых декретов Советской власти был декрет об уголов-

ном наказании (вплоть до смертной казни) за антисемитизм, Дейч выступал адвокатом чекистов и юристов революционной эпохи: «Декрет опять же выдуман. Правда, в уголовном кодексе 1926 года существовала статья 59, пункт семь, который гласил: «пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение, изготовление и хранение литературы того же характера влечет за собой лишение свободы на срок до двух лет».

Вот такая либеральная 59-я статья. Нет в ней ничего об антисемитизме, ничего о смертной казни... Вот, мол, какие добренькие, по словам Дейча, были эти самые его соплеменники.

Но я думаю, что А. В. Луначарский лучше знал суть дела, когда в брошюре «об антисемитизме» (Госиздат, М.-Л., 1929) на странице 38-й писал: «Когда этот декрет был написан Я. М. Свердловым (! — Ст. К.) и принесен Ленину, Ленин его прочел и красными чернилами и своей собственной рукой на этом документе приписал: «Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона».

А сам официальный текст декрета, опубликованный в газете «Известия ВЦИК» от 27 июля 1918 года, гласил с торжественностью ветхозаветных скрижалей:

«ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О ПРЕСЕЧЕНИИ В КОРНЕ АНТИСЕМИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

По поступившим в Совет Народных Комиссаров сведениям, контрреволюционеры во многих городах, особенно в прифронтовой полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местами эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контрреволюция берет в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя.

Самодержавное правительство каждый раз, когда ему нужно было отвести от себя гнев народный, направляло его на евреев, указывая темным массам, будто все их беды от евреев. При этом еврейские богачи всегда находили себе защиту, а страдала и гибла от травли и насилия еврейская беднота.

Теперь контрреволюционеры возобновили травлю против евреев, пользуясь голодом, усталостью, а также неразвито-

стью наиболее отсталых масс и остатками вражды к евреям, которая была привита народу самодержавием.

В Российской Советской Федеративной Республике, где провозглашен принцип самоопределения трудовых масс всех народов, нет места национальному угнетению. Еврейские буржуа враги нам не как еврею, а как буржуа (логика Дейча: «не еврею, но большевики-интернационалисты»). — Ст. К.). Еврейский рабочий нам брат.

Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима и позорна.

Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ Социалистической России всеми средствами бороться с этим злом.

Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, разъединяет единый, без различия национальностей, трудовой фронт и на руку лишь нашим врагам.

Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и вводящих погромную агитацию предписывается ставить вне закона.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совнаркома Вл. Бонч-Бруевич
Секретарь Совета Н. Горбунов».

Иосиф Сталин, которого все еврейские политологи от Гроссмана до Борщаговского считают «биологическим антисемитом», как разумный государственный никогда им не был, и долгое время, пока ему позволяли исторические обстоятельства, придерживался ленинской политики в еврейском вопросе, о чем свидетельствует следующий документ:

ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства
из Америки

Отвечаю на ваш запрос.

Национальный и расовый шовинизм есть пережиток членоконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма.

Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громозвон, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью.

И. Сталин

12 января 1931 г.

Впервые опубликовано в газете «Правда» № 329, 30 янв. 1936 г.

Семен Резник пограмотней Марка Дейча, потому что он слышал о существовании ленинского декрета и так писал о нем в книжице «Красное и коричневое», признавая, что декрет действовал на всю катушку:

«Вскоре после революции в связи с разгулом еврейских погромов советское правительство приняло декрет, запрещающий антисемитскую деятельность». Смягчил Семен формулировку, опустил самое главное: **«ставить вне закона»** (это все равно, что ставить к стенке). Ну да ладно... Не в этом дело, а в том, что еврейские погромы — любимый пропагандистский конек Семена Резника. В этой же вашингтонской книге жалкую фарсовую ссору на сцене Центрального Дома литераторов, где писателю Анатолию Курчаткину то ли разбили очки, то ли он сам их уронил и разбил, Семен ухитрился поставить в ряд знаменитых **«еврейских погромов»**. Но это — глупость хотя бы потому, что Анатолий Курчаткин — русский. В той же книге Резник, видимо, заболевший манией преследования, пишет: **«О том, как патриоты собирают адреса евреев в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах, хорошо известно».**

Для чего собирают адреса? Конечно, для погромов! И Резник с геббельсовским размахом нагоняет страх на слабонервных евреев: **«Среди еврейского населения России давно уже царит паника...», «Азербайджанцы могут бежать из Армении в свою республику или в Москву», «Армяне могут бежать из Азербайджана [...] А евреям бежать некуда»,** — восклицает матерый провокатор и добавляет, обливаясь слезами:

«Нет для них безопасного места на всей Руси великой!» Но почему же бежать некуда? Убежал ведь Невзлин в Израиль, Гусинский в Испанию, Березовский в Англию. Есть куда бежать! Да сам Резник в Америку в свое время «от погромов» едва-едва успел драпануть. (Один Ходорковский за всех отдувается.) Сколько воды утекло с тех пор! Сколько армян погибло, азербайджанцев, таджиков, осетин, чеченцев, ингушей, абхазцев, русских... Словом, тех, кому **«было куда бежать»**. А погромов все нет и нет. И все евреи целы. И Радзиховский в знаменитой статье «Еврейское счастье» пишет: **«Евреи сегодня в России оказались сильнее, чем 20 лет назад. Больше того, рискну предположить, что евреи имеют больший удельный вес в политике и бизнесе, чем в политике и бизнесе любой другой христианской страны.»**

Впрочем, Резник может со злорадством вспомнить Копцева, психически нездорового юношу, который в одиночку, как самоубийца, бросился с ножом на еврейскую толпу в синагоге и сумел нескольким мужчинам нанести какие-то поверхностные порезы. Но его тут же скрутили и посадили на 16 лет. А совсем недавно судили кингисеппскую банду абсолютно здоровых грабителей и убийц. Отправили они на тот свет около десятка граждан и получили каждый от 10 до 12 лет. Так что декрет об антисемитизме, написанный рукой Свердлова, у нас действует до сих пор. В следующем году юбилей будем праздновать — 90 лет декрету.

Этот документ, на мой взгляд, принес евреям больше вреда, чем пользы, потому что, будучи сформулированным в таком виде (борьба только с антисемитизмом, а не с любым шовинизмом или расизмом), он поставил еврейское население в исключительное, привилегированное, особо охраняемое государством положение, которым в то жестокое и неправовое время можно было легко воспользоваться и для внесудебных расправ, и для устройства в общественной пирамиде и в пирамиде власти. Напомню, что за антисемитизм предусматривались самые тяжкие наказания, вплоть до смертной казни. Расстреливали и ссылали, как при Сталине, даже за анекдоты. Но благодаря этому волна антиеврейских настроений опять и опять начала нарастать уже в 20-е годы.

Из частного письма академика В. И. Вернадского в 1927 году: **«Москва — местами Бердичев; сила еврейства**

ужасающая — а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растет неудержимо»¹.

Вот почему Серго Орджоникидзе в том же 1927 г., на XV съезде партии, пришлось в своем отчете ЦК и РКИ уделить немало места национальному вопросу. В партии, видимо, к тому времени (еще «досталинскому») началось брожение по поводу еврейского засилья в партийном и государственном аппарате. Чтобы пресечь подобные настроения, Орджоникидзе привел в своем выступлении цифры, свидетельствующие о том, что на Украине в советских и партийных органах, в госаппарате «...в столице русских 33,4%, евреев 30,3%, украинцев 30,5%, по всей республике русских 17,2%, украинцев 54,3%, евреев 22,6%».

«По Белоруссии в столице русских 6,7%, коренной национальности 46,3%, евреев 38,3%»

«По всей республике русских 4,9%, коренной национальности 60,5%, евреев 30,6 проц».

«По Крымской республике в столице русских 57,6%, евреев 23,8%, коренной национальности 12,7%»².

Кстати, участники съезда, судя по докладу Орджоникидзе, отнюдь не ощущали себя однородной массой «большевистского интернационала» (как считает Марк Дейч), но прекрасно понимали, кто из них русский, а кто еврей. Видимо, поэтому главная роль докладчика по национальному вопросу была поручена именно грузину.

Несмотря на то, что процентные выкладки в докладе Орджоникидзе содержат данные по всем национальностям в административно-бюрократической системе, свою речь он специально закончил следующими словами, которые вошли в полное противоречие с цифрами: **«Отсюда, между прочим, видно, что всякие разговорчики о еврейском засилье и т. д. не имеют под собой никакой почвы».**

Какова все-таки была тяга к власти у неразумных сынов Израиля! Напомню, что это был 1927 год. «Еврейские большевики» не вняли первому предостережению, и через десять лет бунт против их чрезмерного присутствия во всех властных структурах государства от партии до НКВД наберет такую силу, что станет подобным цунами, которое получит имя Большого Террора, или Репрессий 1937 года.

¹ Из письма И.Н. Петрукевичу 14.6.1927 г. («Новый мир», 1989, № 12, с. 219).

² Из стенограммы XV съезда ВКП(б).

Я не понимаю одного: зачем врать Дейчу и Резнику? Ведь на каждое их очередное вранье неизбежно находятся опровержения: в исторических исследованиях, в архивных документах, в первоисточниках. Рано или поздно всегда выплывают «аргументы и факты», обличающие ложь. Когда я поделился этими мыслями с историком Сергеем Николаевичем Семеновым, тот мрачно усмехнулся:

— Чем больше они упорствуют, кричат, что ни в чем не виноваты, — тем быстрее все проясняется. Сами себе веревку намывают...

Другой, более взвешенной и более христианской точки зрения придерживается Вадим Кожинов в заповеди, которая завершает его работу «Загадка 1937 года».

«И все же, подводя итоги, необходимо сказать о другой — и очень важной стороне проблемы. Конечно же, охарактеризованные выше попытки возложить ответственность и вину за 1937 г. на так называемых деревенских хамов несостоятельны чисто фактически и безнравственно-лживы. Однако те из моих читателей, которые попросту переложат ответственность и вину на «друзей» Хенкина и Разгона, по сути дела, поставят себя в один ряд с этими авторами».

Конечно, хорошо бы покаяться Дейчу и Резнику если не за преступление своих единокровных предков и однофамильцев («сын за отца не отвечает», как сказал товарищ Сталин), то хотя бы за отчаянные попытки сокрытия этих преступлений, то есть за ложь. Хорошо бы вспомнить евангельские слова Христа, обращенные к фарисеям: «Ваш отец диавол», «Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи»... Что остается, Марк? Разве что покаяться. Все-таки у Вас имя евангельское...

XVIII

ЭПИЛОГ

На родине Холокоста, в Польше, начиная с 1961 года и до третьего тысячелетия, я был не менее десятка раз.

Бывал и в Освенциме. Помню груды очков в музее, горы обуви, оставшиеся от узников, помню и гранитные доски перед входом. Помню и свои чувства, потому что записал их в стихах.

А в рифмованных строчках память живет надежнее, чем в бессловесных чувствах, выгорающих, ветшающих, усыхающих от бега времени и давления жизни.

За эти годы у меня сложился странный цикл стихотворений, который я назвал «Европейская хроника», но сейчас, перечитывая ее, вижу, что это «Польская хроника». Конечно же, в 60-е годы я был полонофилом, о чем свидетельствуют не только мои стихи, но и надпись на изданной в 1973 году в Варшаве двуязычной антологии, куда вошли стихи русских поэтов XX века, посвященные Польше. Есть в ней и два моих стихотворенья. На титульном листе антологии дарственная надпись: *«Дорогому Стасику, соучастнику этой маленькой полонофильской манифестации — с благодарностью и надеждой видеть его у нас почаще.*

Анджей Дравич. Варшава, в поэтическое время 27.IX.73».

Литераторы Польши — поляки и евреи — помнят, кто такой Дравич. Однако в мой польский цикл вплетена и еврейская нитка, поскольку мою впечатлительную душу не могли не потрясти страшные свидетельства освенцимского музея смерти. И бронзовую доску, свидетельствующую в то время, что здесь было уничтожено «4 млн евреев», я помню. Ну как было доверчивому славянскому сердцу не взволноваться и не написать нечто общечеловеческое на тему «за нашу и вашу свободу»? До книги «Шляхта и мы» — надо было еще дожить.

И над камнями двух Варшавских восстаний — польского и еврейского — я тогда проливал искренние слезы. Иногда мне кажется, что лучше бы я не знал всего, что пришлось узнать в конце XX века о характерах и судьбах народов. И люди, и народы, оказывается, несовершенны. Как сказал Пушкин: «Любови, надежды, тихой славы недолго нежил нас обман, исчезли юные забавы, как сон, как утренний туман».

Но все равно мне дороги мои родимые пятна, мои молодые чувства и озарения, которыми я жил в то, говоря словами Анджея Дравича, «поэтическое время». Никто лично не виноват в том, что случилось. Прошло время, когда мы вдохновенно разбрасывали камни. Пришло время их собирать. Поэтому в заключение своей работы о жертвах и жрецах Холокоста я вспомнил о своем польском, и в то же время освенцимском, и в то же время библейском ощущении мира, которое посещало меня в лучшие годы, прожитые «в рифму», когда «мне были новы все впечатленья бытия».

Не все стихотворенья из этого странного цикла я печатал в своих книгах. Собрав их сейчас в единое целое из старых блокнотов, я понял, что написал эту хронику не случайно. Да и вообще поэзия дело суровое: все, что написано пером — не вырубишь топором...

ПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА

1

Я на поезде скором спешил
из Москвы в направленье Варшавы,
покидая границы державы,
где полжизни с размаху прожил.

Захотелось и мне посмотреть,
как сверкает чужая столица,
как торопится жить за граница,
как звучит иностранная речь.

Я увидел пейзажи, на взгляд,
столь же милой славянской равнины,
разве только что вместо осины
здесь все чаще каштаны шумят.

Да по праздникам в Кракове пьют —
не «Столичную», а «Выборову»,
захмелеют — и песни поют,
и живут подобру-поздорову.

И должно быть, была хороша
сторона под названием Польша,
но случилось так странно и пошло,
что была неспокойна душа.

Потому что, куда бы стезя
ни вела за широкие реки,
от любимых примет, от себя
не уйти, не уехать вовеки.

2

ПЕПЕЛ И АЛМАЗ

Умирает на белом экране
для чего-то рожденный на свет
террорист с револьвером в кармане,
милый мальчик, волчонок, поэт.
О, как жаль, что она остается!
Две слезинки бегут по щекам...
Вот и кончено... Что остается?
Остается платить по счетам.
Я ведь тоже любил неуютность,
я о подвигах тоже мечтал.
Слава... странствия... родина... юность...
Как легко, как высоко витал!
Умирает убийца на свалке,
только я никому не судья.
Просто жалко. И девушку жалко,
и его, и тебя, и себя.

3

Июльская желтая рожь
дышала дыханием свежим,
струился за стеклами дождь,
когда мы въезжали в Освенцим.

Как водится, все заросло,
бараки, пути, эшафоты,
поскольку добро или зло —
не все ли равно для природы?

А мы — только дети ее,
подвластные жизни и тленью...
Цветение — и забытье,
и сопротивление забвенью.

Нас кормит родная земля,
нам головы кружит свобода.
Мы все, к сожалению, семья,
а как же в семье без уroda...

От летних обильных дождей
речная вода пожелтела,
цепочка седых журавлей
над желтой водой пролетела.

И чтобы среди суеты
век памяти не был короток,
мы спешили и на цветы
собрали по несколько золотых.

4

Трибун, вчера произносивший речь,
сегодня сник. В его отчизне ночью
раздался гул, зашевелилась твердь,
и пустословье вылезло воочью.

Вы, шелкоперы и говоруны,
я видел вас на всяческих широтах.
Вас выделяет организм страны,
как слизь, — на эпохальных поворотах.

Грядущий пламень теплится в золе,
а слово «кровь» всегда звучит утробно...
Но что же делать, если на земле
ничто не зарождается бескровно!

Как пауки из выморочных слов,
вы тщитесь ради цели бесполезной
соткать бюрократический покров
над синей мглой, над животворной бездной.

Но грянет гром — покатится звезда,
внезапно задрожат хребты Синая —
и от словесной пыли ни следа,
и жизнь шумит, словесный прах смывая.

5

Гидесса — студентка с копною волос,
такая, что я покачнулся...
Но вот за витриною — груды волос:
прическа — кощунство.

Полячка, что делать? — ведь жизнь коротка,
в ней всякая встреча, как чудо...
Труба крематория так высока!
Кокетство — кощунство.

Согбенный еврей неподвижно стоит,
и скорбь на лице, как кольчуга.
Свихнуться бы надо — стоит и молчит.
Молчанье — кощунство.

Художник с мольбертом рисует барак,
чтоб сплавились жизнь и искусство.
Как будто возможно! Наивный чудак...
Искусство — кощунство.

Турист от усталости очи закрыл,
пора бы, дружище, очнуться.
А где ты находишься, милый, забыл?
Усталость — кощунство.

На поле крестьянское пепел летел,
где брюква, ячмень и капуста
цвели, удобряясь останками тел...
Капуста — кощунство.

О эти прекрасные рифмы мои,
мои благородные чувства!
Да что говорить? — Помолчи, помолчи,
иначе — кощунство.

6

Почему же по центру Европы,
на пути все живое утюжа,
разрушая дома и утробы,
не промчались железные туши,
почему не проехали танки,
чтоб оставить подобие свалки,
чтоб остались разбитые камни,
да зверей одинокие тропы,
да пустое пространство на карте,
как клеймо на груди у Европы...
Почему не нашлось наказания?
Не хватило фантазии бедной?
Но попало мне в руки сказанье
из истории ветхозаветной.

7

Как сказал Аврааму Господь:
— Дух растлился и рыщет по свету,
и трепещет невинная плоть,
ожидая призыва к ответу.

Я вчера поглядел с высоты:
ни фанатиков, ни атеистов,
разложились, живут, как скоты,
и поэтому гнев мой неистов.

Кто в разврате, а кто во хмелю,
кто в распутство ушел, кто в крамолу.
И поэтому испепелю
без пощады Содом и Гоморру!

.....

— Господи, — ответил Авраам, —
я согласен, мы несовершенны,
строим небоскребы и вертепы,
воздвигаем башню к облакам.

Благостыни недостойны мы,
все в пороках, в метинах позора.
Мало нам чумы или войны,
не хватает глада или мора.

Докатились. Господи, прости!
но неужто среди нас не видно,
может быть, найдется, посмотри,
ну хотя бы пятьдесят невинных.

Пятьдесят младенцев или жен...
Разбомбишь — и грех падет на душу... —
И, коварной логикой сражен,
Бог сказал: — Найдется — не разрушу!

— Но послушай! — продолжал хитрец. —
Для тебя любой заблудший дорог.
Основоположник и Отец,
ну а если нас найдется сорок?..

Может, в яслях, может, в детсадах
сорок невинных, душа в душу... —
Помолчавши, Бог ответил так,
очень недовольно: — Не разрушу...

Шла торговля, били по рукам,
то к стопам Божественным ложился,
то в припадке падал Авраам,
то в изнеможении божился
и рискнул: — А ежели один
праведник?! —
И, потрясая сушу,
Бог вскричал: — Так знай же, сукин сын,
и едина ради не разрушу!

Может быть, время, а может, война
 женщину в черном платке истрепала.
 Не потому ли так страстно она
 к каменным плитам костела припала?

Женщина разве сумеет понять
 в мире трепещущем и разноцветном,
 как совмещаются твист и Освенцим,
 с чем соглашаться и что проклинать?

Разве успеет осмыслить она
 тайну материи, сущность движенья,
 если простейшей любви от рожденья
 чистая истина в дар не дана?

Что ж, органист,
 забывайся, играй,
 вечность клубится под сводами храма,
 пусть расплеснется она через край
 из сладкогласной утробы органа!

(1960—1964)

* * *

Вторым магнитным полюсом моей исторической вольтовой дуги после польского стал, как естественное продолжение трагедии Холокоста, ближневосточный арабский полюс. К тому же меня после моих «идеологических скандалов» — дискуссии «Классика и мы», письма в ЦК о «Метрополе» и о сионизме — если и посылали от Союза писателей за границу, то чаще всего на арабский Восток — в Сирию, Ирак, Иорданию, Йемен, Алжир, Тунис. Мол, говори там, что хочешь...

А я и рад был: в чреве великих древних цивилизаций в семидесятые-восьмидесятые годы кипела живая, кровоточащая, настоящая человеческая история. Не то что в пошлой и полуживой Европе, где встречаешься с какими-нибудь слависта-

ми, мелкими диссидентами, газетными папарацци. Ближневосточная жизнь, напротив, была трагической, мощной, просто-народной. В Дамаске и Багдаде, в священной для мусульман Кербале и на берегах Иордана — великого ручейка человечества, который кое-где перепрыгнуть не стоило труда, — я встречал людей, умеющих жертвовать собой во имя своего народа и с именем Бога на устах.

В одна тысяча девятьсот семьдесят восьмом году мы прилетели с кабардинцем Алимом Пшемаховичем Кешоковым в Дамаск. Отоспавшись после самолета в гостинице, мы утром вышли в гостиничный вестибюль и встретили высокого араба с седой шевелюрой. Он бросился к нам с распростертыми объятьями. Это был палестинский поэт Муин Бсису, с которым мы не раз встречались на ближневосточных земных широтах. Я хорошо помнил его по Тунису...

Шел съезд писателей Палестины. Мы заседали под открытым небом в каком-то парке, над президиумом под порывами ветра, налетавшего со стороны Средиземного моря, трепетало, как парус, туго натянутое полотнище, на котором в окружении двух пальмовых ветвей была оттиснута, словно зеленый наконечник копья, территория Палестины, перекрещенная двумя черными винтовками. Со стола президиума аж до самого пола свешивалось белое покрывало с нашитыми из красных букв арабской вязи словами: «Кровью напишем для Палестины». На трибуну взлетел Муин и стал выкрикивать с нее стихи, посвященные командиру студенческого отряда, погибшему в схватке с израильянами в ливанских горах. Рефрен стихотворенья, вызвавшего бурю рукоплесканий, мне тут же перевели:

Я люблю сопротивление,
потому что оно — пуля в груди,
а не гвоздика в петлице.

Поэт читал не только для живых, но и для мертвых, потому что трибуна, с которой он выступал, была обрамлена портретами палестинских писателей и журналистов, погибших в схватках за Палестину. Все они были чем-то похожи на Че Гевару; на молодых и суровых лицах лежал трагический отсвет мученической смерти и веры в победу.

В заключительный день съезда я был приглашен на торжественный праздник-банкет в отель «Хилтон».

На эстраде пела знаменитая ливанская певица Фейруз, Муин читал стихи, посвященные ей:

Так пой, Фейруз, для воробьев,
сидящих на решетке моей тюрьмы.

Но сотни палестинцев, сидящих в огромном зале отеля, смотрели не столько на легендарную Фейруз и знаменитого поэта, сколько на громадного араба, который, словно джинн из «Тысячи и одной ночи», возвышался над всеми людьми в центре зала. Он то и дело пожимал руки, тянущиеся к нему, улыбался белозубым ртом под черной щеткой усов, чокался бокалом красного вина с поклонниками, желавшими одного — прикоснуться к нему. Принимая, как должное, признание и восторги, великан осенял всех жаждущих прикосновением своей руки, похожей на корявую ветвь ливанского кедра. Это был человек, расстрелявший команду израильских суперменов на мюнхенской Олимпиаде 1972 года.

Его звали каким-то сверхчеловеческим именем Абу — и дальше следовала цепь тотемных имен, обозначающих род, племя, семью.

Мы сидели за одним столом с Муином, и, замерев от ужаса, вызванного своими собственными словами, я вдруг сказал ему:

— Познакомь меня с ним!

Муин схватил меня за руку, и мы стали продираться сквозь горячую, влажную толпу, сквозь запахи жареного мяса, вина, пряностей и других испарений к сказочному арабу. Муин с трудом раздвинул окружение телохранителей кумира и сказал ему, что я известный русский поэт. Кумир, в черном костюме тонкого сукна, в белой рубашке, протянул мне волосатую лапу, украшенную золотыми перстнями, и моя ладонь исчезла в ней. Я задрал голову и встретился с его — нет, не глазами — а как будто двумя вставленными в глазницы холодными драгоценными камнями, не выдержал его взгляда, опустил глаза, увидел, что его шелковая рубашка широко распахнута, а грудь покрыта курчавой черной шерстью, и со страхом понял, что у него все тело покрыто таким же покровом, как у человекоподобных — у Голиафа или Гильгамеша.

Помнится мне, если я не ошибаюсь, что израильские мстители из Моссада где-то выследили его и убили через несколько лет после этого триумфа.

На другой день мы взяли с собой Муина и вместе с переводчиком из посольства поехали на развалины некогда цветущего сирийского города Кунейтры, взорванного израильскими солдатами, когда они в 1974 году в ярости покидали завоеванные сирийские земли и уходили на Голанские высоты, которые, как два покатых верблюжьих горба, виднелись на горизонте.

Мы бродили по развалинам некогда цветущего города, по исковерканным взрывами бетонным плитам, перешагивали через изогнутые ржавые клубки железной арматуры, в северном молчанье созерцали кладбища с поваленными и раздробленными стелами, увенчанными крестами и полумесяцами. Разрушенный город, как и положено безлюдным руинам, зарастал дикой колючей травой, повиликой, жестким кустарником с глянцевыми листьями, от развалин, усыпанных лепестками цветущих яблонь, исходил запах сладкого глена, и я вспоминал фильм об индийской гробнице, который увидел в Калуге еще во время войны и в котором меня поразили не столько приключения героев, сколько картины зарастающих тропическими лианами улиц древнего обезлюженного города. По черным базальтовым камням, из которых в Кунейтре были сложены стоявшие рядом друг с другом мечеть и христианская церковь, извиваясь своими изящными телами, носились юркие ящерицы. Время от времени, испуганные нами, с коротким шипеньем черные змейки срывались с солнцепека и ускользали в каменные щели, ввинчивались в спасительные трещины. Сирийские юноши и девушки, приехавшие поглядеть на развалины домов, где они еще недавно жили, оставались у развалин, заходили в оскверненные мечети, в обезображенные дворы, присаживались отдохнуть в тени цветущих каштанов. Юноши были в черных брюках и белых рубашках, а девушки в синих и красных платьях. Все черноволосые, смуглые, изящные, словно выточенные статуэтки.

Алим Кешоков нагнулся, разгреб носком ботинка груды щебня и вытащил из-под него какие-то бумажные обрывки.

— Станислав, смотри, да это же страницы Библии.

Муин взял у него из рук обугленный листок плотной бумаги и прочитал несколько слов, которые пересказал переводчик:

— *«И города разрушили, и на всякий лучший участок в поле бросили каждый по камню и закидали его; и все протоки вод запрудили и все деревья лучшие срубили, так что оставались только камни в Кир-Харешете».*

— Это об израильтянах, — сказал Муин. — Четвертая книга Царств.

Ветерок, налетевший с ливанских гор, протянувшихся в сиреновой дымке белой снеговой линией, освежил наши лица, мы зашли в ограду христианской церкви, выбрали под платанами тенистый пятачок и присели передохнуть. Я заглянул в церковь сквозь ржавую решетку. Увидел разбитый иконостас, поваленные каменные подсвечники, выщербленные взрывами плиты. Муин волновался. Он многое хотел рассказать нам, потому что недавно вышел с последними защитниками Бейрута из осажденного и разбитого израильской солдатней города, с автоматом в руках. С его ладоней еще не сошли пятна от оружейной стали. Рядом с ним делила все тяготы партизанской жизни его дочь — медсестра, перевязывавшая раны палестинцам. Он просто задыхался от жажды рассказать нам о последних днях бейрутских боев, и когда мы присели в тени и выпили по глотку коньяку из фляжки, предусмотрительно захваченной в путь Кешоковым, Муин посмотрел на нас своими громадными лошадиными глазами и начал читать стихи. Позже я перевел их. Стихи были о том, как он и его бывший знакомый израильтянин Даниэль стали врагами.

Даниэль,
вспоминаю, как ты крался по палубе,
как лицо твое прожектора
вырывали из тьмы.
Ты мальчишкою крался в окрестностях Хайфы,
убежав из Освенцима
на палестинскую землю.
Палестина одела тебя
лепестками трепещущих лилий
и листьями древних олив.
Чем же ты отплатил Палестине?
Пулей в сердце оливы.
Ты возжег не светильник из масла, а пламя пожара,
ты не шляпу надел из соломы,
а железную каску...

Спасаясь от Холокоста, Даниэль, подобно палачу палестинского народа Менахему Бегину, убежал в Палестину.

Стихотворенье заканчивалось строками, которые до сих пор можно считать заново написанными после каждого нового всплеска палестинского сопротивления:

Ты на древнем Синае,
иль на Сирийских высотах,
или на улице Газы
будешь ждать свою смерть за мешками с песком
или за корпусом танка...

Кабардинец Кешоков, несмотря на свои шестьдесят лет, выглядел молодцом. У него была легкая кавалерийская походка, седая голова и хорошая память.

— Где война, там и поэты, — сказал он. — Палестинские воюют за свою землю. Израильские — за свою.

Мы хлебнули еще по глотку, и Алим задумался, глядя на снеговые очертания ливанских гор. Порывы ветра, летящие с их вершин, обволакивали нас тонкими запахами цветущих роз, лепестки которых, слегка привядшие, подсохли, полегли и, когда веянье ветра усиливалось, шевелились и подползали душистыми ручейками к черным, начищенным ботинкам Кешокова. А я глядел на него и представлял себе, каким он был сорок лет тому назад, черноволосый юноша в черкеске с газырями, а может быть, в простой офицерской гимнастерке, в мягких сапогах со шпорами, с автоматом через плечо, с бесшумной походкой охотника и кавалериста.

В той же Кунейтре, перед тем как возвратиться в Дамаск, я спросил Муина Бсису:

— Какая у тебя сокровенная мечта в жизни?

Он ответил не задумываясь:

— Чтобы меня похоронили в родной земле, в независимой и свободной Палестине!

Но не дожидаясь Муин до создания независимой Палестины. И до своей мечты — быть похороненным в родной земле. Он умер в изгнании, в одной из лондонских гостиниц, где жил под чужим именем с тунисским паспортом. И лишь одна из английских газет в хронике событий кратко сообщила о том, что в таком-то отеле в 207-м номере было найдено тело какого-то «тунийца». На стене его комнаты был приколот кнопками портрет Че Гевары.

А у меня после моих скитаний по Ближнему Востоку постепенно сложился цикл стихотворений, в котором я попытался понять, почему восточноевропейские жертвы Холокоста, поселившись в Палестине, переродились в беспощадных колонизаторов и строителей «нового мирового порядка». И конечно же, все мои чувства, которые в Польше были обращены к ним, в Ханаане я отдал соплеменникам Муина Бсису.

Некоторые из этих стихотворений я включал в свои книги 70–80-х годов. Но, собранные вместе с неопубликованными в один цикл, они обретают иную жизнь, особенно в наше время.

1

Под небом пустынного края,
известном из Книг Бытия,
я слушал, как, в море впадая,
шумит Иордана струя.

Здесь каменной соли навалом,
здесь почва, как соль, солона,
здесь стала от слез минералом
несчастливого Лота жена...

Тяжелое Мертвое море
насыщено солью насквозь —
в него палестинское горе
соляным раствором влилось.

Вода Иордана струится,
уходит под взорванный мост —
сомкнулись река и граница,
железный шлагбаум и пост.

Здесь наземь слетела косынка,
когда, у себя за спиной
оставив свой дом, палестинка
застыла, как столп соляной.

Здесь выжжены мирные нивы
на том и другом берегу,
и только плакучие ивы
цветут, как на русском лугу.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Анна Ахматова

Когда-то племя бросило отчизну,
ее пустыни, реки и холмы,
чтобы о ней веками править тризну,
о ней глядеть несбыточные сны.

Но что же делать, если не хватило
у предков силы родину спасти
иль мужества со славой лечь в могилы,
иную жизнь в легендах обрести?

Кто виноват, что не ушли в подполье
в печальном приснопамятном году,
что, зубы стиснув, не перемололи,
как наша Русь, железную орду?

Кто виноват, что в грустных униженьях
как тяжкий сон тянулись времена,
что на изобретеньях и прозреньях
тьнь первородной слабости видна?

И нас без вас и вас без нас убудет,
но, отвергая всех сомнений рать,
я так скажу: что быть должно — да будет! —
вам есть где жить, а нам — где умирать...

Белозубый араб восемнадцати лет,
смуглый отпрыск великих племен,
партизан и бродяга, изгой и поэт,
стал глашатаем новых времен.

Но политика — древнее дело мужчин,
а не юношей, вот почему

в силу этой и нескольких прочих причин
пулю в спину всадили ему.

Он работал связным и по древней тропе
мимо Мертвого моря спешил,
где когда-то Христос в Галилейской стране
легендарное чудо свершил.

Там, где огненной лавою в души лилась
речь о непротивлении злу,
вновь на камне горячая кровь запеклась,
и огонь превратился в золу.

Над кустом тамариска колышется зной,
но, убийца, умерь торжество:
если юноша принят родимой землей —
то изгнания нет для него!

4

Когда о мировом господстве
взревнует молодой народ,
за темный бред о превосходстве
ему расплата настает.

Чем платит? — юностью и кровью
за угождение страстям,
за то, что силе и здоровью
дан ход по варварским путям.

Но если дряхлое колено
закусит те же удила —
тьень вырождения и тлена
ложится на его дела.

Так в судорожном раже старость,
своим бессильем тяготясь,
впадает в немощную ярость,
столь не похожую на страсть.

5

Не в родных партизанских лесах,
а среди аравийских просторов
я увидел в миндальных глазах
гнев, который понятен и дорог.

Палестинка, глазницы твои —
воспаленные два полукружья,
у тебя ни угла, ни семьи
и ладони темны от оружия.

Чтоб сжимать автоматную сталь
в нежных пальцах — не женское дело!
Но глядишь ты в пустынную даль
чуть с прищуром, как в прорезь прицела.

Я без слов понимаю твой пыл,
потому что в военные годы
я ведь тоже изгнанником был
и, как ты, знаю цену свободы.

6

То время туманом покрыто,
когда на песок золотой
взошла босиком Афродита,
рожденная в пене морской.

А море шумит, как шумело,
но волны на берег несут
не чье-то прекрасное тело,
а доски, бутылки, мазут.

Шуршат под ногами газеты,
струится обеденный чад,
в гигантских отелях клозеты
на всем побережье урчат.

Где некогда влажные косы
в горсти отжимала она, —

щенок разгребают отбросы...
Но все же бормочет волна,

что час неизбежный настанет
и, сам своей мощи не рад,
наш род человеческий устанет
творить комфортабельный смрад.

Иссякнут последние недра,
вся нефть испарится до дна,
и будет последняя жертва
природою принесена...

Вновь на берег выйдет богиня,
но мир, погрузясь в забвенье,
не вспомнит ни древнее имя,
ни тайну рожденья ее.

7

ДАМАСК

Побродил по нашему столетию,
поглядел в иные времена...
Голуби над золотой мечетью
в синем небе чертят письма.

То с горчинкой, то неожиданно сладок
ветер из полуденных песков.
Я люблю восточный беспорядок,
запахи жаровен и цветов.

Шум толпы... Торговля... Перебранка...
Но среди базарной суеты
волоокая аравитянка
вывернула грудь из-под чадры.

Грудь ее смугла и совершенна,
и, уткнувшись ртом в родную тьму,
человек застонал блаженно,
присосался к счастью своему.

Может быть, когда-нибудь без страха
он, упрямо сжав семитский рот,
с именем отчизны и Аллаха,
как пророк, под пулями умрет.

Может быть, измученным собратьям
он укажет к возрожденью путь...
Спит детеныш, в слабые объятия
заклучив коричневую грудь.

8

То угнетатели, то жертвы...
Чем объяснить и как понять,
что снова мировые ветры
их заставляют повторять
путь возвращения по кругу,
путь переформировки сил?..
Но кто к душевному недугу
их беспощадно присудил?
Сердца людей не приневолишь,
стезя затеряна в пыли...
А нужно было-то всего лишь
обжить родной клочок земли,
чтоб стал он кладбищем и домом,
чтоб был издревле защищен
не атомом и не «фантомом»,
а словом, плугом и плечом,
чтобы не тягостные мифы,
а гул работы и борьбы
да тяжкий шепот хлебной нивы
рождали музыку судьбы.

9

В садах голубого Туниса
был воздух душистым от роз,
от тонкого духа аниса,
от шелеста желтых мимоз.

Броди да вдыхай ароматы...
Но, зная задачи свои,

как роботы или солдаты,
по тропам ползли муравьи.

И каждый тащил в муравейник
то стройматерьялы, то снесь,
и каждый прохвост и бездельник
тотчас обрекался на смерть.

Чтоб не было горьких неравенств,
работали все, как один,
оставив тщеславье и зависть
разумным собратьям своим...

А может быть, нету лекарства
надежней от наших страстей,
чем путь муравьиного братства,
единство его челюстей.

Не зря муравьи пережили
всех вымерших чудищ земли,
и лапок своих не сложили,
и нравы свои соблюли.

Порывистый ветер пустыни
нет-нет да приносит ко мне
дыханье холмов Палестины,
плывущих в крови и в огне.

10

Два сына двух древних народов
такой завели разговор
о дикости древних походов,
что вспыхнул меж ними раздор.

Сначала я слышал упреки,
в которых, как корни во мгле,
едва шевелились истоки
извечного зла на земле.

Но мягкие интеллигенты
воззвали, как духов из тьмы,

такие дела и легенды,
что враз помутились умы.

Как будто овечью отару
один у другого угнал,
как будто к резне и пожару
вот-вот и раздастся сигнал.

Куда там! Не то что любовью
дышали разверстые рты,
а ржавым железом, и кровью,
и яростью до хрипоты.

Что было здесь правдой? Что ложью?
Уже не понять никому.
Но некая истина дрожью
прошла по лицу моему.

Я вспомнил про русскую долю,
которая мне суждена, —
смирять озверевшую волю,
коль кровопролитна она.

Очнитесь! Я старую рану
не стану при всех растравлять,
и как ни печально, — не стану
свой счет никому предъявлять.

Мы павших своих не считали,
мы кровную месть не блюли
и только поэтому стали
последней надеждой земли.

(1974–1978)

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Передайте об этом детям вашим. История Холокоста в Европе. 1933–1945. М., 2000.

Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX вв. СПб., София. 1993.

Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы международной Тегеранской конференции. 11–12 декабря 2006 года. М., 2007.

Сионизм – правда и вымыслы. Под общей редакцией Е. Евсеева. М., 1983.

Эдуард Ходос. Между Спасителем и Антихристом. Харьков. 2005.

Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Составители Альфред Кох, Павел Полян. М., 2008.

В. Кожин. Великое творчество. Великая Победа. М., 1994.

Американский кабинет Иосифа Бродского. Издательство Farrar, Straus and Giroux. 2006.

Норман Д. Финкельштейн. Индустрия Холокоста. М., «Русский вестник», 2002.

Ст. Куняев. Шляхта и мы. М., «Наш современник», 2005.

В. Ерашов. Коридоры смерти. М., 1990.

Юрген Граф. Крах Мирового порядка. М., 2008.

Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». М., 1998.

Ицхак Арад. Холокост. Яд Ва-Шем. Иерусалим. 1990.

Юрий Мухин. Евреям о расизме. М., 1990; 2000.

Йохен фон Лонг. Протоколы Эйхмана. М., 2002.

Сигизмунд Мироник. Сталинский порядок. М., 2007.

Г. В. Костырченко. Тайная политика Сталина. Власть и Антисемитизм. М., 2001.

Россия и евреи. М., 2007.

В. Бегун. Вторжение без оружия. М., 1977.

Тора и духовное возрождение. Тель-Авив, 1980.

Д. Волкогонов. Триумф и Трагедия. М, 1989.

Ханна Арендт. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.

Русские Амазонки. М., 1990.

Библия.

Роже Гароди. Основополагающие мифы израильской политики. «Наш современник», 1997, № 1—4.

Л. Медведко, С. Медведко. Восток — дело близкое. Иерусалим — святое. М., 2009.

Томас Манн. Письма. М., 1975.

С. Баландин. Основы научного антисемитизма. М., 2009.

А. Вергелис. 16 стран, считая Монако. М., 1979.

Василий Гроссман. Треблинский ад. М., 1945.

Лев Копелев. О правде и терпимости. Нью-Йорк, 1982.

Василий Гроссман. За правое дело. Ростов-на-Дону, 1989.

Арсен Мартиросян. Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? М., 2007.

Военно-исторический журнал. 1990, № 1—12.

В. Крючков. Личное дело. М., 1997.

Х. Кардель. Адольф Гитлер — основатель Израиля. М., «Русский вестник», 2004.

Ахадъ Хамъ. Тайный вождь иудейский. Берлин, 1922.

Рихард Вагнер. Еврейство в музыке, издание Грозмана. СПб., 1908.

Владимир (Зеев) Жаботинский. Избранное. Библиотека-Алия. Израиль. 1978,

Альфред Розенберг. Миф XX века. Таллин, 1998.

В. Шульгин. Что нам в них не нравится. СПб., 1992.

А. К. Крьленко. Денежная держава. М., 2002.

А. Симанович. Распутин и еврей, Рига. 1990.

Фридрих Ницше. Антихрист. СПб., 1907.

Отто Вейнинггер. Пол и характер. СПб., 1906.

Энциклопедия «Холокост». М., 2005.

Шломо Занд. Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2010.

А. Солженицын. Двести лет вместе. М., 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
I. Брызги шампанского	7
II. Клиника имени Матвиенко	12
III. Перчатка Ахмадинежада	35
IV. Холокост и голодомор в одном флаконе	48
V. Уши Амана	69
VI. По заветам Иисуса Навина	85
VII. От Розенберга до Валленберга	100
VIII. Пастухи и овцы	117
IX. Фильмы и мифы	136
X. Холокост и Христианство	164
XI. Одиночество православного еврея	176
XII. «Ваши пророки — наши пророки»...	190
XIII. С больной головы на здоровую	197
XIV. Борис Ельцин с маленькой буквы	203
XV. Бедный Бадри...	221
XVI. Косматые сердца	246
XVII. Холокост для русских	330
XVIII. Эпилог	360
Список основных источников	381

Станислав Юрьевич Куняев
ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА
Кровавые язвы мировой истории

*Редактор Т.И. Маршкова, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Издат»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 09.05.11. Подписано в печать 28.05.11.

Формат 84x108 1/32. Бумага тип.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Тираж 2000 экз.

Заказ № 5074.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Понятие «холокост»

(всесожжение) родилось несколько тысячелетий тому назад на Ближнем Востоке во времена человеческих жертвоприношений, а новую жизнь оно обрело в 60-х годах прошлого века для укрепления идеологии сионизма и государства Израиль... С той поры о холокосте сочинено бесконечное количество мифов, написаны сотни книг, созданы десятки кинофильмов и даже мюзиклов, организовано по всему миру множество музеев и фондов.

Трагедия европейского еврейства легла не только в основу циничной и мощной индустрии холокоста, но и его расисткой антихристианской религии, без которой ее жрецы не мыслят строительства зловещего «нового мирового порядка».

История холокоста неразрывно связана с мощнейшими политическими движениями нового времени – марксизмом, сионизмом, национал-социализмом и современной демократией. Обо всей этой апокалиптической драме рассказывает новая книга Станислава Куняева.